

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

4

ИЮЛЬ-АВГУСТ

"НАУКА"

МОСКВА - 1998

Я. Г. Тестелец (Москва). Георгий Андреевич Климов: отрывок из Введения в картвелистику.....	4
Г.А. Климов. Фрагмент из неоконченной монографии "Очерк сравнительной грамматики картвельских языков" (из раздела "Фонетика")	5
М.Е. Алексеев (Москва). Вопросы общего и кавказского языкознания в трудах Г.А. Климова.....	13
М.Алинеи (Флоренция). Г.А. Климов в Лингвистическом атласе Европы.....	27
Т.В. Гамкрелидзе (Тбилиси). Праязыковая реконструкция и предпосылки сравнительно-генетического языкознания.....	29
Я.Г. Тестелец, С.Ю. Толдова (Москва). Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива.....	35
Г.Х. Ибрагимов (Махачкала). Категория аспекта в дагестанских языках (к постановке проблемы).....	58
М.Ш. Халилов (Махачкала). Хронологическая стратификация грузинских лексических элементов в дагестанских языках	69
Е.Ю. Калининна (Москва). Разграничение финитных и нефинитных форм глагола в типологическом аспекте	82
К.И. Казенин (Москва). Определения в цахурском языке и синтаксические ограничения на глубину	111
Д. Буяннер (Израиль). О средневековом кавказском топониме <i>Варсан</i> и его предварительной локализации.....	124
В. Чирикба (Нидерланды/Абхазия). К вопросу об абхазских заимствованиях в мегрельском языке	128
В.Г. Гак, Н.З. Донадзе (Москва). Названия зятя по материалам Лингвистического атласа Европы	143
М.М. Маковский (Москва). Метаморфозы слова (Табуирующие маркеры в индоевропейских языках)	151
Г.Ф. Благова (Москва). К характеристике типов раннетюркских антропонимов	180

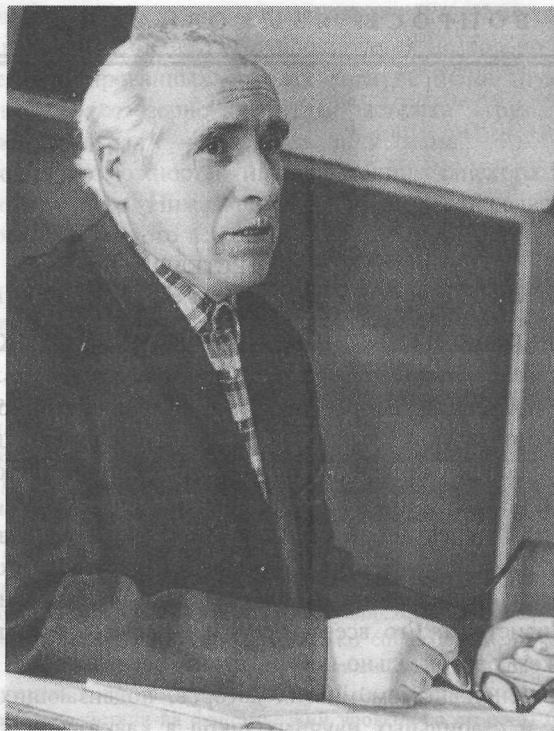
РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Ю.Д. Апресян, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, В.З. Демьянков, М.В. Живов,
 А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик,
 М.М. Маковский (отв. секретарь), Т.М. Николаева (зам. главного редактора),
 Ю.В. Откупщиков, В.В. Петров, В.М. Солнцев,
 О.Н. Трубачев (главный редактор), А.М. Щербак

Зав. отделами М.М. Маковский, Г.В. Строкова
 Зав. редакцией Н.В. Ганнус

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2
 Институт русского языка, редакция журнала "Вопросы языкознания"
 Тел. 201-74-42

ГЕОРГИЙ АНДРЕЕВИЧ КЛИМОВ

(12 сентября 1928 г. – 29 апреля 1997 г.)

Георгий Андреевич Климов останется в нашей памяти как человек широкой эрудиции, исключительной работоспособности и пунктуальности. О редкой в наши дни бескорыстной готовности Георгия Андреевича помочь, отнимавшей у него столько времени и сил, ходили легенды еще при его жизни... Его глубокое чувство ответственности, высокий профессионализм и внимание не только к глобальным и фундаментальным проблемам науки, но и к незаметным, на первый взгляд, "мелочам" помогли коллегам обрести уверенность в успехе любого начинания, в котором он принимал участие.

© 1998 г. Я.Г. ТЕСТЕЛЕЦ

**ГЕОРГИЙ АНДРЕЕВИЧ КЛИМОВ:
ОТРЫВОК ИЗ ВВЕДЕНИЯ В КАРТВЕЛИСТИКУ**

Последняя монографическая работа Георгия Андреевича Климова "Очерк сравнительной грамматики картвельских языков" осталась, к сожалению, не законченной. Ее рукопись представляет собой ряд черновых набросков, которые автору не суждено было соединить в единое целое.

Замысел и цель этой книги достаточно понятны. Ее автор всегда был не только исследователем, но и преподавателем, и научным руководителем, хорошо знакомым с трудностями подготовки специалистов в области кавказоведения и в особенности — кавказской компаративистики. Его всегда тревожило несоответствие между высоким, казалось бы, престижем сравнительно-исторических исследований среди кавказоведов и очевидным непрофессионализмом многих авторов, подвизающихся в этой области, отсутствие серьезных и стабильных научных школ в кавказской компаративистике и современной учебной литературы по сравнительному методу, опирающейся на кавказский материал. Обобщающие работы и вводные курсы Г.А. Климова "Кавказские языки" (1965 г.; нем. пер. 1969 г.), "Фонема и морфема" (1967 г.), "Вопросы методики сравнительно-генетических исследований" (1971 г.), "Введение в кавказское языкознание" (1986 г.; нем. пер. 1994 г.), "Основы лингвистической компаративистики" (1990 г.) заполнили серьезные пробелы в учебной литературе и во многом отразили личную позицию автора и результаты его исследований.

Последняя книга должна была представлять собой введение в главную область научных интересов Г.А. Климова — сравнительно-историческую грамматику картвельских языков, научную дисциплину, разработанную в основном в 1950-е — 1960-е годы трудами нескольких выдающихся компаративистов. Сразу же отметим, что это была бы первая работа такого рода в богатой и разнообразной литературе по картвелистике. Она могла бы стать одновременно и научным исследованием, и незаменимым справочником, и учебником для студентов и аспирантов-кавказоведов.

Сравнительно цельный и законченный отрывок из книги, который приводится ниже, посвящен в основном проблеме так называемого "занского передвижения гласных" — перехода пракартвельских гласных $*a \rightarrow o$ и $*e \rightarrow a$ в двух близкородственных картвельских языках — мегрельском и лазском. Принятая сейчас в картвелистике трактовка этого явления была в свое время выдвинута Г.А. Климовым и Г. Мачавариани (см. *Климов Г.А., Мачавариани Г.И.* Рефлексы общекартвельского $*a$ в занском языке // *Studia Caucasica*. II. The Hague, 1966). Поскольку этот переход позиционно ограничен (то есть не происходил, например, в ауслауте именной синтагмы), Г.А. Климов всесторонне рассматривает условия, при которых он не имел места; помимо традиционной аргументации в пользу одного из важнейших тезисов сравнительной грамматики картвельских языков, он приводит и новые доказательства, ранее не встречавшиеся в литературе (анализ текстовых употреблений лексем, данные словосложений, заимствований) и объясняет всю совокупность наблюдаемых фактов, вводя понятие "ритмико-

интонационного комплекса”. К данным, приводимым Г.А. Климовым, можно добавить еще, что “занское передвижение” $*a > o$ блокируется не только в перечисленных им случаях, но и в редуцированных основах вида $*C_1aC_1a$: груз., лаз. *қақа* “зерно”, “ядро (плода)” — мегр. *қақа* “зерно”, “круглая застежка”; груз., лаз. *рара* “молочная каша”; груз. *пана* “колыбельная” — мегр., лаз. *пана* “мама”.

Исследование новых возможностей интерпретации “занского передвижения” представляет собой дело будущего. Ниже вниманию читателя предлагается фрагмент классической теории пракартвельского вокализма.

— Георгий Андреевич Климов работал над монографией “Очерк сравнительной грамматики картвельских языков” многие годы, постоянно дорабатывая ее и по многу раз переписывая от руки те или иные разделы (компьютер он начал использовать сравнительно недавно, в основном как пишущую машинку для оформления готового текста). Монография осталась в виде рукописного черновика, в котором часть фрагментов представлена разновременными вариантами.

Этим объясняется различное оформление отсылочного аппарата в публикуемом отрывке (в виде то подстрочного примечания, то принятых ныне отсылок в тексте, отмеченных квадратными скобками) и наличие пропусков, которые автор предполагал заполнить позднее, во многих случаях — формулировкой или языковым материалом из более раннего рукописного же варианта данного параграфа. Часть пробелов в данном фрагменте удалось заполнить именно таким путем.

Настоящий фрагмент был выбран для публикации в журнале “Вопросы языкознания” не случайно: он может представить не только специальный, но и методический интерес, поскольку, кроме историко-фонетического анализа конкретного материала, содержит попытку проследить в фонетических “законах” (и в “закономерных исключениях” из них) следы былого воздействия на фонетический уровень со стороны более “высоких” уровней языка, в частности, — влияние некоторых элементов морфологии и семантики определенных лексем. Приведенный в отрывке статистический материал — результат тщательных подсчетов по текстам, сделанных самим Георгием Андреевичем.

Фрагмент монографии подготовлен к печати Д.И. Эдельман, библиографический список работ, упомянутых в публикации, составил Я.Г. Тестелец, компьютерное оформление осуществила О.Г. Климова.

© 1998 г. Г.А. КЛИМОВ

ФРАГМЕНТ ИЗ НЕОКОНЧЕННОЙ МОНОГРАФИИ “ОЧЕРК СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ КАРТВЕЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ”

(из раздела “Фонетика”)

История фонетических систем картвельских языков составляет один из наиболее разработанных разделов их сравнительной грамматики. Ей посвящен как ряд монографических исследований, так и множество статей¹. Естественно, что наиболее заметны результаты изучения динамики парадигматики фонем, хотя немало сделано и в плане исследования истории их синтагматики.

¹ Ср. А.С. Чикобава. Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта с текстами. Тбилиси, 1936 (на груз. яз.): 13–42; С. Жгенти. Основные вопросы фонетики сванского языка. Тбилиси, 1949 (на груз. яз.); Г. Рогава. Основные вопросы сравнительно-исторического изучения фонетики картвельских языков. // ИКЯ, IV, 1953 (на груз. яз.): 35–51; Г. Рогава. Вопросы исторической фонетики картвельских языков. I. Некоторые вопросы истории гласных в картвельских языках. Тбилиси, 1962 (на груз. яз.); Т. Гамкрелидзе. Сибилянты: соотношение и некоторые вопросы древнейшей структуры картвельских языков. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.); Г. Мачавариани. Общекартвельская консонантная система. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.); Т. Гамкрелидзе, Г. Мачавариани. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965 (на груз. и русск. яз.); В. Топурица. Труды. III. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.); С. Жгенти. Фонетика чанско-мегрельского языка. Тбилиси, 1953 (на груз. яз.).

Фактологической базой реконструкции фонологической системы позднего общекартвельского состояния служит довольно полно выявленная схема звукосоответствий между современными картвельскими языками. Несмотря на некоторые неясности, остающиеся преимущественно в исследовании сванских рефлексов общекартвельских фонем, эта схема рисуется в настоящее время достаточно отчетливым образом как в аспекте вокализма, так и в аспекте консонантизма. Если одну группу межъязыковых фонологических соответствий следует рассматривать как спонтанные, то другую — как комбинаторные (последние связаны главным образом с сонантами и гласными).

В последующем изложении рассматриваются три категории звукосоответствий, отражающих исторические изменения в области трех классов фонем — гласных, сонантов и согласных, каждый из которых характеризуется своими специфическими особенностями.

ВОКАЛИЗМ

Основная схема вокалических звукосоответствий между картвельскими языками может быть передана следующей таблицей, фиксирующей также реконструируемые прототипы фонем.

Груз.	Занск.	Сван.
<i>a</i>	<i>o</i>	<i>a</i>
<i>e</i>	<i>a</i>	<i>e</i>
<i>i</i>	<i>i</i>	<i>i</i>
<i>o</i>	<i>o</i>	<i>o</i>
<i>u</i>	<i>u</i>	<i>u</i>

Примеры

Груз. *a* ~ занск. *o* ~ сван. *a*: груз. *-a* ~ занск. *-o* ~ сван. *-a* приглагольная вопросительная энклитика; груз. *asuli* ~ занск. *osuri* ~ сван. *hasuš* 'дочь'; груз. *vaci* ~ занск. *oči* ~ сван. *γwaš* 'баран'; груз. *txar-* ~ занск. *txor-* ~ сван. *štxar-* 'копать, рыть'; груз. *cxra* ~ занск. *čxoro* ~ сван. *čxara* 'девять'.

Груз. *e* ~ занск. *a* ~ сван. *e*: груз. *ber-* ~ занск. *bar-* ~ сван. *bēl-* 'дуть'; груз. *maržven-* ~ занск. *marzgvan-* ~ сван. *mursgwen-* 'правый'; груз. *mčeri* ~ занск. *mčazi* ~ сван. *mēr* 'муха, насекомое'; груз. *mesame* ~ занск. *masuma* ~ сван. *mēsme* 'третий'; груз. *kvet-* ~ занск. *kvat-* ~ сван. *kwešd-* 'рубить, резать'.

Груз. *i* ~ занск. *i* ~ сван. *i*: груз. *i-* ~ занск. *i-* ~ сван. *i-* префикс субъектной версии; груз. *piri* ~ занск. *piži* ~ сван. *pil* 'край' <пропуск в рукописи. — Д.Э.>; груз. *ṭili* ~ занск. *ṭi* ~ сван. *ṭiš* 'вошь'; груз. *švidi* ~ занск. *škviti* ~ сван. *išgwid* 'семь'; груз. *sixli* ~ занск. *zixiri* ~ сван. *zixš* 'кровь'; груз. *size* ~ занск. *si(n)za* ~ сван. *čiže* 'зять'.

Груз. *o* ~ занск. *o* ~ сван. *o*: груз. *otxi* ~ занск. *otxo* ~ сван. *woštxw* 'четыре'; груз. *opora* ~ занск. *opor* ~ сван. *opora* 'удод'; груз. *loḳ-* ~ занск. *lo(t)ḳ-* ~ сван. *loḳ-* 'лизать'.

Груз. *u* ~ занск. *u* ~ сван. *u*: груз. *asuli* ~ занск. *osuri* ~ сван. *hasuš* 'дочь'; груз. *puri* ~ занск. *piži* ~ сван. *pür* 'корова'; груз. *uḡeli* ~ занск. *uḡu* ~ сван. *uḡwa* 'ярмо'; груз. *guli* ~ занск. *guri* ~ сван. *gu-* 'сердце'.

Таким образом, в сфере вокализма принципиальные расхождения в плане рефлексии протофоном минимальны (если оставить в стороне дискутируемый вопрос о долгих гласных) и затрагивают по существу лишь две гласных — *a и *e. Их характерные рефлексии в виде *o* и *a* и составляют сущность так называемого занского передвижения гласных. Вместе с тем, наличный материал картвельских языков не дает каких-либо оснований для принятия декларировавшегося в свое время Н.Я. Марром звукосоответствия груз. *i* ~ зан. *e*.

Представленную здесь довольно простую картину звукосоответствий в области гласных несколько затемняют, с одной стороны, различные позиционные изменения фонем, столь характерные для агглютинативных языков вообще, а с другой — аблаутные альтернации гласных, восходящие к общекартвельскому состоянию.

Из комбинаторно обусловленных рефлексов общекартвельских вокалических фонем наиболее заметное место принадлежит соотношению идентичности грузинских и занских гласных *a* и *e*, наблюдающемуся в исходе имен существительных.

ЗАНСКОЕ ПЕРЕДВИЖЕНИЕ ГЛАСНЫХ

На широком лексическом и аффиксальном материале в картвелистике установлены формулы фонетического соотношения груз. (и сван.) *a* ~ зан. *o*, с одной стороны, и груз. (и сван.) *e* ~ зан. *a*, с другой: ср. а) груз. *katam-* ~ зан. *kotom-* 'курица', груз. *asul-* 'дочь' ~ зан. *osur-* 'женщина', груз. *sxra-* ~ зан. *čxoro-* 'девять', груз. *txar-* ~ зан. *txor-* 'копать' и др.; б) груз. *ert-* ~ зан. *art-* 'один', груз. *čvel-* 'доить' ~ зан. *čval-*, груз. *cer-* ~ зан. *čar-* 'писать', груз. *tkver-* ~ зан. *tkvar-* 'разгрызать (орех)' и др.

Обе эти закономерности были выявлены еще на раннем этапе изучения картвельских языков и к настоящему времени им посвящена большая литература (ср. [Brosset 1849: 72–77; Цагарели 1880: 84—пропуск в рукописи. — Д.Э.]; Мapp 1912: 1094–1096; Чикобава 1938: 17–18; Жгенти 1949: <пропуск в рукописи. — Д.Э.>] и др.). В специальной литературе принято считать, что в обоих случаях исходный вокализм сохраняется в грузинском (в противоположность занским языкам, в которых происходит сдвиг артикуляции назад) и предложены опыты соответствующего обоснования (ср. [Vogt 1938: 333; Климов 1960: 28]). В течение длительного времени эти соотношения рассматривались в качестве спонтанных звукосоответствий, хотя и было достаточно очевидно, что они не относятся к категории систематических сдвигов фонем, сохраняющих фонологическое равновесие системы в целом, и налицо значительное число исключений.

Так, в грузинско-занском материале основное отклонение сводится к соотношению идентичности груз. *a* ~ занск. *a*, отмечаемому в частности в работе [Чикобава 1938: 4]. Ср.

груз. *baga-* ~ занск. *boga* 'ясли, пол хлева'

груз. *burɟa-* ~ занск. *burɟa* 'оперение, пух'

груз. *gza-* ~ занск. *gza-* 'дорога, путь'

груз. *da-* ~ занск. *da-* 'сестра'

груз. *deda-* ~ занск. *dida-* 'мать'

груз. *diɟa-* ~ лазск. *diɟa-* 'пшеница'

груз. *ena-* ~ занск. *nina-* 'язык'

груз. *zɟva-* ~ мегр. *zɟva-* 'море'

груз. *tma-* ~ занск. *toma-*, *tuma-* 'волосы'

груз. *txa-* ~ занск. *txa-* 'коза'

груз. *tama-* ~ занск. *tuma-* 'отец'

груз. *ɟba-* ~ мегр. *ɟoba-* 'озеро'

груз. *ɟuta-* ~ занск. *ɟuta-* 'зола'

груз. *pɟa-* ~ занск. *(m)ɟa-* 'кость рыбы'

груз. *kva-* ~ лазск. *kva-* 'камень'

груз. *qana-* ~ занск. *qona-* 'нива'

груз. *šeša-* ~ занск. *diška-* 'дрова'

груз. *zma-* ~ мегр. *žiɟma-* 'брат'

груз. *ca-* ~ занск. *ca-* 'небо'

груз. *xma-* ~ мегр. *xuma-* 'голос'

груз. *a* ~ мегр. *a*- аффикс масдара

груз. *-da* ~ мегр. *-da* приглагольная энклитика условного значения

груз. *-da* ~ мегр. *-da* алломорфа показателя направительного падежа

Из приводимого материала следует, что соотношение идентичности гласного *a* связано лишь с абсолютным исходом слова: оно налицо в абсолютном ауслaute именной основы или именного аффикса, а также в абсолютном конце приглагольной энклитики условного значения (ср. мегр. *mutuni kimšažən-da dus...* 'если у него ничего нет в голове', *egeb robus elazun-da...* 'если он, возможно, лежит в овраге...'). Выполненное частотное исследование обнаруживает достаточно строгую выдержанность этого соотношения. Например, выявляется преимущественно субстантивное, а не атрибутивное, употребление лексемы *ḡva* 'другой' в мегрельском (в лазском она почти вытеснена): в одном из обследованных в этом отношении текстов (см. [Кипшидзе 1914: 1–188]) соотношение случаев ее субстантивного и атрибутивного употребления составило 56 : 23, во втором (см. [Беридзе 1920: 51–202]) — 44 : 15, в третьем (см. [Хубуа 1937: 1–361]) — 61 : 43.

Вместе с тем преимущественно субстантивное, подобно грузинскому и сванскому языкам, употребление лексемы *ṭoba* 'озеро, глубокий' в лазском позволяет считать вторичным факт преобладающего атрибутивного использования этого слова в мегрельском, где оно соответственно имеет вид *ṭobo*-.

Напротив, соотношение груз. *a* ~ занск. *o* наблюдается в анлауте и инлауте любых (именных, глагольных и др.) лексем и только в определенных случаях абсолютного ауслauta слова. Последние случаи представлены словами атрибутивного характера. Ср., например, груз. *rva* ~ мегр. *ruo*, лаз. *orvo* 'восемь', груз. *cxra* ~ занск. *ḡxoro* 'девять', сочинительный союз груз. *da* ~ занск. *do* 'и', а также глагольные суффиксы груз. *-a* ~ занск. *o* (приглагольная вопросительная энклитика 'ли?'), груз. *-a* ~ занск. *o > u* (аффикс субъекта 3-го лица ед. числа во временах прошедшей серии).

Обращает на себя внимание характерный параллелизм между дистрибуцией рефлексов **a* в обоих занских языках, с одной стороны, и их преобладающим по частоте случаев местом в ритмико-интонационных комплексах. Во всех лексемах и аффиксах, употребляемых обычно проклитически, и, следовательно, с ровной и повышенной интонацией, здесь имеет место переход **a > o*: сюда относятся все анлаутные и инлаутные **a*, а также отдельно взятые ауслautные **a*, однако обычно оказывающиеся в ритмико-интонационном комплексе инлаутными. Достаточно очевидно, что **a* абсолютного ауслauta атрибутивных слов, предшествуя определяемому интонационно, обычно выступают в инлаутной позиции. Ср., например, мегр. *ruo-da* 'восемь сестер', *ḡxoro-žima* 'девять братьев'. По существу в аналогичной позиции неизменно выступает и **a* в мегрельско-лазском сочинительном союзе *do* 'и': ср., например, мегр. *da-do-žima* 'сестра и брат', *eḡ-do-sumi* 'двадцать три' и т.п. Насколько тесным является интонационное единство подобных словосочетаний в занских языках, свидетельствует свойственная им групповая флексия: ср. мегр. *da-do-žimaši* 'сестры и брата' (родит. пад.), *sumi-dya-do-sumi sers* 'три дня и три ночи' (дат. пад.), а также их преобразование в такие композиты, какими являются здесь числительные второго десятка: ср. мегр. *vitārti* < *vit-do-arti* 'одиннадцать', *vitožiri* < *vit-do-žiri* 'двенадцать' и т.д. То же самое следует очевидно сказать об **a* в составе мегрельско-лазского аффикса 3-го лица субъекта в прошедших временах *-o* // *-u*, чаще оказывающегося внутри единого ритмико-интонационного комплекса. Наконец, приглагольная вопросительная энклитика *-o?* 'ли?' в занских языках хотя и находится как правило в исходе такого комплекса, сама по себе несет качество интонированной частицы: ср. мегр. *ma demitaḡlenk-o?* 'ты меня оставляешь?', *margaluri va giḡkun-o?* 'мегрельского языка не знаешь?', *kobali va iḡunap-o?* 'хлеба не имеют?' и т.п.

Если объединить все случаи сдвига **a > o* в занских языках как проявление интонационно сильной позиции, то, напротив, все случаи идентичности *a* в грузинском,

мегрельском и лазском оказываются ограниченными его слабой позицией в исходе ритмико-интонационного единства: естественно, что в ней выступает ауслатное *a* субстантивов и именных аффиксов с интонационной точки зрения чаще других основ и аффиксов употребляющихся в синтагме энклитически, а также ауслатное **a* энклитического союза *-da* условного значения, употребляющегося обычно перед интонационной паузой.

Таким образом, естественно придти к выводу, что двоякое отражение **a* в занских языках в зависимости от его позиции в ритмико-интонационном комплексе в конечном счете может быть сведено к его преобладающей по частотности позиции в составе лексем в синтагме или предложении в целом. Подобное, по крайней мере, условное соотношение, наблюдающееся в предложении между ритмико-интонационными комплексами и отдельными синтагмами, хорошо известно во многих языках мира и широко отражено в специальной литературе. Обусловленность же в конечном счете обычной интонационной позиции лексемы ее преобладающим местом в синтагме позволяет отнести рассматриваемую здесь закономерность к явлениям так называемой синтаксической фонологии (*phonétique syntactique*, *Satzphonetik*...) или сандхи.

Реконструируемое здесь правило отражения древнего **a* не знает, по-видимому, исключений и поэтому отличается высокой степенью общности. Оно делает еще менее убедительным старое мнение Н.Я. Марра, склонявшегося к признанию многих лексем, обнаруживающих в грузинском, мегрельском и лазском идентичный гласный исход, за заимствования (ср. [Чарая 1912: 34]), не говоря уже о том, что в целом ряде случаев в таких лексемах можно видеть как закономерные фонетические соотношения в консонантном составе, так и наличие характерного соотношения грузинского неполногласия и занского полногласия. Вместе с тем следует сказать, что имеющийся материал не поддерживает и предположение В. Полака, считавшего, что случаи идентичности в огласовке грузинских и занских лексем возникают на почве допускаявшейся им различной нейтрализации исконных количественных противопоставлений гласных по схеме $*\bar{a} > a$ и $*a > a$ в грузинском и $*\bar{a} > o$ и $*a > a$ в занских языках (ср. [Polák 1955: 80–81]). Тем более не приходится искать объяснения различия отражения исконного **a* в грузинско-занской ветви в артикуляционных привычках субстрата неопределенного характера, иногда предполагавшегося для занского ареала.

Если методика дистрибутивного анализа занского материала обнаруживает позиционную основу различного отражения **a* в занских языках, фонетический сдвиг $*a > o$ приходится здесь признать не так называемым спонтанным, а комбинаторно обусловленным явлением. Приходится принять, следовательно, что в отражении общекартвельского **a* в картвельских языках наблюдается и соотношение идентичности *a*, которое находит свое место в системе закономерных звукосоответствий между этими языками.

Рассмотренная закономерность рефлексов **a* в занских языках способствует, на наш взгляд, освещению некоторых других дискуссионных вопросов истории картвельских языков. Так, в частности, наличие соотношения груз. *a* ~ занск. *o* в морфеме целевого падежа груз. *-is-ad* // занск. *-iš-o(t)* можно объяснить тем, что **a* в ее составе находилось не в ауслатной позиции, а перед консонантом *d*, т.е. здесь имеем $*-ad > -o(t)$. То же самое относится и к соотношению вопросительного местоимения груз. *sad* ~ занск. *so(d)* 'где, куда', восходящего к этимологическому **sad*. Отсутствие соотношения груз. *a* ~ занск. *o* в инлаутной позиции груз. *znadi* 'дядя' и *dadi* 'тетя' при мегр. *žimadi* и *dadi* подтверждает старое предположение, согласно которому обе основы по своему происхождению являются композитами, состоящими из $*z_1ma-$ 'брат' resp. $*da-$ 'сестра', с одной стороны, и *did-* 'большой, старший', с другой [см. Чарая 1912: 19]. Рассмотренная закономерность дает возможность объяснить и некоторые другие факты истории картвельских языков, в частности, характер ударения на грузинско-занском хронологическом уровне; к сходным выводам приходит, например, работа [Жгенти 1962:

159–163], а также особенности истории имени прилагательного в картвельских языках (см. ниже в главе “Морфология”).

В принципе к выводу аналогичного порядка приводит и рассмотрение на грузинско-занском материале рефлексов общекартвельского *e. Достаточно очевидно, что именно в анлаутной и инлаутной позиции слова имеет место сдвиг *e > *a*: ср.... <В основной рукописи монографии оставлено место для примеров. Нижеследующий столбец примеров взят из другого варианта рукописи. — Д.Э.>:

- груз. *ber-* ‘дуть’ ~ мегр., лаз. *bar-* то же
- груз. *bertq-* ‘выколачивать’ ~ мегр. *bartq-* то же
- груз. *ten-* ‘светить’ ~ мегр., лаз. *tan-* то же
- груз. *meseri* < > ~ мегр. *masari* то же
- груз. *meçveli* ‘дойная’ ~ мегр. *maçvali* то же
- груз. *mçeri* ‘муха’ ~ лаз. *mçaži* то же
- груз. *nergi* ‘саженец’ ~ мегр. *nargi* то же
- груз. *peri* ‘пена’ ~ мегр. *panži* ‘яд’
- груз. *saxli* ‘дом’ ~ мегр., лаз. *oxori* то же
- груз. *sxlet-* ‘скользить’ ~ мегр. *cxilať-* то же
- груз. *řex-* ‘ломать’ ~ мегр., лаз. *řax-* то же
- груз. *peřvi* ‘просо’ ~ мегр., лаз. *paři* то же
- груз. *řeb-* ‘красить’ ~ мегр., лаз. *řap-* то же
- груз. *řver-* ‘скопить’ ~ мегр. *řar-* то же
- груз. *řreť-* ‘гасить’ ~ мегр. *řkirať-* ‘гаснуть’
- груз. *řenz-* ‘трепать (лен)’ ~ мегр., лаз. *řanz-* то же
- груз. *řker-* ‘расщеплять’ ~ мегр. *řkar-* то же
- груз. *řebo-* ‘клей’ ~ мегр., лаз. *řabu* то же.

Вместе с тем в ауслатном положении и здесь нередко имеет место соотношение идентичности груз. *e* ~ занск. *e*: ср.:

- груз. *bude* ~ мегр. *bude* ‘гнездо’
- груз. *dire* ~ мегр. *dere* ‘бревно’
- груз. *ixle* ~ мегр. *txole* ‘осадок вина’
- груз. *řlde* ~ мегр. *řirde* ‘скала’
- груз. *mzaře* ~ мегр. *zure* ‘прогорклый (орех)’
- груз. *(m)řce* ~ мегр. *ře* ‘седина, белый’
- груз. *řobe* ~ лаз. *řobe* ‘плетень’
- груз. *řle* ~ лаз. *řole* ‘penis’
- груз. *řumpe* ~ мегр. *řumpe* ‘болото’

Как можно видеть, это соотношение также наблюдается в субстантивах, а в тех случаях, где оно затрагивает и атрибутивы, имеется возможность показать вторичность атрибутивной функции слова (так, например, в случае груз. *(m)řce* ‘седина’ ~ мегр. *ře* ‘белый’ их сванское соответствие *meři* имеет аналогично грузинскому семантику субстантива ‘старик’). По сравнению с соотношением груз. *a* ~ занск. *a* оно, однако, обладает явно меньшей степенью общности, так как налицо несколько случаев его нарушения: ср. груз. *dře* ~ занск. *dřa* ‘день’, груз. *mze* ~ мегр. *břa* ‘солнце’ и др. Сопоставление таких примеров с соответствующим сванским материалом — ср. сван. *la-dey* ‘день’, *miř* ‘солнце’ при форме генитива последнего *māže(ř)* — свидетельствует об исконности в них вокализма *e*, подвергнувшегося преобразованию в занском материале. Естественно предположить, что в подобных случаях в занских языках произошло обобщение на форму единственного числа лексемы формы множественного (ср. мегр. *dřalperi*, *břalperi*), в которой процесс *e* > *a* реализован закономерно в условиях срединной позиции слова.

Известно, однако, еще одно исключение из соотношения груз. *e* ~ занск. *a*, которое наблюдается не в ауслатной, а в инлаутной позиции слова. Как показывает материал, оно ограничено комплексом *ve* в предпоследнем слоге: ср. груз. *gverdi* 'бок, сторона' ~ занск. *gverdi* 'половина', груз. *gveli* ~ занск. (*m*)*gveri* 'змея' и т.п. В этом положении ожидаемый сдвиг *e > *a* не происходит, по всей вероятности, в силу умлаутизирующего воздействия последнего слога лексемы. О том, что решающим фактором идентичности *e* в этом случае оказывается позиция предпоследнего слога, говорит, по-видимому, то обстоятельство, что в других слогах сдвиг *e* > *a* происходит в соответствии с общим правилом: ср. мегр. *varčxili* 'серебро' при груз. *vercxli*.

В сванском языке обращают на себя внимание процессы умлаутизации гласных, а также образования долгот, обусловленные комбинаторно (наряду с последними здесь налицо и долгие гласные, восходящие к праязыковому состоянию). Налицо здесь и такие поздние процессы, как деумлаутизация и утрата долготы (в части диалектов).

Различаются два типа умлаута — палатальный и непалатальный. Превый из них, безусловно, древний, сводится к умлаутизации гласных *a*, *o*, *u* под воздействием *i* и *e*. Ср. <пропуск в рукописи. — Д.Э.>

Непалатальный умлаут выражается в том, что гласные *e* и *i* основы под воздействием последующих *a* или *o* (> *w*) приобретают вид *ä*: ср. сван. *gäm* 'вкус' < груз. *gemo* (через ступень *gemw*) или сван. *mordäb* 'учтивость' < груз. *morideba*.

С точки зрения сравнительной грамматики более интересен палатальный умлаут, особенно вызываемый гласным *i*, поскольку напоминающие о нем явления встречаются иногда и в других картвельских языках (ср., например, груз. *γvlerč-i* 'крученный прут' при глагольной основе *γvlarč-n-* 'скручивать' и при мегр. *γuloçkua* той же семантики, где вокализм *o* отражает древнее *a*, представленное в грузинской основе).

<Из предыдущего варианта. — Д.Э.>

Таким образом, большинство исконных фонем сохранилось в картвельских языках в неизменном виде. Что же касается так наз. неидентичных звукосоответствий, то они носят определенный систематический характер.

Занские *a* и *o* по сравнению с соответствующими им грузинскими и сванскими *e* и *a* артикуляционно являются более задними. По-видимому, нетрудно показать, что занские рефлексы вторичны, хотя в прошлом делался и обратный вывод (ср. [Цагарели 1880: 92]). За это говорит, во-первых идентичность грузинских и сванских рефлексов. Во-вторых, в пределах самой занской ветви языков позиционно в ауслате субстантивов, должно быть, сохраняется исконная и общая с грузинским и сванским огласовка. Далее, приглагольная вопросительная энклитика, восходящая, по-видимому, к междометию *a*? (ср. типологически вопросительную энклитику *-a* в абхазско-адыгских языках, *-a* в семитских и т.п.), в занских языках передается как *o*: ср. *rek-o*? 'ты еси?' при груз. *xar-a*? и сван. *xi-a*?

Наконец, об этом свидетельствует и судьба ряда древнейших иноязычных заимствований. Ср. мегр. *žvabu* 'лягушка' < и.-е. **g^heb(h)u-* то же, мегр., лаз. *γary-* 'молоть грубо, крупно' < и.-е. **ghergh-* 'делать(ся) грубым', мегр. *bond-* 'связывать, сплетать' < и.-е. (диал.) **band-* то же.

Вместе с тем материал не подтверждает мнения В.Полака, полагавшего, что занское передвижение гласных возникло вследствие различия в способе нейтрализации исконных количественных противопоставлений гласных в грузинском и занских языках [Polák 1955: 79–80].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беридзе Ш. 1920 — Мегрельский (иверский) язык. Исследования и материалы. Тбилиси. 1920. (на груз. яз.).
Жгенти С. 1962 — Вопросы сравнительной фонетики картвельских языков. I. Тбилиси. 1962. (на груз. яз.).

- Жгенти С. 1949 — Основные вопросы фонетики сванского языка. Тбилиси. 1949. (на груз. яз.).
- Кипшидзе И. 1914 — Грамматика мингрельского языка с хрестоматиею и словарем. СПб. 1914.
- Климов Г.А. 1960 — Опыт реконструкции фонемного состава общекартвельского языка-основы // ИАН СЛЯ. 1960. № 1.
- Март Н.Я. 1912 — Тубал-каинский вклад в сванском // Известия Академии наук. 1912.
- Хубуа М. 1937 — Мегрельские тексты. Тбилиси. 1937. (на груз. яз.).
- Цагарели А. 1880 — Мингрельские этюды. 2. Опыт фонетики мингрельского языка. СПб. 1880.
- Чарая П. 1912 — Об отношении абхазского языка к яфетическим // Материалы по яфетическому языкознанию. 4. СПб. 1912.
- Чикобава А. 1938 — Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси. 1938. (на груз. яз.).
- Brosset M. 1849 — Rapports sur une voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie. 7. St.-Petersbourg. 1849.
- Polák V. 1955 — Contributions à la grammaire historique des langues Kartvéliennes // Archiv Orientalný 23, 1-2. 1955.
- Vogt H. 1938 — Arménien et caucasique du Sud // Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap 9: 321-338. 1938.

© 1998 г. М.Е. АЛЕКСЕЕВ

**ВОПРОСЫ ОБЩЕГО И КАВКАЗСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ
В ТРУДАХ Г.А. КЛИМОВА**

Георгия Андреевича Климова по праву можно считать одним из наиболее ярких представителей современного отечественного общего и кавказского языкознания. Его научное наследие охватывает целый ряд актуальных направлений лингвистики и включает комплекс оригинальных научных решений и концепций.

Безусловно, основные научные интересы Г.А. Климова лежали в сфере картвелистики, где ему удалось создать по существу серию фундаментальных трудов, сформировавших, наряду с известной работой Т. Гамкрелидзе и Г. Мачавариани [Гамкрелидзе, Мачавариани 1965], новую парадигму картвельской лингвистики: вопросы атрибутивного комплекса, реконструкция системы склонения, этимологический словарь, проблемы древних картвельско-индоевропейских контактов, типологическая характеристика картвельских языков и др. – это лишь самый краткий перечень узловых проблем картвелистики, получивших у Г.А. Климова наиболее обстоятельную разработку.

Уже первое научное исследование Георгия Андреевича – кандидатская диссертация [Климов 1955], выполненная под руководством А.С. Чикобава, – показала возможность решения на неисследованном до этого материале вопросов сравнительно-исторического синтаксиса. Опираясь на показания древнегрузинского, в котором примыкающие определения отсутствовали, а также на переходные случаи, наблюдаемые в современном грузинском и мегрельско-чанском, Г.А. Климов приходит к выводу о том, что "на древнейших этапах развития в картвельских языках существовали группы препозитивных и постпозитивных определений. В дальнейшем характер направления развития структуры рассматриваемой синтагмы в них свелся к тому обусловливающему многое остальное явление, что группа исторически постпозитивных определений выравнивалась по препозитивным и стала, таким образом, также предшествовать своим определяемым" [Климов 1955: 13].

Практически первой работой в картвелистике по сравнительно-исторической морфологии, где была последовательно проведена процедура сравнительной реконструкции, стала его книга «Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте» [Климов 1962а], в которой была поставлена цель проследить историю системы склонения в картвельских языках, определить тенденции ее развития и произвести реконструкцию системы склонения пракартвельского языка-основы, рассматривавшуюся как одна из составных частей реконструкции всей морфологической системы на пракартвельском языковом уровне. При том, что исторические аспекты склонения в картвельских языках освещались до того времени достаточно часто, тем не менее система картвельского склонения в целом до появления в свет книги Климова не рассматривалась. Вопреки мнению ряда картвелистов, считавших, что сванский язык испытал сильное влияние абхазско-адыгских языков, Г.А. Климов подчеркивал особую архаичность сванской падежной системы, в большей степени отражающей общекартвельское состояние. В целом реконструированная в этой монографии общекартвельская падежная система включает следующие единицы (предложенные в данной монографии термины для обозначения

именительного, эргативного и дательного падежей были впоследствии признаны Г.А. Климовым [Климов 1973] неудачными):

Субъектно-объектный (именительный) -ø // -i (?)

Субъектный (эргативный) -d // -m (?)

Обстоятельственно-направительный -d // -ad (?)

Объектный (дательный) -s

Родительный -is₁

Целевой -is₁-d

Творительный -it (?)

Наиболее значительный труд Г.А. Климова – это его «Этимологический словарь картвельских языков» [Климов 1964]. В этой работе, с одной стороны, нашли отражение итоги сравнительно-исторических исследований в области картвелистики и, с другой стороны, был использован опыт индоевропейского языкознания. В частности, одним из ориентиров для «Этимологического словаря картвельских языков» был известный словарь Ю. Покорного [Pokorny 1959], хотя Г.А. Климову удалось, на наш взгляд, избежать ряд недостатков последнего: во-первых, были выделены реконструированные единицы разных хронологических уровней – общекартвельского или грузинско-занского; во-вторых, к тому времени уже имелась возможность сравнить результаты исследований разных языковых семей и с помощью "метода типологического эталонирования" подтвердить звукоподражательный, символический или экспрессивный характер целого ряда картвельских основ, что подчас было трудно сделать только на картвельском материале. Принципиальным моментом явился отказ от принятой в то время методики вычленения окаменелых элементов в составе реконструированных основ, среди которых оказалось значительное число многоконсонантных структур (ср. до сих пор популярную гипотезу моноконсонантизма кавказского корня). Говоря о количественных характеристиках словаря, нельзя не отметить, что в него вошло около 400 сближений, предложенных впервые.

В дальнейшем в сферу исследовательских интересов Климова как картвелиста вошли проблемы типологической характеристики и межъязыковых контактов, в особенности проблемы индоевропейско-картвельских взаимоотношений. Итогом многолетней работы по изучению древнейших ареальных контактов картвельских и индоевропейских языков явилась книга «Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков» [Климов 1994]. В ней выявляется три пласта заимствований (всего их выявлено 98 единиц) – общекартвельской эпохи (15 лексем, в т.ч. **mkerd-/mkrd-* 'грудь' < **krd-* 'сердце' и др.), грузинско-занской эпохи (40 лексем, в т.ч. **diga* 'глина, почва' < **dheigh-* 'мазать'), а также более поздние, усвоенные отдельными картвельскими языками независимо друг от друга (43 индоевропеизма; их рассмотрение ограничено периодом до появления памятников древнегрузинской письменности).

Как отмечается в монографии, выявленный заимствованный материал «представлен прежде всего типичными ингредиентами культурного словаря (в глагольной лексике – соответствующими основами). В большинстве случаев они отражают такие характерные сферы хозяйственной практики древних картвелов как скотоводство и земледелие... Другую часть выявленного здесь материала образуют так называемые экзотизмы, т.е. обозначения различных атрибутов не характерной для природной среды Кавказа низменной болотистой местности, изобилующей влагой» [Климов 1994: 207].

Выявленные в картвельском лексиконе индоевропеизмы, по мнению Г.А. Климова, дают дополнительные основания для локализации прародины индоевропейцев в Передней Азии.

Несмотря на приоритетное положение картвелистики в исследованиях Г.А. Климова, его можно назвать в полном смысле слова кавказоведом – специалистом не только по южно-кавказским, но и по северо-кавказским (абхазско-адыгским и нахско-дагестанским) языкам, о чем свидетельствуют уже первые публикации, посвященные состоянию сравнительно-исторического изучения абхазско-адыгских [Климов, Ша-

гиров 1959] и нахско-дагестанских [Климов, Талибов 1964] языков, в которых не только был дан анализ итогов предшествующих исследований, но и определены перспективные направления будущих поисков. Детальный анализ фонологических систем всех кавказских языков содержится в брошюре Георгия Андреевича, посвященной проблеме транскрипции [Климов 1962б].

Наиболее значительные в серии трудов Г.А. Климова по вопросам кавказоведения как такового – это возглавлявшиеся им коллективные труды «Структурные общности кавказских языков» и «Типология кавказских языков», а также его обобщающие монографии «Кавказские языки» [Климов 1965] и «Введение в кавказское языкознание» [Климов 1986]. В первой работе Г.А. Климов являлся также соавтором главы, посвященной лексическим общностям кавказских языков, а также «Заклучения», в котором был дан опыт объяснения выявленных структурных общностей с точки зрения типологии (как контенсивной, так и формальной), ареальной лингвистики и частично экстралингвистическими факторами (например, наличие специфических звукоподражательных и звукосимволических лексем, отмечаемых и во многих других языках мира). Возможность генетической интерпретации не исключается, хотя ставится под сомнение.

В «Типологии кавказских языков» Г.А. Климовым были написаны главы, посвященные типологической характеристике картвельских и абхазско-адыгских языков. В этой монографии структура кавказских языков освещается с позиций контенсивной типологии, т.е. исходя из принадлежности картвельских языков к номинативному строю с существенным компонентом активной типологии, а абхазско-адыгских и нахско-дагестанских – к эргативному. При этом если западнокавказские языки достаточно близки к эталону эргативности, то в восточнокавказских налицо заметная тенденция к номинативизации.

Книга «Кавказские языки» [Климов 1965] (см. также немецкий перевод [Klimov 1969]), представляет собой компактное изложение всего комплекса проблем, связанных с изучением кавказских языков. В первой главе «Общие сведения о кавказских языках» характеризуются свидетельства античных авторов о народах Кавказа и их языках, оцениваются некоторые теории происхождения кавказских народов. Как ошибочная, в частности, трактуется миграционная теория, возводившая в абсолют отдельные исторически зафиксированные факты передвижения на Кавказ некоторых племен. Завершается глава следующим выводом: «Кавказское языкознание как отрасль лингвистической науки длительное время дискредитировалось фантастическими построениями целого ряда западноевропейских ориенталистов» [Климов 1965: 26]. Вторая глава содержит последовательную структурную характеристику отдельных групп кавказских языков – абхазско-адыгской, картвельской и нахско-дагестанской. Опыт обобщения этих структурных характеристик содержится в небольшой по размеру третьей главе. Значительное внимание уделено проблеме генетических взаимоотношений кавказских языков (в том числе и их внешнего родства), рассматривающейся в четвертой главе. Автор приводит несколько лексических сближений, которые могли бы свидетельствовать о родстве кавказских языков. В целом же Г.А. Климов высказывает достаточно пессимистичный прогноз: "Ввиду трудной сопоставимости фактов различных групп кавказских языков, можно, по-видимому, считать, что иберийско-кавказская гипотеза никогда не будет располагать сколько-нибудь значительным числом межгрупповых словарных сопоставлений. Это предположение обуславливается хотя бы тем, что а priori возможное языковое единство кавказских языков должно было восходить к хронологически отдаленной эпохе неолита на Кавказе, когда самый лексикон был, вероятно, относительно ограниченным» [Климов 1965: 76]. Соответственно, при недоказанности внутреннего родства кавказских языков как необоснованные квалифицируются и попытки установить их внешние связи.

Пятая глава посвящена специфической проблеме «архаичности строя кавказских языков», что в свое время пытался в особенности на материале абхазского языка

обосновать Н.Я Марр [Марр 1938], стадийная концепция которого явилась в определенной степени продуктом его изучения кавказских («яфетических») языков. На конкретных примерах (ср. односложные слова как показатель древнейшей ступени развития языка) в главе демонстрируется субъективный подход Марра к языковым фактам, приводящий к переоценке их архаичности. Шестая глава дает представление об истории письменностей на кавказских языках. Седьмая глава представляет собой очерк истории изучения кавказских языков.

«Введение в кавказское языкознание» [Климов 1986] (см. также немецкий перевод [Klimov 1994]) во многом можно рассматривать как переработку охарактеризованной выше книги. Здесь, кроме того, представлена структурная характеристика отдельных групп кавказских языков (выделенная в соответствующие главы). Значительное место здесь также уделено проблеме генетических взаимоотношений кавказских языков. Естественно, что в книгу вошел критический анализ публикаций, вышедших после 1965 г. Достаточно серьезной критике, в частности, подвергается работа А.И. Абдокова [Абдоков 1976] о генетическом родстве абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков. К недостаткам этой книги Г.А. Климов относит (а) непосредственное сопоставление данных современных языков без реконструкции промежуточных архетипов, (б) произвольное членение сопоставляемого материала, (в) семантический анахронизм большого числа сопоставлений. В аналогичном ключе рассматривается работа о связи северокавказских языков с енисейскими [Старостин 1982], опирающаяся в части сопоставлений, по мнению автора, на заимствованный материал, и некоторые другие. Следует заметить, что не менее критически относился Г.А. Климов и к своему раннему опыту урартско-кавказских (в основном картвельских) сближений [Браун, Климов 1954].

Специальные главы в монографии посвящены соответственно типологическим и ареальным взаимоотношениям кавказских языков. Как наиболее результативные характеризуются многовековые контакты языков здесь в рамках каждой из групп кавказских языков: в картвельском ареале подобную роль пользующегося наибольшим престижем языка принадлежала грузинскому; в абхазско-адыгском аналогичную роль достаточно длительное время играли адыгские языки; в нахско-дагестанском ареале сходную до некоторой степени роль в разное время играли удинский и аварский языки. На межгрупповом уровне выделяется два ареала: картвельско-абхазскоадыгский и картвельско-нахскодагестанский.

Характеризуя ареальную проблематику, автор ставит вопрос о наличии общекавказского лексического фонда, в формировании которого «значительную роль сыграл грузинский язык». В качестве примеров слов, принадлежащих к этому фонду, приводятся наименования черешни или вишни, курицы, невестки (снохи), шапки-папахи; числительное «сто» и др. (всего 16 слов). В словарных параллелизмах северокавказского ареала, как правило, участвует и осетинский язык.

Наряду с этим многие специальные типологические, сравнительно-исторические и ареальные проблемы западно- и восточно-кавказских языков нашли свое отражение и решение в отдельных статьях Г.А. Климова. Особо здесь следует подчеркнуть разработку в этих статьях проблем генетической общности кавказских языков, проблем дешифровки агванской (кавказско-албанской) письменности, а также проблем языковых контактов.

Высокий уровень научного обобщения в результате анализа не только кавказских языков, но и практически представителей всех более или менее крупных языковых семей мира позволял Г.А. Климову создать целостную концепцию сравнительного языкознания, включающего типологическое, сравнительно-историческое и ареальное направление. Каждое из этих направлений нашло отражение в теоретических работах Г.А. Климова.

Наибольшую известность и признание в мировой лингвистике получили труды Г.А. Климова по континентальной типологии, где ему удалось прежде всего сформулировать понятие эргативного строя как целостной типологической системы

(до этого основным понятием в аналогичных исследованиях являлось понятие эргативной конструкции, не обладающее достаточным уровнем обобщения). Перу Климова принадлежит довольно большое количество статей по частным вопросам эргативистики, однако особое место среди его трудов здесь занимает, естественно, обобщающая монография «Очерк общей теории эргативности» [Климов 1973].

В определенной степени работу Г.А. Климова можно считать развитием типологических исследований И.И. Мещанинова, посвященных различным формам выражения субъектно-объектных отношений [Мещанинов 1936; 1940; 1967 и др.], где был предложен системный подход к эргативной конструкции предложения, рассматриваемой в комплексе с противопоставляемой ей абсолютной, исходя из ведущей роли семантики глагола-сказуемого в структурной организации предложения. На основе этого подхода была продемонстрирована инвариантность эргативной конструкции, проявляющейся в разных языках в именном, глагольном или смешанном вариантах.

Заметим попутно, что типологические построения советских лингвистов 30–40-х годов послужили предметом специального монографического труда Г.А. Климова, давшего достаточно объективную оценку как достижениям, так и серьезным теоретическим просчетам Н.Я. Марра, И.И. Мещанинова, Н.Ф. Яковлева и др. [Климов 1981]. Эта монография в то же время является образцом исследования по истории науки, в котором прослеживаются исторические предпосылки типологических построений исследуемого периода (они связываются с именами П.К. Услара, А.А. Потемни и И.А. Бодуэна де Куртенэ), дается обстоятельный анализ вопросов теории и метода типологии (особо выделены такие проблемы, как типологическая классификация и разработка историко-типологических гипотез).

Отмеченные выше теоретические положения И.И. Мещанинова стали как бы фундаментом континентальной типологии, в рамках которой такие понятия, как эргативность, номинативность и активность, были представлены в виде иерархической взаимосвязи признаков, относящихся к разным уровням языковой структуры. Так, иерархические отношения, характерные для эргативной типологии, схематически можно представить следующим образом: переходные («агентивные») / непереходные («фактививные») глаголы¹ → эргативная / абсолютная конструкция → эргативный / абсолютный падежи в склонении ≈ эргативный / абсолютный ряды показателей (лица, класса, числа) в глаголе. Признание ведущей роли оппозиции глагольных лексем, как это не раз подчеркивалось, позволяет обнаружить максимально широкий набор импликаций, равно как и фреквенталий эргативности (номинативности, активности) на всех уровнях языковой структуры (с определенными оговорками по отношению к фонологии), что, в свою очередь, ведет к установлению языка-эталона, к которому в большей или меньшей степени приближаются известные нам языки.

Заметим в связи с этим, что наряду с охарактеризованным выше подходом к эргативности, последовательно проводившимся Г.А. Климовым, в типологии сформировалось и так называемое парциальное направление, основным принципом которого является рассмотрение любого явления, противопоставляющего субъект переходного действия недифференцированным объекту переходного и субъекту непереходного, как эргативного, а явления, противопоставляющего субъект переходного и непереходного действия объекту, как номинативного (аккузативного). Как видно, такое понимание практически означает отказ от представления эргативности в виде целостного языкового типа и, более того, ведет к установлению некоторых черт эргативности, типичных для номинативного типа, сравни, например, статус пассива, удовлетворяющего охарактеризованному выше определению эргативности, но выявляемого, как правило, лишь в языках номинативной типологии.

¹ В соответствии с типологической схемой Г.А. Климова дихотомия агентивных / фактививных глаголов в эргативных языках не совпадает с делением глаголов на переходные / непереходные в номинативных (ср. такие специфические глагольные классы, как лабильные глаголы, нейтральные к признаку переходности / непереходности; глаголы внешнего воздействия, попадающие в разряд интранзитивных; каузативные глаголы, обладающие специфической моделью управления).

Опора на цельносистемный принцип позволила Г.А. Климову совершить по существу открытие нового языкового типа – активного строя, не обособлявшегося ранее от эргативного. Этот языковый тип кратко может быть охарактеризован следующим образом: «Широкая совокупность разноуровневых коррелятов, определяющая специфический облик языков активного строя, может быть представлена как реализация лежащей в ее основе некоторой глубинной структуры. Конкретная специфика этого большого комплекса языковых явлений дает основания полагать, что семантической детерминантой активного строя является противопоставление не субъектного и объектного начал, как это имеет место в языках эргативного и, видимо, номинативного строя, а активного и инактивного... В соответствии с этим структура характеризуемых языков специально ориентирована на передачу не субъектно-объектных отношений, которые находят здесь имплицитное выражение, а отношений, существующих между активным и инактивным актантами» [Климов 1973: 215].

Этому открытию способствовало и скрупулезное изучение малоизвестного у нас лингвистического материала, поскольку языки активного строя наиболее широко представлены в Северной Америке, включая сепиловскую «большую семью» на-дене (хайда, тлингит, эяк, атапаскские), а также группы сиу и галф, и в Южной – языки тупи-гуарани. Не меньшее значение имела и интерпретация структурных характеристик некоторых реконструированных праязыковых систем (общеиндоевропейской, общекартвельской, общенеисейской, общеафразийской и др.), которые, как отмечает Г.А. Климов, лучше всего укладываются в схему активного строя.

В специальной монографии, посвященной характеристике языков активного строя, Г.А. Климов [Климов 1977] выявляет две их разновидности. Первую, в которой корреляция активности / инактивности близка к корреляции одушевленного и неодушевленного, он квалифицирует как раннеактивную; вторую, приближающуюся к корреляции субъектного и объектного, – как позднеактивную.

Последовательно реализуя принцип системной типологии, Г.А. Климов выявляет набор импликаций активного строя. Так, в качестве важной лексической импликации активного строя квалифицируется бинарное распределение всех имен существительных на активный (к этому классу относятся обычно названия людей, животных, деревьев и растений) и инактивный классы (названия всей остальной совокупности предметов и явлений). В глагольной лексике отмечается наличие различных глагольных основ с одинаковой семантикой, но дифференцированных в зависимости от свойств вовлекаемых в глагольное действие референтов. С другой стороны, для языков активного строя характерно неразличение субъектно и объектно ориентированных глагольных основ (ср. глаголы с диффузным значением «гореть/жечь» и др.), а также противопоставление семантически тождественных так называемых «сингулярных» и «плюральных» глагольных лексем. Обособленный глагольный класс здесь, как правило, составляют глаголы непроизвольного действия и состояния (аффективные глаголы). В этот ряд входит и отсутствие связочного глагола, равно как и несформированность прилагательных. В прономинальной системе аналогичный статус получает оппозиция эксклюзива и инклюзива.

Выявленные синтаксические (оппозиция активной, инактивной, а также аффективной конструкции) и морфологические (два ряда личных аффиксов в глаголе – активный и инактивный; наличие категорий способа действия, или аспекта, и версии; оппозиция форм отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в имени) импликации активного строя выводятся из его лексических характеристик.

В книге формулируется гипотеза относительно генезиса активного строя, по автору, представляющего собой результат типологического преобразования классного строя.

Последний более или менее подробно описывается в следующей типологической монографии [Климов 1983], посвященной обобщению принципов контенсивной типологии. Обобщенное представление о разработанной Г.А. Климовым типологической классификации дает таблица (см. [Там же: 87]).

		Классный	Активный	Эргативный	Номинативный
Лексика	Существительное	Множество предм. классов	Активный ~ инактивн. классы	∅	∅
	Глагол	(?)	Активн. ~ стативн.	Агентив. ~ фактивив.	Транзит. ~ интранзит.
Синтаксис	Конструкции предложения Дополнения	?	Активн. ~ инактивн. Ближайшее ~ дальнейшее	Эргатив. ~ абсолют. «Прямое» ~ «косвенное»	Номинативная Прямое ~ косвенное
Морфология	Именное склонение	∅	Активн. ~ инактивн. пад.	Эргатив. ~ абсол. пад.	Им. ~ вин. пад.
	Глагольное спряжение	Множество классово-личных аффиксов	Активн. ~ инактивн. ряды личных аффиксов	Эргатив. ~ абсол. ряды личных аффриксов	Субъект. ~ (объект.) ряды личных аффиксов

Продолжая историческую последовательность типологических систем, Г.А. Климов высказал предположение о нейтральном строе как предшественнике классного, однако его выделение вызывало у него сомнения в силу прежде всего неизученности тех языков, которые могли бы считаться представителями этого типа. На наш взгляд, дело не только в этом. Уже сопоставление классного типа с активным, эргативным и номинативным выявляет различие в принципах их выделения. Если последние три дают различные схемы “падежного” кодирования активного (субъектного) и пассивного (объектного) участников ситуации, то классный тип может быть совмещен практически с любым из них. Поэтому не случайны вопросительные знаки в соответствующем столбце таблицы. Не случайно и то, что в дальнейшем Г.А. Климов практически не разрабатывал предложенную им модель.

Одной из наиболее актуальных задач типологии Г.А. Климов считал разработку типологической теории, “не только обслуживающей описание языковых явлений, но и претендующей на их объяснение”. В связи с этим на первый план выдвигается требование построения естественной типологической классификации, сопоставимой в этом отношении с генетическими и ареальными классификациями. В основе такой естественности, по мнению Климова, лежит понятие языкового типа. По этой причине от собственно типологии Г.А. Климов отделял ряд разновидностей структурного исследования языка, не имеющих дела с понятием языкового типа – контрстативное (сопоставительное) языкознание, лингвистическую характерологию, универсалиологию (лингвологию). По этой же причине в таких употребительных словосочетаниях, как “типология словарей”, “типология дифференциальных признаков фонем”, “типология социолингвистических ситуаций” и др., Г.А. Климов видел примеры явной десемантизации самого термина “типология”, отмечая, что типология слишком часто представляется собранием практически всех подходов к языковому материалу, не укладывающихся в рамки сравнительно-исторического и ареального языкознания.

Наиболее важным моментом в выборе квалификационных характеристик языкового типа является языковое содержание, поскольку формальные черты языков – лишь техника для его выражения. Таким образом, ведущее положение в типологии как таковой должна занимать содержательно ориентированная – контенсивная типология. Обоснованию и детализации этого тезиса посвящено несколько работ Г.А. Климова, однако наиболее подробно эта проблематика была рассмотрена в монографии «Принципы контенсивной типологии» [Климов 1983], обобщившей весь предшествующий опыт автора и наметившей некоторые перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

Как подчеркивается в книге, семантический фактор, а именно совокупность некоторых семантических универсалий (понятийных категорий), позволяет найти основания для сопоставления формальных средств самых разных языков: в этом качестве выступают субъектно-объектные отношения действительности, которые так или иначе обязательно выражаются во всех языках мира.

Исключение из типологии других направлений лингвистики, предметом которых является сравнение языков, не означает, естественно, что они вообще не имеют права на существование. В частности, надо сказать, что характерология также входила в круг научных интересов Г.А. Климова. Об этом можно судить хотя бы по двум упоминавшимся выше монографиям: «Структурные общности кавказских языков» [Структурные общности... 1978] (коллективная работа сектора кавказских языков) и «Типология кавказских языков» (в соавторстве с автором этих строк) [Климов, Алексеев 1980].

Будучи в одинаковой степени специалистом в трех областях сравнительного языкознания – генетическом, типологическом и ареальном, Г.А. Климов уделял немалое внимание проблемам их взаимного обособления. Так, по его мнению, “генетическая лингвистика изучает сходства, обусловленные процессом дивергенции языков из некоторой общей для них генетической традиции, типологическая – изучает сходства, возникающие за счет независимого, параллельного развития языков, ареальная – изучает сходства, складывающиеся в ходе конвергентного процесса, происходящего в языках” [Климов, 1990 : 6]. Если сравнительно-историческое языкознание как специальная отрасль лингвистики сформировалась уже достаточно давно и в этом смысле ее предмет, методы и задачи были более или менее определены, то для двух других решение соответствующих вопросов оказалось далеко не таким тривиальным.

Хотя в целом вряд ли можно оспаривать известную формулировку Р. Якобсона о том, что генетический метод имеет дело с языковым родством, типологический связан с изоморфизмом языков, а ареальный – с их сродством [Якобсон 1963 : 97], важное значение имеют и методические выводы из этого положения, которые были сделаны Г.А. Климовым со свойственной ему систематизацией: всем трем фундаментальным отраслям сравнительного языкознания соответствуют и три принципиально самостоятельных способа лингвистического объяснения – генетическое, типологическое и ареальное, а также три различных классификации языков. В соответствии с ними оказываются, естественно, и разные таксономические единицы последних. В первом случае – это языковая семья, во втором – типологический класс языков, в третьем – языковой союз². Во всех трех сопоставленных дисциплинах свою специфическую трактовку получают одни и те же факты эмпирической данности. Так, если компаративиста албанский генитив занимает как продолжение индоевропейского родительного падежа, то типолога (работающего в сфере контенсивной схематики) он интересует как одна из импликаций номинативного (аккузативного) строя, и, наконец, ареаловеда он привлекает со стороны своей специфики как характерной черты балканского языкового союза.

Г.А. Климов в полной мере осознавал и определенное взаимодействие этих направлений сравнительного языкознания. Так, результаты типологических исследований (особенно если включать в их сферу так называемые характерологические) нередко привлекаются на службу генетическим. Более того, они могут в какой-то мере верифицировать степень достоверности результатов генетической реконструкции, на что специально указывал Р. Якобсон. Интересно, что в практике так называемой дальней реконструкции Г.А. Климов видел тенденцию использования типологических соображений в качестве некоторого основания сравнительно-исторических восстановлений. Ареальная лингвистика вносит свой вклад в сравнительно-генетические

² Точка зрения, согласно которой содержание ареальной лингвистики определяется как применение методов лингвистической географии к задачам генетического изучения языков, Г.А. Климовым не подкрепивалась.

построения, в первую очередь тем, что устраняет из поля зрения генетических исследований языковые общности, обусловленные действием фактора конвергентного развития. Компаративистика, в свою очередь, также способна вносить свой вклад в решение конкретных задач других лингвистических дисциплин. Результаты сравнительно-генетических исследований могут в какой-то степени влиять на перспективы обоснования конкретных историко-типологических построений.

Конкретизируя сходства и различия между тремя дисциплинами сравнительной лингвистики, в качестве отличительного свойства компаративистики Г.А. Климов выделял ее органическую привязанность к конкретной языковой субстанции – к самому материалу фонем, морфем и лексем, что не является обязательным для типологических исследований (в том числе и для типологии фонетических систем) и в целом для ареальных.

Не менее важным представляется проведение демаркационных линий между дисциплинами “сравнительного цикла” от тех отраслей лингвистики, в которых сравнение языков не представляется обязательным компонентом исследования. Так, сравнительно-генетические исследования вполне отчетливо обособляются от проблематики глоттогенетических построений. Основоположники компаративистики предполагали в свое время, что разработка сравнительных грамматик конкретных языковых групп позволит выявить основные черты так называемого органического периода языковой предьстории, когда якобы складывалась и устанавливалась форма языка, однако развитие науки не оправдало их ожиданий, вследствие чего некоторые направления индоевропеистики еще с середины прошлого столетия стремились исключить из сферы своей компетенции проблематику глоттогенеза.

К концу 60-х годов картвелистика, далеко не в последнюю очередь, благодаря работам Г.А. Климова сделала существенный скачок, поставивший ее по степени разработки конкретных проблем на уровень индоевропеистики. Вместе с тем, как неоднократно отмечал Г.А. Климов, в сфере компаративистики по-прежнему множилось число “беспочвенных гипотез, тормозящих поступательное движение науки” [Климов 1990 : 3]. Таким образом, возникла необходимость, с одной стороны, обобщить накопившийся достаточно богатый опыт обращения с материалом, отличным от индоевропейского, и, с другой стороны, на высоком профессиональном уровне обсудить общие проблемы компаративистики, одинаково волнующие исследователей на материале различных языковых семей, что было осуществлено сначала в монографии «Вопросы методики сравнительно-генетических исследований» [Климов 1971] и затем в ее переработанном и расширенном варианте «Основы лингвистической компаративистики» [Климов 1990].

Конкретные приемы сравнительно-генетического языкознания в обеих монографиях иллюстрируются, естественно, на наиболее близком автору фактическом материале кавказских языков, в первую очередь, картвельских, а также абхазо-адыгских и нахско-дагестанских. Это обстоятельство, на наш взгляд, увеличивает достоинства книги: во-первых, по причине того, что кавказские языки вызвали к жизни в свое время целый ряд самых невероятных гипотез лингвогенетического порядка, и, во-вторых, поскольку все еще продолжают высказываться идеи о своеобразии кавказских языков, не позволяющих применять классические процедуры компаративистики.

Как было отмечено, монография «Основы лингвистической компаративистики» [Климов 1990] продолжила обсуждение проблем, рассматривавшихся в книге 1971 года [Климов 1971]. По существу это расширенная и вместе с тем коренная ее переработка и, конечно, выделение из общего комплекса проблем компаративистики некоторых вопросов, ранее не получивших детального освещения – проблемы неочевидного родства, а также сравнительно-исторического исследования языков, лишенных древнеписьменной традиции.

Работа состоит из шести глав. Первая из них посвящена наиболее общим вопросам методической проблематики компаративистики. Среди многообразия конкретных

процедур, объединяемых общим термином “сравнительно-исторический метод”, Г.А. Климов выделяет приемы:

- а) генетического отождествления фактов,
- б) обоснования языкового родства,
- в) реконструкции архетипов (праформ),
- г) хронологизации и локализации явлений,
- д) генетической группировки языков.

Здесь же поднимается такой существенный вопрос методического плана, который в исследовательской практике либо вообще остается без ответа, либо решается не всегда однозначно: в каком объеме в сферу компетенции сравнительно-генетического исследования входят новообразования различных представителей языковой семьи. Решение этого вопроса Г.А. Климов предлагал искать в направлении разграничения сфер компетенций сравнительной грамматики макросемьи (здесь термин “макросемья” употреблен в относительном смысле, отличным от его обычного понимания) родственных языков и сравнительной грамматики отдельных входящих в нее ветвей или микросемей: сравнительную грамматику микросемьи должны интересоваться только те инновации конкретных языков, на показаниях которых она строится и которые уже ничего не дают с точки зрения построения сравнительной грамматики соответствующей макросемьи.

Среди факторов, влияющих на результаты сравнительно-исторического исследования, автор отмечает количество языков, образующих языковую группу (этим объясняется, например, значительный прогресс этих исследований в области центрально- и южноамериканских языков), а также материальную близость или же гетерогенность сравниваемых языков (близкое языковое родство еще никогда не претендовало такому исследованию, если оно не было сопряжено с длительными интенсивными контактами).

Обсуждая возможности использования в реконструкциях языка-эталона, Г.А. Климов подчеркивает, что в огромном большинстве случаев сравнительно-исторические грамматики строятся исключительно по показаниям фактического материала языков, известных лишь в их современном состоянии. Поскольку, как правило, языки архаичные в каком-либо одном отношении оказываются достаточно эволюционировавшими в другом, практически очень трудно говорить о возможности преимущественного использования одного из ингредиентов языковой семьи в роли языка-эталона сравнения.

Высоко оценивал Г.А. Климов применение в компаративистике методов вероятностных обоснований – использование всех возможных точек опоры, позволяющих обосновывать предположения о происходивших в родственных языках процессах, в той или иной степени приближающихся к их реальной истории. По его мнению, роль этих методов должна возрастать с углублением исследования в историю, неизбежно сопровождаемым сокращением обнаруживаемого в представителях языковой семьи генетически-детерминированного материала.

Во второй главе книги рассматривается синхронный аспект сравнительно-исторических исследований, который, несмотря на кажущееся несоответствие с их диахронической сущностью, в определенной степени присущ таким процессам компаративистики, как генетическое отождествление языковых явлений и, следовательно, доказательство самого факта языкового родства.

Объективную предпосылку генетической идентификации языковых явлений, прибегая к формулировке Г.А. Климова, составляет генетическая сравнимость отдельных фактов и их целых совокупностей как в пределах одной языковой системы, так и в составе систем родственных языков, восходящих в конечном счете к общему для них историческому знаменателю прошлого. При этом отношения генетического порядка не распространяются на заимствования, поскольку сам способ проникновения подобного материала в неродственные языки имеет контактную (т.е. ареальную), а не генетическую природу. Соответственно, нет оснований говорить о возможности примене-

ния сравнительно-исторического метода к заимствованиям. В равной мере процедура доказательства генетической связи языков не может быть основана на анализе их структурных признаков (достаточно убедительна здесь ссылка на предположенную в 1937 г. Н.С. Трубецким характеристику общеиндоевропейской структуры, обнаруженную впоследствии Э. Бенвенистом в североамериканском языке такелма). Наконец, методически неоправданным является сведение процедуры генетического доказательства к сопоставительному анализу по признаку внешнего субстанционального сходства сравниваемого материала, возможному лишь на начальном этапе исследования. В целом не работающими для решения этой проблемы признает Г.А. Климов и различные количественные методики, в том числе глоттохронологию М. Сводеша (как способ доказательства родства языков) [Swadesh 1952; 1955 и др.], прием группового сравнения и др.

Единственным фактором, релевантным для процедуры обоснования языкового родства, пишет Г.А. Климов, является “лишь фактор системности или, как нередко говорят, регулярности... отношений в субстанции родственных языков, с логической необходимостью вытекающей из системного характера языка и системных тенденций его развития и, в частности, из определенной системности фонологических изменений” [Климов 1990: 24]. При этом различие так называемых дифференцированных звукосоответствий, с одной стороны, и звукосоответствий идентичности, с другой (которые, как отмечает Г.А. Климов, строго говоря, нельзя квалифицировать как идентичные, поскольку соответствующие фонемы занимают разные места в рамках своих фонологических систем) в принципе в обосновании языкового родства является (с некоторыми оговорками) нерелевантным.

Серьезное внимание уделял Г.А. Климов критериям отбора лексического материала, пригодного для сравнения. Непоказательными, по его мнению, являются различные категории дескриптивной (звукосимволической или звукоподражательной) лексики, поскольку в ней довольно высок процент универсального или широко распространенного фонетического инвентаря. Кроме того, она довольно часто не подчиняется историческим закономерностям развития фонологических систем. Разбирая различные виды звукосоответствий и степень их доказательности, Г.А. Климов приходит к выводу, что “приемы отграничения аллогенетического компонента от элементов генетически обусловленного наследия остаются в компаративистике до последнего времени совершенно неразработанными” [Климов 1990 : 39]. Осторожного отношения заслуживает и культурный словарь, который хотя и может существенно варьировать в своем составе по языкам в зависимости от конкретно-исторических условий жизни общества, все же легко заимствуется из одной языковой среды в другую.

В то же время лексика, отражающая более или менее универсальные для человеческого общества понятия и составляющие так называемый “основной” лексический фонд – патронимика, обозначения явлений природы, названия элементов дикой флоры и фауны, личные местоимения, обозначения элементарных действий и т.п., – а также субстанция грамматических морфем (прежде всего, – словоизменительных аффиксов), представляют собой наиболее надежный фундамент сравнительно-исторического исследования. Причем ограничение материала грамматическими элементами также нельзя признать оправданным: эти элементы имеют меньшую протяженность, чаще подвержены конвергенции, немногочисленны, так что сами по себе недостаточны для выводов исторического порядка.

Автор считал, что методически наиболее выдержанный и в то же время экономный путь сравнительно-генетического исследования включает последовательную процедуру реконструкции от позднейших языковых состояний к более ранним – от сравнительной реконструкции диалектов одного языка и от сравнения близкородственных языков к сравнению более отдаленных, что, по его мнению, предохраняет от возможного искажения хронологической перспективы исследования, хотя такая последовательность предполагает предварительное решение вопроса о внутренней группировке языковой семьи.

В книге высказывается оптимистический взгляд на возможность установления даже отдаленного генетического родства: даже при принятом среднем проценте сходств в материале неродственных языков в 4% родство языков, по мнению Г.А. Климova, в принципе может быть настолько отдаленным, что не даст даже столь низкой цифры. При этом, в противоположность отдельным авторам, предлагавшим в подобных случаях искать некоторую качественно отличную методику генетического доказательства, Г.А. Климов настаивал на максимальной строгости уже выработанных классической компаративистикой методов.

В третьей главе раскрывается понятие реконструкции в компаративистике, которое определяется не как восстановление реальных фактов языкового прошлого, а как формулировка некоторого лингвистического знания о них, фиксируемого в виде архетипов или праформ и их совокупностей. В связи с этим рассматривается возможность реконструкции лексических и морфологических дублетов, элементов нейтральной и сакральной лексики, и, более того, некоторой наддиалектной нормы, противопоставляющейся территориальным диалектам. Осложняет процедуру реконструкции наличие соответствий, обязанных своим появлением процессам позднейшего параллельного развития, независимо протекавшего по этим языкам.

Пожалуй, наиболее важным принципиальным моментом в этой главе является разграничение между понятиями собственно реконструкции и диахронической интерпретации. Собственно реконструкция предпринимается с целью исторического истолкования соответствий, зафиксированных в реальных родственных языках, а диахроническая интерпретация оперирует не реальным языковым субстратом, а архетипами, углубляя диахроническую перспективу исследования за счет проникновения в хронологически более отдаленные этапы праязыкового состояния. При этом в последнем случае на порядок снижается степень достоверности полученных результатов. В то же время при сбалансированном сочетании обеих процедур можно получить более или менее эффективный результат (в качестве примера приводятся ларингальная и глоттальная теории в индоевропеистике).

Г.А. Климов показывает и некорректность крайних точек зрения на сущность архетипа (праформы) – как воспроизведения тех или иных языковых фактов в некотором буквальном смысле слова, с одной стороны, и его позитивистской трактовки как условного обозначения особого ряда соответствий в сравниваемом языковом материале, с другой. По мнению ученого, “архетип всегда предполагает ее некоторую содержательную интерпретацию и, таким образом, представляет собой более или менее приближенное отражение стоящей за этой формулой языковой реальности прошлого” [Климов 1990 : 53].

От проблем верификации реконструированных архетипов автор переходит к проблемам моделирования генетических взаимоотношений родственных языков («родословное древо», «волновая модель» и т.п.) и праязыка, в связи с чем высказывается мысль о бесперспективности идеи унифицированности последнего: праязыковое состояние должно представлять из себя некоторый континуум родственных языков-диалектов. Положительно оценивается в книге также динамический взгляд на праязыковое состояние, выступающее здесь как совокупность отдельных состояний, соотносимых с разными хронологическими уровнями.

Конкретные приемы реконструкции, подразделяемые на внешнюю или “сравнительную” реконструкцию, внутреннюю реконструкцию и так называемый филологический метод, характеризуются в четвертой главе. Внешняя реконструкция, по сравнению с вариативностью методик внутренней реконструкции, характеризуется единообразием и включает следующие шаги: а) сопоставление сходных (или совпадающих) по материалу и семантике единиц, б) определение системных корреспонденций в их материале, в) установление хронологического соотношения в форме и семантике сопоставляемых единиц и г) выведение исходного архетипа. Глава содержит подробный обзор применения рассматриваемых процедур и их верификации в фонетике, морфологии, синтаксисе и лексике.

В пятой главе рассматривается совокупность приемов хронологизации и локализации явлений, а также анализируются принципы группировки (классификации) языков. Г.А. Климов исходит здесь из того, что внимание к проблемам хронологизации и локализации архетипов является важным условием исторического подхода к генетической изучению языков в пределах языковой семьи: понятие языка вообще немислимо вне пространства и времени. В то же время в книге подчеркивается мысль, что для лингвистики преимущественное значение имеет решение вопросов не абсолютной, а релятивной хронологизации и локализации. Среди установленных в этой области закономерностей называется и следующая: «если в двух смежных областях распространены две группы родственных языков, причем в области с наибольшей территорией дифференциация языков является слабой, а в области с наименьшей территорией наблюдается резкая дифференциация, то можно предположить, что время разделения первой группы языков намного меньше времени разделения второй группы языков» [Климов 1990 : 109]. Среди конкретных приемов относительной хронологизации Г.А. Климов выделял две основных группы приемов: определение последовательности явлений на временной оси, с одной стороны, и совмещение явлений во времени (синхронизация), с другой. Оценивая возможности глоттохронологии, Г.А. Климов пишет, что даже при скептическом отношении к абсолютным датировкам, получаемым в результате применения этой методики, ее показания об относительной хронологии внутренней группировки языковой семьи вполне убедительны.

В группу обсуждаемых в главе проблем вошла и проблема прародин, в решении которой значительный вес имеет идея вариабельности географической конфигурации соответствующего ареала.

Говоря о различных критериях родственных языков, автор отдает предпочтение морфологическим признакам как более надежным.

В шестой главе обсуждаются возможности экстралингвистической интерпретации данных компаративистики. Здесь подчеркивается большая ценность данных сравнительно-генетического исследования для изучения этногенеза говорящих на исследуемых языках народов. Этот тезис иллюстрируется, с одной стороны, богатым картвельским материалом и, с другой стороны, примерами неучета культурно-исторических данных в реконструкциях.

Безусловно, в одной статье трудно охватить весь перечень научных результатов, полученных Г.А. Климовым. Так, за ее пределами остались монография «Фонема и морфема», в которой обсуждаются фундаментальные концепты современного языкознания [Климов 1967], описание языка бурушаски, содержащее ряд важных в типологическом, ареальном и генетическом отношениях наблюдений [Климов, Эдельман 1970], проблемы дихотомии «язык ~ диалект», работа над энциклопедическим изданием «Языки мира (Кавказские языки)», Лингвистическим атласом Европы и др. Ряд работ еще ожидает публикации – это переработанный «Этимологический словарь картвельских языков», уникальный по замыслу словарь основной лексики кавказских языков, собранный не только по литературным источникам, но и в результате полевой работы с информантами, составившийся в течение десятилетий мегрельско-русский словарь. Однако, на наш взгляд, уже перечисленное дает нам основание говорить о том, что научные идеи Г.А. Климова еще долго будут определять основные пути развития общего и кавказского языкознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдоков А.И. 1976 – К вопросу о генетическом родстве абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков. Нальчик, 1976.
- Браун Я., Климов Г.А. 1954. – Об историческом взаимоотношении урартского и иберийско-кавказских языков // V Научная сессия Ин-та языкознания АН Груз. ССР. Тбилиси, 1954.
- Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И. 1965 – Система сонантов и аблаут в картвельских языках: Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1865 (на груз. яз.).

- Климов Г.А. 1955 – Основные синтаксические вопросы атрибутивного комплекса в картвельских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1955.
- Климов Г.А. 1962а – Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте. М., 1962.
- Климов Г.А. 1962б – О проекте единой фонетической транскрипции кавказских языков. М., 1962.
- Климов Г.А. 1964 – Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
- Климов Г.А. 1965 – Кавказские языки. М., 1965.
- Климов Г.А. 1967 – Фонема и морфема. М., 1967.
- Климов Г.А. 1971 – Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. М., 1971.
- Климов Г.А. 1973 – Очерк общей теории эргативности. М., 1973.
- Климов Г.А. 1977 – Типология языков активного строя. М., 1977.
- Климов Г.А. 1981 – Типологические исследования в СССР. М., 1981.
- Климов Г.А. 1983 – Принципы контенсивной типологии. М., 1983.
- Климов Г.А. 1986 – Введение в кавказское языкознание. М., 1986.
- Климов Г.А. 1990 – Основы лингвистической компаративистики. М., 1990.
- Климов Г.А. 1994 – Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М., 1994.
- Климов Г.А., Алексеев М.Е. 1980 – Типология кавказских языков. М., 1980.
- Климов Г.А., Талибов Б.Б. 1964 – К вопросу о сравнительно-историческом изучении лезгинских языков // Уч. зап. Ин-та истории, яз. и лит. им. Цадасы. Т. XIII. Махачкала, 1964.
- Климов Г.А., Шагиров А.К. 1959 – К сравнительно-историческому изучению абхазско-адыгских языков // Уч. зап. Каб.-Балкарск. НИИ. Т. XVI. Нальчик, 1959.
- Климов Г.А., Эдельман Д.И. 1970 – Язык бурушаски. М., 1970.
- Март Н.Я. 1938 – О языке и истории абхазов. М.; Л., 1938.
- Мещанинов И.И. 1936 – Новое учение о языке. Л., 1936.
- Мещанинов И.И. 1940 – Общее языкознание. Л., 1940.
- Мещанинов И.И. 1967 – Эргативная конструкция в языках различных типов. Л., 1967.
- Старостин С.А. 1982 – Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник: Антропология. Этнография. Лингвистика. Л., 1982.
- Структурные общности... 1976 – Структурные общности кавказских языков / Отв. ред. Г.А. Климов. М., 1978.
- Якобсон Р. 1963 – Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.
- Klimov G.A. 1969 – Die kaukasische Sprachen. Hamburg, 1969.
- Klimov G.A. 1994 – Einführung in die kaukasische Sprachwissenschaft. Hamburg, 1994.
- Pokorny J. 1959 – Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd I. Bern: München, 1959.
- Swadesh M. 1952 – Lexico-statistic dating of prehistoric ethnic contacts with special reference to North American Indians and Eskimos // Proceedings of the American philosophical society. V. 96. 1952.
- Swadesh M. 1955 – Towards greater accuracy in lexico-statistic dating // IJAL. V. 21. N 2. 1955.

© 1998 г. М. АЛИНЕИ

Г.А. КЛИМОВ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АТЛАСЕ ЕВРОПЫ

Для ЛАЕ смерть Георгия Климова оказалась невосполнимой потерей. С самого начала (1975 г.) он принимал участие в проекте ЛАЕ вместе с другими членами делегации, которая тогда называлась советской, – Р. Аванесовым (умершим в 1981 г.), В. Ивановым, Б. Серебренниковым (умершим в 1988 г.), Э. Тенишевым и ученым секретарем Н. Донадзе. Присоединение советской делегации к ЛАЕ стало действительно официальным началом работы над проектом, поскольку только участие СССР в эпоху "холодной войны" могло гарантировать осуществление подобного общеевропейского проекта.

Будучи руководителем секции кавказских языков ЛАЕ, Георгий Андреевич занимался важным по своему особому положению в европейской лингвистике, хотя и достаточно ограниченным языковым ареалом ЛАЕ (северокавказским). Однако его вклад в работу Редколлегии часто выходил за пределы ареала и чисто кавказской проблематики и всегда отличался профессионализмом, взвешенностью и здравым смыслом. Его взаимоотношения с другими членами Редколлегии ЛАЕ (что было особенно важно в годы противостояния "блоков") также всегда были открытыми, сердечными и человеческими, с легким оттенком аристократической сдержанности. Никто из тех, кто когда-либо работал для ЛАЕ, не забудет его лица. Я лично скорблю о нем как о старом друге, а не только как об уважаемом коллеге.

Научный вклад Г.А. Климова в ЛАЕ был очень важным. Прежде всего, именно ему принадлежит заслуга в реалистической постановке трудной проблемы существующего противоречия между небольшим размером северокавказского ареала и огромного количества языков, в частности, нахско-дагестанских языков. Решение, предложенное Георгием Андреевичем и одобренное Редколлекцией, заключалось в том, что, с одной стороны, было принято легкое расхождение между реальными географическими координатами и координатами карты-бланковки ЛАЕ, и с другой стороны, западным северокавказским языкам (абхазо-адыгские – 801–810, 837–838) было дано двенадцать населенных пунктов анкетирования, а двадцати четырем восточным нахско-дагестанским языкам – двадцать шесть пунктов (811–836).

Во-вторых, его вклад в решение различных проблем общего характера, касающихся первого и второго вопросника ЛАЕ, был фундаментальным, и, с учетом атипичного характера фонетики и грамматики кавказских языков относительно большинства европейских языков, оба вопросника ЛАЕ были полностью к ним адаптированы.

В-третьих, в рамках северокавказского ареала Георгий Андреевич взял на себя также задачу представления трех индоевропейских языков ареала – осетинского, татского и армянского (в Ростовской области).

Г.А. Климов также сразу понял новизну, заключенную в работе над ЛАЕ, и большое значение, которое она может иметь для кавказоведческих исследований, способствуя заполнению лагун, связанных с отсутствием этимологических словарей, продвижению и углублению компаративных исследований межкавказских заимствований (таких, как аварские заимствования в малых восточнокавказских языках и адыгейские заимствования в абазинском языке), старых алтайских и иранских заимст-

вовани в северокавказских языках (что предполагало совместную работу специалистов по алтайским и иранским языкам) и по древним связям между северокавказскими и индоевропейскими языками. Он стремился к углубленным исследованиям не только родственных черт и генезиса кавказских языков и аспектов, которые их глубоко отличают от других европейских языков, но также и важных проявлений общеевропейского культурного фонда, которые открыл ЛАЕ.

В своем очерке о кавказских языках, опубликованном в новом вводном томе ЛАЕ (ALE: Perspectives nouvelles en géolinguistique, Istituto Poligrafico, Roma. 1998), Георгий Андреевич подчеркивал, например, важность того факта, что кавказские языки для такого понятия, как радуга, представляют мотивацию "пояс, ремень", которая широко распространена как в восточной, так и в западной Европе.

Со смертью Г.А. Климовой ЛАЕ потерял одного из своих самых авторитетных и видных представителей, не только ученого, но и человека.

Перевела с итальянского *Н.З. Донадзе*

Дружба и сотрудничество с ЛАЕ...
В своем очерке о кавказских языках...
Георгий Андреевич подчеркивал...
Со смертью Г.А. Климовой ЛАЕ потерял...
Перевела с итальянского Н.З. Донадзе

© 1998 г. Т.В. ГАМКРЕЛИДЗЕ

ПРАЯЗЫКОВАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ СРАВНИТЕЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В номер "Вопросов языкознания", посвященный памяти замечательного ученого, нашего незабвенного друга и коллеги Георгия Андреевича Климова, я решил дать статью по проблемам типологии и методам сравнительно-исторического языкознания, которые постоянно оставались в центре научных интересов Георгия Андреевича и которым он посвятил ряд блистательных работ, остающихся вехой в развитии соответствующих областей теоретической лингвистики.

После безраздельного господства в языкознании первой половины XX в. проблематики синхронной лингвистики вторая его половина ознаменовалась возрастанием интереса к диахронической лингвистике, к проблемам звукового изменения и преобразования во времени. Это явилось некоторым возвытием, уже на новом методологическом уровне, к разработке проблем, возникших в классическом, сравнительно-историческом индоевропейском языкознании прошлого века. Такое возрастание интереса к проблемам языковых изменений и диахронической лингвистики обусловлено общим развитием лингвистической мысли последних десятилетий: преодолевая сосюрговскую антиномию между синхронной и диахронической лингвистикой, она стремится к построению такой лингвистической теории, которая обладала бы большей объяснительной силой по сравнению с сугубо синхронными теориями описательной таксономической грамматики, строящейся строго на основе эмпирической языковой данности.

Одной из основных предпосылок праязыковой реконструкции и всего сравнительно-генетического языкознания вообще является положение о языковом развитии, понимаемом не как движение языка от простого к сложному или более совершенному, а как диахроническая изменчивость, вариабильность языка, способность его к преобразованиям на всех уровнях языковой структуры.

На звуковом уровне подобные диахронические преобразования языка выражаются в изменениях определенных фонем в другие фонемы, представляющих собой по существу "расщепление" или "слияние" двух фонем, характерных для более раннего состояния языка. Такие фонемные преобразования осуществляются в условиях избыточности языковой системы, которая и определяет возможность подобных звуковых изменений языка. Избыточность языка как "неполной системы" и является тем структурным фактором, который делает возможной звуковую изменчивость языка. Вследствие этого языковая система не является застывшей структурой в отношении звуковых изменений и диахронического "движения" фонем.

Однако характер подобного диахронического "движения" фонем, подобных звуковых преобразований системы зависит уже не от степени избыточности системы, варьирующей от языка к языку, а от более глубоких характеристик языковой структуры. Одной из глубоких структурных характеристик языковой системы является иерархическое отношение "маркированности" или "доминации" между лингвистическими, в частности фонологическими, единицами.

Существуют универсальные модели сочетаемости, совместимости фонетических дифференциальных признаков в одновременной ("вертикальной") последова-

тельности – в единовременных пучках, представляющих определенные фонемы. Одни признаки сочетаются друг с другом на оси единовременности предпочтительнее других признаков, что проявляется в высокой системной и текстуальной частотности фонемы, в состав которой входят эти признаки; другие признаки совмещаются в едином пучке ограниченнее, что проявляется в более низкой частотности фонемы, в состав которой входят данные дифференциальные признаки. К этому второму случаю относятся и пустые клетки – пробелы в парадигматической системе, которые можно рассматривать как случаи "трудной" сочетаемости признаков.

В этом смысле можно говорить о двух основных типах сочетаемости признаков: о "маркированной", или "рецессивной", и "немаркированной", или "доминантной", сочетаемости признаков. Рецессивной является сочетаемость признаков, характеризующаяся необычностью, редкостью, что проявляется в более низкой частотности фонемы, в состав которой входит данное сочетание признаков, и ее дистрибутивной ограниченностью. Подобная сочетаемость признаков, объясняемая трудной совместностью этих признаков в одновременной последовательности, может вовсе отсутствовать в определенных языковых системах, что выражается в наличии пустых клеток-пробелов в парадигматической системе.

"Доминантной" является сочетаемость признаков, характеризующаяся обычностью, естественностью, что проявляется в более высокой частотности и в большей дистрибутивной свободе фонемных единиц, в состав которых входят такие сочетающиеся друг с другом признаки. Подобная "естественная" сочетаемость признаков объяснима их свободной артикуляторной и акустической совместностью в одновременной последовательности, в результате чего возникает более сильная в функциональном отношении фонема.

"Функционально сильные", стабильные пучки дифференциальных признаков (resp. фонемы), определяемые обычно как "немаркированные", в противопоставлении "маркированным", "функционально слабым" и нестабильным пучкам признаков (resp. фонемам), переименованы тут как "доминантные" пучки в противовес "рецессивным". Такое переформулирование иерархического отношения "маркированности" в отношении парадигматической "доминации" с соответствующими "доминантным" и "рецессивным" членами противопоставления представляется целесообразным ввиду многозначности традиционных терминов "маркированный/немаркированный", все еще употребляемых в их первоначальном значении для обозначения соответственно "признакового (merkmalhaltig)/беспризнакового" (merkmallos) членов отношения. Термины "доминантный/рецессивный" заимствованы, очевидно, из современной молекулярной биологии, характеризующейся, как известно, широким применением лингвистических терминов при определении понятий генетического кода.

Наличие иерархических зависимостей в системе между отдельными фонологическими единицами – пучками дифференциальных признаков, сказывающееся в отношениях доминации, свидетельствует о существовании в языковой системе строгой стратификации фонологических значимостей.

В соответствии с такими универсально значимыми соотношениями и происходят диахронические фонемные преобразования в языке. Целый ряд диахронических фонемных изменений в системе, кажущихся на первый взгляд разрозненными и не связанными друг с другом, может быть осмыслен как взаимозависимые, взаимообусловленные преобразования, регулируемые подобной иерархией фонологических значимостей. В частности, выявляемая доминантность переднего ряда звонких смычных и фрикативных по сравнению с задним рядом и, наоборот, доминантность заднего ряда незвонких смычных и фрикативных по сравнению с передним; общая доминантность согласных по отношению к соответствующим фрикативным и т.д. позволяют определить последовательность фонемных изменений в конкретных языковых системах и установить универсально значимые модели диахронических фонемных преобразований.

Универсально значимая иерархия фонологических единиц предполагает, как было

отмечено выше, наличие фонем и с низкой частотностью, доходящей до нуля (пустые клетки в системе). Эти парадигматические закономерности системы должны постоянно учитываться как при синхронном описании языка, так и в языковой диахронии, в частности при реконструкции языковых систем. Наличие пустой клетки с точки зрения теории доминации не является аномалией, и, следовательно, при отсутствии данных внешнего сравнения не предопределяет по необходимости ее заполнения при внутренней реконструкции древнего состояния языка, как это часто практикуется в диахронической лингвистике (ср. случаи с заполнением так называемых "cases vides" у Мартине).

Другой основной предпосылкой сравнительно-генетического языкознания является тезис о произвольности языкового знака. Хотя "произвольность" языкового знака следует трактовать несколько иначе, чем это представлено у Соссюра, и можно утверждать в свете "принципа дополнительности" о мотивированности связи между "означаемым" и "означающим" на уровне "горизонтальных отношений", однако "вертикальные" отношения между "означаемым" и "означающим" можно считать "произвольными" в смысле Соссюра, и на этом принципе строится по существу вся система сравнительно-исторического языкознания [Gamkrelidze 1974].

При обнаружении формально-смыслового сходства между двумя или несколькими языками, т.е. сходства в двух планах одновременно, как означающих, так и означаемых знаков этих языков, естественно встает вопрос о причинах возникновения такого сходства в знаках различных языков. Исходя из тезиса об ограниченной (в указанном выше смысле) произвольности знака, такое формально-смысловое совпадение знаков различных языков (т.е. фонетическое сходство двух или более знаков при их смысловой близости или тождестве) можно было бы истолковать как факт случайного совпадения двух или более знаков различных языков.

Вполне возможно допустить, что по совершенно случайным факторам комбинаторики совпали в двух или даже более языках несколько слов, схожих по фонетическому звучанию и по значению. Можно даже вычислить с некоторым приближением вероятность случайного совпадения в двух или более языках двух или более совпадающих или сходных слов определенной длины. Вероятность гипотезы о случайном совпадении для объяснения такого сходства будет уменьшаться в соответствии с увеличением количества языков, в которых обнаруживаются такие сходные знаки и в еще большей степени с увеличением количества знаков в этих языках, обнаруживающих такие сходства или совпадения.

Другой более вероятной гипотезой для объяснения подобных совпадений в соответствующих знаках двух или более языков должно считаться объяснение этого сходства историческими контактами между языками и заимствованием слов из одного языка в другой (или в несколько языков) или заимствованием в оба эти языка из третьего источника. Но не все виды формально-семантического сходства знаков двух или более языков могут быть истолкованы как результат заимствования. Существует тип сходства между знаками различных языков, который выражается в наличии регулярных фонетических соотношений между сходными знаками; этот тип сходства не объясняется в общем случае заимствованием слов одних языков в другие. Сходство этого типа между знаками предполагает наличие таких звуковых соотношений между языками, при которых каждой фонеме /x/ языка А соответствует в формально-семантически сходном знаке языка В фонема /y/, в таком же знаке языка С фонема /z/ и т.д. Такие звуковые соотношения между языками обнаруживаются обычно в группах слов и морфем, отражающих базисные понятия человеческой деятельности и среды. Этот последний вид сходства, обнаруживающий регулярные соотношения между звуковыми единицами рассматриваемых языков, нельзя удовлетворительно объяснить ни случайным совпадением слов различных языков в звучании и значении, ни тезисом о заимствовании слов из одного языка в другой или их происхождением в этих языках из третьего источника. Единственным вероятным объяснением сходства этого типа в соотносимых знаках различных языков является допущение общего

происхождения рассматриваемых языковых систем, т.е. происхождение этих систем из какой-то общей исходной языковой системы, преобразовавшейся в различных направлениях.

Объяснение фонемных соответствий между языками общностью их происхождения из определенной исходной языковой системы предполагает необходимость реконструкции ее с целью изучения возникновения и путей преобразования исторически засвидетельствованных родственных языковых систем.

Сравнение языков, ориентированное на установление закономерных фонемных соответствий, должно привести логически к реконструкции той языковой модели, преобразование которой в разных направлениях и дало нам исторически засвидетельствованные родственные языковые системы. Сравнение родственных языков, не имеющее целью реконструкцию праязыковой системы, не может считаться завершающим этапом исследования истории рассматриваемых языков.

Бесписьменная история родственных языков восстанавливается лишь в том случае, если удастся свести к общим исходным моделям все разнообразие исторически засвидетельствованных языковых структур. В таком случае удастся восстановить пути возникновения и развития этих систем, начиная с исходного состояния вплоть до исторически засвидетельствованных состояний. Такой подход к генетическому сравнению языков и установлению соотношений между ними ставит естественным образом вопрос о реконструкции исходной, так называемой праязыковой системы, и о лингвистических методах подобной реконструкции.

Реконструкция праязыковой системы достигается путем сопоставления исторически засвидетельствованных родственных языковых систем и путем ретроспективного движения от одного языкового состояния к другому, более раннему состоянию. Ретроспективное движение должно продолжаться до тех пор, пока не будет достигнуто языковое состояние, из которого могут быть выведены все исторически засвидетельствованные родственные языковые системы при допущении определенного множества последовательных трансформаций, которые и определяют "диахроническую выводимость" системы. Подобные трансформации переводят из исходной языковой системы в более поздние языковые состояния, являющиеся результатом ее структурных преобразований.

С помощью таких диахронических трансформаций описывается вывод различных родственных языковых систем из теоретически постулируемых исходных структурных моделей.

По своей объяснительной силе диахронические трансформации, выводящие исторически засвидетельствованные формы языка из определенных теоретических конструкций, которые считаются более ранними в хронологическом отношении ступенями этих форм (их "архетипами"), могут быть сопоставлены с "трансформациями" порождающей грамматики, выводящими наблюдаемые элементы поверхностной структуры из теоретически постулируемых базисных конструкций, составляющих глубинную структуру языка.

Описание диахронических изменений языка через правила трансформации представляет собой в сущности последовательное перечисление дискретных шагов, каждый из которых отражает одно из синхронных состояний в развитии языка. Чем меньше хронологическое расстояние между такими "шагами", тем точнее и адекватнее описание развития языка, отражающее ее последовательные переходы, начиная с исходного состояния.

При реконструкции с помощью определенных методов лингвистического исследования исходных языковых моделей, которые должны в принципе отражать систему общего исходного языка, встает методологический вопрос о реальности предлагаемых реконструкций и о степени соответствия их существовавшей в пространстве и времени языковой системе, принимаемой за исходную для данной группы родственных диалектов.

Принятие тезиса реальности предлагаемых реконструкций определяет целый ряд

методологических принципов сравнительно-генетических лингвистических исследований и в первую очередь их тесную связь с принципами лингвистической типологии и установления лингвистических универсалий. В этом смысле генетическая (сравнительно-историческая лингвистика, т.е. лингвистика, устанавливающая родственные отношения между группами языков и дающая реконструкции их исходных моделей) составляет в принципе единую дисциплину со структурно-типологической и лингвистикой универсалий.

Действительно, реконструируемые лингвистические модели исходной языковой системы, если они претендуют на отражение реально существовавшего в пространстве и времени языка, должны находиться в полном соответствии с типологически выводимыми универсальными закономерностями языка, устанавливаемыми индуктивно или дедуктивно на основании сопоставления множества различных языковых структур.

Лингвистическая реконструкция, противоречащая языковым универсалиям, не может, естественно, претендовать на реальность отображения ею исторически существовавшей языковой системы. Но и соответствие реконструируемых моделей синхронным лингвистическим универсалиям не может служить достаточным основанием для утверждений о реальности этих реконструкций и об отражении в них конкретной языковой системы, предполагаемой в качестве исходной для родственных языков. Необходимым условием при этом является также соответствие реконструированных моделей диахроническим типологическим данным, общим схемам изменения во времени определенных лингвистических структур, устанавливаемым при изучении конкретных фактов истории отдельных языков.

Типологическая верификация реконструируемых лингвистических моделей (как синхронная, так и диахроническая) становится, таким образом, одной из основных предпосылок постулирования исходных языковых структур, необходимой для проверки их вероятия.

Учет синхронной типологии при лингвистических реконструкциях, заставляет существенно пересмотреть традиционные схемы классической индоевропейской сравнительно-исторической грамматики и предложить новое толкование устанавливаемых лингвистических соотношений на основе принципа структурно-типологической верификации системы и ее диахронической выводимости.

Односторонность и ограниченность классического сравнительно-исторического индоевропейского языкознания заключается в том, что реконструируемая модель общеиндоевропейского языка являлась лишь результатом внешнего сравнения отдельных родственных систем и в некоторых теориях дополнялась внутренними реконструкциями на основании анализа определенного типа отношений в пределах одной системы. При этом не учитывалось эксплицитно лингвистическое вероятие полученной модели в смысле ее типологического соответствия потенциально возможным языковым структурам. Это привело в классическом индоевропейском языкознании к постулированию такой исходной языковой системы, которая, будучи в противоречии с синхронными типологическими данными, не может считаться лингвистически реальной.

В частности, при оценке традиционно постулируемой системы общеиндоевропейского консонантизма с применением критерия эмпирической реальности языковой системы выясняется, что система консонантизма, применяемая в классическом индоевропейском языкознании в качестве исходной для всех исторически засвидетельствованных индоевропейских языков, внутренне противоречива и не соответствует синхронной типологии языков. Более того, она противоречит универсальным языковым закономерностям, устанавливаемым в лингвистике универсалиям. Следовательно, такая теоретически постулируемая лингвистическая модель не может считаться системой, отражающей реально существовавший язык, который преобразовался в дальнейшем в системы родственных индоевропейских языков. Соответственно не могут считаться реальными и те фонетические изменения и преоб-

разования, которые допускались в классической индоевропейской сравнительной грамматике при объяснении и описании трансформаций исходной системы в исторически засвидетельствованные индоевропейские языки.

В настоящее время стало возможным предложить новую интерпретацию индоевропейского консонантизма, а также сформулировать новую гипотезу относительно древнейшей локализации индоевропейских языков.

В новой интерпретации общеиндоевропейская система смычных оказывается более близкой к системам, традиционно определявшимся как системы с передвижением согласных (германский, армянский, хеттский и др.), тогда как системы, считавшиеся в отношении консонантизма близко стоявшими к общеиндоевропейской (др.-индийский, греческий, итальянский и др.), оказываются результатом сложных фонемных преобразований исходной языковой системы.

В зависимости от этого меняются и традиционно устанавливаемые преобразования общеиндоевропейских смычных фонем в фонемные единицы отдельных индоевропейских языков, приобретающие при новой интерпретации общеиндоевропейской фонологической системы противоположную традиционной направленность. Соответственно переосмысляются и основные фонетические законы классической компаративистики, такие как "закон Гримма", "закон Грасманна", "закон Бартоломэ" и др., приобретающие при новой фонологической интерпретации индоевропейской системы смычных иное содержание. Реинтерпретированная система общеиндоевропейского консонантизма дает основание по-новому поставить вопросы взаимоотношений диалектов в пределах общего языка-основы и его членения на отдельные исторические диалекты, проблемы индоевропейской ареальной лингвистики.

Все эти проблемы, связанные с общим прогрессом типологических и сравнительно-исторических штудий, заставляют пересмотреть традиционные схемы классической индоевропейской компаративистики и предложить новые сравнительно-исторические построения, в сущности новую систему сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков [Гамкрелидзе, Иванов 1984]. В этой новой системе праиндоевропейского языка синтаксическая ее часть основывается преимущественно на идеях по типологии активного строя, впервые последовательно изложенных в современной теоретической лингвистике именно Георгием Андреевичем Климовым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Gamkrelidze Th.V. 1974 – The problem of l'arbitraire du signe // *Language*. V. 50. № 1. 1974.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. 1984 – Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / С предисловием Р.О. Якобсона. Тбилиси, 1984 (англ. перевод: Berlin; New York, 1995).

© 1998 г. Я.Г. ТЕСТЕЛЕЦ, С.Ю. ТОЛДОВА

РЕФЛЕКСИВНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ И ТИПОЛОГИЯ РЕФЛЕКСИВА

Грамматические свойства местоимений и содержащих их конструкций – область глубоких и нетривиальных сходств, наблюдаемых во всех языках, синтаксис которых изучен в достаточной мере. Исследование местоименных конструкций позволило сформулировать ряд важных обобщений, касающихся структуры и функционирования грамматических единиц. О необходимости учета свойств местоимений при установлении типологически значимых грамматических признаков писал Г.А. Климов [Климов 1977: 109–112]; универсальные корреляции между грамматическими свойствами личных местоимений, местоименных аффиксов и существительных были установлены в работах Дж. Гринберга [Гринберг 1970], М. Сильверстейна [Silverstein 1976], И.Ш. Козинского [Козинский 1980; 1995], А. Северской и Д. Баккера [Siewierska, Bakker 1996]; важный прогресс в разработке типологии анафорических местоимений связан с именами Т. Гивона [Givón 1983], У. Виземанн [Wiesemann 1988], А.А. Кибрика [Кибрик 1988] и других авторов.

Особый и неослабевающий интерес начиная с 1960-х гг. вызывает синтаксис возвратных местоимений. Исследователей не может не поражать очевидное сходство довольно сложных правил употребления рефлексивов, сходство, которое наблюдается между языками, предельно далеко отстоящими друг от друга ареально, генетически и типологически. Речь идет о некотором кластере встречающихся вместе грамматических признаков, который с удивительным постоянством (и с отклонениями в достаточно предсказуемых пределах) обнаруживается на самом разном материале.

Продолжая обсуждение темы, уже затронутой на страницах "Вопросов языкознания" в статье Е.А. Лютиковой [Лютикова 1997], мы постараемся показать, что наблюдаемые факты поведения рефлексивов в дагестанских языках являются критически важными для решения ряда принципиальных теоретических и типологических проблем, возникающих в связи с данной темой.

1. Состояние изучения проблемы. Рефлексивными (=возвратными) местоимениями, или просто **рефлексивами**, мы называем такие местоимения, которые могут употребляться анафорически и хотя бы в части таких употреблений требуют обязательного наличия антецедента, во-первых, грамматически приоритетного (например, подлежащего) и, во-вторых, находящегося в составе той же синтаксической единицы (например, предложения), в которую входит само местоимение. Так, русск. местоимение *себя* ((1) *Девочка; видит себя; в зеркале*) является рефлексивом, так как в (1) замена грамматически приоритетного антецедента (подлежащего) на неприоритетный или отсутствие антецедента делают предложение неправильным относительно соответствующей референциальной интерпретации, ср. (2) **Он показал мне; себя; на фотографии* (то есть в значении: (2') ***Он показал мне меня на фотографии*)¹. Чаще всего антецедент рефлексива – это подлежащее той предикации

¹ В соответствии с принятой практикой, именные группы, помеченные одним и тем же подписным референциальным индексом (например, *i* или *j*), обозначают один и тот же референт, а помеченные разными индексами – разные референты.

(= элементарного предложения, или клаузы), в которую входит сам рефлексив; при этом следует помнить, что есть языки и еще чаще – отдельные конструкции, в которых однозначное выделение одного из актантов в качестве подлежащего невозможно, затруднено (или же подлежащее выделяется, но не совпадает с антецедентом рефлексива)².

Значение рефлексивных местоимений для типологии и теории грамматики и, как следствие, огромное количество публикаций на эту тему объясняется несколькими причинами. Во-первых, рефлексивные местоимения в том понимании этого термина, который сложился при изучении индоевропейских языков, или единицы, близкие к ним по свойствам, обнаруживаются, по-видимому, почти во всех языках – примечательный факт, который сам по себе нуждается в объяснении. Во-вторых, известно, что рефлексивное местоимение "чувствительно" к грамматической структуре предложения: его поведение сигнализирует об иерархическом членении предложения и его границах, а также о важнейших различиях между разными грамматическими классами именных групп (далее – ИГ).

Так, рефлексивное местоимение и его антецедент обычно должны находиться в пределах одного и того же предложения, – предоставляя, таким образом, в спорных случаях критерий для определения его границ. Например, гипотеза, согласно которой каузативная конструкция состоит из одного, а не двух элементарных предложений [Gibson, Raposo 1986], может быть проверена по поведению рефлексивов. Если выясняется, что антецедентом рефлексива – элемента каузируемой предикации может быть и агенс каузирующей предикации, как это имеет место, например, в грузинском языке: (3) *ekim-ma_i vanoja-lap'arak'-a tavistavze_{ijj}* "Врач(-эрг)_i Вано_j(ном.) (кауз.-)заставил-говорить(-аор.) о-себе_{ijj}" [Harris 1981 : 72], то можно заключить, что между первым и вторым не обнаруживается границы элементарного предложения, которая блокировала бы употребление рефлексива с "дальним" антецедентом, ср. конструкцию с придаточным: (4) *ekim-ma_i vano-s stxov-a, rom imas_j tavistavze_{ijj} e-lap'arak'-a* "Врач(-эрг.)_i Вано(-дат.)_j попросил(-аор.), чтобы тот_j о-себе_{ijj} рассказал (-перф. II)".

Приоритетный статус антецедента рефлексива в синтаксической структуре может также служить критерием наличия или отсутствия этого статуса. Так, в конструкции типа (5) *Водителю не видно встречных машин* одним из аргументов в пользу спорной точки зрения, что подлежащим является ИГ *водителю*, можно считать то, что эта ИГ может быть антецедентом рефлексива: (5') *Водителю не видно себя*; о таких конструкциях см. [Падучева 1983 : 7]. Возможность употребления рефлексивов в причастных, деепричастных и инфинитивных конструкциях – один из убедительных доводов в пользу наличия в них собственных подлежащих, несмотря на то, что эти подлежащие являются "нулевыми", или "фонологически пустыми", то есть лишенными означаемого: (6) *Попроси его [Ø_i высказать свои_i соображения]*; (7) *Это занятие для людей, [Ø_i не уважающих себя_i]*.

Как и другие виды анафорических местоимений, рефлексивы подчиняются правилам двух разных типов: это синтаксические и несинтаксические (дискурсные) правила. Синтаксическое правило разрешает или запрещает употребление местоимения в терминах позиций, занимаемых им самим или его антецедентом в синтаксической структуре. Например, ограничение, согласно которому антецедент не может находиться внутри сочиненной ИГ, если местоимение находится вне ее: (8) *_[ИГ Маши_i и Лена] *говорили про нее_i*, см. [Lasnik 1989], является примером синтаксического правила. Синтаксическое правило употребления рефлексива не связано, вообще говоря, ни

² О проблемах, возникающих в связи с выделением подлежащего на основании множества признаков грамматического приоритета (включая контроль рефлексивизации) см. [Кинэн 1982; Козинский 1983; Foley 1993; Napoli 1993, гл. 2]. По мнению А.Е. Кибрика [Кибрик 1979], в дагестанских языках (в том числе тех, которые будут ниже предметом нашего рассмотрения) нет оснований выделять подлежащее; подробнее о языках этого типа см.: [Кибрик 1992, часть III; Foley, Van Valin, 1984].

с выражением каких-либо значений, ни с необходимостью установления кореферентных связей между двумя ИГ. Английские предложения (9а) *John brought me a present* и (9б) **John brought myself a present* "Джон принес мне подарок" никак не отличаются по семантике. Рефлексив 1 лица *myself*, являясь дейктической единицей, не нуждается для своей референциальной интерпретации в каком бы то ни было antecedente. Однако грамматический класс, к которому принадлежит это местоимение, требует наличия antecedента определенного вида, и при его отсутствии предложение (9б) неправильно.

Несинтаксическое правило вовлекает понятия структуры текста, элементов речевого акта, текущей памяти коммуникантов, распределения внимания и т.п. Например, правило несинтаксического типа указывает, что референт анафорического местоимения должен находиться в фокусе внимания коммуникантов, а при смещении фокуса внимания меняется и референт: (10) *Француз; начал говорить много и скоро. Генерал; стал было его; поддерживать, но я рекомендовал ему; прочесть хоть, например, отрывки из "Записок" генерала Перовского* (Достоевский); (11) *Этого; не будет, это; никогда не произойдет, а если кто-то на это; надеется* – [и все эти происки, или эти извращения, или эти желания]; – все это; бесперспективно (В.С. Черномырдин)); о таких правилах см. [Кибрик 1987]. Однако соотношение двух типов правил у рефлексивов не типично для большинства других анафорических местоимений. Если для простых анафорических местоимений типа *он* или *это* синтаксические правила в основном за пр е щ а ю т antecedенты определенного вида (например, сопредикатные актанты), то для рефлексивов синтаксические правила, наоборот, т р е б у ю т наличия antecedента в некоторой синтаксической позиции. Соответственно этому удельный вес синтаксических правил употребления у рефлексивов значительно выше, чем у нерефлексивных анафорических местоимений, и даже сами факты дискурсного употребления рефлексивов оказались в сфере внимания исследователей сравнительно поздно, в основном после публикаций [Sells 1987] и [Zribi-Hertz 1989].

Основная масса работ по теории и типологии рефлексивов создана в теоретических рамках порождающей грамматики. Мы не можем здесь рассмотреть всю необозримую литературу по генеративному синтаксису, посвященную рефлексивам (читатель может воспользоваться достаточно полными и весьма содержательными обзорами М. Далримпл (с точки зрения оппонента порождающей грамматики [Dalrymple 1993]) и У. Харберта (взгляд сторонника генеративной теории [Harbert 1995]). Здесь мы ограничимся лишь кратким изложением основных результатов и нерешенных проблем, привлекая также материалы работ, проведенных в рамках других научных направлений.

Известно, что именно порождающей грамматике принадлежит приоритет в постановке задачи эксплицитного описания синтаксических правил употребления местоимений и в постановке проблемы универсальности рефлексива. Грамматические правила, определяющие возможные соотношения местоимения и его antecedента, были представлены в "стандартной теории" 1960-х гг. так же, как и другие случаи синтагматических зависимостей между дистантно расположенными элементами в составе предложения, то есть в виде трансформаций, а именно правил "рефлексивизации" и "прономинализации". Базовый компонент порождал структуры с совпадающими ИГ; затем при выполнении определенных условий одна из совпадающих ИГ заменялась на рефлексивное или простое анафорическое местоимение. Так, прономинализация превращала предложение (12) *Mary_i knows that John likes Mary_i* "Мэри; знает, что Мэри; нравится Джону" в (12') *Mary_i knows that John likes her_i* "Мэри; знает, что она; нравится Джону", а рефлексивизация, будучи применена к (13) *Mary_i likes Mary_i* "Мэри; нравится Мэри; ", превращала его в предложение (13') *Mary_i likes herself_i* "Мэри; нравится себе;".

1.1. Рефлексивы в "теории связывания" Н. Хомского. С начала 1970-х гг. трансформационные правила ввода местоимений были отвергнуты как по эмпирическим,

так и по теоретическим соображениям (свод аргументации см. в [Wasow 1979]); о неэквивалентности понятий antecedenta и субститута см. также [Падучева 1985 : 143 и сл.]. Была принята так называемая "лексикалистская гипотеза" [Chomsky 1970], согласно которой никакая трансформация не может включать в себя замену одной лексемы на другую. Классическая лексикалистская теория анафоры [Chomsky 1980, 1981; Reinhart 1983], различает два вида отношений между ИГ-антецедентом и кореферентным ему анафорическим местоимением. Первое отношение – собственно к о р е ф е р е н т н о с т ь, которая может наблюдаться между двумя ИГ (из которых одна или обе могут быть выражены местоимениями), обозначающими один и тот же референт. Второе – заимствованное из логики понятие с в я з ы в а н и я – отношение между оператором и переменной, находящейся в сфере его действия. Кореферентность рассматривается как случай связывания, если в роли оператора выступает антецедент, а средством выражения переменной является анафорическое местоимение.

Необходимой для связывания сферой действия обладает только такая антецедентная ИГ, которая является подлежащим (соответственно, сферой действия антецедента является то предложение, подлежащим которого он является). Именная группа α считается, по определению, с в я з а н н о й антецедентом β , если β является подлежащим предложения, содержащего α и обе эти именные группы помечены одним и тем же референциальным индексом³. Таким образом, в ведении теории грамматики остается только "обязательная кореферентность" с сопредикатным подлежащим (у рефлексивов и реципроков) либо "обязательная некореферентность" с ним (у простых анафорических местоимений); факторы, которые определяют другие референциальные свойства местоимений, являются, с точки зрения порождающей грамматики, не синтаксическими, а прагматическими.

По отношению к связыванию местоимения делятся на два класса: а н а ф о р ы (anaphors), которые должны быть связаны (то есть иметь антецедент-подлежащее) в пределах некоторой составляющей, в которую они входят, и п р о н о м и н а л ы (pronominals), которые требуют, чтобы в некоторой составляющей они, наоборот, не были связаны. Анафорами являются, например, возвратные и взаимные местоимения, а прономиналами – простые анафорические местоимения.

Классическая теория связывания в том виде, в котором она предстает в [Chomsky 1981], включает в себя два принципа, касающихся поведения местоимений – А и В, которые мы здесь вынужденно приводим в упрощенной редакции:

Принцип А. Анафор связан в своей предикации.

Принцип В. Прономинал свободен (т.е. не кореферентен антецеденту-подлежащему) в своей предикации.

В действительности принципы А и В содержат отсылку к более сложному понятию, чем предикация, а именно понятию "область связывания" (binding domain). Не вдаваясь в детали, можно добавить, что "областью связывания" может быть не только предикация, но и ИГ, если она содержит в себе собственное подлежащее (то есть агентивную или посессивную ИГ, которая является непосредственной составляющей включающей ИГ); в подтверждение этого тезиса обычно приводятся примеры как номинализованных (14), так и посессивных (15) именных групп, содержащих рефлексивы и реципроки: (14) *their criticisms of each other* "их критика друг друга"; (15) *John's book about himself* "Книга Джона о нем самом", где подлежащими генеративисты считают ИГ *their* "их" и *John's* "Джона" соответственно, ср. предложение (14') *They criticize each other* "они критикуют друг друга", структура которого аналогична структуре номинализованной ИГ в (14).

³ Ввиду недостатка места мы вынуждены огрубить исходные предположения теории связывания. В действительности речь идет не об отношении подлежащего и включающего его предложения, а о более общем структурном отношении "командования составляющих", или *c-command*, предложенного в работе [Reinhart 1981] как развитие понятия "командования", введенного еще в 1969 г. Р. Лангакером [Langacker 1969]. Для целей нашего изложения такое огрубление представляется допустимым. Достаточно подробное изложение теории связывания см. в [Бейлин 1997; Казенин и Тестелец 1997].

Таким образом, теория связывания Н. Хомского предлагает решения следующих проблем: универсальность деления местоимений на анафоры и прономиналы (следует из универсальности принципов А и В); наблюдаемое в языках дополнительное распределение анафоров и прономиналов; локальность (т.е. требование "ближайшего" антецедента) у анафоров и нелокальность прономиналов; сходство в поведении местоимений в составе предикации и ИГ. Тем не менее эта теория не в состоянии объяснить многие важнейшие факты, наблюдаемые в языках. Рассмотрим некоторые из этих фактов.

1.2. Дистантные рефлексивы: проблема совмещения признаков. Наиболее важный типологический факт, открытый генеративистами в ходе разработки теории связывания – наличие во множестве языков не только локальных, но и "дистантных", или "дальних" рефлексивов (*long-distance reflexives*; синоним – *non-clause-bound reflexives*), то есть таких, антецедентом которых является актант другой предикации (обычно им является подлежащее главной предикации, при том, что сам рефлексив входит в зависимую предикацию). Простейшим примером дистантного рефлексива может служить русск. *себя* – употребляясь в составе инфинитивного оборота, оно может иметь в качестве антецедента как подлежащее инфинитивного оборота, так и подлежащее главной предикации: (16) *Преподаватель_i рекомендовал студентам_j [задавать себе_{ij} вопросы]*; (17) *Он_i не разрешает мне_j [производить опыты над собой_{ij}]*, см. [Падучева 1985 : 200; Rappaport 1986]. Ср. с этим строго локальный рефлексив *сам себя*: (16') **Преподаватель рекомендовал студентам [задавать сам себе вопросы]*; (17') **Он не разрешает мне [производить опыты сам над собой]*. Дистантные рефлексивы обнаруживаются также, например, в исландском языке: (18) *Pétur_i bað Jens um [að raka sig_i]* "Петер_i попросил Йенса [побрить себя_i]" [Thráinsson 1991]; в норвежском (19) *Jon_i hørte oss [snakke om seg_i // *seg selv]* "Йун_i слышал, как мы говорили о нем (букв.: себе_i // *сам себе)" [Hellan 1988]; в готском: (20) *þaiei; ni wildedun [mik þiudanon ufar sis_i]* "которые, не хотели, [(чтобы) я правил ими; (букв.: самими)]" (Лк 19 : 27; примеры из: [Harbert 1995]).

Дистантные рефлексивы встречаются не только в инфинитивных оборотах, как в примерах (16–20), но и в финитных придаточных предложениях: маратхи (индоарийская группа) (21) *Tom_i mhanat hota [ki Sue ni aaplyaalaa; maarle]* "Том_i сказал, [что Сью его_i (букв.: себя) ушибла]" [Dalrymple 1993 : 20]; (22) исл. *Jón_i sagði [að ég hefði sviðið sig_i]* "Йон_i сказал, [что я предал его_i (букв.: себя)]"; (23) итал. *Gianni_i pensava [che quella casa appartenesse ancora alla propria; famiglia]* "Джанни_i думал, [что этот дом по-прежнему принадлежал его_i (букв. своей) семье]" [Giorgi 1983–4 : 316]; (24) *Zhangsan_i renwei [Lisi_j haile zij_{ij}]* "Чжансань_i думал, [(что) Лисы_j поранил его_i // себя_j];" (25) япон. *Мэри-ва_i; [Дзён-га дзibun-о; никундэ иру то] омоттэ иру* "Мэри_i думает, [что Джон ненавидит ее; (букв.: себя)]" [Manzini, Wexler 1987].

Наиболее интригующая загадка, связанная с дистантными рефлексивами, заключается в том, что их грамматические свойства образуют устойчиво повторяющийся по языкам пучок признаков. Первым (и определяющим) признаком является их нелокальность, то есть допустимость антецедента вне включающей их минимальной предикации. Возникает вопрос, как объяснить наблюдаемое "расширение" области связывания – подлежит ли сама эта область межъязыковому варьированию, или она все же всегда локальна, а непредусмотренное теорией поведение дистантных рефлексивов объясняется какими-то другими причинами? Вторым признаком является их строгая ориентация на подлежащее (впервые отмечено у [Giorgi 1983–1984]): в то время как рефлексивы, употребленные локально, нередко имеют в качестве антецедента неподлежащие ИГ (ср. русск. (26) *Эта черта характера ему_i в себе_j не нравилась*), для рефлексивов в дистантном употреблении неподлежащие антецеденты нехарактерны.

Третий признак заключается в том, что вместе с дистантными рефлексивами в

языках неизменно обнаруживаются и локальные рефлексивы, которые при этом обычно более сложны морфологически. Приведенные выше русские примеры (16–17) обнаруживают поразительно сходные параллели в других языках. Так, например, наряду с "дальним" рефлексивом *ziji* "себя" в китайском есть и морфологически более сложный рефлексив *ta-ziji*, букв. "он-себя", который, в отличие от первого, строго локален, ср. (24) и (27) *Zhangsan_i renwei [Lisi_j haile ta-ziji_j]** "Чжансань, думал, [(что) Лиси_j, поранил сам-себя_j]*". Наряду с дистантным *zelf* в голландском обнаруживается локальное *zichzelf* [Reinhart, Reuland 1993]; кроме дистантного *дзibun*, в японском есть и морфологически более сложный локальный рефлексив *дзibun-дзисин*, ср. (25) и (28) *Таро: -га_i дзibun-о_i // дзibun-дзисин-о_iсэмэта* "Таро_i обвинял себя_i," [Katada 1991]; в аварском имеется дистантный рефлексив *жив* и его дериват – локальный рефлексив *жив-го*, примеры см. ниже и т.д. Однако, например, в маратхи [Dalrymple 1993] и в дравидийском языке малаялам [Mohanan 1982] оба рефлексива – и локальный, и дистантный не являются дериватами друг друга; ср. также морфологически сложные дистантные рефлексивы *sich selbst* в немецком языке и *самого себя* в русском языке: (29) *Willi_i dachte, daß [Hans_j über sich_j // sich selbst_j gesprochen hat]* "Вилли_i думал, что Ганс_j говорил о себе_j," (пример из: [Katada 1991 : 310]; (30) *Он_i попросил [сфотографировать самого себя_i]*. Такие примеры представляют собой едва ли разрешимую трудность для тех авторов, которые пытаются объяснить нелокальность дистантных рефлексивов их морфологической элементарностью [Katada 1991; Reinhart, Reuland 1993]. Все же в доступной нам выборке языков не обнаруживается ни одного примера того, чтобы морфологически или синтаксически более сложный рефлексив был дистантным, а морфологически простой – локальным.

Четвертый признак – наблюдаемое во многих языках отсутствие дополнительного распределения между локальными и дистантными рефлексивами, а иногда – между дистантными рефлексивами и простыми местоимениями. В самом деле, в локальном употреблении наблюдается варьирование дистантных и локальных рефлексивов: (31) *Он видит себя_i // сам себя_i // *его_i*, а в дистантном – варьирование дистантных рефлексивов и простых местоимений: (32) *Они_i никому не позволят [вмешиваться в свои_i // их_i дела]*. В языке маратхи наблюдается даже включенная дистрибуция дистантного рефлексива *aapan* с простым местоимением *to*, то есть во всех случаях, когда допустим дистантный рефлексив, допустимо и простое местоимение с той же референцией (но обратное неверно), см. [Dalrymple 1993].

Наконец, пятый признак заключается в том, что даже в тех языках, где дистантные рефлексивы редко или вовсе не допустимы в локальных употреблениях, они могут выступать с сопредикатным антецедентом, но при этом не являются актантами того же самого предиката, а являются либо сирконстантами, либо составляющими актантов [Reinhart, Reuland 1993]. Будем называть такие позиции рефлексива "некоаргументными", ср. в норвежском языке (33) *Jon_i foraktet seg selv_i // *seg* "Йун_i презирает себя_i"; (34) *Jon_i fortalte meg om seg selv_i // *seg* "Йун_i рассказал мне о себе_i"; (35) *Hun_i kastet meg fra seg_i // ??seg selv* "Она_i (от)швырнула меня от себя_i" [Hellan 1988]; (36) маратхи (*swataah* – локальный рефлексив, *aapan* – дистантный):

Jane_i ne swataahlaa_i // *aapyaalaa baḍavle
 Джейн, ЭРГ себя. АКК_i // *себя. АКК побила
 "Джейн себя побила";

(37) *Jane_i ne swataahkartaa_i // applyaakartaa_i // ticyakartaa_i saadī*
 Джейн, ЭРГ для. себя_i // для. себя_i // для. нее_i сари
ghet li
 купила
 "Джейн купила для себя сари" [Dalrymple 1993].

Обратим внимание еще на два факта, связанных с некоаргументными позициями. Во-первых, в этих позициях может иметь место запрет на употребление локальных рефлексивов: (38) *Он_i положил ружье рядом с собой_i // *рядом сам с собой // *сам рядом с собой* [Лютикова 1997 : 64–65]. Во-вторых, в этих же позициях могут выступать и простые местоимения: (39) *John_i saw the gun near him_i*; "Джон_i увидел ружье рядом с собой_i," [Reinhart, Reuland 1993]. Интуитивно очевидна взаимосвязь между тремя указанными фактами поведения местоимений в некоаргументных позициях, и ниже будет предложен способ единой трактовки этой взаимосвязи.

Первый подход к объяснению проблемы дальних рефлексивов исходит из того, что признак, определяющий область связывания для отдельных языков и даже для разных местоименных элементов в одном и том же языке может принимать различные значения [Yang 1983; Borer 1984; Rappaport 1986; Manzini, Wexler 1987 и др.]. Второй подход исходит из того, что "дальние" рефлексивы не являются ни анафорами, ни прономиналами в том смысле, который приписывает этим понятиям теория связывания, и поэтому их поведение не противоречит теории [Anderson 1983; Giorgi 1983–1984; Iatridou 1986; Sportiche 1986; Vikner 1985; Епс 1989 и др.]. На этих двух путях, однако, исследователя подстерегает опасность постулировать особое значение признака области связывания или особый синтаксический класс для каждого типа местоимений, не укладывающегося в теорию и таким образом делать ее фактически непроверяемой. Третий, наиболее популярный сейчас, подход объясняет поведение "дальних" рефлексивов, устанавливая локальное отношение между ними и их антецедентом, возникающее в результате "скрытого" передвижения в духе работы [Huang 1982] и последовавших за ней версий порождающей грамматики; однако и этот подход имеет свои трудности, см. ниже. Четвертый подход (вне порождающей грамматики) представлен работой [Лютикова 1997]; морфологическую сложность локальных рефлексивов Е.А. Лютикова рассматривает как результат грамматикализации средств эмфатического выделения, причем необходимость такого выделения именно в локальном контексте объясняется с позиций когнитивного подхода условиями действия механизма "коррекции ожиданий адресата".

Особо важный с точки зрения типологии результат в рамках первого направления получен М. Мандзини и К. Уэкслером [Manzini, Wexler 1987]. Мандзини и Уэкслер предполагают, что ограничения на связывание принимают различные значения для различных лексических единиц, называя это "гипотезой лексической параметризации" (с. 434). Авторы отмечают, что область связывания для разных местоимений может определяться как минимальная предикация (или ИГ), содержащая: 1) подлежащее; 2) любую категорию, специфически свойственную финитному глаголу; 3) категорию времени; 4) категорию "референциального" времени; так авторы называют не-таксисные формы, интерпретируемые независимо от времени глагола главного предложения; 5) категорию "корневого" времени, которая обнаруживается только в глаголе главного предложения. Для английского рефлексива *himself* область связывания есть минимальная предикация (или ИГ), содержащая подлежащее. Для датского дистантного рефлексива *sig* выбирается область в соответствии с признаками 3), и поэтому это местоимение может быть свободно в инфинитивном обороте, в котором не выражена финитная категория времени. Область связывания для исландских рефлексивов выбирается в соответствии с признаком 4), так как они могут быть связаны через границу придаточного с глаголом-сказуемым в субъюнктиве. Наконец, японский рефлексив *дзibun* должен быть связан только в рамках "корневого" предложения.

К подходу Мандзини и Уэкслера примыкает и подход М. Далримпл, которая, работая в теоретических рамках "лексико-функциональной грамматики" Дж. Бреснан и Р. Каплана (см.: [Bresnan, Kaplan 1995]), разграничивает "минимальную полную ядерную область" (соответствует признаку 1 Мандзини и Уэкслера), "минимальную финитную область" (соответствующую 3) и "область корневого предложения" (соот-

ветствующую 5). Далримпл отмечает, что у этих авторов отсутствует еще одно важное значение признака – "сопредикатная область" (включающая актанты одного предиката), необходимость которого она обосновывает, исходя из данных языка маратхи (это проиллюстрировано в (36–37)).

Таким образом, Мандзини и Уэкслер получили научный результат, сопоставимый с уже известными типологическими иерархиями вроде "иерархии Сильверстейна" [Silverstein 1976] или "иерархии Кинэна–Комри" [Кинэн, Комри 1982], которые представляют собой цепочку эмпирических обобщений – импликационных универсалий типа: "если особая форма эргатива есть у личных местоимений 1 и 2 лица, то она есть и у прочих местоимений"; "если особая форма эргатива есть у местоимений, то она есть и у личных имен"; "если особая форма эргатива есть у личных имен, то она есть и у одушевленных"... и т.п. Естественный путь объяснения таких иерархий заключается в соотнесении их с некоторой градуальной способностью (например, к синтаксическому анализу релятивных оборотов в зависимости от степеней их сложности в случае иерархии Кинэна–Комри), которая может принимать различные значения для разных языков [Hawkins 1994].

В работах третьего направления делаются попытки (впервые у [Pica 1987]) объяснить факт "дальнего" связывания рефлексивов через понятие скрытого передвижения. Как полагают эти авторы, отношение между дистантным рефлексивом и его антецедентом является локальным (как это и предусмотрено теорией), однако локальность возникает в результате ненаблюдаемого грамматического процесса – "скрытого" передвижения рефлексива из зависимой предикации в главную на уровне "логической формы" (интерпретационный уровень, на котором структурные отношения между языковыми единицами изоморфны их логическим отношениям). С использованием ряда "внутриреоретических" доводов объясняется морфологическая простота дистантных рефлексивов и невыраженность в них категорий лица, числа и рода, а также ориентация на подлежащее: дистантные рефлексивы якобы всегда представляют собой морфологически дефектные и синтаксически элементарные объекты – терминальные категории, а не именные группы; передвижение в главную предикацию мотивируется тем, что им необходимо "получить" недостающие грамматические признаки от "главного" подлежащего [Reinhart, Reuland 1993; Bailyn 1992; Cole, Wang 1996 и др.]. Чтобы предположение о скрытом передвижении не выглядело как чисто произвольное, его обосновывают, указывая на наличие барьеров ("загораживающих" элементов) между антецедентом и дистантным рефлексивом. Особенно подробно в этом отношении исследован дистантный рефлексив *ziji* в китайском языке (см. выше (24); [Tang 1989; Battistella 1989; Cole, Hermon, Sung 1990; Huang, Tang 1991]).

Мотивация "дистантного" передвижения рефлексивов, исходящая из их морфологической дефектности и синтаксической неразложимости должна быть признана совершенно неудовлетворительной даже по чисто эмпирическим соображениям. Дистантные рефлексивы в дагестанских языках обладают полноценной морфологической парадигмой, изменяясь по падежу, числу и согласовательному классу (см. ниже). Известны также и синтаксически неэлементарные дистантные рефлексивы (29–30), и морфологически простые локальные рефлексивы (36).

1.3. Дистантные рефлексивы: проблема запрета локальных употреблений. Нуждается в объяснении и тот факт, что многие дистантные рефлексивы не могут выступать в локальном контексте, ср. выше (33) и (36). Некоторые дистантные рефлексивы не только могут, но и должны иметь антецеденты, отличные от "близлежащего" подлежащего. Поэтому, как отмечает С. Викнер [Vikner 1985], они (по определению) ведут себя скорее как прономиналы. Такие местоимения отмечались в малайял [Mohanan 1982], в языке догриб атапаскской семьи [Saxon 1984], новогреческом [Patridou 1986] и голландском [Huysbregts 1979]; по нашим данным, именно таковы дистантные рефлексивы в аваро-андийских языках, см. ниже. От настоящих прономиналов они, впрочем, отличаются ориентацией на подлежащее и недопустимостью дейктических

употреблений [Thráinsson 1991: 50]. Р. Хейбрегтс и С. Ятриду предполагали, что это особый тип местоименного элемента, который, соответственно, требует особого ограничения в теории. Однако, как было уже отмечено выше, простое увеличение числа теоретически допустимых разрядов местоимений и/или принципов, регулирующих их поведение, не является перспективным путем объяснения наблюдаемых фактов.

1.4. Проблема дистантных прономиналов. Итак, дистантные рефлексивы нарушают принцип А теории связывания в его “классической” редакции. Параллельное нарушение принципа В, то есть запрет на связывание прономинала придаточного предложения подлежащим главного, встречается значительно реже, например, в исландском (но не в датском и не в русском): (40) *Pétur_i bað Jens_j um [að raka hann_{k/i/*i/*j}]* “Петер_i попросил Йенса_j [побрить его_{k/i/*i/*j}]”. Другой пример дистантного прономинала – местоимение *eða* “он, тот” в сванском языке, которое избегает позиции кореферентности какому бы то ни было подлежащему (ср. дистантный рефлексив *mič* и локальный рефлексив *txwim*): (41) *wanos_i čuxoxa zurab_j eða-s_k/mič_i/txwim-s_j mām xoγwrewi* “Вано_i знает, что Зураб_j его_k/ его_i/ себя_j (акк.) не обманет”. Аналогичным образом ведут себя местоимения 3 лица в андийских, цезских и цахурском языках (см. ниже). Сторонники гипотезы “ненаблюдаемого передвижения” рефлексивов вынуждены трактовать и случаи дистантной зависимости прономиналов как результат передвижения [Hestvik 1991], что, на наш взгляд, создает непреодолимые трудности в анализе этих конструкций.

1.5. Проблема несинтаксических употреблений. В последние годы появилось множество исследований, посвященных таким употреблением рефлексивных местоимений, которые никак не могут быть представлены в виде чисто синтаксических правил. Прежде всего это рефлексивы, которые могут употребляться таким образом, что их antecedent не соблюдает никаких синтаксических ограничений (например, не является подлежащим или входит в предложение, синтаксически не связанное с данным), однако при этом либо означает фокус эмпатии – лицо, “с точки зрения которого” ведется речь (подробнее о понятии “фокус эмпатии” см. в [Kuno 1987]), либо употребляется в роли дискурсивных элементов, выражая “коррекцию” ожиданий адресата [Edmondson, Plank 1978; Кибрик, Богданова 1995; Лютикова 1997 и др.]. Так в исландском примере (42) *María var alltaf svo andstyggileg. Þegar Ólafur_i kæmi segði hún sér_{i/*j} áreiðanlega að fara...* “Мария была всегда такой неприятной. Когда приходил Олаф_i, она обязательно просила его_{i/*j} (букв.: себя) уйти” рефлексивное местоимение *sér* обозначает референт, совпадающий не с референтом собственного подлежащего (“Олаф”), и не с референтом подлежащего главного предложения (“Мария”), а... с говорящим, так как в тексте, частью которого является (42), излагаются его чувства и мнения по поводу описываемых событий: [Thráinsson 1991]. Другой пример подобного несинтаксического употребления в английском: (43) *The young man, whose name was Robert Jordan, was extremely hungry and he was worried. He was often hungry, but he was not often worried because he_i did not give any importance to what_j happened to himself_i* (Е. Hemingway) “Молодой человек, которого звали Роберт Джордан, был крайне голоден, и он был обеспокоен. Он часто бывал голоден, но не часто – обеспокоен, потому что он_i не придавал значения тому, что_j происходило с ним самим_i.” [Dalrymple 1993; Zribi-Hertz 1989]. По предложению П. Селлза [Sells 1987], такие употребления рефлексивов стали называть логофорическими (по аналогии с термином “логофорические местоимения” в африканистике⁴). Наиболее интересным нам здесь кажется тот факт, что логофорические употребления допустимы

⁴ Например, в языке эве (семья нигер-конго) наряду с обычными рефлексивами и личными местоимениями употребляются особые местоимения “с целью отграничить референцию к тому лицу, чья речь, мысли или чувства излагаются или отражаются в данном языковом контексте, от референции к другим лицам” [Clements 1975: 141].

не во всех синтаксических позициях. Например, в английском языке логофорическое употребление рефлексива возможно, если он вложен в группу дополнения (44а), но невозможно, если он сам является дополнением (44б); в последнем, но не в первом, случае наличие перспективного антецедента-подлежащего “блокирует” логофорическое употребление: (44) а. *Lucie's_i eyes watched eagerly a new picture of herself_i in the paper* “Глаза Люси_i с интересом рассматривали ее_i новую фотографию в газете”; б. **Lucie's_i eyes watched herself_i in the mirror with new eagerness* “Глаза Люси_i рассматривали ее_i (букв. себя) в зеркале с новым интересом” [Reinhart, Reuland 1991; 1993].

Ниже мы постараемся показать, что наблюдаемые в языках ограничения на употребление локальных и дистантных рефлексивов, а также простых местоимений не могут быть исчерпывающе сформулированы в терминах одной или нескольких категорий, обладающих необходимым и достаточным набором грамматических свойств. Необходимыми и всеобщими являются, скорее всего, лишь определенные импликационные соотношения свойств дистантных рефлексивов и других местоименных элементов – локальных рефлексивов и прономиналов.

2. Рефлексивы в дагестанских языках⁵. По своей морфологической структуре рефлексивы в дагестанских языках могут быть подразделены на простые и сложные, причем, как и в других языках, сложные рефлексивы локальны, а простые обнаруживают способность к дистантному употреблению. Простые рефлексивы состоят из корня и (в большинстве языков) также классно-числового аффикса, который выражает согласование с антецедентом по этим категориям; они также могут различать числовые формы. Сложные рефлексивы образуются присоединением к простым рефлексивам особой частицы (обычно она имеет в других контекстах выделительное значение); кроме того, сложные рефлексивы могут представлять собой удвоение простых рефлексивов таким образом, что первый рефлексив оформлен падежом антецедента, а второй – падежом мишени (типа русск. *сам себя*). Вначале мы рассмотрим поведение локальных и дистантных рефлексивов в языках аваро-андийской группы, а затем – типологически необычные свойства рефлексива *wiʒ* в цахурском языке (лезгинская группа).

2.1. Аваро-андийские языки. В аваро-андийских языках обнаруживаются дистантные рефлексивы с суффиксальной позицией для числовых и классно-числовых показателей, которые выражают согласование с антецедентом. В аварском это местоимения *жи-в* I кл. ед.ч.; *жи-й* II кл. ед.ч.; *жи-б* III кл. ед.ч.; *ж-ал* мн.ч.; косвенные падежные формы образуются от основы *жи-нди-* в единственном и *жи-де-* во множественном числе. В годоберинском дистантными рефлексивами являются *ži-w* I кл. ед.ч.; *ži-j* II кл. ед.ч.; *ži-b* III кл. ед.ч.; косвенные падежные формы образуются от супплетивной основы *in-*: *in-šū-ti* “(-косв. осн.-дат.п.). В багвалинском имеется местоимение *e-w* I кл.ед.ч.; *e-j* II кл. ед.ч.; *e-b* III кл. ед.ч.; *e-ba* I–II кл. мн.ч.; *e-r* III кл. мн.ч.; в косвенных формах используется та же основа, что и в годоберинском: *in-šū-r* эрг.п. I кл. ед.ч., *in-ṭi-r* эрг.п. II–III кл. ед.ч. и т.д.

Сложный локальный рефлексив образуется присоединением к дистантному рефлексиву выделительной частицы (в аварском языке – *-go*, в андийских языках – *-da*): в аварском – *жи-в-go*, *жи-й-go*, *ж-ал-go* и т.д.; в годоберинском – *ži-w-da*, *ži-j-da*, ... *in-šū-ta* (< *in-šū-ṭi-da) и т.д.; в багвалинском – *e-w-da*, *e-j-da*... *in-šū-r-da* и т.д. Тот же показатель образует рефлексивные местоимения 1 и 2 лица от соответствующих нереплексивных, ср. авар. (45) а. *Гье-с дир васас-да тунк-ана* “Он (эрг.) моего сына

⁵ Большая часть материала по дагестанским языкам была собрана авторами в Дагестанских лингвистических экспедициях МГУ 1993–1997 гг., возглавляемых А.Е. Кибриком и осуществлявшихся при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и фонда INTAS. Особая благодарность нашим информантам, в особенности М.-К. Гимбатову (аварский язык) и И. Мамедову (цахурский язык).

(= лок.) ударил (аор.)”; б. *Ди-ца дир-го* (*дир)вас-асда тунк-ана” Я (эрг.) своего (рефл.; букв.: “моего-же”) сына(-лок.) ударил (аор.)”.

В сопредикатной позиции употребляется только локальный рефлексив при любой падежной рамке (модели управления) глагола-сказуемого:

(46) авар. *Пали-ца жи-в-го*// *жив лъукъ-ана
Али- сам-І-же// *сам-І ранить-АОР
ЭРГ

“Али себя поранил”

(47) авар. *Вас-асда жи-в-го*// *жи-в матІуя-лъув вихъ-ана
мальчик-ЛОК сам-І-же *сам-І зеркало-ЛОК видеть-АОР
“Мальчик увидел себя в зеркале”

(48) *‘ali in-šū-č ‘u-da*// *in-šū-č ‘u buž-ida
годоб.
Али сам-КОСВ-ЛОК- *сам-КОСВ-ЛОК верить-ОБЩ
же//
“Али верит себе”

(49) *‘ali-di in-šūta*// *in-šū-ti qiča
годоб.
Али- сам-КОСВ.ДАТ.же// *сам-КОСВ- книга.НОМ
ЭРГ ДАТ

ik-i
дать-АОР

“Али себе книгу подарил”;

В тех же позициях, что и сложный рефлексив, факультативно употребляется и двойной рефлексив типа русск. *сам себя*, состоящий из двух сложных рефлексивов – один в падеже antecedenta, второй в собственном падеже рефлексива, например:

(50) авар. *Пали-ца жин-ца-го жи-в-го лъукъ-ана*
Али-ЭРГ сам-ЭРГ- сам-І-же ранить-АОР
же
“Али сам себя поранил”

Примечательной особенностью годоберинского языка является то, что в нем наблюдается предпочтение двойного рефлексива в позиции прямого дополнения при глаголе с эргативно-номинативной падежной рамкой:

(51) *‘ali-di inšo-da ži-w-da (> ži-w-da) w-iku-da*
годоб.
Али- сам.ЭРГ-же сам-І-же (сам-І-же) І-поймать-
ЭРГ ВСП
“Али сам себя поймал”

В той же позиции двойной рефлексив обязателен и в бежтинском языке, который относится к цезской группе (генеалогически наиболее близкой аваро-андийским языкам): (52a) *hokco hini-zu ži iL'e-jo* “Он(эрг.) сам(эрг.– же) себя(ном.) убил(-аор.)” при неграмматичности (52б) **hokco ži iL'e-jo* без рефлексивной копии подлежащего; ср. допустимость этого при другом типе конструкции (53) *hokco-l ži c'ik'a-li' egā-jo* “Он(-дат.) себя в-зеркале(-лок.) увидел”.

В составе зависимых предикаций – причастных (54–56), инфинитивных (57–58) и масдарных (59) оборотов при кореферентности некоторой ИГ подлежащему главному предложению используется, как правило, сложный рефлексив, но иногда допус-

тим и простой:

- (54) авар. [Жи-в-го₁// ?жив в-ук₁-ара-б бак I] лъа-ч₁о Гали-да₁
Сам-I-же //²сам I-быть- место знать- Али-ЛОК
ПРИЧ-III ОТР.АОР

“Али, не знал, где он₁ находится {букв.: сам бывшее-в место не знал}”

- (55) авар. До-сие₁ й-окъ-ула [жин-да-го₁ /жин-да
он- II-нравиться-ОБЩ сам-ЛОК-же /сам-ЛОК
ДАТ

аск₁лой яхъ-ун ч₁-ун й-иге-й] яс
возле встать-ДЕЕПР стоять-ДЕЕПР II-ВСП. девушка
ПРИЧ-II

“Ему₁ нравится девушка, которая стоит (букв.: “стоящая”) возле него₁”

- (56) багв. ima-šur [in-šur-da/ *in-šur žo-b]
отец-ЭРГ сам-ЭРГ-же/ *сам-ЭРГ строить.ПРИЧ.-III
awal ičibeta
дом продать.АОР

“Отец продал дом, который (сам) построил”.

- (57) багв. jašu-la₁ q'oča-mo ek'o'a [ima-šur e-j-da/ e-j₁ wešiša]
дочь-ДАТ хотеть- ВСП отец-ЭРГ сам-II-же/ сам-II хвалить.
ПРЕЗ ИНФ

“Дочь₁ хочет, чтобы ее₁ отец похвалил”

- (58) ʿali-ti₁ qo'araʿ-anda [ži-w-da₁ // *ži-w
годоб. Али-ДАТ хотеть-ВСП [сам-I- // *сам-I
же

maXačkala-jalda w-un-i]
Махачкала-ЛОК I-поехать-ИНФ]

“Али₁ хочет (сам₁) поехать в Махачкалу”

- (59) wašu-ra₁ biʔata-da [ži-w-da₁// ži-w₁
годоб. мальчик- знать-ВСП сам-I-же// сам-I
АФФ

maXačkala-jalda w-un-i-Libu w-uk'-ir
Махачкала-ЛОК I-поехать-ИНФ- I-быть-МАСД
БУД.ПРИЧ

“Мальчик₁ знает, что он₁ поедет в Махачкалу”

Единственными финитными зависимыми конструкциями в дагестанских языках (то есть такими, вершинами которых являются сказуемые в формах, употребляемых также и в независимой предикации) можно считать конструкции косвенной речи и косвенного вопроса, которые маркируются особыми “цитатными” показателями -an// -ян и -али в аварском, L'и в годоберинском, -Re в багвалинском языке. Хотя эти показатели в таких случаях выступают в роли подчинительных союзов, они, вообще говоря, не являются союзами, так как обладают более широкой дистрибуцией, свойственной частицам. В финитных зависимых предикациях допустим только простой рефлексив, который выражает кореферентность с подлежащим главного предложения; обозначение лиц коммуникантов (не обозначенных рефлексивом) может

совершаться как при прямой речи (64):

(60) авар. *Инсу-ца; вас-асда; аб-уна*
отец-ЭРГ сын-ЛОК сказать-АОР

[жиндир_i// жиндир-го_j куч_iдул _цлале-йилан]
[свой// свой-же стихи читать.ИМП-ЦИТ]

“Отец велел сыну, прочитайте свои_i // свои_j стихи”

(61) авар. [*Жи-в (*жи-в-го) ки-в в-уге-в-али*] *лба-л-аро*
[сам-І (*сам-І-же) где-І І-быть-І-ВОПР] *знать-ОБЩ-ОТР*

Гали-да
Али-ЛОК

“Али не знает, где он (есть) [букв.: “где сам есть-ли”]”

(62) авар. [*Жин-да-йиц, х_lох_o-да-йиц, клаль-але-в в-уге-в-али,*]
[сам-ЛОК-ли чурбан-ЛОК-ли говорить-ПРИЧ-І І-быть-І-ВОПР]

г_лин-цин т_lам-ич_lо до-с
ухо-даже двинуть-ОТР.АОР он-ЭРГ

“Ему ли, чурбану ли говорят (словно), он и ухом не повел”

(63) *‘ali-di, hiL’-i [wač_u-di, in-š_u-ti,] in-š_u-tā,*

годоб.

Али-ЭРГ сказать-АОР [брат-ЭРГ сам-КОСВ-ДАТ// сам-КОСВ-ДАТ.же

hanq_o’abe raX-i-Libu-L’u
дом купить-ИНФ-ПРИЧ.БУД-ЦИТ]

“Али, сказал, что брат, купит ему_i // себе_j, дом”

(64) багвал. *‘ali-r w-esis-iraX ek_o’a ‘utari-la [e-w*
Али-ЭРГ І-хвастаться-ПРИЧ ВСП Омар-ДАТ сам-І

du-č’ herič’o-w-Re
ты-ЛОК бояться.ОТР-І-ЦИТ

“Али, хвастается Омару, что он_i его (букв.: тебя) не боится”

В зависимых предикациях в аварском (но не в годоберинском и не в багвалинском) для обозначения актанта, кореферентного подлежащему главной предикации, может быть использовано и простое анафорическое местоимение (прониминал); при этом оно, в отличие от рефлексива, может иметь и другой антецедент (или не иметь никакого). Двойной рефлексив в зависимой предикации, кореферентный подлежащему главной, недопустим:

(65) авар. *Мух_lаммад-ие, р-окъ-ул-аро*
Магомед-ДАТ МН-любить-ОБЩ-ОТР

[*жин-да-го_i / жин-да_j / (*жинд-ие-го жин-да-го)*
сам-ЛОК-же / сам-ЛОК (*сам-ДАТ-же сам-ЛОК-же)

(*/гье-сда_{i,j} / р-ич_lч_l-ул-ар-е-л*) *харб-ал*
он-ЛОК МН-понимать-ОБЩ-ПРИЧ- разговор-МН
МН

“Магомед_i не любит разговоров, которые ему_i (/ему_{i,j}) непонятны”

(66) авар. Пали-ца; аб-уна вац-ас жинд-ие; /гьес-ие_{i,j} мина
 Али-ЭРГ сказать-АОР брат-ЭРГ сам-ДАТ /он-ДАТ дом

бос-ан-илан

купить-АОР-ЦИТ

“Али, сказал, что брат купит ему_i / ему_{i,j} дом”

Итак, в аваро-андийских языках наблюдается следующего вида распределение различных видов рефлексивных местоимений. Морфологически простой дистантный рефлексив употребляется в составе финитных зависимых предикаций и реже – в составе нефинитных. Морфологически более сложный локальный рефлексив употребляется в случаях сопредикатной кореферентности с подлежащим, кроме случая эргативно-номинативной падежной рамки в годоберинском языке (51). В последнем случае используется двойной рефлексив, который, кроме того, допустим и в сопредикатном употреблении, но (в отличие от сложного рефлексива) невозможен в составе нефинитной предикации (60).

2.2. Цахурский язык. Поведение местоимения *wuʒ* (I, III кл.; *jiʒ* II, IV кл.; *ʒo* мн.ч.; *ʒu*-косв. осн. I кл. ед.ч.; *ʒe*- то же II кл.; *ʒi*- то же III–IV кл.) в цахурском языке оказывается едва ли не сенсационным в свете сложившихся представлений о типологии рефлексива. Это весьма частотное анафорическое местоимение цахурского языка не имеет никаких позиционных ограничений на употребление, – по крайней мере, в речи значительной части информантов. Оно обнаруживает свойства локального рефлексива, употребляясь сопредикатно с антецедентом-подлежащим. В этой позиции оно свободно варьирует с двойным рефлексивным местоимением *wuʒ-ē wuʒ* “сам(-эрг.) себя(ном.)”:

(67) *rasuʎ-ē wuʒe: ʒu-kʃ ʒu-k Xiŋ get-u*
 Расул-ЭРГ сам-ЭРГ сам-ЛОК// сам-ЛОК рука трогать-АОР
 “Расул дотронулся до себя рукой.”

(68) *rasuʎ; iŋaʎ-ina (wuʒ) ʒu-qa; naX,ar-ēnče*
 Расул смотреть-АОР (сам) сам-ЛОК зеркало-ЛОК
 “Расул сам на себя посмотрел в зеркало”

В позиции прямого дополнения при эргативно-номинативной падежной рамке, в особенности при двухвалентных глаголах, часть информантов с трудом допускает рефлексивную интерпретацию *wuʒ*, предпочитая двойной рефлексив:

(69) *rasuʎ-ē; wuʒ-ē wuʒi// ?wuʒ; jaralamiʂa?-u*
 Расул-ЭРГ сам-ЭРГ себя// ?себя поранить-ПРФ
 “Расул, сам себя, поранил”

Местоимение *wuʒ* употребляется также во всех позициях, типичных для дистантного рефлексива. В этих позициях двойной рефлексив недопустим. Во-первых, это некоаргументная позиция:

(70) *gade-jkʃle Gaʒ-ejn dal ʒu-ni kʃanē*
 мальчик-АФФ видеть-ПРФ палка сам-АТР возле
 “Мальчик увидел палку возле себя”

Во-вторых, это позиция любого актанта или сирконстанта в зависимой предикации – в причастном (71), масдарном (72) и инфинитивном (73) обороте, а также в финитной предикации, выражающей косвенную речь (74):

(71) [*wuʒ-ē; muRurqa?-ini gade-jka mahlamadi saʎXunna*
 сам-ЭРГ разбудить-АТР мальчик-КОМ Магомед побить.ПРФ
 “Магомед, подрался с мальчиком, которого он, разбудил”

- (72) *bajram-is_i; q'abīḫ-ajñ [allī-k'le wuḷ_i; Gaḷe-j]*
 Байрам-ДАТ нравиться-ИПФ Али-АФФ сам видеть-МАСД
 “Байраму_i; нравится, что Али его_i; видит”
- (73) [*ḷe-si kumagha?-as*] *jed-ēi jiš qort'ulna*
 сам-ДАТ помогать-ИНФ мать-ЭРГ_i; дочь звать.ПРФ
 “Мать_i; позвала дочку себе_i; помочь”
- (74) [*rasuḷ-ē-jī malhammad-ē*]_i *iwhojn Ru ḷo_i aldamīṣaw?-i-mī*
 Расул-ЭРГ-и Магомед-ЭРГ говорить.ПРФ ты сам.МН обманывать-
 ПРФ-ЦИТ
 “[Расул и Магомед]_i; сказали, что ты их_i; обманул”

Употребляясь в качестве аппозитивного определения в составе ИГ, *wuḷ* чрезвычайно близок по семантике к русскому дискурсивному *сам*, обозначая “коррекцию ожиданий” адресата [Лютикова 1997]:

- (75) *ḷu-še mal'allim-iše dāl-wḫ-u haḷā?-as pīrmer*
 сам-ЛОК учитель-ЛОК ОТР-мочь-ПРФ решить-ИНФ пример
 “Сам учитель не мог решить пример”

Интересно, что *wuḷ* может сохранять эту последнюю функцию и когда употребляется как прономинал (см. ниже), то есть или действительно (76), или когда его antecedентом является не сопредикатное подлежащее (77). В этих позициях нулевая анафора или обычные прономиналы (*ha'mana*, (*ha*)*šena*, (*ha*)*jina* “он, тот” не несут присущей *wuḷ* дискурсивной семантики: (76) *wuḷ iḷozur-or* “(Вон он) сам стоит(-през.)”; (77) *all-ē anwar getu, wuḷ-ur gešuna* “Али(-эрг.) Анвара побил {и} сам(-же) заплакал”.

Наконец, неударенный *wuḷ* употребляется и во всех позициях, свойственных прономиналу, например, (67) может значить “Расул_i дотронулся до него_i рукой”, а (68) – “Расул_i посмотрел на него_i в зеркало”. Кроме позиций, проиллюстрированных также в (76–77), он может, например, употребляться и при antecedенте в другом предложении того же отрезка текста (78)⁶, или, находясь в главном предложении, иметь antecedент в зависимом (79).

- (78) *sa XIamdē temraz_i hark'in-o-r šek-ēqa.*
 один ночью Темраз идти.ПРФ-ВСП-I Шеки-ЛОК
ḷu-qab_i mā dost-ār kar-bī awajke wuxa.
 сам-ПОСС там друг-МН дело-МН находить ВСП.ПРФ

“Однажды ночью Темраз_i; пошел в Шеки. У него_i; там имелись друзья [= там у него друзья-дела нашлись]”.

- (79) *bajram-iqad_i pīl deš-wī ḷu-še_{i,j} k'eletXīmin*
 Байрам-ПОСС деньги нет-ЦИТ сам-ЛОК забыть.ПРФ
 “Что у Байрама_i; нет денег, он_{i,j} забыл”

Таким образом, местоимение *wuḷ* не подчиняется почти никаким синтаксическим ограничениям, и тем интересней выяснить, каков несинтаксический компонент правил его употребления. *wuḷ* сосуществует в цахурском языке с другими местоимениями, употребление которых синтаксически ограничено обычным образом – с локальным двойным рефлексивом *wuḷē wuḷ* и с прономиналами. К последним относятся нулевое анафорическое местоимение, а также ненулевые дейктико-анафорические местоиме-

⁶ Примеры (78) и (80–83) взяты из цахурских текстов в [Элементы 1998], записанных и проанализированных Е.Ю. Калининой и Е.А. Лютиковой.

ния *mana*, *ina* “этот” и *šena* “тот”. Являясь в соответствующих позициях синтаксическими вариантами местоимения *wiž*, они вовсе не тождественны ему функционально. Выбор из двух или более местоимений, грамматически равно допустимых в некотором контексте, определяется коммуникативными факторами. Референт местоимения *wiž* должен быть выделен каким-то образом в дискурсе, например, являться тем лицом, с точки зрения которого описывается ситуация в данном предложении или фрагменте текста (эта функция называется фокусом эмпатии), либо этот референт должен быть наиболее активизирован в текущей памяти коммуникантов, – то есть находиться в центре внимания.

Эти функции хорошо прослеживаются на материале нарративных текстов. Такой текст представляет собой некоторую последовательность эпизодов, связанных между собой одинаковым составом центральных участников. Участники событий, описываемых в тексте, не равноправны с точки зрения их коммуникативной значимости. Они могут находиться или не находиться в центре внимания или в фокусе эмпатии всего текста или его эпизода.

Основной текстовой функцией местоимения *wiž* является маркирование фокуса эпизода в неприоритетной синтаксической позиции или в неожиданной семантической или ситуационной роли. Перечислим ниже некоторые случаи, когда может возникнуть необходимость в использовании этого местоимения.

Во-первых, это ситуация, когда референт, находящийся в фокусе внимания эпизода, был временно отодвинут на задний план другими участниками событий. При возвращении этого референта в фокус внимания он скорее всего будет обозначен местоимением *wiž*:

- (80)а. *sa jalq-ē malʔallim-ē siRocaʔ-una*
 один раз-ЛОК учитель-ЭРГ поднимать-ПРФ
šuluX haʔa-ni žig-ē, iwhojn:
 шум делать-АТР место-ЛОК говорить.ПРФ

“Один раз учитель велел (ему) встать, в то время [= в месте,] когда (он) шумел, и сказал:

- б. “*iwh-e hižōjē zī halbsaʔad iwho!*”
 говорить-ИМП что я сейчас говорить.ПРФ
 «Скажи, что я сейчас сказал!»
 в. *gojne wiž-ē-d ejh-e-jī hižōjē malʔallim-ē iwho.*
 потом сам-ЭРГ-и говорить-ИПФ-ЭМ что учитель-ЭРГ говорить.ПРФ
 И тогда он повторил [= сказал] то, что говорил учитель.”

В данном эпизоде говорится о непослушном мальчике. В первых двух предложениях он обозначен анафорическим нулем. В (80б) учитель, не находящийся в фокусе внимания рассматриваемого эпизода, становится локальным фокусом внимания. В (80в) внимание опять возвращается к главному герою данного эпизода – к мальчику, и локальный фокус вновь совпадает с фокусом эпизода, что и отражено в выборе местоимения *wiž* для его наименования.

Рассмотрим еще пример:

- (81)а. *emzar-ē iwhojn:*
 Эмзар-ЭРГ говорить.ПРФ
 “Эмзар сказал:
“daK, zī qik-e qaltq-as, za-še alX-asin”.
 отец я увозить-ИМП учиться-ИНФ я-ЛОК мочь-
 БУД
 «Отец, повези меня учиться, я смогу.»

б. *‘nāIXudne wa-še aIX-as, Ru*
 как ты-ЛОК мочь- ты

qiIdatq-īnGla maktab-ē’.

учиться.ОТР-ДЕЕПР школа-ЛОК
 «Как ты сможешь, ведь [= когда] ты в школе не учился.»

в. *gojne wuž-ur qaltq-as qik-i deš.*
 потом сам-и учиться-ИНФ увозить-ПРФ не.быть
 “И поэтому его учиться не повезли.”

В первом предложении фрагмента упоминается Эмзар, о котором идет речь в данном эпизоде. Далее (81б) главным действующим лицом становится отец (он говорит). В (81в) внимание возвращается к Эмзару, который упоминается в неприоритетной позиции дополнения. Для его наименования выбирается местоимение *wuž*.

Во-вторых, *wuž* может обозначать референт, который находится в фокусе эмпатии, но по семантическим причинам, не зависящим от способа “упаковки” информации в тексте, актанта, его обозначающий, занимает менее приоритетную позицию, чем другие актанты. Такую позицию актанта может занимать в силу своей роли (роль претерпевающего) в сцене или в ряде сцен:

(82)а. *nimād čalpald-a iḡ-ē-nī, hama-ni*
 какой грязный-и стать-УСЛ-ЭМ этот-АТР

ič-ē haʔ-am-mī deš-dī-xe.
 девочка-ЭРГ делать-ИПФ-МН не.быть-ЭМ-ХАБ

“Какой бы грязной ни была (одежда), эта девочка не переодевалась [= не делала]”.

б. *gojne jed-ē-r ajqēq-a hama-na,*
 потом мать-ЭРГ-и держать-ИПФ она-АТР

jič-w-ē qakāh-a kar-bi, gojne-d
 сестра-ЭРГ снимать-ИПФ вещь-МН потом-и

alaʔ-am-mī temiz-im-mī že-lqa.
 надевать-ИПФ-МН чистый-АТР-МН сам-ЛОК

Потом мать сама держала ее, сестра снимала одежду, а затем на нее надевали чистое”.

В (82) в центре внимания эпизода находится девочка-грязнуля. В (82б) по смыслу рассказа ИГ, обозначающие этот референт, находятся в неприоритетной позиции претерпевающего (дополнения). В последней из предикаций, входящих в конструкцию (82б), для обозначения этого референта используется местоимение *wuž*.

В-третьих, *wuž* обозначает референт, находящийся в центре внимания, который выступает в ситуационной роли, неожиданной с точки зрения адресата:

(83)а. *iwho wod: ‘manGu-še aIXa-s deš*
 говорить.ПРФ ВСП этот-ЛОК мочь-БУД не.быть

ma-n kar haʔa-s’.
 этот-АТР дело делать-ИНФ

«(Он) говорит: “Этот не смог бы такое дело сделать”.

б. *iwhojn: ‘balkan qolpq-una wuž-o-r-na’.*
 говорить.ПРФ лошадь красть-ПРФ сам-быть-I-A

(Ему друг) отвечает [= говорит]: “Лошадь он самый украл”».

В центре внимания в (83) находится некий человек невзрачного вида, которого рассматривают оба персонажа текста, причем один из них (83а) полагает, что этот человек не подходит для роли смелого и удачливого вора, а другой (83б), используя местоимение *миž*, утверждает, что именно он и является вором.

Таким образом, текстовые функции употребления *миž* характерны одновременно для обычных прономинатов типа русск. *он*, обозначающих референт в фокусе эмпатии или в центре внимания эпизода, и для рефлексивов (или выделительных слов, морфологически связанных с рефлексивами) типа рус. *сам*, нем. *selbst* и т.п.

Очевидно, цахурское местоимение *миž* обладает свойствами, не предусмотренными ни одной из предложенных ранее теорий грамматической анафоры, более того, опровергает их важнейшее исходное предположение о том, что всякое ненулевое анафорическое местоимение должно быть синтаксически ограничено в своем употреблении. Наличие местоимения, вовсе лишённого ограничений, причем не периферийного (как турецкое местоимение *kendisi* с похожими свойствами, на которое указывает М. Энч [Енç 1989]), или одно из местоимений языка нгво (группа банту, [Voorhoeve 1980]), а широко употребляемого, подрывает самую основу существующих классификаций. Выясняется, далее, что наличие дискурсивных функций, типичных для рефлексива, не имплицитно подразумевает наличия соответствующих синтаксических свойств, см. об этом также [Лютикова 1997].

Итак, материал дагестанских языков позволяет пересмотреть некоторые представления о типологии рефлексивов. Во-первых, в дагестанских языках дистантные рефлексивы обладают полной парадигмой, изменяясь по категориям падежа, числа и согласовательного класса, что опровергает все попытки объяснить их синтаксические свойства морфологической дефектностью. Во-вторых, в годоберинском и цахурском языках позиция прямого дополнения (пациенса при агентивном глаголе), по-видимому, обладает особыми свойствами сравнительно с другими дополнениями: в нем допустим обычно только двойной рефлексив. В-третьих, в цахурском языке обнаруживается местоимение с дискурсивными признаками рефлексива, но без обычных синтаксических ограничений на употребление, свойственных рефлексиву.

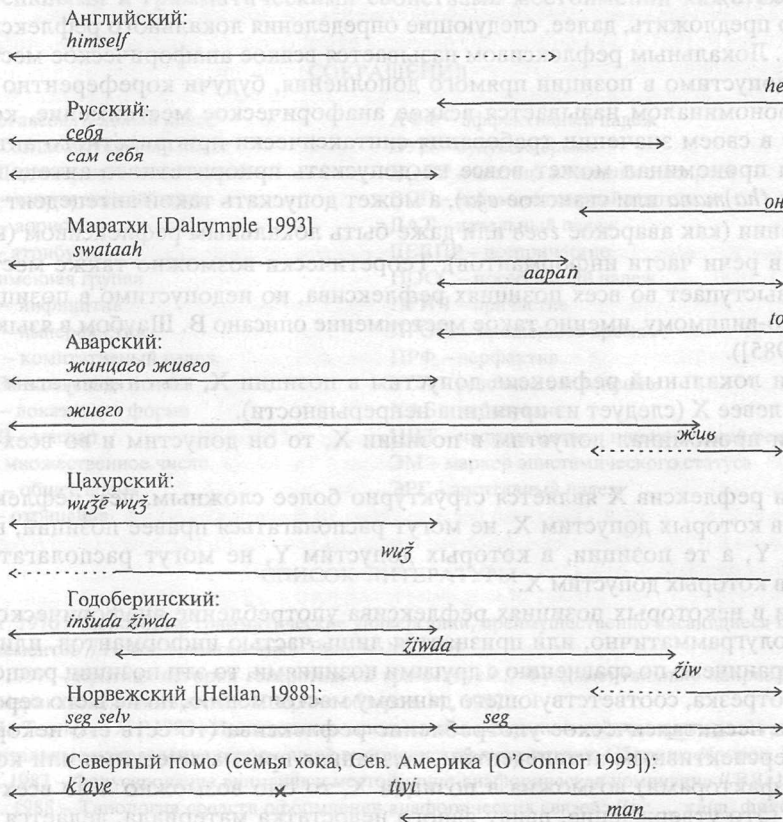
3. Универсальная иерархия позиций рефлексива. Приведенный выше материал дагестанских языков позволяет существенно уточнить ту иерархию "областей связывания" для рефлексивов, которая в разных редакциях предлагалась в работах [Manzini, Wexler 1987; Dalrymple 1993] и [Лютикова 1997: 69]. Понятно, что эта иерархия должна включать в себя все более увеличивающиеся структурные "расстояния" от рефлексивного местоимения до антецедента-подлежащего. Назовем "позицией рефлексива" любую синтаксическую позицию для ИГ, маркированную индексом тождественного референта с подлежащим той же предикации или любой предикации, относительно которой данная предикация является зависимой. Выделим следующие позиции рефлексива: прямое дополнение при двухместном глаголе; прямое дополнение при многоместном (битранзитивном) глаголе; коаргументная позиция (актант, сопредикатный с подлежащим); неактантная ИГ, сопредикатная с подлежащим (т.е. сирконстант или составляющая актанта); ИГ, входящая в нефинитную зависимую предикацию; ИГ, входящая в финитную зависимую предикацию.

Суммируем известные нам факты по восьми языкам, соединив отрезками те позиции иерархии, в которых может выступать некоторое местоимение. При этом стрелки будут означать границы области употребления местоимения; отсутствие стрелки справа означает, что данное местоимение употребляется не только в позициях рефлексива, но и как прономинат. Пунктирная часть отрезка означает, что употребление местоимения в данной позиции ограничено, затруднено или признается не всеми информантами.

Свойства посессивных рефлексивов и прономинатов (*свой, ego*, англ. *his* и др.) требуют отдельного рассмотрения; здесь можно лишь отметить, что в целом позиция посессивного определения является частным случаем позиции неактантной ИГ. Мы оставляем в стороне также вопрос, не является ли позиция подлежащего в финитных

Иерархия позиций рефлексива:

Д_{пр}(2местн) > Д_{пр}(битранз) > Коаргумент > Неактант ИГ > ИГ_{нефин} > ИГ_{фин}

и нефинитных зависимых предикациях более приоритетной на данной иерархии в сравнении с позицией любого другого актанта соответствующего типа зависимой предикации – некоторые данные как будто указывают на такую приоритетность: ср. возможность рефлексивного местоимения в роли подлежащего английского инфинитивного оборота (84) *I consider [myself to be intelligent]* "Я считаю, что я умен" или "малой предикации" (85) *I consider [myself intelligent]* с тем же значением (такие ИГ в английском языке, однако, обнаруживают лишь часть признаков подлежащего, см. подробно в [Radford 1988; Napoli 1993]), а также допустимость для части информантов локального рефлексива *swataah* в маратхи в роли подлежащего финитной зависимой предикации (86) *Jane, laa waatte [ki swataa, saglyaat sundar aaho]* "Джейн, (дат) думала [что она, самая красивая была]" [Dalrymple 1993: 19].

Приведенный материал позволяет сделать несколько выводов.

1) Универсальные ограничения на употребление анафорических местоимений имеют вид импликаций вида "Если местоимение Р допустимо в позиции X, то оно же может быть допустимо в позиции Y".

2) Любая позиция рефлексива может быть заполнена хотя бы одним анафорическим элементом (принцип полного заполнения). Отсюда следует, что всякая инновация в системе анафорических местоимений первоначально возникает как синтаксический вариант одного из уже имеющих местоимений, и лишь затем между ними может возникнуть дополнительное распределение. Такой вариант обычно "нагружен" дискурсивной семантикой (см. обсуждение возможных путей грамматикализации в [Лютикова 1997]).

3) Если местоимение допустимо в позициях рефлексива А и В, то оно же допустимо во всех позициях между А и В на приведенной иерархии (принцип непрерывности).

Можно предложить, далее, следующие определения локального рефлексива и прономинала. Локальным рефлексивом называется всякое анафорическое местоимение, которое допустимо в позиции прямого дополнения, будучи кореферентно подлежащему. Прониминалом называется всякое анафорическое местоимение, которое не содержит в своем значении требования синтаксически приоритетного antecedента. При этом прономинал может вовсе не допускать приоритетного antecedента (как цахурское (*ha*)*mana* или сванское *eža*), а может допускать такой antecedент в главном предложении (как аварское *zhev* или даже быть локальным рефлексивом (как цахурское *wiž* в речи части информантов). Теоретически возможно также местоимение, которое выступает во всех позициях рефлексива, но недопустимо в позиции прономинала (по-видимому, именно такое местоимение описано В. Шаубом в языке бабунго [Schaub 1985]).

4) Если локальный рефлексив допустим в позиции X, то он допустим и во всех позициях левее X (следует из принципа непрерывности).

5) Если прономинал допустим в позиции X, то он допустим и во всех позициях правее X.

6) Если рефлексив X является структурно более сложным, чем рефлексив Y, то позиции, в которых допустим X, не могут располагаться правее позиций, в которых допустим Y, а те позиции, в которых допустим Y, не могут располагаться левее позиций, в которых допустим X.

7) Если в некоторых позициях рефлексива употребление анафорического местоимения полуграмматично, или признается лишь частью информантов, или дополнительно ограничено по сравнению с другими позициями, то эти позиции располагаются по краям отрезка, соответствующего данному местоимению, но не в его середине.

8) Если несинтаксическое употребление рефлексива (то есть его некорреферентность с перспективным antecedентом, вызванная прагматическими или коммуникативными факторами) возможна в позиции X, то оно возможно и во всех позициях правее X (это утверждение, ввиду явного недостатка материала, делается в предположительной модальности). Здесь особо примечательно цахурское *wiž*, допускающее несинтаксическое употребление во всех без исключения позициях.

Утверждения 1)–8) представляют собой обобщения, но еще не объяснения наблюдаемых фактов. Вслед за [Manzini, Wexler 1987], их можно истолковать в духе порождающей грамматики как элемент исходной базы знаний, на основании которого синтаксические ограничения эффективно устанавливаются при овладении языком, несмотря на разрозненность и недостаточность информации, доступной для ребенка. Однако, например, "принцип непрерывности", в отличие от "принципа подмножества" Манзини и Уэкслера, который гласит, что установка значения грамматического параметра при овладении языком происходит в соответствии с односторонней импликационной иерархией ("если рефлексив может употребляться в позиции ИГ в нефинитной зависимой предикации, то он может употребляться и в главной предикации" и т.п.), содержит несколько более сложное иерархическое соотношение и, соответственно, требует большего количества исходных данных для фиксации нужного значения параметра.

Что касается соотношения структурной сложности и локальности рефлексивов, наиболее естественный путь объяснения – через грамматикализацию фокуса эмпатии и других дискурсивных категорий [Лютикова 1997]. Несмотря на то, что Е.А. Лютиковой не удалось выявить конструкцию, которая была бы непосредственным источником грамматикализации двойного рефлексива (ср. структурное и семантическое различие между дискурсивным *сам* (87) [*Сам Генрих III*] *объявил себя главой Лиги* и конструкцией с двойным рефлексивом (88) *Генрих III [сам себя] объявил главой Лиги*), корреляция между дискурсивной маркированностью, структурной маркирован-

ностью и локальностью была достаточно убедительно обоснована в этой работе, поэтому дальнейшее исследование объяснительных возможностей соотношения между дискурсивными и грамматическими свойствами местоимений кажется перспективным.

СОКРАЩЕНИЯ

I – I согласовательный класс	АФФ – аффективный падеж
II – II согласовательный класс	БУД – будущее время
III – III согласовательный класс	ВОПР – частица косвенного вопроса
АКК – аккузативный падеж	ВСП – вспомогательный глагол
АОР – аорист	ДАТ – дательный падеж
АТР – атрибутив	ДЕЕПР – дееспричастие
ИГ – именная группа	ПОСС – посессивный падеж
ИНФ – инфинитив	ПРИЧ – причастие
ИПФ – имперфектив	ПРОШ – прошедшее время
КОМ – комитативный падеж	ПРФ – перфектив
КОСВ – косвенная основа	УСЛ – условное наклонение
ЛОК – локативная форма	ХАБ – хабицуалис
МАСД – масдар	ЦИТ – частица цитаты или косвенной речи
МН – множественное число	ЭМ – маркер эпистемического статуса
ОБЩ – общее время	ЭРГ – эргативный падеж
ОТР – отрицание	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гринберг Дж. 1970 – Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. Вып. V. М. 1970.
- Бейлин Дж. 1997 – Краткая история генеративной грамматики // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. Сборник обзоров. М., 1997
- Казенин К.И., Тестелец Я.Г. 1997 – Исследование синтаксически ограниченных в генеративной грамматике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. Сборник обзоров. М. 1997.
- Кибрик А.А. 1987 – Фокусирование внимания и местоименно-анафорическая номинация // ВЯ. 1987. № 3.
- Кибрик А.А. 1988 – Типология средств оформления анафорических связей: Дис. ... канд. филол. наук. М. 1988.
- Кибрик А.Е. 1979 – Материалы к типологии эргативности. 0. Теоретическое введение // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 126. М. 1979.
- Кибрик А.Е. 1992 – Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М. 1992.
- Кибрик А.Е., Богданова Е.А. 1995 – Сам как оператор коррекции ожиданий адресата. // ВЯ. 1995. № 3.
- Кинэн Э. 1982 – К универсальному определению подлежащего // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М. 1982 (1976).
- Кинэн Э., Комри Б. 1982 – Иерархия доступности именных групп и универсальная грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М. 1982.
- Климов Г.А. 1977 – Типология языков активного строя. М. 1977.
- Козинский И.Ш. 1980 – Некоторые универсальные особенности систем склонения личных местоимений // Теория и типология местоимений. М. 1980.
- Козинский И.Ш. 1983 – О категории "подлежащее" в русском языке // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 156. М. 1983.
- Козинский И.Ш. 1995 – Корреляция между порядком аффиксов глагольного спряжения и порядком слов в языках // ВЯ. 1995. № 1.
- Лютчикова Е.А. 1997 – Рефлексивы и эмфаза // ВЯ. 1997. № 6.
- Падучева Е.В. 1985 – Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985.
- Падучева Е.В. 1983 – Возвратное местоимение с косвенным антецедентом и семантика рефлексивности // Семиотика и информатика. Вып. 21. М., 1983.
- Элементы 1998 – Элементы грамматики цахурского языка в типологическом освещении. М. 1988 (в печати).
- Anderson S. 1983 – Types of dependencies in anaphors: Icelandic (and other) reflexives // Journal of linguistic research. V. 2. № 1. 1983.

- Battistella E.* 1989 – Chinese reflexivization: a movement to INFL approach // *Linguistics*. V. 27. 1989.
- Bailyn J.F.* 1992 – LF movement of anaphors and acquisition of embedded clauses in Russian // *Language acquisition*. V. 2. № 4. 1992.
- Borer H.* 1984 – Parametric syntax: case studies in Semitic and Romance languages. Dordrecht, 1984.
- Bresnan J., Kaplan R.* 1995 – Lexical-functional grammar: a formal system for grammatical representation // *Formal issues in lexical-functional grammar*. Stanford, 1995.
- Chomsky N.* 1970 – Remarks on nominalization // *Readings in English transformational grammar*. Waltham, Mass. 1970.
- Chomsky N.* 1980 – On binding // *Linguistic inquiry*. V. 11. № 1. 1980.
- Chomsky N.* 1981 – Lectures on government and binding. Dordrecht. 1981.
- Clements N.* 1975 – The logophoric pronouns in Ewe: its role in discourse // *Journal of West African languages*. V. 10. № 1. 1975.
- Cole P., Hermon G., Li-May Sung.* 1990 – Principles and parameters of long-distance reflexives // *Linguistic inquiry*. V. 21. № 1. 1990.
- Cole P., Wang C.* 1996 – Antecedents and blockers of long-distance reflexives: the cause of Chinese *ziji* // *Linguistic inquiry*. V. 27. 1996.
- Dalrymple M.* 1993 – The syntax of anaphoric binding. Stanford. 1993.
- Edmondson J., Plank F.* 1978 – Great expectations: an intensive SELF-analysis. // *Linguistics and philosophy*. V. 2. № 3. 1978.
- Enç M.* 1989 – Pronouns, licensing, and binding // *Natural language and linguistic theory*. V. 7. № 1. 1989.
- Foley W.* 1993 – The conceptual basis of grammatical relations // *The role of theory in language description*. Berlin; New York. 1993.
- Foley W., Van Valin R.D. jr.* 1984 – Functional syntax and universal grammar. Cambridge. 1984.
- Gibson J., Raposo E.* 1986 – Clause Union, the Stratal Uniqueness Law, and the Chômeur relation // *Natural language and linguistic theory*. V. 4. № 3. 1986.
- Giorgi A.* 1983–1984 – Toward a theory of long distance anaphors: a GB approach // *The Linguistic review*. V. 3. 1983–1984.
- Givón T.* 1983 – Topic continuity in discourse: an introduction // *Topic continuity in discourse*. Amsterdam. 1983.
- Harbert W.* 1995 – Binding theory, control, and *pro* // *Government and binding theory and the minimalist program*. Oxford, 1995.
- Harris A.C.* 1981 – Georgian syntax. A study in relational grammar. Cambridge. 1981.
- Hawkins J.A.* 1994 – A performance theory of order and constituency. Cambridge. 1994.
- Hellan L.* 1988 – Anaphora in Norwegian and the theory of grammar. Dordrecht. 1988.
- Hestvik A.* 1991 – Subjectless binding domains // *Natural language and linguistic theory*. V. 9. № 3. 1991.
- Huang C.-T.J.* 1982 – Logical relations in Chinese and the theory of grammar. Ph. D. dissertation. Massachusetts Institute of Technology, 1982.
- Huang C.-T.J., Tang C.-C.J.* 1991 – The local nature of the long-distance reflexive in Chinese // *Long-distance anaphora*. Cambridge, 1991.
- Huybregts M.A.C.* 1979 – On bound anaphora and the theory of government-binding // *North-Eastern linguistic society* 10. Ottawa, 1979.
- Iatridou S.* 1986 – An anaphor not bound in its governing category // *Linguistic inquiry*. V. 17. № 4. 1986.
- Katada F.* 1991 – The LF representation of anaphors // *Linguistic inquiry*. V. 22. № 2. 1991.
- Kuno S.* 1987 – Functional syntax: anaphora, discourse and empathy. Chicago, 1987.
- Langacker R.* 1969 – On pronominalization and the chain of command // *Modern studies in English*. Prentice-Hall, 1969.
- Lasnik H.* 1989 – Essays on anaphora. Dordrecht, 1989.
- Manzini M.R., Wexler K.* 1987 – Parameters, binding theory, and learnability // *Linguistic inquiry*. V. 18. № 3. 1987.
- Mohan K.P.* 1982 – Grammatical relations and anaphora in Malayalam // MIT working papers in linguistics. Papers in syntax. Camb., Mass. 1982.
- Napoli D.J.* 1993 – Syntax. Theory and problems. New York; Oxford. 1993.
- O'Connor M.* 1993 – Anaphora and switch reference in Northern Pomo // *The role of theory in language description*. Berlin; New York. 1993.
- Pica P.* 1987 – On the nature of the reflexivization cycle // *Proceedings of NELS 17*. V. 2. Amherst Mass. 1987.
- Radford A.* 1988 – Transformational grammar. A first course. Cambridge. 1988.
- Rappaport G.* 1986 – On anaphor binding in Russian // *Natural language and linguistic theory*. V. 4. 1986.
- Reinhart T.* 1981 – Definite NP anaphora and c-command domains // *Linguistic inquiry*. V. 12. 1981.
- Reinhart T.* 1983 – Anaphora and semantic interpretation. Chicago. 1983.
- Reinhart T., Reuland E.* 1991 – Anaphors and logophors: an argument structure perspective // *Long-distance anaphora*. Cambridge. 1991.
- Reinhart T., Reuland E.* 1993 – Reflexivity // *Linguistic inquiry*. V. 24. № 4. 1993.

- Saxon L.A. 1986 – The syntax of pronouns in Dogrib (Athapaskan): some theoretical consequences. Doctoral dissertation. The University of California, San Diego. 1986.
- Schaub W. 1985 – Babungu. London, 1985.
- Sells P. 1987 – Aspects of logophoricity // Linguistic inquiry. V. 18. № 3. 1987.
- Stewierska A., Bakker D. 1996 – The distribution of subject and object agreement and word order type // Studies in language. V. 20. 1996.
- Silverstein M. 1976 – Hierarchy of features and ergativity // Grammatical categories in Australian languages. Canberra. 1976.
- Sportiche D. 1986 – Zibun // Linguistic inquiry. V. 17. № 2. 1986.
- Tang Ch.-Ch.J. Chinese reflexives // Linguistic inquiry. V. 7. № 1. 1989.
- Thráinsson H. 1991 – Long-distance reflexives and the typology of NPs // Long-distance anaphora. Cambridge. 1991.
- Vikner S. 1985 – Parameters of binder and binding category in Danish // Working papers in Scandinavian syntax. V. 23. 1985.
- Voorhoeve J. 1980 – Le pronom logophorique et son importance pour la reconstruction du proto-bantou // Sprache und Geschichte in Afrika. 2. 1980.
- Wasow T. 1979 – Anaphora in generative grammar. Ghent. 1979.
- Wiesemann U. 1988 – Grammaticalized coreference // Pronominal systems. Tuebingen. 1988.
- Yang D.-W. 1983 – The extended binding theory of anaphora // Linguistic research. V. 19. № 2. 1983.
- Zribi-Hertz A. 1989 – Anaphor binding and narrative point of view: English reflexive pronouns in sentence and discourse // Language. V. 65. № 4. 1989.

© 1998 г. Г.Х. ИБРАГИМОВ

КАТЕГОРИЯ АСПЕКТА В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Специально в научной литературе категория аспекта в дагестанских языках не рассматривалась. В описательных работах о ней высказаны весьма противоречивые суждения. Большинство исследователей склонно к мысли, что в дагестанских языках, особенно в аваро-андо-цезских, категория аспекта (вида) отсутствует, она в процессе динамики заменена временными отношениями. В тоже время многие из них в исследуемых языках находят различного типа дефиниции (определители), обеспечивающие оппозицию характера действия (процесса) по однократности и многократности, завершенности и незавершенности, предельности и неопредельности, конкретности (результативности) и неконкретности (нерезультативности), протяженности и непротяженности, динамичности и статичности и т.д. Набор этих дефиниций неоднороден. Таковыми, например, оказываются: 1) чередование, ср.: авар. *kuṭize* “стучать” — *kezeze* “толкать долго”, “раскачивать”, дарг. *arses* “полететь” — *urses* “лететь”, 2) противопоставление основ, ср.: агул. *aq-e* “сделай” — *m-arq-a* “не делай”, будух. *čunṭu* “запрягай” — *čiptin* “запряги” (здесь следовало усмотреть чередование гласных основы *u : i*, а также различие предкорневых и послекорневых морфем $n - p < b, u - in$), рут. *huxun* (форма масдара), *huxus* (инфинитив) “сказать” — *halg-in* (масдар), *halgas* (инфинитив) “говорить”, *ijin* (масдар), *ijis* (инфинитив) “бросить, кинуть” — *geribxun* (масдар), *geribxus* “бросать”, “кидать”, цах. *eheš* “сказать” — *jışon-hā'as* “говорить” (букв. “разговор делать”), *i-ḡas* “ударить”, “бить” — *getas* “избивать”, 3) удвоение основы, ср.: годобер. *kaṇç* “прыгнуть” — *kaṇç-a-ç-i* “прыгать”, *buḡ-i* “резнуть” — *buḡ-a-ḡ-i* “резать”, цах. *uḡas* “родить” — *uḡo-ḡas* “рожать”, 4) наличие специальных морфем в структуре слова типа *-r-*, *-l-*, *-j-*, *-d*, *d-*, *-da*, *-üri*, *-nu*, *-uj*, *-iri*, ср.: дарг. *bikēs* “выбрать” — *birkes* “брать”, рут. *ha-l-g-as* < *ha-r-g-as* “разговорить” — *ha-l-ir-g-as* < *ha-r-il-g-as* “разговаривать” // *la-r-g-as* “разговорить” — *la-r-ir-g-as* < *la-r-il-g-as* “разговаривать” и т.д. В связи с изложенным нельзя оставить без внимания высказанные многими кавказоведами суждения о категории аспекта в дагестанских языках.

Е.А. Бокарев в цезском, хваршинском, гинухском языках категорию аспекта не выделяет [Бокарев 1967а: 411–414; 1967б: 429–431; 1967в]. В гунизбском языке [Бокарев 1967г: 481] полагает, что с помощью суффикса *-da* образуются глаголы, выражающие длительное или учащенное действие: *qıwa* “читать” — *qoda* “заниматься чтением”, “учиться”, *čaḡa* “писать” — *čaḡda* “заниматься письмом”. Аналогичное явление им отмечено в очерке “Бежитинский язык” (соавтор Г.И. Мадиева): “С помощью суффикса *-d-*, *-da-* образуются глаголы, выражающие длительное или учащающее действие: *čaḡal* “писать” — *čaḡdal* “заниматься письмом”, *bučal* “рубить” — *bučdal* “заниматься рубкой леса”, *qowal* “читать” — *qohdal* “учиться”, “заниматься чтением” [Бокарев, Мадиева 1967: 463].

В багвалинском, тиндинском [Гудава 1967а: 329–333; 1967б: 344–347], каратинском, ахвахском и чамалинском [Магомедбекова 1967а: 393–395; 1967б: 362–364; 1967в: 377–379] языках категория аспекта не выделена. В то же время в чамалинском 58

языке обозначена группа глаголов с “характером” *n* типа *baḡ-aⁿ* “родился”, *bil'-aⁿ* “сварил” [Магомедбекова 1967а: 393]. В семантике этого типа глаголов явно проследживается признак протяженности действия. Далее отмечено несколько глаголов с такой же семантикой, которые принимают *-iⁿ*, *-uⁿ*, например, *baq-iⁿ* “сломался”, *baḡ-uⁿ* “сшил”, *baq-uⁿ* “выкопал”. Глаголы с “характером” *n* дают основание полагать, что элемент *n*, который сохранился в структуре назализованных гласных (*-aⁿ*, *-iⁿ*, *-uⁿ*) семантически связан с протяженностью действия, процесса, более того этот *n* исторически мог оказаться суффиксом категории аспекта.

В годоберинском разграничены прошедшее несовершенное, образованное от деепричастия настоящего времени и глагола *ida* “есть” прошедшего времени (*rešin ḥudata buka* “гремел гром”, *ṭušo bičata buka 'arab bali* “отец ушел читать по-арабски”) и прошедшее совершенное, образованное от деепричастия прошедшего времени посредством вспомогательного глагола прошедшего времени (*jači jā jik^oa* “приходила сестра”, *kaži baḡu buka* “платок был куплен”). Обособленно помечено и результативное прошедшее, образованное от деепричастия прошедшего времени и вспомогательного глагола настоящего времени: *haniqa žabu ida // žabuda* “теленоч заболел”, *qeru bižanda* “взошла пшеница” [Саидова 1973: 131]. Примечательно то, что видовые отношения объяснены терминами временных отношений, в частности “прошедшее несовершенное”, “прошедшее совершенное”, “прошедшее результативное”. Из работы термины “вид”, “аспект” исключены. Видимо, осторожность автора вызвана предыдущими исследованиями, где доминировало мнение об отсутствии в дагестанских языках категории вида.

До последнего времени оставался без ответа вопрос о категории вида и в аварском языке. В научной и учебно-методической литературе этот вопрос или не ставился вообще [Микаилов 1959; 1964], или же его обходили некоторыми общими замечаниями типа “многократный вид” [Бокарев 1949: 54], “глагол учащательного (длительного) залога” [Мадиева 1980: 90], “глагол многократного типа” [Саидов 1967: 774] и др. В то же время в этих работах находим дефиниции, образующие видовые оппозиции глаголов, ср.: *-r-* (*hiqi* “вопрос” — *hiqari* “спрашивание”), *-d-* (*γuyaj* “гром” — *γuyadi* “грохотание”), *-dar-* (*q^oaj* “запись” — *q^oadari* “писание”), *-old-* (*heqej* “питье” — *heqoldi* “выпивание”), *-rd-* (*kuči* “сгиб” — *kičardi* “сгибание, кокетничание”), *-qd-* (*bekeri* “бег” — *bekaraqdi* “беганье”). Отмечены длительные формы глагола, образованные посредством чередования гласных и переменной ударения: *kūṭize* “стучать” — *keṭéze* “толкать длительно” [Мадиева 1967: 264, 265].

Принципиально в новой трактовке вопрос о категории вида в аварском языке рассматривает М.М. Нурмагомедов. Он полагает, что в этом языке категория вида имеет как морфологическую базу, так и иные способы ее функционирования, ср.: *bakize* “появиться” (недлит. вид), *bak-bakize* “появляться” (многократно, несколько раз), *bakarize* “появляться” (длит. вид), *qunčize* “стричь” (недлит. вид), *qunč-qunčize* “стричь” (многократно, несколько раз), *qenčeze* “стричь” (длит. вид). Выводы в пользу наличия категории вида в аварском подкреплены значительным фактическим материалом и заслуживают доверия [Нурмагомедов 1991: 5–9].

Мнение об отсутствии категории аспекта в лакском разделяет Г.Б. Муркелинский [Муркелинский 1967: 498–500]. Весьма условно обозначила категорию аспекта в лезгинском языке У.А. Мейланова. Ею разграничены три типа прошедшего времени несовершенного вида с формантом *-j-*: *qačudaj* “брал”, *ijidaj* “делал”, *qačuzwaj* “брал бы”, *ijizwaj* “сделал бы”, *qačuzmaj* “не брал бы”, *ijizmaj* “не сделал бы” (указанные формы нейтральны к результативности действия, процесса). Далее У.А. Мейланова подчеркивает, что многие временные формы передают и видовые оттенки, заменяя собою отсутствующую категорию вида [Мейланова 1967: 357]. Решение этой проблемы с учетом характера протекания или распределения обозначенного глаголом действия представлено в работе “Есть ли категория вида в лезгинском языке?” [Жеримов 1996: 125–135].

На поставленный вопрос дан положительный ответ. В отношении категории аспекта позитивным является разграничение основ “процессного вида” (деепричастие на -з) и “целостного вида” (причастие совершенного вида) в образовании временных форм.

В определении категории аспекта в табасаранском и агульском языках заметно сдержан и лаконичен в суждениях А.А. Магомедов: «Агульский язык ныне не различает категорию аспекта. Однако в различающихся основах деепричастий настоящего и прошедшего времен прослеживается след утраченной категории аспекта, ср. буркиханский говор агульского языка: *aqas* “сделать”, “делать”, деепричастие настоящего времени — *arq-a-ri*, деепричастие прошедшего времени — *aq-u-na*, настоящее конкретное — *arq-ari-a*, прошедшее совершенное (результативное) — *aq-unaj*» [Магомедов 1967]. Различие основ по указанному принципу отмечено в структурах повелительного наклонения и запретительной формы, ср.: *aq-e* “сделай”, *m-arq-a* “не делай” [Магомедов 1970: 156–157].

В северном диалекте табасаранского языка, по мнению А.А. Магомедова, сохранились следы категории вида. Однако они не охватывают всей системы глагола, в частности инфинитив не имеет аспектуальных форм. Ср.: северн. диал. (гов. с. Дюбек) *qawçus* “зарядить”, “окучивать”, основа длительного вида — деепричастие настоящего времени *qiwç-urdi*, настоящее общее *qiwç-urça*, настоящее конкретное *qiwç-urdājza*, аорист *qiwç-arza*, прош. несоверш. *qiwç-urdejza*, прич. наст. *qiwç-arza*, запрет. форма *qi-mi-wç-an*; основа недлительного вида — дееприч. прош. времени *qawç-uni*, прош. совершенное 1 *qawç-unuza*, давнопрош. 1 *qawç-unijza*, прош. только что совершенное *qaawç-iza*, прош. совершенное 2 *qaawç-unuza*, давнопрош. 2 *qaawç-unijza*, будущ. *qawç-idiza*, прич. прош. *qawç-ur*, повелит. форма *qawç-a*. Основы длительного и недлительного вида противопоставляются гласными *i* (длительный вид) — *a* (нелдлительный вид). Для южного диалекта табасаранского языка такое противопоставление не характерно, здесь во всех временных формах представлена одна основа, как правило, недлительного вида [Магомедов 1965: 190–191].

Своеобразное суждение о категории аспекта в табасаранском языке высказано Б.Г. Ханмагомедовым. В одном случае он недвусмысленно утверждает, что в табасаранском языке различается два вида деепричастия: продолжительное, близкое к русскому причастию несовершенного вида, и однократное, близкое к русскому деепричастию совершенного вида. Первое образуется посредством суффикса *-urill-ürri*: *arub* “делать”, *ar-uri* “делая”, *ya,dayu,b* “выбирать”, *ya,da,y-u,ri* “выбирая”, второе — от превербных глаголов с помощью суффикса *-ni* и префикса *d-llDV-*: *adayub* “вынести”, *adayni* “вынесши”, *urzub* “посеять”, *durznu* “посеяв”, *bikub* “написать”, *dibiķnu* “написав”. Отмечено также, что будущее общее время образуется от продолжительного деепричастия и будущего времени глагола-связки: *liķuri wu* > *liķuri* “он вообще поработает”. Из семи форм прош. времени, характерных для табасаранского, четыре формы образуются от обоих видов деепричастия (по две формы от каждого): *licuji* (< *licuri wuji*) “ходил вообще”, *licuraji* (< *licuri aji*) “ходил в тот момент”, *dilicna* (< *dilicnu a*) “уже ходил”, *dilicnaji* (< *dilicnu aju*) “уже ходил к тому моменту”. Далее выделены две формы прошедшего времени глагола, образованные от деепричастия совершенного и несовершенного вида, ср.: *la,ħin dapnaji* “работа была уже сделана” и *dapnaji la,ħin* “уже сделанная работа”. В заключении утверждается, что в табасаранском языке нет категории вида. Оттенки, которые передаются в русском глаголе, в табасаранском языке передаются различными временами глагола: *arub* “делать” или “сделать”, *apura* “делает”, *arpu* “сделал”, *apuraji* “в то время еще делал”, *dapna* “уже сделано” [Ханмагомедов 1967: 554–555].

В будухском и хиналугском языках Ю.Д. Дешериев однозначно утверждает наличие категории вида: «Глаголы имеют два вида, выражающий повторяющееся, многократное действие: *çinṭu* “запрягай”, *ħa,alṭu* “выливай”, *çoloyu* “зарывай”, недлительный, обозначающий однократное действие: *çiptin* “запряги”, *ħa,atil* “вылей”, *çobuyul* “зарой» [Деше-

риев 1967а: 652]. И в хиналугском разграничены два вида глагола: недлительный, обозначающий однократное действие: *fatk-uj* “бросить”, *ček-uj* “продать”, и длительный, обозначающий повторяющееся многократное действие, который образуется при помощи суффикса *-iri*, присоединяемого к основе глагола недлительного вида, например, *fatk-iri* “бросать”, *ček-iri* “продавать” [Дешериев 1967б: 670].

Функционирование категории вида в хиналугском подтверждено и А.Е. Кибриком: “Грамматическая категория вида формально выражается в противопоставлении основ. Выделяются две главные основы — результативная и нерезультативная, от которых образуется большинство глагольных форм, и две вспомогательные — результативная и нерезультативная” [Кибрик и др. 1972: 166–184]. В работе подробно рассмотрены глагольные основы — результативные и нерезультативные. Значения временных форм, образованных от нерезультативной основы, несколько условно развиты по отношению к моменту речи на настоящие, прошедшие и будущие. По наблюдениям А.Е. Кибрика (и др. соавторов) в хиналугском семантика результативной основы не допускает образования будущих времен. Логично констатировано, что результативность в основном соответствует прошедшему времени. Здесь интерес представляет возможность реализации результативности в перфектном значении, т.е. в момент речи, что в идеале соответствует настоящему времени [Кибрик и др. 1972: 178–184].

Последовательно идею о видовом значении в дагестанских языках А.Е. Кибрик проводит в последующих работах. В глагольной морфологии в одних языках выделены лишь обусловленные семантикой базовые глагольные основы, например в аварском (гов. с. Чадаколюб), андийском, чамалинском (гов. сс. Нижнее Гаквари, Гигатли): исходная основа, инфинитив, аорист, императив, прохитив, в тиндинском: исходная основа, инфинитив, аорист и императив, в других — разграничены видовые основы, в частности, в лакском — основы недлительного, длительного и итеративного видов, в даргинском (гов. с. Чираг) — основы сов. и несов. видов, в арчинском — четыре видовых основы: несовершенный, совершенный, финалис и потенциалис, в табасаранском (гов. с. Дюбек) и агульском (гов. с. Буршаг) — основы сов. и несов. видов, в рутульском и цахурском — три видовых основы: совершенный, несовершенный и потенциальный, в крызском и будухском языках — две основы сов. и несов. видов, в хиналугском, как отмечено выше, — два вида: совершенный и несовершенный [Кибрик, Кодзасов 1988: 16 и сл.]. Выявление видо-временных отношений в глагольной морфологии дагестанских языков вытекает из постулата, что “... порядок следования морфем объясняется порядком вложения значений одних категорий в значения других”, например: “корень” + “вид” + “время” + “наклонение”. “В значении каждой из данных категорий имеется переменная, которая заполняется значением той морфемы, которая непосредственно ей предшествует в глагольной словоформе” [Кибрик 1992: 31]. Далее, в монографии “Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания” убедительно обоснована мысль, что “конкретные лингвистические факты суть проявление универсальных свойств языка и рассмотрение каждого конкретного факта требует помещения его в многомерное пространство единой лингвистической теории” [Кибрик 1992: 3]. Именно в таком видении исследованы видо-временные категории в дагестанских языках. В связи с этим следует отметить важность некоторых теоретических суждений в оценке глагольной словоформы: «Состояния могут быть “органическими” и “производными»»; “производное состояние... мыслится как полученное в результате совершения некоторого процесса или действия”; “действия могут быть предельными или непредельными”; “предельные действия органически имеют свое естественное завершение, ... непредельные такого естественного завершения не имеют. ... Источником производных состояний являются предельные действия” [Кибрик 1992: 136]. И еще: рассматривая грамматические категории арчинского глагола, А.Е. Кибрик особо подчеркивает: “Важными для нашей темы являются категории вида, времени и континуальности” [Кибрик 1992:

140]. Таким образом, в работах А.Е. Кибрика проблема категории вида в глагольной морфологии дагестанских языков находит обоснованное решение.

Интуитивно функционирование категории аспекта в дагестанских языках заметили П.К. Услар и А.М. Дирр. В грамматическом очерке “Рутульский язык” А.М. Дирр оставил полезные сведения о категории аспекта. В частности, он заметил, что часть глаголов в наст. времени (а также в некоторых временных формах) перед корнем принимает *-l-* и *-r-*. С учетом этих различий, включая и чередование корневого согласного, А.М. Дирр различает в рутульском языке глаголы с одной, с двумя и с тремя основами: одна основа — *raγun* “пить”, *raγ* “пей”, *jiqin* “умереть”, *jiq* “умри”, две основы — *lixin* “оставить”, *lirx* “оставь”, *q'udqun* “отрезать”, *q'ulqe* “отрежь”, три основы — *ji-*, *ji-š*, *ji-k* “будь”, *ji-š-in* “быть”. Далее А.М. Дирр пишет, что первая основа (из которой образуется настоящее и производные от него) отличается часто от второй (основы Perfectum'a и производных) аффиксами *-r* и *-l*. Первый ранее был отмечен в арчинском и агульском языках, где оба встречаются в настоящем, в табасаранских глаголах *-r-* (и иногда *-l-*) — местоименный элемент множественности [Дирр 1911: 58]. В лакском посредством *-l (a)* образуются глаголы продолжительного действия [Услар 1890: §226]. Как отмечено выше, в даргинском многие глаголы образуют “продолжительное” инфиксами *-l-* и *-r-*. Ясно, что указанные элементы во всех этих языках имеют сходные функции: они или обозначают везде продолжительность действия (настоящее и продолжительная форма), или указывают на многократность действия, т.е. на своего рода повторение, а повторение и продолжительность могут очень легко выражаться одним и тем же элементом. А.М. Дирр связывает категорию вида в рутульском языке со спряжением. По этому поводу он отмечает, что глагол спрягается с помощью известных форм глагола “быть” *wi* и *wa*, которые тесно сливаются с разными глагольными основами. Из имевшихся у А.М. Дирра примеров он заключает, что сложное спряжение употребляется главным образом для обозначения продолжающего действия. Он отмечает, что во всех известных ему случаях глагол имеет основу настоящего [Дирр 1911: 58, 59, 95].

В цахурском языке А.М. Дирр в морфологической структуре глагола (гов. с. Микик) не выделяет категорию аспекта. Тем не менее некоторые его замечания о структуре глагола непосредственно связаны с этой категорией. В частности, он пишет: “Гласная, которая стоит непосредственно перед согласной корня или отделена от нее классным элементом, подвергается многочисленным изменениям не только в зависимости от времени глагола, но также в том смысле, что классный элемент влияет на нее. Кроме того, незнакомые мне еще законы, управляющие этими изменениями, перекрещиваются еще стремлением к уподоблению гласных между собой” [Дирр 1913: 59]. В первом случае А.М. Дирр обратил внимание на гласный, который появляется перед корневой морфемой в основе презенса и ветатива. Естественно, что этот гласный ориентирован на несовершенный вид (логически презенс и ветатив связаны с несовершенным видом), стало быть его можно квалифицировать как показатель категории аспекта. Во втором случае, наряду с многочисленными изменениями фонетического плана, засвидетельствовано чередование гласных, непосредственно связанное с категорией вида. А.М. Дирр, к сожалению, не смог отграничить позиционные изменения гласных от морфологических. Ради справедливости следует отметить, что морфологическое чередование, отражающее видовые отношения, формально может быть отнесено к категории времени. В сближении видовых и временных отношений отразилась общая тенденция нейтрализации аспекта и замены её категорией времени (это явление в целом универсально для дагестанских языков).

А.М. Дирр в цахурском глаголе разграничивает три типа спряжения. В третий тип включены глаголы с редуцированной основой в презенсе и ветативе [Дирр 1913: 68, 75]. Следует добавить, что редупликация здесь выступает как дифференцирующее средство видовых отношений. Несмотря на ряд отличительных особенностей категория

аспекта в цахурском и рутульском (пожалуй, и в большинстве самурских языков) имеет много общего. В категории аспекта общим для всех языков оказываются её распад и затухание, нейтрализация семантических отношений в видовых измерениях и замена их временными отношениями. В одних языках эти процессы реализовались более последовательно, в других они протекают медленно, и сохраняются не только явные следы, но и функциональные дефиниции в структуре глагола.

Материалы по глаголу мухадского диалекта рутульского языка показывают, что категория аспекта здесь подверглась существенному распаду, идет процесс затухания её. Отсюда и смешение форманта аспекта и показателей классов в основе ряда глаголов. Однако многие глаголы в мух. диалекте сохранили форманты аспекта *-l-* и *-r-*, которые выступают перед корневым согласным. Морфологическая функция форманта аспекта еще в значительной мере сохраняется. Но, с другой стороны, идет процесс затухания её. Об этом свидетельствуют те глагольные формы, которые допускают параллельное употребление их как с формантом аспекта, так и без него, ср. *hagun* “видеть”:

	Повел. накл.	Наст. недлит.	Наст. длит.
I, IV кл.	<i>ha-g°a</i>	<i>ha-g°ara</i>	<i>ha-r+g°ara</i>
II кл.	<i>ha-r-g°a</i>	<i>ha-r-g°ara</i>	<i>ha-ru-r+gara</i>
III кл.	<i>hu-w-ga</i>	<i>hu-w-gara</i>	<i>hu-wu-r+gara</i>

В повел. наклонении формант аспекта не сохранился, классную оппозицию составляют *-θ-* (I, IV кл.), *-r-* (II кл.), *-w-* (III кл.), в наст. времени классную оппозицию составляют те же показатели, однако в наст. длительной форме с формантом аспекта *-r-* эти показатели огласованы (*-ru-*, *-wu-*). С затуханием категории аспекта в мухадском глаголе связан ряд фонетических явлений: преобразование форманта аспекта в показатель класса, выпадение (в единичных случаях форманта аспекта, в других — показателя класса), метатеза форманта аспекта и показателя класса и др. Категория аспекта в глаголе в мухадском диалекте выражается не только специальными формантами, но и другими средствами, в частности, сложением двух основ и редупликацией основы. Эти явления в большей или меньшей степени характерны и для других диалектов рутульского языка. Категория аспекта, как правило, связана с семантикой глагола. В рутульском (мухадский диалект) выделяются:

1. Глаголы, которые не сохранили в парадигме дифференцирующих элементов аспекта. В этих глаголах категория аспекта заменена категорией времени. Ср. I, IV кл. *ha'-as*, II кл. *ra'-as*, III кл. *wa'-as* “делать”, I, IV *ha'-ara*, II *ra'-ara*, III *wa'-ara* “делая есть”, I, IV *ma-*, II *ma-ra-*, III *ma-wa-* “не делай”, I, IV *ja-ħas*, II *ra-ħas*, III *wa-ħas* “бежать, сбежать”, I, IV *ja-ħ*, II *ra-ħ*, III *wa-ħ* “сбегай, беги”, I, IV *ja-ħara*, II *ra-ħara*, III *wa-ħara* “бегает”, I, IV *ja-ħira*, II *ra-ħira*, III *wa-ħira* “сбегал”, I, IV *mi-ja-ħ*, II *mi-ra-ħ*, III *mi-wa-ħ* “не бегай”, I, IV *ħa-ħas*, II *ħa-r-ħas*, III *ħa-w-ħas* “не бегать” и т.д. Здесь оппозиция совершенности и несовершенности нейтрализована, доминирует семантика совершенности как важный признак прошедшего времени;

2. Глаголы, обозначающие длительное (учащенное) действие, полностью сохранили в парадигме формант аспекта (структурные элементы выделяются дефисом -, сочетание форманта аспекта и корневого согласного отмечено знаком +, послекорневые элементы не выделяются). Ср. I *ha-l+gas*, II *la-l+gas* (<*ra-l+gas*), III *wa-l+gas*, IV *da-l+gas* “говорить”; I *ha-l+gara*, II *la-l+gara* (<*ra-l+gara*), III *wa-l+gara*, IV *da-l+gara* “говорит”; I *ha-l+gira*, II *la-l+gira* (<*ra-l+gira*), III *wa-l+gira*, IV *da-l+gira* “говорил”, I *ma-li+g*, II *ma-ri+g* // *ma-ri-l+g*, III *mu-wu-l+g* // *mu-w-lu+g*, IV *ma-li+g* // *ma-d-li+g* “не говори”; I, IV *ħa-l+gas*, // *ħa-ra-r+gas* (<*ħa-ra-l+gas*), III *ħa-wa-l+gas* // *ħiwi+gas* “не говорить” и т.д. Здесь предкорневой *-l-* бесспорно является формантом аспекта (его в том же значении отмечали в других дагестанских языках).

В этой же группе проходят глаголы учащенного (длительного) действия, образованные сложением двух основ или редупликацией. Вторая основа этих глаголов в большинстве случаев перед корневым согласным имеет формант аспекта. Возможны случаи отсутствия редупликации или сложения основ в отдельных формах в парадигме глагола. Приводим примеры (сложение основ разграничено через тире —): I, IV *ja_v-h* — *jä-r+kas*, II *ra_v-h* — *rä-r+kas* (<*ra_v-h* — *rä-l+kas*), III *wa_v-h* — *wä-r+kas* (<*wa_v-h* — *wä-l+kas*) “валяться”, I, IV *ja_v-h* — *jä-r+kara*, II *ra_v-h* — *jä-r+kara*, III *wa_v-h* — *wä-r+kara* “валяется”, I, IV *ja_v-h* — *jä-r+kir*, II *ra_v-h* — *rä-r+kir*, III *wa_v-h* — *wä-r+kir* “валялся” (здесь доминирует семантика учащенности, повторяемости; в морфологическом плане она обеспечена морфемой *-r*, видимо, восходящей к *-l*, а также сложением основ *ja_v-h* и *jä-rkas*); I, IV *γu-r+γas*, II *ru-γu-r+γas*, III *wu-γu-r+γas* “вертеться”, I, IV *γu-r+γara*, II *ru-γu-r+γara*, III *wu-γu-r+γara* “вертится”, I, IV *ru+γuri*, II *ru-ru-r+γuri*, III *wu-r+γuri* “вертелся”, I, IV *ma-ru+γ*, II *ma-ru-ru+γ*, III *ma-wu-ru+γ* “не вертись”. В прошедшем времени и ветативе нет редупликации, но основы сохраняют формант аспекта *-r*. В будущем времени параллельно представлены обе формы, ср.: I *γu-r+γasi* // *ru-γasi*, II *ru-γu-r+γasi* // *ru-r+γasi* и т.д. Неполнота редупликации глагольной основы в парадигме является инновацией. Процесс обусловлен распадом, затуханием категории аспекта. Здесь нарушена и последовательность употребления форманта аспекта;

3. Значительное число глаголов сохранило видовое различие посредством форманта *-l* (<*-r*), ср.: I *sa-tas* “оставить”, *sa-l+tas* “оставлять”, I *sa-tir* “оставил”, *sa-l+tir* “оставлял”, I *ha-gura* “увидел”, *ha-r+gura* “видел” и т.д.

4. Часть глаголов имеет видовые пары, например: *gerubxus* “бросать”, *ijis* “бросить”, “кинуть”, *jihis* “бить”, “ударять”, *jetes* “побить”, *halgas* “говорить”, *ixus* “сказать” и т.д. [Ибрагимов 1978: 89–94, 156–157, 180–181, 216–220, 272–274].

Категория аспекта в цахурском языке подверглась сравнительно большому распаду, чем в родственном ругульском. Тем не менее, следы категории аспекта в морфологической структуре глагола еще довольно отчетливо прослеживаются. Правда, в этом отношении не все глаголы характеризуются одинаково. Одни глаголы в спрягаемой форме полностью утратили категорию аспекта. Здесь она заменена временными отношениями, например: I, IV *g-e-tu*, II *g-e-j-tu* > *g-ē-tu*, III *g-e-we-tu* > *g'-ō-tu* “избил”, I, IV *g-e-ta*, II *g-e-j-ta* > *g-ē-ta*, III *g-e-we-ta* > *g'-ō-ta* “избивает”, “избивая”, I, IV *gi-me-ta*, II *gi-me-j-ta* > *gi-mē-ta*, III *gi-me-we-ta* > *gi-mō-ta* “не избивай, не бей” и т.д. Другие же (их значительно больше) различают категорию аспекта. В этих глаголах видовые отношения выражаются как морфологическими, так и лексическими средствами. Морфологическими являются специальные форманты *j*, *r*, *a*, чередование предкорневых гласных *i* — *e*, *a* — *e*, а также дополнительное чередование гласных *a* — *i* в превербах. К лексическим средствам, выражающим аспект, относятся редупликация и сложение.

Дуративные глаголы в парадигме последовательно сохраняют формант аспекта, например: I, IV *i-j+karas*, II *i-ji+j+karas*, III *i-wi-j+karas* “ходить” (знаком + выделен формант аспекта, предшествующий корневой морфеме), I, IV *i-j+kire*, II *i-ji-j+kire*, III *i-wi-j+kire* “ходи”, I, IV *i-j+kir*, II *i-ji-j+kir* // *i-j+kir*, III *i-wi-j+kir* “ходил”, I, IV *i-j+kar*, II *i-ji-j+kar*, III *i-wi-j+kar* “ходит”, I, II, IV *i-mi-j+kar*, III *i-mi-wi-j+kar* “не ходи” (таковы также глаголы *i-j+γ'aras*, *ji-j+γ'aras*, *wi-j+γ'aras* “родить”, *a-j+ħaras*, *a-je-j+ħaras*, *a-wa-j+ħaras* “купаться”, *a-j+ħanas*, *a-je-j+ħanas*, *a-wa-j+ħanas* “копашиться”, “возиться”, *q'o-j+xaras*, *q'i-je-j+xaras*, *q'i-wo-j+xaras* “раскачиваться”).

Ряд дуративных глаголов видовые отношения передает лексическими средствами: редупликацией или сложением двух основ, ср.: *i-ki-j+ka-ras* (I, IV) “болеть”, *i-ki-j+kanas* (I, IV) “любить, хотеть, желать” и т.д. Вторые основы композитов перед корневой морфемой регулярно содержат формант аспекта *-j*.

В парадигме некоторых глаголов простая основа в форме презенса, ветатива и негатива противопоставляется сложной основе остальных глаголов, образованных посредством вспомогательных глаголов *ixes* “быть”, *ha’as* “делать”, см.: *aça-xe* (<*aça-ixe*) “знай”, *aça-xa* (<*aça-ixa*) “узнал”, “узнав”, *aça* “знает”, “зная” и др. В глаголе *oxanas* // *ixijxanas* “пастись” функционируют две основы: простая и редулицированная. Общеизвестно, что редуликация основы в парадигме, как лексическое средство реализации видовых отношений, связана с многократностью действия [Хайдаков 1975: 63–75].

Некоторые глаголы в морфологической структуре основ презенса и ветатива в отличие от остальных форм имеют специальные форманты аспекта, выступающие перед корневой морфемой. В качестве форманта аспекта засвидетельствованы *j*, *a*, чередование гласных: *i* — *e*, *a* — *e*, дополнительно в превербах — *a* — *i*, например: *q’a-w-xes* “слышать”, *q’a-w-xe* “слушай”, “послушай”, *q’i-mi-j-xe* “не слушай”, *q’a-j-xi-* “слушал, услышал”, “услышав” (в значении деепричастия закреплена семантика совершенного вида: *gaf q’awxi, zi inaqa ari* “услышав разговор, я пришел сюда”), *q’i-wi-j-xe* “слушает”, “слуша”.

В генезисе категории аспекта определенный интерес представляет элемент *-wV-*, следующий за превербом в морфологической структуре некоторых глаголов. Однако в ветативе и негативе элемент *-wV-* или выпадает, или же перемещается за формантом ветатива (соответственно и негатива). Выпадение *-wV-* в ветативе компенсируется появлением форманта аспекта *-j-*. В свою очередь, в глагольных формах с классным согласованием (*-r-*, *-b-*, *-d-*) элемент *-wV-* лишен функциональной нагрузки. Этимологизирование *-wV-* в данном случае значительно затруднено. Но вполне допустимо, что интересующий нас *-wV-* получен в результате взаимодействия форманта аспекта и показателя класса. Отмеченное явление см. в парадигме глаголов *giwaḥanas* “повесить”, *hiwaḥes* “хранить”:

	Футурум	Перфект
I	<i>gi-w-a-ḥanas</i> (< <i>gi-wa-ḥanas</i>)	<i>gi-wa-r-ḥin</i>
II	<i>gi-w-ē-ḥanas</i> (< <i>gi-we-j-ḥanas</i>)	<i>gi-wa-r-ḥin</i>
III	<i>gi-w-ā-ḥanas</i> (< <i>gi-wa-w-ḥanas</i>)	<i>gi-wa-b-ḥin</i>
IV	<i>gi-w-a-ḥanas</i> (< <i>gi-wa-ḥanas</i>)	<i>gi-wa-d-ḥin</i>
	Презенс	Перфект негативный
I	<i>gi-w-aj-ḥan</i> (< <i>gi-wa-j-ḥan</i>)	<i>gi-da-r-ḥin</i>
II	<i>gi-w-ē-ḥan</i> (< <i>gi-we-j-ḥan</i>)	<i>gi-da-r-ḥin</i>
III	<i>gi-w-ā-ḥan</i> (< <i>gi-wa-w-ḥan</i>)	<i>gi-da-b-ḥin</i>
IV	<i>gi-w-aj-ḥan</i> (< <i>gi-wa-j-ḥan</i>)	<i>gi-da-d-ḥin</i>
	Ветатив	Футурум
I	<i>gi-m-aj-ḥan</i> (< <i>gi-ma-j-ḥan</i>)	<i>hi-w-a-ḥes</i> (< <i>hi-wa-ḥes</i>)
II	<i>gi-m-ē-ḥan</i> (< <i>gi-me-je-j-ḥan</i>)	<i>hi-w-ē-ḥes</i> (< <i>hi-we-j-ḥes</i>)
III	<i>gi-m-ā-ḥan</i> (< <i>gi-ma-wa-j-ḥan</i>)	<i>hi-w-ā-ḥes</i> (< <i>hi-wa-w-ḥes</i>)
IV	<i>gi-m-aj-ḥan</i> (< <i>gi-ma-j-ḥan</i>)	<i>hi-w-a-ḥes</i> (< <i>hi-wa-ḥes</i>)
	Презенс	Перфект
I	<i>hi-w-a-ḥe</i> (< <i>hi-wa-j-ḥe</i>)	<i>hi-w-a-ḥu</i> (< <i>hi-wa-ḥu</i>)
II	<i>hi-w-ē-ḥe</i> (< <i>hi-wa-je-j-ḥe</i>)	<i>hi-w-ē-ḥu</i> (< <i>hi-we-j-ḥu</i>)
III	<i>hi-w-ā-ḥe</i> (< <i>hi-wa-wa-j-ḥe</i>)	<i>hi-w-ā-ḥu</i> (< <i>hi-wa-w-ḥu</i>)
IV	<i>hi-w-a-ḥe</i> (< <i>hi-wa-j-ḥe</i>)	<i>hi-w-a-ḥu</i> (< <i>hi-wa-ḥu</i>)

Здесь форма презенса (*hiwa-ḥe*) формально совпадает с формой императива. В синтаксической конструкции (словосочетание, предложение) презенс получает суффиксальное классное оформление со значением генитива или же предиката, ср.: *hiwāḥena*

dewlet “оберегаемое состояние (государство)”, *ši dewlet hiwāžena* “мы состояние (государство) оберегаем”, *ši hiwāžena dewlet* “нами оберегаемое (хранимое) состояние (государство)” и т.д.

Усиление корневой морфемы в сочетании с формантом аспекта *-a-* в глаголах *ara+čē* “сажая”, *gera+čē* “укладывая” явно указывает на утерю согласного компонента форманта аспекта (в аналогичных случаях ср.: в рут. — *r, l, j*, в цах. — *j*).

Глагол “убить” имеет две основы: одну для ед. числа (*gikas*), другую — для мн. числа (*g'abtas*). Презенс и ветатив в лексеме *g'abtas* содержит формант аспекта *-a-*: императив — *g'abte* (I, II), *g'ate* (III, IV), перфект — *g'abtu* (I, II), *g'atu* (III, IV), презенс — *g'abaṭa* (I, II), *g'āṭa* < *g'adaṭa* (III, IV), ветатив — *g'imabaṭa* (I, II), *g'imāṭa* < *g'imadaṭa* (III, IV).

Категория аспекта в цахурском языке приобрела еще одну особенность: в видо-временных отношениях усилился лексико-семантический аспект. Так, определенное число глаголов различает видовые пары, например: *getas* “бить” — однократное действие, *iḡa,s* “бить” — многократное действие, *kl'oṡa,s* “проглотить” — однократное действие, *hoṡa,s* “глотать” — протяженное действие, *g'ajxes* “услышать”, *ḡiri-hiles* “слушать”, *ijkaras* “ходить” (в парадигме во всех формах сохраняется показатель аспекта *-j-*, он предшествует корневой морфеме), *hoharas* “ходить” (*ja,q hōharas* “проходить дорогу”, продолжительность действия получена посредством редупликации, ср.: I, IV *hōra* “иди”, “уходи”, II *hijera*, III *hiwōra*) и т.д.

Видо-временные отношения, в первую очередь категория аспекта, в цахурском претпели существенные изменения (подробно [Ибрагимов 1990: 114–122, 196]). Во многом они оказываются идентичными с другими дагестанскими языками. Так, например, в пралезгинском глаголе категория вида была наиболее существенной. Однако в современных лезгинских языках она во многом утратила свой первоначальный облик и ныне сохраняется в форме противопоставления видовых основ [Алексеев 1985: 75].

Наши наблюдения показывают, что бытующее в научной литературе мнение об отсутствии категории аспекта в дагестанских языках не соответствует истине и конкретными материалами языков не подтверждается.

Причины отрицания категории аспекта многими исследователями дагестанских языков кроются в применении типологических (и материальных) характеристик категории аспекта русского языка к дагестанским языкам. Общеизвестно, что такая “методика” чревата большими издержками и не обеспечивает объективной характеристики структурно-системных особенностей языка.

Вид (аспект), являясь грамматической категорией глагола, обобщенно указывает особые (отличительные) свойства, своеобразие протекания действия, процесса. Видовые особенности определяются внутренней “темпоральной структурой” глагольного действия, отношением свойства, характера к внутреннему пределу, результату, длительности, повторяемости и т.д. В языках мира эти отношения реализуются по-разному. Вид (аспект) вносит дополнительные измерения во временные характеристики в связи с оценкой достижения/недостижения внутреннего предела действия, с подчеркиванием процесса протекания действия, с понятием состояния и достигнутого состояния, с понятиями многократности, обычности и т.п. [ЛЭС 1990: 83]. Три времени (настоящее, прошедшее и будущее) в чистом временном понимании (темпоральной локализации) не в состоянии обеспечить все нюансы протекания действия.

В разных языках многообразие форм протекания действия имеет существенные отличия как по структуре, так и по содержанию. Так, в русском языке глагольные лексемы *решил, решал, не решил* относятся к прош. времени. Однако они имеют видовые отличия: *решил, не решил* — сов. вид, *решал* — несов. вид. В азерб. языке эти лексемы имеют такие параллели: *hāl etdi (-m, -n)* — сов. вид, *hāl edirdi (-m, -n)* — несов. вид, *hāl etmädi (-m, -n)* — несов. вид. Здесь интерес представляет лексема *hāl edirdi*

(имперфект) — букв. “решая был (а)”, ср. *hāl edir* “решает”. Накладываемый элемент *-di* восходит к вспомогательному глаголу *idi* “был (а, о)”. Соответственно указанные лексемы в цахурском реализовались бы так: *ha,ɫlaw'una* “решил” (сов. вид), *ha,ɫla'ajij* “решал” (несов. вид), *ha,ɫlaw'u deš* // *ha,ɫled'aw'una* (< *ha,ɫl-hid'aw'una*) “не решил” (потенциалис).

Обзор специальной литературы (часто ограниченный отдельными репликами и не закреплённый материалами языков), а также собственные материалы приводят нас к выводу, что в дагестанских языках в научном плане существует проблема категории аспекта, её функционирования в каждом конкретном языке, многообразия форм её реализации (морфологические, лексико-семантические, синтаксические). Внимательное изучение категории аспекта прояснит многие тёмные стороны видо-временных отношений в дагестанских языках, поможет выявлению пороку необъяснимых изменений в фонемной (звуковой) и морфемной структуре слова, поможет более отчетливо увидеть материальную, семантическую и функциональную близость таких категорий, как число, аспект, класс, возможность взаимной их компенсации с упрощением структурных единиц. Профессиональное решение проблемы является актуальной задачей кавказоведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев М.Е. 1985 — Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М., 1985.
- Бокарев А.А. 1949 — Синтаксис аварского языка. М.;Л., 1949.
- Бокарев Е.А. 1967а — Цезский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Бокарев Е.А. 1967б — Хваршинский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Бокарев Е.А. 1967в — Гинухский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Бокарев Е.А. 1967г — Гунзибский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. 1967.
- Бокарев Е.А., Мадиева Г.И. 1967 — Бежитинский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Гудава Т.Е. 1967а — Багвалинский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Гудава Т.Е. 1967б — Тиндинский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Дешериев Ю.Д. 1967а — Будухский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Дешериев Ю.Д. 1967б — Хиналугский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Дирр А.М. 1911 — Рутульский язык. Тифлис, 1911.
- Дирр А.М. 1913 — Цахурский язык. Тифлис, 1913.
- Ибрагимов Г.Х. 1978 — Рутульский язык. М., 1978.
- Ибрагимов Г.Х. 1990 — Цахурский язык. М., 1990.
- Керимов К.Р. 1996 — Есть ли категория вида в лезгинском языке? // ВЯ. 1996. №1.
- Кибрик А.Е. и др. 1972 — Фрагменты грамматики хиналугского языка. М., 1972.
- Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. 1988 — Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М., 1988.
- Кибрик А.Е. 1992 — Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Магомедбекова З.М. 1967а — Каратинский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Магомедбекова З.М. 1967б — Ахвахский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Магомедбекова З.М. 1967в — Чамалинский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.

- Магомедбекова З.М. 1971 — Каратинский язык. Тбилиси, 1971.
- Магомедов А.А. 1965 — Табасаранский язык. Тбилиси, 1965.
- Магомедов А.А. 1967 — Агульский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Магомедов А.А. 1970 — Агульский язык. Тбилиси, 1970.
- Мадиева Г.И. 1967 — Аварский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Мадиева Г.И. 1980 — Морфология аварского языка. Махачкала, 1980.
- Мейланова У.А. 1967 — Лезгинский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Микаилов Ш.И. 1959 — Очерки аварской диалектологии. М.;Л., 1959.
- Микаилов Ш.И. 1964 — Сравнительная морфология аварских диалектов. Махачкала, 1964.
- Муркелинский Г.Б. 1967 — Лакский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Нурмагомедов М.М. 1991 — К вопросу о грамматической категории вида в аварском языке // Глагол и глагольные словосочетания в дагестанских языках. Махачкала, 1991.
- Саидова П.А. 1973 — Годоберинский язык. Махачкала, 1973.
- Саидов М.-С.Д. 1967 — Грамматический очерк // Аварско-русский словарь. М., 1967.
- Услар П.К. 1890 — Лакский язык // Этнография Кавказа. Языкознание. Т. IV. Тифлис, 1890.
- Хайдаков С.М. 1975 — Система глагола в дагестанских языках. М., 1975.
- Ханмагомедов Б.Г.-К. 1967 — Табасаранский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.

© 1998 г. М.Ш. ХАЛИЛОВ

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ГРУЗИНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Слова, заимствованные из грузинского языка, в дагестанских языках относятся к разным периодам и имеют разный хронологический характер¹. Основной слой грузинизмов составляет лексика, заимствованная в более поздний период: новогрузинский период (XVIII–XX вв.) – время самых интенсивных контактов. Однако некоторые из них восходят к древнегрузинскому (V–XI вв.) или среднегрузинскому (XII–XVIII вв.) периодам. Ввиду отсутствия исторических письменных памятников по дагестанским литературным языкам, и тем более по многочисленным бесписьменным языкам, весьма трудно хотя бы приблизительно датировать их проникновение или дать глубокий всесторонний анализ этого сложного процесса. Вместе с тем в целом ряде случаев, с учетом косвенных данных, становится возможной констатация того, относятся ли заимствования к более раннему или позднему периоду.

Хронологическая классификация грузинизмов в дагестанских языках дает возможность определить их удельный вес в различные отрезки исторического развития.

Можно, в частности, установить их некоторые более ранние хронологические уровни². Так, о наличии наиболее древних контактов, относящихся к периоду грузинско-западного и працезского единства, свидетельствуют отдельные грузинизмы, сохранившие фонетический облик праформы.

В гинухско-цезском слове (гин. *ихирахъ*, цез. *ихурахъ* 'утка'), кроме *-хъ*, обнаруживаем элемент *-ра-*, отсутствующий в современном грузинском языке и во многих его диалектах (*ихви* 'утка'). В своей статье Г.В. Рогава делает попытку доказать, что

¹ Ведущая роль в исследовании контактирования картвельских и нахско-дагестанских языков принадлежит Г.А. Климову. Как отмечается в одной из его работ, "зоной исторического соприкосновения картвельских и нахско-дагестанских языков служили северные и восточные рубежи Грузии (Хевсуретия, Пшавия, Тушетия, частично Кахетия), где и поныне сохраняются довольно отчетливые следы топонимики некартвельского происхождения. Последнее обстоятельство позволяет предполагать бывшее наличие здесь субстратного населения. Здесь, как известно, издревле локализовались окраинные представители нахской, авароандоцезской и лезгинской подгрупп нахско-дагестанских языков. Хотя и в этой зоне языковое взаимодействие в принципе должно было быть взаимным, в целом и в этом случае основным стимулом многовековой иррадиации ареальных изоглосс служил грузинский язык. Так, если нахско-дагестанские элементы встречаются почти исключительно в восточногрузинских диалектах, где они представлены довольно ограниченным лексическим материалом, то, напротив, воздействие грузинского языка оставило в нахско-дагестанских языках более глубокий след. Хронология наиболее ранних контактов может быть при этом определена в какой-то мере по тем единичным лексическим вкраплениям нахско-дагестанского характера, которые зафиксированы уже в письменных памятниках древнегрузинского языка (V–XI вв. н.э.)" [Климов 1986: 183–184].

² На основе выявленных лексических сходжений между северо-кавказскими и картвельскими языками на языковых уровнях С.Л. Николаев и С.А. Старостин предполагают наличие активных контактов в прошлом между носителями правосточнокавказского и пракартвельского языков (около 5–4 тыс. до н.э.). По их мнению эти параллели в основном относятся к легко заимствуемым (в частности, культурным) слоям лексики [Николаев, Старостин 1984: 30].

исходной формой грузинской именной основы *ихв*-‘утка’ является *ихвир- в результате сопоставления ее с занским вариантом этой же основы, сохранившимся в имеретинском диалекте грузинского языка, *ихвинджа* ‘дикая утка’: *ихвинджа* < *ихвиджа < *ихвир-а [Рогава 1966: 235]. Такое предположение Г.В. Рогава об исходной форме *ихвир-а лишней раз подтверждает гинухско-цезский вариант. И соответственно, исходя из этого можно считать, что данный элемент, зафиксированный в цезских словах, служит основанием для признания давности его проникновения в западноцезские языки, а именно восстанавливаемая праформа *ихвир-а восходит к периоду грузинско-занского единства (≈700 г. до н.э.). Ауслутивный -хъ в этих лексемах, возможно, является сохранившимся в окаменелом виде словообразовательным аффиксом.

В широком смысле для изучения грузинской лексики определенное значение могут иметь и данные контактировавших языков, в том числе и цезских. В отдельных случаях эти языки сохранили исторически более древние формы грузинских основ, представленных ныне в самом грузинском языке в измененном виде.

В ряде цезских грузинизмов налицо системное звукосоотношение гласных рефлексов, аналогичных исконным. На основе этих соответствий можно реконструировать фонетические архетипы этимонов, что подтверждается данными языка-источника. Так, восточноцезскому *о* (бежт., гунз. *бохъ* ‘солнце’) в западноцезском соответствует у (гин., цез., хварш. *бухъ*) или же *e ~ u* (*алиле-алели* ‘ягненок’), т.е. соответствие *o-о-у-у-у* в працезском восстанавливается как *o, а *e-e-и-и-и* – как *e [Николаев 1978: 89]. Аналогичный процесс наблюдается и в грузинизмах, ср.:

бежт., гунз. *борклоли* ‘пути’ – гин., цез. *бурклули* ‘замок’ < груз. *борклили* ‘пути, кандалы’;

бежт., гунз. *гемо* – гин., цез. *гиму* ‘вкус’ < груз. *гемо*;

бежт., гунз. *гочли* – гин., цез. *гучли* ‘поросенок’ < груз. *гочли*;

бежт., гунз. *окро* – гин., цез. *укру* ‘деньги, серебро’ < груз. *окро* ‘золото’.

Возможно, указанные грузинские лексические элементы проникли в период общецезского единства. Затем после распада праязыкового состояния они оформились соответственно фонетическим нормам языков. Отсутствие их в современном хваршинском языке, видимо, объясняется сильным влиянием аваро-андийских языков, вытеснивших их из словарного фонда.

Вышеизложенное дает основание заключить, что в принципе существование древнегрузинско-працезских контактов возможно, и данные глоттохронологии такой возможности не исключают.

Некоторые диалектные варианты заимствований сохранили архаические формы грузинских этимонов. Выявляя праформы, можно определить в какой-то степени хронологическую рамку их проникновения. Проиллюстрируем это на уровне протобежтинского языка.

В фонетическую систему протобежтинского языка включалась фонема *p*. Соответственно, грузинские лексические элементы, содержащие указанный сонант, сохранили его при заимствовании. Однако после диалектной дифференциации в собственно бежтинском диалекте произошел переход *p* в *й*, что является характерной особенностью данного диалекта. Ср.:

протобежт. **к̄амари* ‘липкий глинозем красноватого цвета’ > тляд., хаш. *к̄амар*, бежт. *к̄амай* < груз. *к̄амари*;

протобежт. *бегари ‘коллективная помощь’ > тляд., хаш. *бегари*, бежт. *бегай*. Ср. груз. *бегари*;

протобежт. *биркли ‘репейник’ > тляд., хаш. *биркли*, бежт. *бийкли*. Ср. груз. *биркли*, *биркла*;

протобежт. *херхи > *хорхо* ‘пила, напильник’ > хаш. *хорхо*, тляд. *хоргъо*, бежт. *хойгъо*. Ср. груз. *херхи*;

протобежт. *сацери > *лъацери > тляд., хаш. лъацар, бежт. лъацай 'сито'. Ср. груз. сацери.

По поводу этого звукоперехода Т.Е. Гудава пишет: «если *p* следует за согласным звуком, то ассимилируется с предшествующим согласным: *окро* > *окйо > *окко* 'золото', *гогра* > *гогйа > *гогга* 'тыква'» [Гудава 1979: 51]. Этот процесс автор рассматривает как пример фонетического изменения при заимствовании. На самом деле такого изменения, по-видимому, не было: слова в протобежтинском имели формы *окро, *гогра, в которых затем произошел обычный переход *p* в *й* с последующей ассимиляцией (*окйо > *окко*, *гогйа > *гогга*). Здесь этимологическая неточность связана с тем, что хронологический уровень заимствования не был определен.

Хронологизация грузинизмов возможна как по лингвистическим, так и по некоторым экстралингвистическим признакам. Решение проблемы хронологии возможно при учете фонетических процессов как в грузинском, так и в дагестанских языках. В данном случае сведения об истории фонетического развития имеются только по грузинскому языку. И, соответственно, на основе фонетических критериев грузинского языка можно строить предположения о хронологизации грузинизмов, а также установить приблизительное время заимствования. О.И. Виноградова по этому поводу пишет, что «в ряде случаев возникает проблема определения хронологии заимствования. Решение ее основывается обычно на знании относительной и абсолютной хронологии фонетических процессов как в языке-источнике, так и в заимствующем языке. В случае наличия сведений об истории фонетического развития хотя бы в одном из языков имеется возможность, во-первых, строить предположения о хронологии заимствования относительно тех или иных процессов этого языка: во-вторых, абсолютная датировка этих процессов дает и приблизительное время заимствования» [Виноградова 1980: 20].

Отнесение некоторых грузинизмов к древнему или новому периоду возможно по фонетическим признакам. Фонема *хъ* была характерна для древнегрузинского языка. В ряде дагестанских грузинизмов она сохранилась: тляд. *венахъи* 'виноградник'; бежт. *тохъи*, цез. *толхъи*, бацб. *тохъ*, гунз., гин., анц. *тохъи* 'мотыга'; бежт. *гатохъна*, гин. *гатлхъна* 'прополка'; бежт., цез., гунз., тив. *мехъре* 'слуга'; бежт., гунз. *сахъри*, тив. *сахъар* 'прут, палка'; бежт., гунз. *хъерхъи* 'тактика'; бежт. *хъинцири* 'сорт картофеля'; бежт. *дахъуца йовал* 'истреблять' < др.-груз. *а(гъ)хъоца* 'уничтожать, истреблять' (ср. ках. *дахоца*), бежт. *гахъурда (йовал)* 'сильно растопить' < *гахуреба* 'раскалить, растопить'; цез. *махъа* 'пшеница', цез., гин. *хъема* 'дождь', бежт. *хъимайо* (хаш. *хъимаро*) 'пасмурный' < др.-груз. *цхъмай* 'дождь'³ и др. Отнесение указанных слов к древнегрузинскому или среднегрузинскому периоду вызывает затруднения, поскольку в оба эти периода *хъ* функционировала в языке, сохраняясь до XIV–XV века [Кавтарадзе 1964: 387]. Можно лишь сказать, что источником этих заимствований не является современный кахетинский диалект, с которым граничат дагестанские языки, так как в кахетинском, как и в современном литературном грузинском языке, фонема *хъ* отсутствует, хотя они могли быть усвоены и из старокахетинского. В настоящее время эта фонема сохранилась преимущественно в горских диалектах грузинского языка, не соприкасающихся с дагестанскими [Утургаидзе 1966; Чинчараули 1961: 5].

Подтверждением отнесения некоторых грузинизмов к древнему периоду на основе фонетического признака (по фонеме *хъ*) служат и экстралингвистические данные. Появление некоторых терминов земледелия, таких как *тохъи* 'мотыга', *венахъи* 'виноградник', *гатохъна* 'прополка', очевидно, связано с усилением грузинского влияния. Акад. И.А. Джавахишвили пишет, что земледельческое орудие на Северном

³ Лексема *цхъмай* 'дождь' как древнегрузинское слово отмечена С.Б. Серебряковым [Серебряков 1962].

Кавказе появилось в XII веке, т.е. в пору наиболее интенсивных связей с Грузией [Джавахишвили 1930: 232]. Слово *тохѳи* в данной форме засвидетельствовано в грузинском памятнике XI века, а именно в сочинении Георгия Мтацминдели «Житие Иоанна и Ефимия». Глагол от слова *тохѳи моутохѳна* в Грузии встречается еще в памятнике IX века [Шанидзе 1945: 244]. Такая датировка, которая построена на основании комплексного учета как лингвистических, так и экстралингвистических критериев, очевидно, имеет более точную достоверность.

Однако в некоторых контактировавших говорах и диалектах дагестанских языков в рассматриваемых заимствованиях представлена фонема *x*: бежт., гунз. *венахи*, окт. *тохи*, бухн. *тухи*, кус., таш. *тухна* 'мотыга' (ср. груз. *тохна* 'мотыжить; мотыжение'); окт. *херхи*, окт. *мехр*, окт. *сахре*, тив. *гатохвна*. Эти слова, по-видимому, проникли в более поздний период из новогрузинского языка, точнее из кахетинского диалекта. К этому следует добавить, что чаще всего эта фонема отмечается в тех говорах и диалектах, носители которых живут на территории Грузии – в октомберском говоре удинского языка, тивийском говоре анцухского диалекта аварского языка. Как известно, тивийцы и октомберские удины появились в Кахетии в конце XIX – начале XX века. И, соответственно, слова в это время были усвоены из грузинского языка. Чем же объяснить тогда тот факт, что в говорах бежтинского языка в одном случае (глед.) имеем форму *венахѳи*, а в другом (бежт.) – *венахи* 'виноградник'?

Другим фонетическим признаком, по которому можно установить хронологические рамки грузинизмов, является наличие в заимствованных словах ауслатного *й*. Как известно, в древнегрузинском языке широко были представлены дифтонги *ай*, *ей*, *ой*, *уй*, а также полугласный *й* [Марр 1925: 3–4; Дзидишвили 1960: 138], например: в лексемах *гемой* 'вкус, наслаждение'; *эзой* 'двор', 'занавес'; *зомай* 'размер', *окрой* 'золото', *тлилой* 'полотно, пелена'; *кѳанай* 'поле, нива'; *эртобай* 'единство, единение' и т.д. В некоторых грузинизмах сохраняется форма слов, типичных для древнегрузинского языка, ср.: др.-груз. *квей* 'камень' > цах. *кывай*, др.-груз. *цхѳмай* 'дождь' > бежт. *хѳмайо* 'пасмурный'. По-видимому, они заимствованы в древнегрузинский период. Однако количество таких лексем невелико и в большей части среди них налицо слова с усеченным полугласным. Такое усечение в грузинизмах можно объяснить следующим образом. В истории грузинской фонетики полугласный постепенно исчез, если не слился с другими гласными или же не перешел в родственные согласные. В новогрузинском письме начертание для полугласного звука *й* вышло из употребления [Марр 1925: 3–4]. Далее, видимо, контактировавшие дагестанцы усвоили эти слова повторно – теперь уже из новогрузинского языка без ауслатного *й*. Вместе с тем объяснить утерю полугласного, например, в бежтинском, гунзибском и некоторых других языках (ср.: *гемо*, *зома*, *окро*, *тлило*, *кѳана*, *эртоба*), можно и тем, что для этих языков более характерен открытый двухсложный тип слога.

В некоторых цахурских грузинизмах, например, *самарев* 'котлован' (< *самаре* 'могила'), наращивается элемент *в*. Известно, что в древнегрузинском языке наблюдалось выпадение согласных, в том числе и *-в* в абсолютном конце слова, ср.: *кулав* > *кула* [Дзидишвили 1960: 150]. Возможно, слово *самарев* 'котлован' является праформой, в которой сохранился ауслатный *-в*; наряду с *-й* к древнегрузинским лексемам присоединялся и *-в* [Чикобава 1967: 29].

Сохранение в отдельных дагестанских грузинизмах анлаутного *гъ*- (ср. бежт. *гѳангариши* 'счет, расчет'; гунз. *гѳорму* 'яма'), отсутствующего в их современных этимонах (груз. *ангариши*, *ормо*), видимо, объясняется тем, что в памятниках XVI–XVIII вв. наблюдалось новое явление – искусственное употребление *гъ* перед гласными *е*, *а*, *о* [Кавтарадзе 1964: 384]. На основании этого можно предположить, что эти лексемы проникли в восточноцезские языки в XVI–XVIII вв.

к более древнему периоду, т.е. к древнегрузинской или среднегрузинской эпохам. Это можно утверждать исходя из того, что наиболее ранние заимствования из грузинского языка в удинском и цезских претерпели сильные фонетические изменения так же как, например, в нахских языках [Алироев 1978: 266]. Э. Хауген отмечает, что "на основании фонологической формы слов можно восстановить историческую перспективу процесса заимствования. Предполагается, что ранние заимствования – это наиболее сильно искаженные слова, тогда как поздние должны стоять гораздо ближе к своим иностранным образцам... Этот принцип представляется в целом разумным, однако он нуждается в ряде оговорок. Во-первых, необходимые признаки отсутствуют в тех словах, которые не содержат "трудных" звуков. Во-вторых, различия между наиболее и наименее искаженными звуками связаны не столько с хронологией, сколько со степенью двуязычия. Поскольку мы лишены возможности проследить судьбу отдельных слов и выражений, начиная с момента их появления, в заимствующем языке, мы вынуждены довольствоваться догадками о факторах, повлиявших на форму каждого из них" [Хауген 1972: 356].

Сильные фонетические изменения в грузинизмах произошли в речи варташенских и ниджских удинов: *каламани* 'лапти' > *калам*, *кIрамитли* 'черепица' > *кIирамитл* // *кIираммитл*, *шлами* 'песок' > *ша* (варт.); *шавиви* 'дрозд' > *ча́чи*, *чIалакли* 'роща' > *чIаьлаьг*//*ччалаг*, *дзабри* 'лейка' > *цIаьнIури* (нидж.), *намгали* 'серп' > *маьнкаьл* (варт.) 'инструмент для срубки кустарника в виде серпа', *шеиа* 'дрова' > *уи* (варт.) [Гукасян 1974]. В речи октомберских удинов, где грузинизмы наиболее многочисленны, они во многом приобрели облик слов новогрузинского языка, и это, видимо, объясняется тем, что они находятся на территории Грузии более 70 лет и, возможно, произошло повторное (вторичное) заимствование указанных слов, теперь из новогрузинского языка.

В цезских языках также можно выделить грузинизмы, относящиеся к более раннему периоду, например: цез. *цихולי* 'дикий, лесной (груша, яблоко)' (ср. груз. *мхали* 'груша'); бежт., хаш., гунз. *хъймай*//*хъимар*//*хъимар* 'пасмурный' (ср. груз. *цхъмай* < древнегруз.) 'дождь'; цез. *цехтIен* 'чердак' (ср. груз. *схвени*), цез. *кIеметI* 'сундук' (ср. груз. *кIидобани*), гунз. *гъэру* 'пила' (груз. *херхи*); бежт. *шуьнаь* 'могила', гунз. *шима* 'могила' (груз. *самаре*). Сравните в других дагестанских языках: чам. *шахв* 'лук' < груз. *хахви*, тляд. *шалтIами* 'свисток' < *састIвена*.

Другим основанием для установления хронологии грузинских заимствований – особенно, если речь идет о ярко выраженных культурных словах, – могут оказаться данные исторических наук, т.е. установить примерную хронологию можно, связывая лингвистические факты с экстралингвистическими (проникновение христианства, период расцвета Грузии, период жизни дагестанской диаспоры в Грузии и т.д.).

Некоторые термины сельского хозяйства (обработка почвы, виноградарство, сельскохозяйственные культуры, орудия труда и т.д.) и животноводства, на наш взгляд, являются наиболее древними заимствованиями, так как картвелы еще издревле занимались земледелием и животноводством, и, соответственно, дагестанцы, контактировавшие с грузинами (особенно с кахетинцами), могли заимствовать термины земледелия и животноводства. К таким лексемам можно отнести: *вази* 'виноградная лоза', *венахъи* 'виноградник', *гатохъна* 'прополка', *пурчна* 'очистка лозы от растений', *белтIи* 'кусочек земли', *бурдо* 'скирда', *симинди* 'кукуруза', *гутани* 'плуг', *тохъи* 'мотыга', *атIами* 'персик', *легъи* 'инжир', *кIитIри* 'огурец', *баькли* 'гурт овец', *сако-нели* 'скот', *гочIи* 'поросенок', *иху* 'утка', *чIучIул* 'цыпленок', *мIемIали* 'курочка', *мамали* 'петух'.

Некоторые древнегрузинские слова, связанные с сельским хозяйством и животноводством, в дагестанских языках сохранили формы древнегрузинского языка-источника, например: *дедали* а) 'самка' б) 'курица', *мамали* 'петух', *мIахи* 'кабан'; *сабали* 'веревка', *чIади* 'кукурузная лепешка'.

Отдельные грузинизмы удастся датировать приблизительно определенным веком.

Так, М.Р. Гасанов отмечает, что "надо полагать, к периоду экономического и политического усиления Грузии и ее влияния на некоторые районы Дагестана относится и влияние грузинского плуга, как пахотного орудия некоторых народностей Дагестана, как это имело место в других областях Северного Кавказа" [Гасанов 1968: 118]. И.А. Джавахишвили по этому поводу пишет, что «на Северном Кавказе плуг появляется в XII веке и нет никакого сомнения в том, что чеченцы, ингуши и другие кавказские народы пользовались таким плугом, как грузинский плуг "гутани"» [Джавahiшвили 1930: 232]. Термин "гутани" вошел в грузинскую литературу не ранее X века [Генко 1930].

Как известно, название плуга имеет общекавказский характер. Так, в кавказской языковой области оно представлено: груз., мегр. *гутани*, сван. *гутан*, абх. *а-кватана*//*а-кватан*, абаз. *кватан*//*а-кватан*, каб. *куэтэниэрхъ*, бацб. *гутан*, инг., чеч. *гуота*, авар., лак., дарг., таб., арч., будух. *кутан*, лезг. *куьтен*, удин. *коьтаьн*, цез., гуыз. *гутан*, бежг. *готани*//*гутани*. Оно прослеживается и в других языках кавказского ареала: осет. *гутон*//*готон*, балк. *гатон*//*готон*, азерб. *котан*, кумык. *гутан*. И, наконец, встречается в курдском (*котан*), сирийском (*кутан*), турецком (*кутан*).

Вопреки мнению вышеназванных исследователей, Г.А. Климов и А.К. Шагиров отмечают, что "...интересующим нас словом обозначается достаточно сложная железная конструкция – так называемый тяжелый плуг, в который обычно впрягаются несколько пар волов и который, следовательно, приспособлен к условиям пахоты на равнине или в речной долине, а не в горах. Естественно полагать, что уже одно это обстоятельство подсказывает, что такой артефакт (как, по-видимому, и его обозначение) должен был возникнуть, во-первых, не ранее начала железного века и, во-вторых, отнюдь не в горных отрогах Большого или Малого Кавказа. В последней связи необходимо упомянуть, что данные этнографии прямо свидетельствуют об относительно позднем проникновении плуга-кутана в горные районы Кавказа" [Климов, Шагиров 1990: 4–5].

В нахские языки, особенно в бацбийский, оно усвоено из грузинского в XVI веке [Дешериев 1953 : 6], а в цезские проникло не ранее XVII столетия, когда начали укрепляться экономические связи с Кахетией [Климов, Шагиров 1990 : 5]. Большинство же дагестанских форм слова *кутан*, вероятно, обязаны азербайджанскому посреднику. Однако это не означает, что в Дагестане отсутствовало земледельческое орудие типа плуга или с появлением "гутани" исконно дагестанское слово было вытеснено. До появления плуга "гутани" и после него бытовало и применялось до сих пор, например, у цезов исконное орудие, называемое *боъосл/бирус* (ср. авар. *пуруц*) 'соха'.

Грузия в XI – начале XIII вв. достигает наибольшего могущества. В этот период экономические и другие связи Грузии с Дагестаном становятся наиболее тесными. В период наивысшего экономического и политического подъема Грузинского царства Дидоэти входила в состав Грузии, а некоторые западные районы Дагестана находились в вассальной зависимости от нее [Гасанов 1968 : 115–116]. Надо полагать, что в этот период началось проникновение большого числа грузинизмов в дагестанские языки. Однако нельзя сказать, что все они проникли одновременно.

С усилением торгово-экономических связей Дагестана и Грузии в XI–XIII вв. можно связать проникновение в некоторые дагестанские языки терминов, связанных с торгово-экономическими отношениями. Такими словами из этой области, усвоенными в данный период, можно считать следующие: *окро* 'деньги, серебро', *муьштIаьри* 'покупатель' (< иран.), *абрашунни* 'шелк', *совдагар* 'купец' (< иран.), *цIула* 'жребий', *шаури* 'маленькая серебряная монета, пятак', *сазогол* 'запас' (< *сагдзали*).

Термины христианской религии вошли в некоторые цезские языки в период проникновения христианства в Западный Дагестан (XI–XIII вв.). Учитывая значительную роль Грузии в распространении христианства в Дагестане X–XIII вв., можно

допустить, что проникновение элементов христианской религии в Западный Дагестан имело место задолго до V века [Шихсаидов 1957 : 62]. Д.М. Атаев пишет, что "начало проникновения христианства в Аварию относится к X–XIII вв., о чем свидетельствуют данные Урадинского могильника, и оно сохранило свои позиции и в первой трети XIV столетия" [Атаев 1958 : 178].

С распространением христианства начали проникать и грузинские личные имена. В наиболее ранних заимствованиях – личных именах произошли сильные фонетические изменения, например: *Илутлай*//*Гьилутла*, *Гьерекли*, *Тидур* и др. Основное число собственных имен мужчин и женщин усвоено в советский период, поэтому они подверглись меньшим фонетическим изменениям.

С периодом "лекианоба" (XVI–XVIII вв.) можно связать проникновение из грузинского языка лексемы авар., лак., лезг., цах. *давла* 'добыча, трофей' < *давла*//*надавли* (груз. < араб.) 'добыча (военная)'.
Весьма древние культурно-исторические связи раскрывают такие тематические группы, как термины, связанные с домашним бытом и хозяйственным укладом (например, *къавари* 'дранка', *калмали* 'лапти', *бацлар* 'веревка', *рачло* 'цепь', *тони* 'печь', *цлары* 'кирка', *састлу* 'подушка' и др.), названия некоторых природных явлений (*гъайри* 'воздух', *жангъи* 'изморось'), названия некоторых металлов (*полади* 'сталь', *окро* 'серебро'), обозначения отдельных социальных терминов (*гелехи* 'нищий', *къема* 'раб, слуга'; *гъала* 'оброк').

Как было постулировано выше, давность отдельных грузинизмов можно, вероятно, установить по степени их распространенности. Так, налицо определенное число заимствований, проходящее по ряду цезских, аваро-андо-цезских, дагестанских языков. Некоторые их аналоги отмечаются в западнокавказских и восточнокавказских языках.

Ряд лексических элементов проходит по цезским языкам. К ним относятся:

бежт., гуنز., цез. *бурти*, хварш. *бурки* 'мяч' < груз. *бурти*;

бежт., гуنز. *Вели*, гин. *Вили*//*Вули*, асах. *Вила*, кид. *Вулаь* 'Грузия, Кахетия' < *вели* 'поле, степь';

бежт., гуنز., гин., цез., хварш. *зети* 'подсолнечное масло' < *зети* (ср. удин. *цлем*);

гин., цез. *индоври*, гуنز. *индаври*, бежт. *эндаври* 'индюк' < *индаури* (ср. чад. *индорийаб*);

бежт., цез. *къавари*, гуنز. *къабари*, гин. *къабар* 'дранка' < *къавари*;

бежт., гуنز. *кlorкlutli*, гин. *кlorкlotli*, цез. *кlorкlotl* 'грецкий орех с твердой скорлупой' < *кlorкlutli*;

бежт., гуنز., гин. *мезези* 'капризы' (ср. бежт. *мезлаги*, цез. *мезламо* 'капризник') < *мизези* 'причина';

тляд. *хоргъо*, хаш. *хорхо*, бежт. *хойгъо*, гин., цез. *хирих*, хварш. *херех*, гуنز. *гъеру* 'пила, напильник' < *херхи*;

бежт. *члархали*, гуنز. *члархал*, гин., цез. *члархала* 'свекла' < *члархали*;

бежт., гуنز., гин., цез., хварт. *чlotli* 'фасоль' < *чlotli* 'стручок'.

Число грузинизмов, наличествующих в аваро-андо-цезских языках, сравнительно невелико, к тому же они представлены, в основном, в контактировавших языках и диалектах. Ср.:

бежт., гуنز., гин., цез. *вази*, анц. *вази*, кус. *вазиб*, чад. *важийаб* 'виноградная лоза' < груз. *вази*;

бежт., гуنز. *гелехи* 'нищий', анц. *гелехаб*//*гилихаб*, кус. *гилихаб* 'грязный' < *гелехи* 'крестьянин';

бежт. *сокло*//*зокло*, гуنز. *зокло*//*шиклу*, цез. *зеклу*, хварш. *жокло*, багв. *зокла*, чам. *секлу*, тинд. *ссиклу* < *зокло*//*сокло*;

бежт., гин., гуنز., анц. *тохъи*, цез. *толхъи*, бухн. *тухи*, зак., кус., таш. *тухна* 'мотыга' < *тохи* (др.-груз. *тохъи*) 'мотыга'.

Среди дагестанских слов, зафиксированных в качестве грузинизмов в языках, принадлежащих разным подгруппам, можно отметить следующие:

бежт. *аңцили*, гуыз. *аңцели*, гин., цез. *гланцил*, анц. *гланцили*, зак. *а'ңцили*, цах. *а'ңцилий* 'бузина вонючая, зеленик' < груз. *аңцли*.

бежт., гуыз., лак. *забри*, гин., цез., зак., кус. *забру*, тив. *забр*, варт. *дзабури*, нидж. *цлаьптури* 'лейка, воронка' < *дзабри* (ср. чеч. *дзйѣбар*, чеб. *дзабур*, итум. *дзузам*);

бежт. *клараматли*, гуыз. *клараметли*, цез. *клараметли/клерметл*, гин. *клараматли*, анц., кус. *клерметл*, тив. *краметл*, окт. *крамитл*, варт. *кларамитл*, нидж. *кларамутл*, цах., рут. *клараметл* 'черепица' < *клараметли* (< греч.);

бежт., гуыз., цез. *класри* 'выдолбленная бочка', кус. *кисрийаб*, цах. *класрий/класрл/класры* 'мера сыпучих веществ' < *класри* 'бочка';

бежт., гуыз. *клунули*, цез. *клонели*, кус. *клулениб*, цах.д. *клуналай*, джын.д. *клунилий* 'боярышник' < *клуNELи*;

бежт., гуыз., гин., цез. *тлукли*, цез. *клитли*, анц., удин. *тлукл*, цах.д. *тлукли*, гельм. *тлуклий*, 'бурдюк' < *тлукли*;

бежт. *цлипер/члипер*, гуыз. *цлыбэли*, анц. *цлабули*, тив. *цланлур*, цах. *цлабел/цлабил*, цах.д. *цлабыл*, гельм. *цлабыл*, кус. *цлунлули/цлунлулиб*, удин. *цлабул* 'каштан', чам. *цлабел-гьал* 'чинара' < *цлаби* 'каштан'.

Справедливо отмечают Д.И. Эдельман и Г.А. Климов, что "изучение многовекового соприкосновения иранских и семитских языков, восходящего своими истоками еще к древним контактам их носителей в переднеазиатском ареале уже принесло, как известно, результаты, интересные не только в собственно лингвистическом аспекте, но и в культурно-историческом" [Эдельман, Климов 1987 : 162].

В дагестанских языках многочисленны заимствования из восточных языков: арабского, иранских и тюркских. Некоторые из них заимствованы непосредственно из языка-источника, а другие через посредство родственных, сопредельных языков. Языками-посредниками для Западного Дагестана явились аварский и грузинский в силу их престижной роли в данном ареале. Опосредованные ориентализмы проникли в разные времена.

Цезские и некоторые другие народности в историческом прошлом не имели прямых контактов с восточными народами, особенно арабами и иранцами, поэтому многие восточные заимствования проникали в основном через посредство родственного аварского языка. Однако выделяются случаи, когда достоверно можно констатировать, что определенная часть слов проникла и через посредство грузинского языка. Подтверждением этому служит тот факт, что в аварском языке многие восточные заимствования представлены в фонетически более измененном облике, чем в грузинском, например: бежт., цез., гуыз., гин. *п'лил'лил* < груз. *п'лил'лили* (< иран.) 'черный перец' (ср. авар. *пилпил*), бежт., гуыз. *биринжи* < груз. *бринджи* (< иран.) 'рис' (ср. авар. *пиринчл*), бежт., гуыз. *бали* < груз. *бали* (< тюрк.) 'черешня' (ср. авар., цез., анд., гин. *баг'ли*). Или же ряд лексических элементов, отмеченных в грузинском, отсутствует в словарном фонде аварского языка (за исключением аяцухского диалекта, контактировавшего с кахетинским диалектом грузинского языка); бежт. *муит'лари* 'клиент' (< груз. < иран.), цез. *чардах/чардахли* (< груз. < иран.) 'навес' (ср. авар. *тлок'о*), *баг'и* (груз. < тюрк.) 'сад' (ср. авар. *ах*) и др.

Ориентализмы, проникшие из грузинского языка, относятся к разным периодам. Слова иранского происхождения являются более древними по сравнению с арабскими. Иранизмы засвидетельствованы в памятниках древнегрузинской литературы V–XV веков и принадлежат как к древне-, так и (особенно) к средне- и новоиранской языковой эпохе [Андроникашвили 1966 : 521]. Иранские элементы в ряде случаев имеют фонетические соответствия в родственных картвельских и кавказских языках. Опосредованными иранизмами в дагестанских языках являются: древнеперс. груз. *ормо* > гуыз. *гьорму* 'яма'; *гурдем'ли* 'наковальня', 'кузнечный мост' (груз. *гредем'ли*

‘наковальня’) > лезг. *гирдили* ‘колода’, таб. *гердем* ‘камень-валун’, цах. *гирдым* ‘глыба’, бежт. *гердена* ‘камень-валун’; среднеперс. *кушк* > *клошкли* ‘вышка, башня’ > бежт. *кѳошкли*//*клошкли* ‘домик’; среднеперс. *харбар* > груз. *хорбали* ‘пшеница’ > бежт. *харбули* ‘толокно мелкого помола’; среднеперс. *товак*⁴ > груз. *тлабакли* > цезск. *тлабакло*, анц. *тлабакли* ‘поднос’; среднеперс. *гъѣим(ак)* ‘злой’ > груз. *ѣшмакли* ‘демон, черт’ > бежт., груз. *ѣшмакли* ‘черт’; среднеперс. *перѣгъанак* > груз. *плеранги* > бежт. *плеранкли* ‘комбинация (ж.)’; среднеперс. *бѣдинджан*//*бѣдилджан* > груз. *бадриджани* ‘баклажаны’; новоперс. *пѣлад* > груз. *полади* ‘сталь’; среднеперс. *абрѣшом* > груз. *абрѣшуни* ‘шелк’; среднеперс. *чогур* > груз. *чонгури* ‘чонгури (музыкальный инструмент)’; среднеперс. *лѣбийѣ* > груз. *лобио* ‘фасоль’; *чакѣч* (среднеперс.) > *чакучи* ‘молоток’; *парда* (груз. < иран.) ‘занавеска, штора’; *дафтар* (среднеперс. < греч.) > *дантари* ‘тетрадь, книжка’; *кѣгъ* (среднеперс.) > груз. *кохи* ‘хижина’, *ранде* (перс.) > груз. *ранда* ‘рубанок’; среднеперс. *камар* > груз. *камари* ‘пояс, кушак’; перс. *чангал* > *чангали* ‘вилы’; иран., араб. *нигози* > *нигози* ‘ядро грецкого ореха’⁵.

Формы гунзибского и тлядальского диалекта бежтинского *клаба* ‘платье’ и гинухского *Клобой* ‘рубашка, платье’ языков заимствованы из грузинского языка, в котором, в свою очередь, имеется лексема *клаба* ‘кафтан, платье’, усвоенное из среднеперсидского языка *карах* ‘плащ’. Это древнее заимствование следует отличать от более позднего усвоения в дагестанские языки той же самой лексемы, которое, однако, произошло при посредстве арабского языка: араб. *габѣ* ‘верхнее платье’, рут. *хѣбаба-чи* ‘бурка’, авар. *хѣбарча* ‘тулуп, шуба’, анд. *хѣана, хѣанача*, лак. *хѣвачи* ‘полушубок’ [Виноградова 1980 : 78].

Как видно из иллюстраций, грузинские заимствования иранского происхождения в дагестанских языках в основном отражают древнегрузинское состояние, т.е. они стоят ближе к архаичным формам.

Лексемы тюркского происхождения также отмечены в памятниках древнегрузинской литературы, начиная с X века. Число опосредованно проникших тюркизмов в контактировавших дагестанских языках сравнительно меньше, чем опосредованных иранизмов. Это, видимо, связано с тем, что дагестанцы имели контакты с кумыками и азербайджанцами (например, с закатальскими и белоканскими). Можно допустить, что определенное количество тюркизмов усвоено из грузинского языка в ранний период. К опосредованным тюркизмам относятся: *кѣавурма* ‘жаркое’, *архийанат* ‘надолго’ < *архейнад* ‘спокойно’ (груз. < тюрк.), *отахи* ‘комната’ < *отахи* (груз. < тюрк.), *багѣи* ‘сад’ < *багѣи* (груз. < тюрк.), *кѣаракли* ‘сливочное масло’ < *кларакли* (груз. < тюрк.), *бей* ‘задаток’ < *бей* (груз. < тюрк.), *бали* ‘черешня’ < *бали* (груз. < тюрк.), *албани* ‘вишня’ < *алубали* (груз. < тюрк.), *шаби* ‘квасцы’ < *шаби* (груз. < тюрк.).

Налицо определенное число арменизмов, заимствованных из грузинского языка в дагестанских языках, в частности, в цезских. Хронологически они, как нам представляется, являются более ранними, так как грузинско-армянские языковые контакты исторически были более древними по сравнению с восточными языками. Опосредованными арменизмами в цезских языках являются: *клеркклумли* ‘сорт грецкого ореха с твердой скорлупой’ (ср. цах. *кѣиркѣит* ‘скупой’), *клочли* ‘катушка’, *вард* (удин., цах., рут.) ‘роза’ < *варди* (груз. < арм., среднеперс.), *Клобала* ‘палка’ (груз. < арм. *кѣпала*), *тудж* ‘чугун’ (груз. < арм. *тудж*), *тлукли* ‘бурдюк’ (груз. < арм. *ттикк*), *цлунда*

⁴ Анцухская и цезские формы слова *тлабакли* ‘поднос’ заимствованы из грузинского языка, а удинская *тапѣк* ‘корыто’ (ср. табас. *тлабакл* ‘деревянное блюдо, тарелка’), видимо, проникла через армянский (ср. арм. *тапѣк* ‘сковорода’), в который, в свою очередь, вошла из среднеперсидского (*тѣпѣк* ‘сковорода’). Первичное иранское происхождение данного слова установлено В.И. Абаевым [Абаев 1989].

⁵ Д.И. Эдельман и Г.А. Климов считают достаточно ранним проникновение лексемы *нигози* ‘ядро грецкого ореха’ в картвельскую языковую основу из иранских и семитских языков [Эдельман, Климов 1987 : 165].

‘чулок, носок’ (груз. < арм.) ‘кирпич-сырец’. Следует отметить также, что исторически армянский язык служил промежуточным звеном, который связывал кавказские параллели с иранскими, семитскими и др.

Заемствования из арабского языка в грузинском сравнительно малочисленны и, соответственно, грузинских арабизмов, в частности, в цезских языках немного. Хронологически они относятся к более позднему периоду. Как известно, влияние арабского языка и ислама на Кавказе началось с VII века, а в горах Западного Дагестана ислам как религия закрепился в XIV–XV веках. Арабизмы из грузинского языка проникали примерно с XI века. Опосредованными арабизмами являются: *санлуни* ‘мыло’, *макпратели* ‘ножницы’ (ср. лезг. *мулпратл*, крым., будух. *микпратл*, хин. *мулпраал* < арм. *мкрат*, а в гин., цез. *моклорптли* – из груз. языка; генетический источник – арабский язык), *батли/мамли* ‘гусь’, *мутака* ‘валик для тахты’.

В связи с установлением тесных взаимоотношений в XVIII веке между Россией и Грузией в грузинский язык проникают русизмы, которые в дальнейшем вошли и в отдельные дагестанские, нахские [Дешериев 1953 : 338; Алироев 1978 : 203] и другие языки. Заимствованные из грузинского языка русизмы имеют ряд фонетических особенностей, которыми они отличаются от русских лексических элементов, усвоенных из языка-источника или посредством других языков, и благодаря этим особенностям их можно выделить в словарном фонде некоторых дагестанских языков как грузинские русизмы:

1) В дагестанских языках выделяется определенное количество русизмов, оформленных формантом *и*, характерным для грузинского номинатива: *халати* ‘халат’, *картлонели* ‘картофель’, *млун* ‘тиф’, *мошьоьклу* ‘мешок’, *висклози* ‘вискоза’.

2) В некоторых дагестанских языках под влиянием грузинского появляются смычно-гортанные согласные *пl, ml, kl, чl* вместо взрывных глухих *п, т, к, ч*, имеющих в заимствованных из русского языка лексемах. Эти абруптивы представляют собой следы адаптации русизмов в грузинском языке, они проникли вместе с соответствующими словами в бежтинский, гунзибский, цезский, цахурский, удинский языки, а также анцухский диалект аварского языка: анц. *клумплуст*, гунз. *клонпlocтли*, бежт. *клмойтло* ‘капуста’; бежт., гунз. *млачlкlаl/кlачlкlа* ‘тачка’; удин. *пlаьлтлов*, бежт. *пlалтло* ‘пальто’; *миткlали* ‘миткаль’; *млцирко* ‘труссы’ < *млцирко*; *абаиникl* ‘лесничий’ (< русск. *объездчик*).

3) Для многих дагестанских языков нехарактерно стечение согласных в начале слова. В таких заимствованных консонантных комплексах русских слов происходят наращивания гласных в анлауте или выпадение первого согласного (афрезис). В грузинских русизмах в восточно-цезских языках наблюдается процесс выпадения консонантов в анлауте, например: *стлoлба* (ках.) ‘столб’ > *тлолба*, *стлакани* (ках.) ‘стакан’ > *тлакани* (бежт., гунз., гин.).

Вышерассмотренные грузинизмы, а также заимствования из восточных и других языков, проникшие через грузинское языковое посредство, в основном усвоены контактировавшими дагестанскими языками на первом этапе. Их число невелико по сравнению с заимствованиями, усвоенными на втором этапе языковых контактов. Возможно, многие старые грузинизмы на втором этапе приблизились к произносительным нормам новогрузинского языка, т.е. стали звучать, как в языке-источнике – современном грузинском языке. Это связано с тем, что, во-первых, контакты стали более тесными, и, во-вторых, увеличилось число дагестанцев, знающих грузинский язык.

Несомненно, в дагестанских языках существует немало древних заимствований из грузинского языка. Всесторонние исследования словарного фонда всех дагестанских языков дадут в этом плане богатый материал.

Наиболее многочисленными и разнообразными в тематическом плане являются грузинизмы, усвоенные дагестанскими языками на втором этапе контактирования (XVIII–XX вв.). Это прежде всего слова, связанные с новыми общественно-экономи-

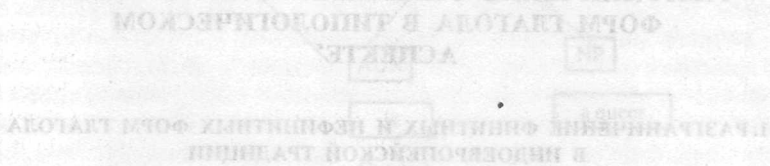
ческими отношениями, жизнью и бытом контактировавших дагестанских народов. Культурно-исторические связи второго этапа раскрывают такие тематические группы, как общественно-политическая терминология (*гамгеоба* 'правление колхоза', *уплеба* 'власть', *цноба* 'справка'), названия дней недели и месяцев (*клира* 'воскресенье', *пIарасклеби* 'пятница', *тебервали* 'февраль'); термины, связанные со школой и учебой (*цIигни* 'книга', *анбан* 'азбука', *хаз* 'линия'); названия музыкальных инструментов и танцев (*голо* 'барабан', *чунгури* 'чонгури', *шалахо* 'название танца'); антропонимы (*Лали*, *Натела*, *Манана*, *Хатуна*), этнонимы (*оси* 'осетин', *аьчIаьраьв* 'аджарец').

В результате изучения хронологии грузинских лексических элементов в дагестанских языках выяснилось, что выявленные слова принадлежат как к древне-, так и к средне- и (особенно) к новогрузинской языковой эпохе. Однако некоторые древнейшие грузинские элементы не следует рассматривать как простые заимствования: они составляют органическую часть контактировавших дагестанских языков, входя в основное ядро их лексики. Многие грузинские лексические элементы в ряде случаев имеют даже фонетические соответствия в родственных и неродственных языках Кавказа. Это обстоятельство можно объяснить лишь тем, что грузинизмы усваивались и другими языками до и после дифференциации общекартвельского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В.И.* 1989 – Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 4. М., 1989.
- Алироев И.Ю.* 1978 – Нахские языки и культура. Грозный, 1978.
- Андроникашвили М.К.* 1966 – Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).
- Атаев Д.М.* 1958 – Христианские древности в Аварии // Уч. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. 4. Махачкала, 1958.
- Виноградова О.И.* 1980 – Древние лексические заимствования в дагестанских языках: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1980.
- Гасанов М.Р.* 1968 – Из истории дагестанско-грузинских взаимоотношений (с древнейших времен до конца XIV в.): Дисс. ... канд. истор. наук. Махачкала, 1968.
- Генко А.Н.* 1930 – О названиях плуга в северо-кавказских языках // Доклады АН СССР. М., 1930. № 7.
- Гудава Т.Е.* 1979 – Историко-сравнительный анализ консонантизма дидойских языков. Тбилиси, 1979.
- Гукасян В.Л.* 1973 – Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Баку, 1973.
- Гукасян В.Л.* 1974 – Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974.
- Дешириев Ю.Д.* 1953 – Бацбийский язык. М., 1953.
- Джавахишвили И.А.* 1930 – Экономическая история Грузии. Тбилиси, 1930 (на груз. яз.).
- Дзидзишвили М.П.* 1960 – Фонетические процессы в древнегрузинском языке. Тбилиси, 1960 (на груз. яз.).
- Кавтарадзе И.И.* 1964 – История грузинского языка. Т. 1. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).
- Климов Г.А., Шагиров А.К.* 1990 – Общекавказское название плуга // Лексико-грамматические особенности языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1990.
- Климов Г.А.* 1986 – Введение в кавказское языкознание. М., 1986.
- Марр Н.Я.* 1925 – Грамматика древнелитературного грузинского языка. М., 1925.
- Мартirosов А.Г.* 1978 – Имена с уменьшительно-ласкательными суффиксами в древнегрузинском языке // Иберийско-кавказское языкознание. Т. 20. Тбилиси, 1978.
- Николаев С.Л.* 1978 – Реконструкция фонетической системы працезского языка // Тезисы докл. научной сессии. М., 1978.
- Николаев С.Л., Старостин С.А.* 1984 – Севернокавказские языки и их место среди других языковых семей Передней Азии // Языковая ситуация в Передней Азии в X–IV тыс. до н.э. // Тезисы докл. научной сессии. М., 1984.
- Розава Г.В.* 1966 – К истории грузинской основы *ихв*- 'утка' // Иберийско-кавказское языкознание. Т. 15. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).
- Серебряков С.Б.* 1962 – Древнегрузинско-русский словарь (по двум древним редакциям четвероглава). Тбилиси, 1962.
- Талибов Б.Б.* 1990 – Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1990.
- Утургаидзе Ф.Г.* 1966 – Некоторые особенности горских говоров грузинского языка. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).
- Хауген Э.* 1972 – Процесс заимствования // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6.

- Чикобава А.С. 1967 – Грузинский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Чинчараули А. Л. 1961 – Особенности хевсурского диалекта грузинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1961.
- Чинчараули А.Л. 1975 – Грузинско-нахские схождения в отраслевой лексике // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т. 2. Тбилиси, 1975.
- Шанидзе А.Г. 1945 – Две древние редакции грузинского четвероглава по трем шатбердским рукописям (897, 936, 937). Тбилиси, 1945.
- Шихсаидов А.Р. 1957 – О проникновении христианства и ислама в Дагестан // Уч. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. 3. Махачкала, 1957.
- Эдельман Д.И., Климов Г.А. 1987 – Из истории одной древнепереднеазиатской лексической изоглоссы // Ирано-афразийские языковые контакты. М., 1987.

Этот текст, написанный в зеркальном отражении, является частью статьи и содержит термины, такие как 'финитные и нефинитные формы творительного рода'.

Этот текст, написанный в зеркальном отражении, является продолжением статьи и содержит термины, такие как 'индо-европейская традиция'.

© 1998 г. Е.Ю. КАЛИНИНА

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ФИНИТНЫХ И НЕФИНИТНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ*

1. РАЗГРАНИЧЕНИЕ ФИНИТНЫХ И НЕФИНИТНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

Разграничение финитных и нефинитных форм глагола базируется на традиции описания языков средневропейского стандарта. Именно на материале этих языков сложился дистрибутивный критерий их разграничения, понимаемый как способность/неспособность некоторой формы быть сказуемым независимого предложения. Дистрибутивный критерий дает возможность выделить в языках средневропейского стандарта два непересекающихся класса форм: к нефинитным относят те формы глагола, которые не могут выступать в функции сказуемого независимого предложения, тогда как к финитным относятся те формы глагола, которые используются только в данной позиции. Случайно ли то, что эти два класса не пересекаются? Иными словами, какие свойства определяют дистрибуцию форм глагола, и, соответственно, отнесение той или иной формы к одному из двух классов? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим каждый класс форм в отдельности.

Финитный глагол, выражающий различные значения грамматических категорий времени, модальности и лица, в индоевропейских языках бесспорно является конституирующим элементом независимого предложения (см. [Ries 1931]). Существительные и прилагательные, которые не обладают способностью выражать значения данных категорий, не могут самостоятельно выступать в позиции сказуемого независимого предложения, требуя присутствия финитного глагола-связки. Например, в предложениях древнегреческого языка *ego eimi alfa kai omega*, *ego eimi protos kai eskhatos* "Я емь альфа и омега, Я емь первый и последний" глагол-связка *eimi* выражает категории времени, модальности и лица (наст. вр., изъяв. накл., 1 л.). Важность роли финитного глагола в предложении находит свое отражение в синтаксических теориях: глагол-связка получает статус вершины по отношению к присвязочной части (существительному, прилагательному, нефинитной форме глагола и пр.). Так, в модели "Смысл $\Leftrightarrow$ Текст" глагол-связка является вершиной присвязочного синтаксического отношения, идущего от глагола-связки к присвязочной части (см. [Мельчук 1972]). Аналогично обстоит дело в порождающей грамматике (см. [Radford 1988]): глагол-связка поднимается трансформацией "передвижение глагола" (V-movement) из узла AUX в узел I, вершину предикативной составляющей (схема 1). Узел I так и называется – финитная категория.

На чем основано представление о финитном глаголе как о конституирующем элементе предложения? Чтобы ответить на этот вопрос, приведем следующее определение предложения: "предложение – это грамматично составленная

* Настоящая работа выполнена при поддержке РГНФ № 95-06-17234. Автор также выражает глубокую признательность А.Е. Кибрику и С.Ю. Толдовой за высказанные замечания и помощь в процессе работы над статьей.

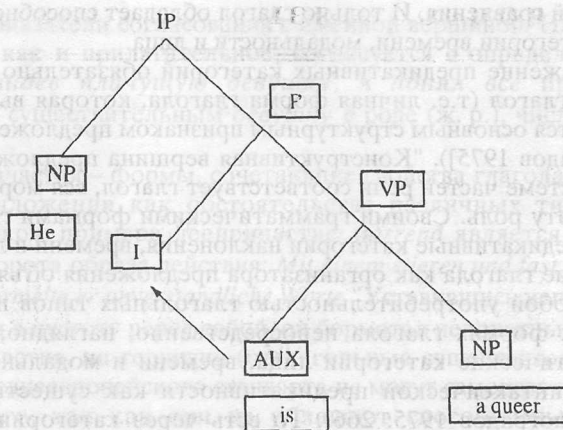

Схема 1

(grammatisch geformte) минимальная единица речи, которая выражает свое содержание в свете своего отношения к действительности" [Ries 1931: 99]. Соотнесенность высказывания с действительностью и является содержанием свойства предикативности, которое есть "свойство предложения представлять свое означаемое как событие, ситуацию" [Черемисина 1979: 7-8]. Привязка предложения к действительности (и, соответственно, способность предложения обозначать событие, ситуацию) получает свое выражение через предикативные категории времени и модальности. Рассмотрим следующие примеры:

Я жил в Париже

Я живу в Париже

Я буду жить в Париже

Я бы жил в Париже

Одно и то же содержание в них по-разному соотносится с действительностью: в первых трех предложениях событие имеет разную временную локализацию (относясь к плану прошедшего, настоящего и будущего соответственно), а в четвертом предложении сообщается, что событие возможно при определенных условиях, но не имеет места в действительности и поэтому не локализовано во времени. Разница в "привязке" одного и того же содержания к действительности возникает благодаря выражаемым формами глагола категориям времени (прошедшего, настоящего и будущего в первых трех примерах соответственно) и модальности (формы изъявительного наклонения в первых трех примерах и сослагательного – в четвертом): эти категории "позволяют разместить событие в логическом пространстве всего, доступного мысли" [Черемисина 1979: 8].

Наличие категории предикативности, т.е. выражаемых специальными грамматическими средствами категорий времени и модальности, признается "важнейшим признаком простого предложения как самостоятельной грамматической категории" [Грамматика 1970: 542]. Итак, через категории времени и модальности содержание предложения ставится в определенное отношение к действительности. Необычайно важна также и категория лица – через нее сказуемое связывается с подлежащим, которое производит "окончательную привязку предложения к данной единичной ситуации" [Черемисина 1979: 9].

С другой стороны, не все части речи могут морфологически выражать данные категории. Достаточно четкое разграничение частей речи в индоевропейских языках в значительной степени основано на действии морфологического критерия, т.е. способности некоторой единицы выражать определенный набор морфологических категорий: так, существительное обладает в первую очередь категориями числа и падежа (а также рода), прилагательное – категориями рода, числа, падежа, часто –

категорией степеней сравнения. И только глагол обладает способностью морфологически выражать категории времени, модальности и лица.

Поскольку выражение предикативных категорий обязательно в любом предложении, финитный глагол (т.е. личная форма глагола, которая выражает эти категории) представляется основным структурным признаком предложения (см., например [Ries 1931; Виноградов 1975]). "Конструктивная вершина предложения – сказуемое. Этой функции в системе частей речи соответствует глагол, вся морфология которого ориентирована на эту роль. Своими грамматическими формами глагол непосредственно выражает предикативные категории наклонения, времени и лица" [Черемисина 1979: 8]. "Понимание глагола как организатора предложения объясняется не только преобладанием, особой употребительностью глагольных типов предложения, но и тем, что в личных формах глагола непосредственно, наглядно, морфологически выражены грамматические категории лица, времени и модальности, с которыми связано понятие синтаксической предикативности как существенного признака предложения" [Виноградов 1975: 266]. То есть через категории лица, времени и модальности выражается предикативность как соотношенность предложения с действительностью, и понятие о глаголе как единственно возможной вершине предложения основывается на представлении о необходимости выражения данных категорий в любом предложении. Поскольку ни существительное, ни прилагательное не обладают способностью выражать предикативные категории самостоятельно, их появление в позиции сказуемого должно сопровождаться глаголом-связкой, выражающим необходимый набор категорий.

В русском языке и других европейских языках существуют отглагольные образования, которые, сочетая в себе свойства глагола и других частей речи, теряют способность выражать предикативные категории времени, модальности и лица, – это отглагольные существительные (называемые также масдары или герундий), причастия, деепричастия. Они обладают рядом глагольных свойств, а именно: обозначают действие (или состояние), могут быть предикатом (вершиной) зависимого предложения, могут иметь категории времени и вида, при них часто сохраняется глагольное управление. Рассмотрим русское предложение *Подобрав упавшую на пол купюру, он засунул ее к себе в бумажник*. Деепричастие *подобрав* (сов. в.) обозначает действие и является сказуемым зависимого обстоятельственного оборота, кроме того, при нем есть прямое дополнение в вин. п. (*купюру*), то есть в той же форме, в какой оно было бы в независимом предложении (ср. *Он подобрал купюру*). Причастие *упавшую* (сов.в.) тоже обозначает действие и является сказуемым причастного оборота. (ср. форму несов. в. *падавшую*).

Формы, сочетающие свойства глагола и имени (например, герундий в английском языке), употребляются в актантной позиции и могут иметь зависимое в генитиве (в английском языке это посессивная форма). В предложении *John's running to and fro is up to no good* "То, что Джон бегает туда-сюда, ничем хорошим не кончится" форма герундия *running* употреблена в позиции подлежащего и имеет зависимое существительное в посессивной форме. В кавказских языках, где масдары – одна из регулярно образующихся глагольных репрезентаций, они склоняются, присоединя падежные показатели (пример из цахурского языка):

(1) <i>ac'axa-j-l-e</i>	<i>q̄iRa</i>	<i>hama-na</i>
1. знать, статья -MSD-SUP-EL	после	этот-AA
<i>balkan-y=b</i>	<i>žu-s</i>	<i>w=uxe-že</i>
лошадь.3=СОИ.3	сам. OBL.1-DAT	3=AUX-JUSS

"После того как (его) узнаю, пусть эта лошадь ему останется (=будет)".

Причастия, т.е. формы, употребляющиеся в позиции определения при имени (*a running man* "бегущий человек"), сочетают свойства глагола и прилагательного. Так,

они могут иметь показатели согласования с именной вершиной. Например, в русском языке причастие, как и прилагательное, согласуется с определяемым именем. В предложении *Увидев плачущую девушку, я понял все* причастие *плачущую* согласуется с существительным *девушку* в роде (ж. р.), числе (ед. ч.) и падеже (вин. п.).

Наконец, деепричастия – формы, сочетающие свойства глагола и наречия – функционируют в предложении как обстоятельства различных типов. Например, в следующем немецком примере деепричастие *starrend* является вершиной обстоятельственного оборота образа действия: *Mit einem stieren und fast irren Blick ins Leere vor sich starrend, murmelte er unverständliche Worte* "Уставившись неподвижным и почти безумным взглядом в пустоту перед собой, он бормотал непонятные слова".

Однако ни причастия, ни герундии (отглагольные существительные), ни деепричастия в языках средневропейского стандарта не могут самостоятельно появляться в позиции сказуемого, так как они не обладают способностью выражать предикативные категории времени, модальности и лица. Поэтому данные формы в позиции сказуемого, подобно существительным и прилагательным, требуют глагола-связки. Рассмотрим английское причастие II от глагола *to move*: *Deeply moved, he pressed her hand to his lips* "Глубоко тронутый, он прижал ее руку к губам". Форма *moved* не может самостоятельно появляться в позиции сказуемого независимого предложения, а, как и прилагательное, требует присутствия глагола-связки. Ср. пример с прилагательным *He was sad* "Он был печален" и с причастием *He was deeply moved* "Он был глубоко тронут". Отглагольные имена, причастия и деепричастия относятся к нефинитным формам глагола потому, что они, подобно существительным, прилагательным и наречиям, не могут самостоятельно выступать в функции сказуемого независимого предложения. В языках средневропейского стандарта нефинитные формы в сочетании с глаголами-связками употребляются в составе аналитических форм глагола – ср. англ. *He was drinking hard* "Он много пил", нем. *Sie hat mich gerettet* "Она меня спасла", франц. *Je suis tombé* "Я упал" и др.

Итак, разделение форм глагола на два непересекающихся класса финитных и нефинитных форм на основании чисто дистрибутивного критерия (возможность/невозможность быть сказуемым простого предложения) сложилось на материале языков средневропейского стандарта благодаря действию следующих факторов: в этих языках достаточно четко выделяются части речи и основным критерием их выделения оказывается морфологический (обладание определенным набором категорий). Морфологические характеристики решающим образом определяют и синтаксические функции частей речи: только глагол в личной форме может выражать значения предикативных категорий и поэтому употребляется только в функции сказуемого независимого предложения, оказываясь его конституирующим элементом. Существительное и прилагательное, которые не могут морфологически выражать значения предикативных категорий, не могут быть сказуемыми независимого предложения самостоятельно, а требуют при себе глагола-связки. Соответственно, отглагольные образования, сочетающие свойства глагола и других частей речи (отглагольные существительные, причастия, деепричастия) также не могут сами по себе выступать в роли сказуемого независимого предложения, так как их морфология не позволяет выражать предикативные категории. Эти формы относят к нефинитным формам. Основная сфера их функционирования – сказуемые придаточных предложений и аналитические формы глагола, где они выступают в сопровождении глагола-связки. В обоих типах конструкций с глаголом-связкой (именное сказуемое и аналитические формы глагола) глагол-связка считается вершиной предикативной составляющей, что отражает отношение к ней как к основному структурному признаку предложения.

2. РАЗГРАНИЧЕНИЕ ФИНИТНЫХ И НЕФИНИТНЫХ ФОРМ В ТИПОЛОГИИ

В индоевропейских языках критерий разграничения финитных и нефинитных форм глагола легко свелся к дистрибутивному – те формы, которые употребляются только в позиции сказуемого простого предложения, являются финитными; те, для которых такое употребление невозможно, относятся к нефинитным. Применение этого достаточно простого критерия на материале индоевропейских языков действительно дает возможность выделить два непересекающихся класса глагольных форм в зависимости от их дистрибуции.

Однако попытки применения дистрибутивного критерия финитности на более широком типологическом материале не дают подобных однозначных результатов, как при его применении на материале индоевропейском. Во многих языках мира существуют такие формы глагола, которые мы бы отнесли к нефинитным на основании индоевропейских стандартов: эти формы сочетают свойства глагола и других частей речи, а также имеют сферу употребления, близкую к сфере употребления нефинитных форм глагола в индоевропейских языках (сказуемое зависимого предложения и/или аналитические формы глагола). При этом данные формы свободно употребляются в позиции сказуемого независимого предложения, не требуя при себе глагола-связки, поэтому их нельзя охарактеризовать как финитные или нефинитные на основании чисто дистрибутивного критерия. Рассмотрим несколько таких языков: их материал призван продемонстрировать то, что критерий разграничения финитных и нефинитных форм на основании их дистрибуции не всегда может применяться в типологии.

АВАРСКИЙ ЯЗЫК (нахско-дагестанская семья языков, аваро-андо-цезская группа). В аварском языке существуют три безусловно финитные формы глагола – это формы настоящего, прошедшего и будущего времени. Покажем их на примере глагола *цлализе* "читать" – *цлал-ула* (наст. вр.), *цлал-ила* (буд. вр.), *цлал-ана* (прош. вр.) (примеры из [Саидов 1967]).

Кроме того, в аварском существует форма глагола, которая имеет все основания называться причастием: она возглавляет относительное предложение и имеет показатель согласования по классу с именной вершиной (пример из [Бокарев 1949]):

- (2) *дица*   *б = ос-ила-ре = б*   *ремлел*
я. ERG   N = брать-FUT-NEG = PART.N   одежда
"Одежда, которую я не возьму".

В соответствии с индоевропейским стандартом мы ожидаем, что каждое появление данной формы в позиции сказуемого должно сопровождаться глаголом-связкой, но этого не происходит: причастие в аварском языке допускает употребление в позиции сказуемого без связки, согласуясь, как и глагол, с существительным в абсолютиве (пример из [Бокарев 1949]):

- (3) *гулли-ца*   *ХIажимурад*   *в=амIа*
пуля-ERG   Хаджи-Мурад   M = различие
гъа = в-ула-ре = в
M = делать-PRES-NEG = PART.M
"Пуля Хаджи-Мурада не различает".

При этом в аварском языке существует и безусловно нефинитная форма – деепричастие (пример из [Рохалил Хабар 1996]):

- (4) *дур-го*   *турут-ги*   *б = ос-ун*
твой-RESTR   постель-и   N = брать-CONV
рокъо = в = е   *а*
домой = M   уходить. IMP
"Возьми свою постель и иди домой".

Эта форма не может самостоятельно быть сказуемым независимого предложения.

- (5) *du-ца   *dip-го*   *турут*   *б = ос-ун*
 я.OBL-ERG   мой-RESTR   постель   N = брать-CONV

ЦАХУРСКИЙ ЯЗЫК (нахско-дагестанская семья языков, лезгинская группа). В цахурском языке не существует в чистом виде финитных форм глагола – к финитным формам на основании дистрибутивного критерия можно отнести, пожалуй, только формы наклонений – императива, юссива и др. (см. [Добрушина (в печати)]). Все формы, употребляющиеся как сказуемое независимого предложения, могут функционировать как нефинитные формы:

1) Форма атрибутива. Подобно причастию в индоевропейских языках, данная форма функционирует как определение при имени (и, соответственно, как вершина относительного предложения), согласуясь по классу с именной вершиной (имеется один показатель согласования с существительными 1–3 классов и другой – с существительными 4 класса). Но, как и причастие в аварском языке, данная форма появляется в позиции сказуемого без связки¹. Ср.:

- (6a) *balkan*   *qol = p = q-u-na*   *siXnari*
 лошадь. N.3   N.3 = красть-PF-AT.M   вор.M
 "Вор, укравший лошадь";

- (6b) *temraz-ē*   *qol = t = q_o-in*   *gynej*
 Темраз-ERG   N.4 = красть. PF-AT.N.4   хлеб. N.4
 "Хлеб, украденный Темразом";

- (7) *temraz-ē*   *balkan*   *qol = p = qu-na*
 Темраз-ERG   лошадь.N.3   N.3 = красть.PF-AT.N.3
 "Темраз украл лошадь".

2) Формы совершенного вида, несовершенного вида и потенциалиса. В цахурском языке все эти три так называемые простые глагольные формы (подробнее см. [Майсак, Татевос 1998]) допускают как финитное, так и нефинитное употребление, т.е. могут употребляться как в позиции сказуемого независимого предложения, так и в позиции сказуемого зависимого предложения:

- (8a) *daḱ-ē*   *dawar*   *qa = b = y*
 отец-ERG   баран   N = приводить.PF
 "Отец привел барана";

- (8b) *daḱ-ē*   *dawar*   *qa = b = y*   *gi = w = k'-u-na*
 отец-ERG   баран   N = приводить.PF   N = резать-PF-AT
 "Отец привел барана и зарезал";

- (9a) *daḱ-ē*   *dawar*   *gi = w = k'-as*
 отец-ERG   баран   N = резать-POT
 "Отец зарежет барана";

- (9b) *daḱ-ē*   *dawar*   *qa = b = na*   *gi = w = k'-as*
 отец-ERG   баран   N = приводить.PF-AT   N = резать-POT
 "Отец привел барана, чтобы зарезать".

И аварский, и цахурский языки принадлежат к одной языковой семье (нахско-дагестанской), и может возникнуть впечатление, что неразграничение финитных и нефинитных форм глагола – это ареальное явление, характерное только для рассмат-

¹ Материалы цахурского языка были собраны автором в ходе работы в составе двух лингвистических экспедиций, руководимых проф. А.Е. Кибриком, в с. Мишлеш Рутульского р-на республики Дагестан.

риваемой семьи языков. На самом деле это не так, и мы приводим здесь материал четырех языков, представляющих разные языковые семьи. Во всех этих языках, как и в рассмотренных выше кавказских, существуют формы, которые не допускают одно-значного отнесения ни к финитным, ни к нефинитным формам.

БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК (алтайская языковая семья, монгольская группа). В бурятском языке существуют две формы, которые употребляются только в позиции сказуемого, то есть безусловно относимые к финитным. Это формы настоящего и прошедшего времен:

- (10) *Зата оро-но*
Зата   входить-PRES
"Входит Зата";
- (11) *Ноен эрэ-бэ*
Ноен   идти-PAST
"Ноен идет" (данная форма обозначает действие, происходившее до момента речи или завершающееся в момент речи).

Кроме того, в бурятском языке существуют разнообразные формы глагола, в описаниях именуемые причастиями (см. [Амологонов 1958; Бертагаев, Цыдендамбаев 1965; Гр. бурят. яз. 1962]), которые могут иметь как атрибутивное, так и предикативное употребление:

- (12) *шухеэрэл үни эхилэ-нхэй*
подготовка   3SG-DAT   начаться-PART.RES
"Приготовления к нему начались (уже давно)".

Ср. данную форму в атрибутивном употреблении:

- (13) *Доржо хубуун хатана-й гоё*
Доржо   мальчик   барыня-GEN   красивый
бэгэлы-е бари-нхай   [*оро-жо ер-ээд*]²
шуба-ACC   держать-PART.RES   [входит]
"Вошел мальчик Доржо, держащий в руках нарядную шубу барыни".

Приведем пример другого причастия (так называемого страдательного, см. [Гр. бурят. яз. 1962]) в предикативном и атрибутивном употреблении:

- (14) *стол дээрэнь эдэг ундан бэлд-ээтэй*
стол   на   еда   питьё   готовить-PART.PASS
"На столе были приготовлены еда и питье";
- (15) *ябтал-аатай түлөж*
складывать штабелями-PART.PASS   дрова
"сложенные штабелями дрова".

В бурятском языке существуют три деепричастия, основная сфера употребления которых – аналитические формы глагола и сказуемое зависимого предложения в составе полипредикативной конструкции: соединительное (с суффиксом *-жV*, где *V* обозначает гласную, изменяющуюся в зависимости от корневой, так как в бурятском языке существует гармония гласных), разделительное (с суффиксом *-VVg*) и слитное (с суффиксом *-н*). При этом два из них (соединительное и разделительное) употребляются финитно в контексте вопросительной частицы:

- (16) *Ош-оод гү?*
отправляться-CONV QU
"Отправился ли (он)?";

²Скобки означают, что подробное глоссирование данной части примера не обязательно для его понимания.

- (17) *Оро-жо гу?*
 приходит-CONV QU
 "Пришел ли (он)?"

Заметим для сравнения, что в монгольском языке финитное употребление деепричастий более развито: так, монгольское деепричастие с суффиксом *-ж*, соответствующее бурятскому соединительному деепричастию, может употребляться как сказуемое независимого предложения (пример из [Бертагаев, Цыдендамбаев 1965]):

- (18) *би гэртээ ир-ж*
 1SG домой приходит-CONV
 "Я пришел домой".

ЯЗЫК ДИЙАРИ (язык коренного населения одного из районов Южной Австралии). В данном языке существует две формы глагола (настоящего и прошедшего времени), которые безусловно могут быть признаны финитными:

- (19) *nawu kira mika juraya-yi-la*
 3SG ребенок сон лежать-PRS-NI
 "Ребенок спит";

- (20) *ḡandu ḡiwa ḡipara ḡiṅṅa-ya*
 она муж первый терять-PAST
 "Она потеряла своего первого мужа".

Кроме того, в языке дийари существует два вида форм, для которых первичным является употребление в функции предиката зависимого предложения: обстоятельственного (формы, аналогичные деепричастиям) и относительного (формы, аналогичные причастиям). При этом формы обоих видов употребляются в составе аналитических форм глагола. Рассмотрим второй тип форм, т.е. формы, аналогичные причастиям. Следующий пример демонстрирует обе функции данной формы в языке дийари (примеры из [Austin 1991]):

- (21) *ḡulu pika ḡayi-ḡa nawu pali-ḡa*
 3SG.A еда есть-PARN 3SG.S умирать-PART
wara-yi
 AUX-PRS
 "Поев (эту) еду, он умер (букв. Он эту еду поевший он умер)".

Употребление данной формы возможно также в функции предиката простого независимого предложения:

- (22) *paḡi-ḡa-ḡa ḡiṅṅa miḡa*
 копать-PART-OI 3PL.A земля
 "Они копали землю";

- (23) *maḡa ḡana wara-ḡa*
 уже 3PL.S идти-PART
 "И они пошли дальше".

Употребление одной из обстоятельственных форм в функции предиката независимого предложения также является возможным, при этом она имеет значение модальности долженствования. Следующие примеры иллюстрируют обе функции данной формы:

- (24) *miḡa yundu wayi-ḡa wara-yi ḡana*
 что 2SG.A готовить-PART AUX-PRS 3PL
kira wara-ḡaṅṅu-ḡa
 ребенок идти-CONV-NI
 "Что ты готовишь, когда приходят дети?";

- (25) *mayi ngañi wapa-nañtu-la*
 итак 1SG.S идти-CONV-NI
 "Итак, я должен уходить".

ИВРИТ (семитская группа семито-хамитской семьи языков). В иврите оба причастия породы Qal, действительное и страдательное, могут употребляться в функции сказуемого простого независимого предложения: "...причастие может принимать значение спрягаемой формы (*Verbum finitum*) и иметь таким образом, в предложении значение сказуемого" [Гезениус 1874: 515]. При этом, как отмечается там же, причастия в финитном употреблении могут иметь значение любого из трех времен: прошедшего, настоящего и будущего. (Примеры заимствованы из [Dobson; Sawyer 1980; Гезениус 1874].)

- (26) *ʕod tseh m'dabēr u-tseh*
 еще тот говорить. PART.ACT CONJ-тот
bā
 приходить
 "Этот говорил еще и пришел другой"

- (27) *dōr holekh u-dōr*
 поколение уходит. PART.ACT CONJ-поколение
bā
 приходить
 "(Одно) поколение уходит, (другое) поколение приходит"

- (28) *u-ha melekh šlomo*
 CONJ-DEF царь Соломон
barukh
 благословить. PART.PASS.M
 "Но царь Соломон благословен (будет)"

Кроме того, сама форма Qal без суффиксов лица, числа, рода "имеет некоторым образом значение причастия" [Гезениус 1874: 157]. Данная форма также может употребляться в функции сказуемого:

- (29) *anoki met*
 1SG умирать
 "Я умираю (или: скоро умру)".

В примерах (26) и (27) мы также встречаем данную форму в финитном употреблении – *bā*, ср. данную форму в причастном употреблении:

- (30) *barukh ha bā*
 благословен. PART.PASS.M DEF приходить
b'šhem adonai
 в. имя. CONST Господь
 "Благословен грядый во имя Господне".

ЯЗЫК МБУМ (группа суданских языков). В языке мбум выделяются актуализованные и неактуализованные формы глагола (глаголоиды): актуализованная форма глагола образуется от глаголоида с помощью редупликации: *nzó* → *nzónzò* "пить". В позиции предиката может употребляться только актуализованная форма (примеры заимствованы из [Hagege 1970]).

- (31) *ké láklàk hūr*
 он есть.AC суп
 "Он ест суп"

- (31a) **ké lák hūr*

Актуализованная форма не может употребляться в позиции, отличной от позиции

предиката независимого предложения, поэтому она безусловно может считаться финитной формой. Что же касается глаголоида, то его роль в предложении – модификация значения основного глагола (в актуализованной форме), при этом он вставляется внутрь актуализованной формы. Таким способом в данном языке передаются различные обстоятельственные значения, например:

(32a) *zí* "приходить"
kú *Bàng-zí-Bàng*
 3PL брать. АС-приходить
 "Они принесли" (ср. *kú BàngBàng* "Они взяли");

(32б) *sé* "удаляться"
nù *kó-sé-kò*
 1SG видеть. АС-удаляться
 "Я видел издалека" (ср. *ni kókó* "Я видел");

(32в) *ga* "торопиться"
ké *nzó-gà-nzò*
 3SG пить. АС-торопиться
 "Он быстро выпил" (ср. *ke nzónzò* "Он выпил").

Тем не менее неактуализованная форма может быть актуализована другими средствами, а именно, с помощью обстоятельственных наречий, и тогда ее употребление в позиции предиката становится возможным:

(33) *ké* *lák* *hùr* *lórà*
 он есть суп здесь
 "Он ест суп здесь";

(34) *ké* *lák* *lórà*
 он есть здесь
 "Он ест здесь".

Таким образом, относительно данной формы нельзя сказать, является ли она финитной или нефинитной, так как она может функционировать и в позиции предиката независимого предложения, и в позиции, отличной от нее (как модификатор главного глагола).

В языке мбум существует еще одна форма, образующаяся, как и актуализованный глагол, от глаголоида (глагольного корня) и имеющая свойства прилагательного и имени (будем условно называть ее масдаром): *tók* → *tók-à* "быть холодным"; *nzó* → *nzó-nà* "пить".

Масдар обозначает факт совершения действия или наличия состояния и может иметь зависимое в генитиве:

(35) *í-nà* *à* *ké* *gùlùk* *kpóngà-ké*
 убить-MASD GEN 3SG лев сильный-3SG
 "тот факт, что он убил сильного льва" (фрагмент предложения).

Масдар может являться определением к имени:

(36) *nzùk* *í-nà* *gùlùk* *kpóngà-ké*
 человек убить-MASD лев сильный-3SG
 "Человек, который убил сильного льва".

Поскольку данная форма может быть определением к имени, она, как и все атрибутивные формы, легко субстантивируется:

(37) *nzùk* *áí* *nzó-nà* *rà*
 человек этот пьяница-MASD PAST
 "Этот человек был пьяницей (=тем, кто пьет, пьющим)".

Масдар может являться сказуемым независимого предложения:

- (38) *sé-nà* *mû*
уезжать-MASD ACL
"Это – отъезд";
- (39) *támarí* *sú-nà* *mû* *hài* *ài*
шакал.PL есть-MASD ACL мясо этот
"Шакалы могут пожрать это мясо".

Масдар в позиции сказуемого, в отличие от актуализованной формы, не сочетается с глагольными показателями вида.

- (40) *kú* *kâ/á* *làklák* *mbài*
3SG IPF/PF есть.AC маниок
"Они едят (вообще)/съели маниок"
- (41) *kú *kâ/á* *lák-à* *mbài*
Зато данная форма сочетается с частицей прогрессива и модальными частицами:
- (42) *gûn* *kà* *hú-nà*
ребенок PROG расти-MASD
"Ребенок растет";
- (43) *ké* *zí* *sé-nà*
3SG MOD уходить-MASD
"Он собирается уходить"³.

Таким образом, в языке мбум существует одна форма, безусловно являющаяся финитной (актуализованная форма глагола), и две формы (глаголоид и масдар), которые нельзя однозначно отнести ни к финитным, ни к нефинитным формам глагола.

Наконец, невозможность провести границу между финитными и нефинитными формами глагола характеризует не только более или менее "экзотические" языки. Мы располагаем материалами двух индоевропейских языков, в которых, в отличие от большинства их "сородичей", ставших в некотором смысле эталоном разграничения финитных и нефинитных форм глагола, существуют такие формы глагола, которые нельзя однозначно отнести ни к тем, ни к другим.

БЕНГАЛЬСКИЙ ЯЗЫК (индоевропейская семья языков, индоарийская группа). В бенгальском языке существует три финитных формы глагола, образующихся с помощью присоединения к основе суффиксов *-(i)l* (суффикс претерита), *-(i)t* (суффикс фреквентатива), *-(i)b* (суффикс будущего времени), к которым затем присоединяются личные окончания (подробно см. [Вукова 1981]). Кроме того, в бенгальском языке существует глагольная форма (в описаниях именуемая основой глагола, см. [Быкова 1960; Вукова 1981]), которая сочетает свойства отглагольного имени, прилагательного и глагола. Глагольные свойства данной формы состоят в том, что она а) обозначает действие и б) может частично сохранять глагольное управление – так, второй актант переходного глагола в контексте данной формы может сохранять винительный падеж (примеры из [Быкова 1960; Вукова 1981]):

- (44) *iha-ke* *rawa*
3SG-ACC получать
"Получение этой вещи" (букв. "этого").

Что же касается свойств прилагательного, то эта же форма может употребляться атрибутивно:

³ Автор грамматики [Нагёге 1970] отмечает, что у этой частицы отсутствует значение намерения, поэтому более точным будет перевод *Он вот-вот уйдет*.

- (45) *rəŋg* *kəra* *bhru*
краска *дела* *бровь.PL*
"подкрашенные брови".

Данная форма также обладает свойствами существительного – она может иметь зависимое в родительном падеже:

- (46) *ama-r* *aʃa*
1SG-GEN *приехать*
"Мой приезд".

Эта форма может функционировать и как предикат независимого предложения, при этом, как отмечается в описаниях (см. [Быкова 1960; Вукоча 1981]), данные конструкции необычайно частотны:

- (47) *prokkriti-r* *jəl* *tola*
Прокрити-GEN *вода.NOM* *набирать*
"Прокрити набирает воду" (букв. "его (Прокрити) вода-набирание").

Помимо основы глагола, атрибутивное и предикативное употребление в бенгальском языке имеет отглагольное имя (масдар):

- (48) *jəl* *porbar* *bdo*
вода.NOM *капать.MASD* *звук*
"Звук капающей воды";

- (49) *ta-r* *pore* *tətkhənat* *apiʃ-e* *prostan*
3SG-GEN *потом* *немедленно* *офис-LOC* *уехать.MASD*
"После этого он немедленно уехал в офис".

Одно из деепричастий в бенгальском языке также может иметь финитное употребление. Это деепричастие на *-iyā*, которое используется для образования ряда аналитических форм глагола [пример (50)], а кроме того, обозначает добавочное действие [пример (51)]:

- (50) *kər-iyā* + *achi* > *kəriachi*
делать-CONV + *AUX.1SG.PRES*
"Я делаю";

- (51) *bhij-iyā* *atyanta* *bhari* *haila*
намокнуть-CONV *очень* *тяжелый* *стать*
"Намокнув, (он) стал очень тяжелым".

Ср. данную деепричастную форму в финитном употреблении:

- (52) *sammukhe* *šivanath* *bas-iyā*
напротив *Шибонатх* *сидеть-CONV*
"Напротив сидел Шибонатх".

ЛИТОВСКИЙ ЯЗЫК (индоевропейская семья языков, балтийская группа). В литовском языке существует четыре финитных формы (настоящего времени, будущего времени, однократного прошедшего времени и многократного прошедшего времени – см. [Гр. литов. яз. 1985]). В литовском языке также выделяют особое – косвенное – наклонение, которое характеризуется тем, что в этом наклонении в качестве сказуемого употребляются причастия всех форм времени. Употребление косвенного наклонения "указывает на неочевидность или неполную достоверность информации" ([Гр. литов. яз. 1985: 231]). Косвенное наклонение употребляется:

а) при пересказе чужой речи:

- (53) *čia* *sako* *mīšt-ai* *buvė*
здесь *говорить.PRES.3SG* *лес-PL* *быть.PAST.PART.PL*
"Здесь, говорят, были леса";

б) для передачи неточно известной информации:

- (54) *užkastieji* *pinig-ai* *degā*
 закапывать.PART.PASS деньги-PL гореть.PRES.PART.PL
 "Зарытые деньги (вроде) горят";

в) для сообщения о действии, известного по результатам:

- (55) *tie* *vaik-ai* *rupkiuk-ai* *rup-ose* *buvė*
 этот.PL ребенок-PL негодник-PL боб-LOC быть.PAST.PART.PL
 "Эти негодники дети были в бобах (оставлены следы)";

г) для сообщения о непосредственно воспринимаемом действии:

- (56) *jis* *atsigrėžės* *žiūri*
 он обернуться.PART.PAST.M смотреть.PRES.3SG
stojis *velnias*
 стоять.PART.PRES.3SG черт
 "Он обернулся, смотрит – стоит черт".

Заметим, что деепричастия в литовском языке не могут употребляться независимо в функции сказуемого.

- (57a) [*moteriškė pamatė*] *vyrā* *atein-ant*
 [женщина увидела] муж.ACC идти-CONV
 "Женщина увидела, что муж идет (=увидела мужа идя)"

- (57b) **vyra-s* *atein-ant*
 муж-NOM идти-CONV1

- (58) [*rado*] *sūnū* *užgim-us*
 [нашел] сын.ACC родиться-CONV2
 "(Он) увидел, что сын родился (= нашел сына родившись)"

- (58b) **sūni-s* *užgim-us*
 сын-NOM родиться-CONV

Итак, мы показали, на материале восьми языков, что дистрибутивный критерий финитности не всегда позволяет выделить в языке непересекающиеся классы финитных и нефинитных форм. Это явление не является ареальным, так как оно свойственно языкам, представляющим различные языковые семьи, вплоть до индоевропейской семьи языков, которая как раз призвана считаться "чистым случаем" в отношении разграничения финитных и нефинитных форм глагола. Дальнейший анализ во многом будет зависеть от принятой точки зрения на проблему. На данный момент существует два основных подхода к трактовке сложных случаев финитности/нефинитности (см. [Черемисина 1979:36]): 1) финитными считаются те формы, которые употребляются только в роли сказуемого; 2) считается, что имеет место омонимия финитных и соответствующих нефинитных форм.

Но если мы принимаем первую точку зрения, то финитные формы глагола оказываются маркированным членом оппозиции, немаркированный член которой (формы, употребляющиеся финитно и нефинитно) продолжает нуждаться в определении своего статуса. Что же касается второй точки зрения, то нам кажется, что омонимия в языке обычно имеет место в результате случайного совпадения некоторых форм. Случайное же совпадение финитных и нефинитных форм глагола одновременно в значительном количестве типологически различных языков вряд ли возможно. На наш взгляд, проблема типологического разграничения финитных и нефинитных форм глагола состоит в следующем. Финитность – это некоторый признак, который задает разбиение всех глагольных форм (и в некотором смысле, всех частей речи) на два класса в зависимости от их дистрибуции: те формы, которые могут употребляться только в позиции сказуемого, вершины предложения, и те, которые (без дополнительного маркирования в форме глагола-связки) могут упот-

ребляться только в позиции, отличной от позиции вершины простого предложения. Такой чисто дистрибутивный критерий оказывается в разной степени применимым к языкам. Так, в большинстве индоевропейских языков этот критерий выделяет, как мы видели, два непересекающихся класса форм (финитных и нефинитных). В литовском языке применение этого критерия дает следующий результат: четыре временные формы являются безусловно финитными (см. [Гр. литов. яз. 1985]), к безусловно нефинитным формам относятся деепричастия [см. примеры (57)–(58)], а кроме того, существует ряд форм, не относимых ни к тому, ни к другому классу, а именно, причастия [см. примеры (53)–(56)]. Аналогично обстоит дело в аварском языке [см. (3)–(6)], а также в бенгальском [(44)–(52)] и дийари [(19)–(23)], с той лишь разницей, что в двух последних языках класс форм, употребляющихся как финитно, так и нефинитно, включает не только причастия, но и одно из деепричастий или форму, аналогичную деепричастию, как в дийари. Применительно же, например, к бурятскому языку этот критерий дает такой результат: в бурятском языке есть класс форм, употребляющихся только финитно (это две временные формы – настоящая и прошедшего времени, а также все наклонения – императив, оптатив и др., см. [Гр. бурят. яз. 1960]), и класс форм, употребляющихся как финитно, так и нефинитно (причастия и два из трех деепричастий, которые могут употребляться финитно в контексте вопросительных частиц [см. (12)–(17)]). В языке мбум дистрибутивный критерий позволяет выделить одну финитную форму (это актуализованная форма глагола), но никак не помогает охарактеризовать две остальные формы [см. (31)–(43)]. Наконец, в цахурском языке он не применим вообще, поскольку, как было показано, и причастия и деепричастия могут иметь и финитное и нефинитное употребление [см. (6)–(9)]. Финитных форм глагола в чистом виде (за исключением форм наклонений) в цахурском языке практически нет.

Теперь, когда мы показали, что дистрибутивный критерий финитности имеет границы применимости, можно сказать, что в отношении признака финитности, понимаемого дистрибутивно, все пространство языков располагается вдоль шкалы, в зависимости от того, как в языке проходит граница между финитными и нефинитными формами. На одном ее конце – языки типа цахурского, а на другом – индоевропейские языки. Языки типа литовского, бурятского и пр. заполняют середину шкалы, оказываясь ближе либо к одному, либо к другому концу. Наглядно это можно представить в виде таблицы⁴ (см. Табл. 1).

Линия показывает, где в данном языке проходит граница между финитными и нефинитными формами, а закрашенная часть таблицы обозначает ту область, где применение дистрибутивного критерия финитности не дает никаких результатов.

3. РАЗГРАНИЧЕНИЕ ФИНИТНЫХ/НЕФИНИТНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА И СТРУКТУРА ИМЕННОГО ПРЕДИКАТА

Мы постарались показать, что дистрибутивный критерий финитности в типологии имеет свои границы применимости, то есть успешность его применения предполагает отнесение того или иного языка к определенному типу. Какими еще чертами будет характеризоваться этот тип? И наоборот, какие особенности отличают те языки, в которых применение этого критерия не дает таких четких результатов? Другими словами, случайно ли появление в том или ином языке одной из стратегий (различение/неразличение финитных и нефинитных форм) или их наличие может быть объяснено через некоторый более глубокий лежащий причинный фактор? Возможно, это фактор экстралингвистический, то есть лежащий вне сферы грамматики исследуемого языка. Не исключено, однако, что он является внутриязыковым, и разграничение/неразграничение в языке финитных и нефинитных форм глагола можно объяснить через грамматическую структуру исследуемого языка. Выбор из

⁴В данной таблице отсутствует иврит: дело в том, что соотношение между финитными и нефинитными формами глагола в иврите должно стать предметом отдельной статьи.

	Причастие ⁵	Деепричастие	Финитный гл-л
Индо-евр. стандарт	Нефинитные формы		
Литовский, аварский	■	■	
Бенгальский	■	■	
Бурятский	■	■	
Мбум	■	■	
Цахурский	■	■	

двух альтернативных решений зависит от ответа на следующий вопрос: возможно ли найти некоторую отличительную грамматическую характеристику (или ряд характеристик), на основании которых мы можем разделить языки из выборки так, чтобы это деление соответствовало делению на языки, которые разграничивают финитные/нефинитные формы глагола, и языки, в которых это разграничение отсутствует. Если ответ на этот вопрос оказывается отрицательным, т.е. мы не можем найти соответствия разграничению/неразграничению финитных и нефинитных форм в виде другого типологического параметра, проблема не стоит дальнейшего исследования. Если же ответ на этот вопрос будет положительным, это значит, что мы выделили тот самый определяющий фактор в нашей типологии разграничения/неразграничения финитных и нефинитных форм глагола, который помогает предсказать существование одной из стратегий в некотором языке (разграничение/неразграничение финитных и нефинитных форм глагола).

Какой области грамматики может принадлежать этот типологический параметр, значение которого поможет нам предсказать, имеет ли в данном языке место разграничение финитных и нефинитных форм глагола? Существуют определенные основания предполагать, что этим параметром должна стать структура именного сказуемого (существительного и прилагательного⁶ в позиции сказуемого) в исследуемом языке. Во-первых, раз в некотором языке в позиции сказуемого без глагола-связки появляется некоторая форма, которую мы бы отнесли к "нефинитным" на основании наличия у нее свойств имени (существительного и прилагательного), можно предположить, что и отличные от глагола части речи (существительное и прилагательное) также могут самостоятельно, без глагола-связки, выступать в позиции сказуемого. Во-вторых, имеются результаты анализа предложений с именным

⁵В таблице мы для краткости называем причастием как собственно причастные формы, так и формы, имеющие свойства масдаров и причастий (как, например, в бенгальском).

⁶Речь идет о тех языках, в которых прилагательные демонстрируют "именное" поведение, т.е. признаковые значения не выражаются глаголами (об именной и глагольном поведении прилагательных см. [Wetzer 1996]). Так, например, в исследованном нами языке мбум признаковые значения почти исключительно выражаются глаголами (типа "быть высоким", "быть холодным"). Такие конструкции мы не относим к сфере именной предикации.

сказуемым в [Hengeveld 1992], которые также показывают, что между аналитическими формами глагола (одна из основных сфер функционирования нефинитных глагольных форм) и структурой именного сказуемого в некотором языке существует определенная связь, т.е. знания о структуре именного предиката позволяют нам предсказывать структуру аналитических форм глагола. Например, если в языке возможны конструкции с предикативным прилагательным типа англ. *He is mean* "Он жадный", то в языке есть аналитические формы глагола, устроенные по типу "приписывание признака". Например, в английском языке так устроена форма *He is sleeping* "Он спит". Подобная корреляция позволяет предполагать, что если наряду с аналитическими формами глагола (состоящими обычно из нефинитной формы глагола в сочетании с глаголом-связкой) в языке существует конструкция с предикативным причастием или деепричастием без глагола-связки, то естественно искать параллели таким конструкциям в области предложений с именным сказуемым.

В самом деле, во всех языках, которые мы рассмотрели в разделе 2 и которые лежат вне применимости дистрибутивного критерия финитности, структура именного предиката радикально отличается от индоевропейского стандарта, где имя является семантическим предикатом, т.е. той новой информацией, которая сообщается в предложении, а глагол-связка – грамматическим маркером, передающим значения времени, модальности и лица. Во всех восьми языках, проанализированным нами, имя (существительное и прилагательное) может быть предикатом, не прибегая к помощи глагола-связки⁷.

Обратимся к конкретным примерам.

1. В ряде рассмотренных нами языков появление глагола-связки при имени в позиции предиката не является обязательным: именное сказуемое может употребляться как со связкой, так и без связки. Этим поведение глагола-связки в таких языках отличается, например, от русского, где его отсутствие при именном сказуемом в настоящем времени обязательно, и нулевая связка в настоящем времени, таким образом, оказывается элементом парадигмы глагола *быть*. Отсутствие связки при именном сказуемом имеет место в следующих языках:

АВАРСКИЙ ЯЗЫК

- (59) *gbe*=б   *цлакъ*   б=*игъая*=б   жо
 это=N   очень   N=простой=N   вещь
 "Это очень просто" (букв. "Это очень простая вещь");

БЕНГАЛЬСКИЙ ЯЗЫК

- (60) *ā mā - r*   *śudha*   *baṛa*   *suṣī la*   *meṃe*
 я-GEN   Шудха   очень   хороший   девушка
 "Моя Шудха – очень хорошая девушка";

ЯЗЫК ДИЙАРИ

- (61) *ngaṇi*   *pulukayīṭa*
 1SG   пастух
 "Я – пастух";
- (62) *ngani*   *mankada*   *ṇiṇṇa*   *raṇi*
 3SG   девочка   стыд   никакой, отсутствующий
 "Эта девочка – бесстыжая" (букв. "Эта девочка – стыд отсутствующий").

⁷Мы имеем в виду стандартную, грамматическую стратегию оформления именного предиката в языке, а не маргинальные стратегии. Дело в том, что в индоевропейских языках также существовали бессвязочные предложения (лат. *Omnia praeclara rara*), но, как показано в [Ries 1931], эти конструкции являются маргинальными для большинства индоевропейских языков и большей частью используются как художественный прием.

В языке дийари связка при именном сказуемом появляется, когда признак оказывается актуальным в некоторый момент времени.

К: из дому ушел младший брат. Один из его старших братьев говорит другому:

- (63) *manda malangi ngana-yi*
 желудок плохой AUX-PRES

"У меня не в порядке желудок" (букв. "Мой желудок плохой есть"). Данное высказывание представляет собой идиому, которая означает, что старший брат чувствует, что с младшим что-то случилось, поэтому он характеризует состояние своего желудка в данный момент, а не вообще.

ИВРИТ

- (64) *ani hokma*
 1SG мудрость
 "Я – мудрость".

В иврите именной предикат, как и предикат-глагол, может стоять на первом месте в предложении:

- (65) *gamor l'-hokma ahot-i gat*
 говорить. IMP LOC-мудрость сестра. CONST-1SG 2SG.F
 «Скажи Мудрости: "Ты – моя сестра"».

ЛИТОВСКИЙ ЯЗЫК. В литовском языке существительное и прилагательное может быть сказуемым как в сопровождении глагола-связки, так и без него:

- (66) *azuolas (yra) medis*
 дуб (быть. PRES.3SG) дерево
 "Дуб (есть) дерево";

- (67) *pats (esi) kalt-as*
 сам (быть. PRES.2SG) виноватый-М
 "Сам виноват".

Без связки "обычно употребляются словосочетания, выражающие постоянные свойства предметов, не связанные с определенным временем" [Гр. литов. яз. 1985: 538]:

- (68) *genus marg-as, zmog-aus gyrenimas dar marg-esnis*
 дятел пестрый-М человек-GEN жизнь еще пестрый-COMP
 "Дятел пестрый, жизнь человека еще пестрее".

В некоторых описаниях (см. [Быкова 1965; Гр. литов. яз. 1985; Austin 1984]) отмечается, что связка преимущественно опускается в настоящем времени. Может возникнуть впечатление, что мы имеем два, альтернативных, способа оформления именного предиката в настоящем времени. Но нам представляется, что в этих языках альтернативные способы оформления именного предиката выглядят следующим образом:

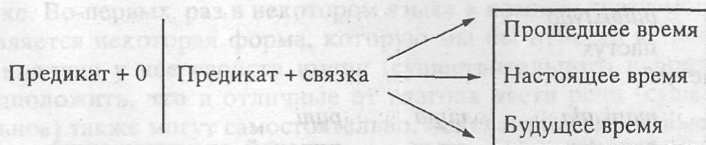

Схема 2

Такая интерпретация кажется нам предпочтительной потому, что именной предикат сам по себе передает некоторую идею времени в силу своего положения на шкале временной стабильности [Givon 1984], обозначая признаки, максимально стабильные во времени. Когда именной предикат употребляется в соответствии со своим прототипическим временным значением, т.е. обозначает признак, не связанный с опреде-

ленным временем (как бы вне времени), глагол-связка не требуется. Если же признак, обозначаемый именным предикатом, подчеркнута релевантен в некоторый момент времени, используется глагол-связка, задающий точную временную локализацию данного признака [см. пример (63)].

1.1. В некоторых из рассмотренных нами языков нормальным является также появление предложений без связки в контексте прошедшего времени. Интерпретация таких предложений как относящихся к плану прошедшего происходит благодаря контексту или некоторым наречиям⁸.

БЕНГАЛЬСКИЙ ЯЗЫК

- (69) *ākāś nival o nirmal*
небо ясное CONJ чистое

"Небо (было) ясное и чистое" (Как указывает Е.М. Быкова [Быкова 1965], данный пример взят автором из контекста прошедшего времени, поэтому мы сочли нужным отразить это в переводе.)

- (70) *kuber takhan choṭa*
Кубер тогда маленький

"Кубер тогда был маленьким" (Здесь отнесение высказывания к плану прошедшего происходит исключительно благодаря наречию *takhan* – 'тогда'.)

ИВРИТ. В иврите, подобно тому как это происходит в бенгальском языке, время при предикате-прилагательном может не выражаться:

- (71) *ha iṣ moše gadol m'od*
DEF человек Моисей великий очень
"Человек Моисей (был) очень велик".

1.2. В ряде языков нашей выборки в частных вопросах к предложениям с именным сказуемым (в таких предложениях предикатом обычно является вопросительное слово *кто? что?*, а также *какой?*) связка отсутствует. Такая стратегия образования частных вопросов к именному сказуемому радикально отличается от стратегии, представленной в большинстве индоевропейских языков, где глагол-связка сохраняется и в частных вопросах, например, в английском: *Who is that guy in a dressing gown?* "Кто этот парень в халате?"

АВАРСКИЙ ЯЗЫК

- (72) *ɣани=в в=уɣе=в чи ици=в?*
там=М М=быть=PART.M человек кто=М
"Кто этот человек вон там?" (букв. "Там находящийся человек кто?")

БЕНГАЛЬСКИЙ ЯЗЫК

- (73) *ihar moto prthibite bir ke?*
3SG как поэт еще кто
"Кто из поэтов сравнится с ним?" (букв. "Поэт, как он, еще кто?")

ЯЗЫК ДИЙАРИ

- (74) *miḍa ḍana ḍudu piḍa maḍi*
что 3PL огонь зола черный
"Что это за черная зола?"

- (75) *miḍa yini?*
что 2PL
"Кто вы?"

⁸Похуже явление существует и в русском языке: *1967 год, тридцать лет назад. Мы молоды, веселы, красивы и полны сил...* Но и в данном случае это скорее художественный прием (историческое настоящее), чем стандартная грамматическая конструкция.

ИВРИТ

- (76) *māh*   *š'mī*
 Что   имя. CONSTR. 3. M
 "Как его зовут?" (букв. "Что (есть) его имя?")

- (77) *māh*   *ani*
 Что   я
 "Кто я (такой)?"

2. О том, что в языке имя может являться предикатом самостоятельно, говорит и тот факт, что некоторая категория одинаково выражается независимо от того, является ли предикат именем или глаголом.

ЯЗЫК МБУМ. Тот факт, что имя является предикатом, подтверждается тем, что прошедшее время и глагольного, и именного предиката выражается одинаково.

Сказуемое-глагол:

- (78) *gūn*   *nzíkí*   *nzónzò*   *gâ*
 ребенок   маленький   пить   PAST
 "Маленький ребенок попил"

Сказуемое-имя:

- (79) *nzùk*   *ái*   *nzónà*   *gâ*
 человек   этот   пьяница   PAST
 "Этот человек был пьяницей"

БЕНГАЛЬСКИЙ ЯЗЫК. Предикат в бенгальском языке не имеет согласования по числу: личные показатели глагола не различаются в зависимости от числа, а именной предикат всегда имеет форму единственного числа.

Глагол:

- (80a) *ami*   [*cole giye*]-*chi*
 1SG   [уходить]-AUX. PRES. 1
 "Я ушел"

- (80b) *āmā*   [*cole giye*]-*chi*
 1-PL   [уходить]-AUX. PRES. 1
 "Мы ушли"

(Образование форм глагола в бенгальском демонстрирует пример (50)).

Существительное:

- (81) *tāhārā*   *kisakale*   *santān*
 3-PL   все   брат. SG
 "Они все – братья"

- (82) *āmā*   *vāngāli*
 1PL   бенгалец. SG
 "Мы – бенгальцы"

БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК. В бурятском языке имя в позиции предиката присоединяет те же лично-предикативные частицы, что и глагол:

- (83) *би*   *тракторист-би*
 1SG   тракторист-1SG
 "Я – тракторист";

- (84) [*фермэ даагша*]   *би-б*
 [заведующий фермой]   1SG-1SG
 "Заведующий фермой – я".

Ср.:

- (85) *би смотрители-е ерыл-хуу-б*
1SG *смотритель-ACC* *звать-HORT-1SG*
"Давай я позову зрителя"

А также:

- (86) *яба-най-б*
пойти-OPT-1SG
"Хорошо бы мне пойти"

Кроме того, именной предикат, как и глагольный, непосредственно сочетается с рядом модальных частиц:

- (87) *Зай, ши-мни, дуу-гаа дуул-у-и даа*
Ну *дорогой-POSS. 1SG* *песня-REFL. 2SG* *петь-SUBJ-2SG* *MOD*
"Ну, спел бы ты, дорогой мой, свою песню";

- (88) *баабай-мни адуушан, эжым-ни хонишон юм*
отец-1SG. POSS *коневод* *мать-1SG. POSS* *чабан* *MOD*
"Отец мой – коневод, мать моя – чабан" (частица *юм* находится в одной парадигме с частицей *даа*, оформляющей глагольный предикат в предыдущем примере – см. [Гр. бурят. яз. 1962]).

ЦАХУРСКИЙ ЯЗЫК. В цахурском языке имя может быть предикатом. Так, именной предикат, как и глагольный, присоединяет фокусный маркер *wo = CL* и эпистемические маркеры *-nī/ -jī* (о семантике данных маркеров см. [Майсак, Татевосов 1998]) (Примеры из [Калинина (в печати)]).

- (89) *temraz siXnari wo = r*
Темраз *вор* *COP = M*
"Темраз – вор"

- (90) *та-на ъсочан-јі*
этот-AT *чабан-EPIST1*
"Он – чабан"

- (91) *та?арам зурнаѝ-нī*
Магаррам *зурнист-EPIST2*
"Магаррам был зурнистом"

Ср.:

- (92) *temraz-ē balkan qol = p = q-u wo = b/*
Темраз-ERG *лошадь. N. 3* *N. 3 = красть-PF* *COP = N. 3/*
qol = p = q-u-nī (jī)
N. 3 = красть-PF-EPIST1 (EPIST2)
"Темраз украл лошадь"

3. О том, что имя само является предикатом, говорит и такой факт: когда некоторая категория выражается синтетически в глагольной морфологии, то для выражения этой категории при предикате-имени используется не глагольная форма, выражающая эту категорию, а специальный показатель.

АВАРСКИЙ ЯЗЫК. В отрицательных предложениях с именным предикатом используется чаще не отрицательная форма от глагола *буклине* "быть" – *гъечло*, а отрицательная частица:

- (93) [*маулхIаят гIада = в*] *вас ургъун-го чIва-ра = в*
[единственный = M] *сын* *злодейски-ADV* *убить-PAST = PART. M*
бидул тушман-ас-да [mlаса лъугъ-ине] б = игъая = б жо гуро
кровный враг-OBL-LOC [*простить-INF*] *N = простой = N* *вещь NEG*

	Связка отсутствует в настоящем времени	Связка отсутствует в прошедшем времени	Связка отсутствует в вопросительном предложении	Некоторая категория выражается одинаково на именном и глагольном предикате	Для выражения некоторой категории используется специальный показатель
АВАРСК. ЯЗ.	59		72		93
БЕНГАЛ. ЯЗ.	60	69-70	73	80-82	
БУРЯТСК. ЯЗ.				83-88	
ЯЗ. ДИЙАРИ	61-62		74-75		
ИВРИТ	64-65	71	76-77		
ЛИТОВСК. ЯЗ.	66-68				
ЯЗ. МБУМ				78-79	94-95
ЦАХУРСК. ЯЗ.				89-92	

"Простить кровного врага, злодейски убившего единственного сына, непросто" (букв. "простая вещь нет").

ЯЗЫК МБУМ. Напомним, что глагол в позиции предиката выступает в так называемой актуализованной форме (см. раздел. 2). Когда предикатом является имя, приименным актуализатором является частица *mî*⁹:

(94) *gûn mî*
ребенок ACL
"Это – ребенок";

(95) *gûlûk fesi' krôngà-ké mî*
лев животное сильный-3.SG ACL
"Лев – сильное животное".

Итак, мы рассмотрели ряд фактов, которые говорят о том, что во всех рассмотренных восьми языках имя может быть предикатом без помощи глагола-связки. В целях более компактного представления материала мы предлагаем таблицу, которая призвана наглядно показать, данные какого языка иллюстрируют то или иное явление. По вертикали мы расположили список языков, по горизонтали – перечень рассмотренных выше явлений, подтверждающих тот факт, что имя в позиции предиката в этих языках не требует с необходимостью появления глагола-связки. В клетках таблицы – номера примеров, иллюстрирующих то или иное явление.

Необходимо отметить, что анализ конструкций с "самостоятельным" именным предикатом обсуждается в порождающей грамматике. Так, в работе [Bowers 1993 : 594–595] предлагается схема, в которой отсутствует узел VP:

$X = \{V, \text{Adj}, N\}$

В данной схеме вместо узла VP появляется узел XP, который содержит предикат (глагол, прилагательное, существительное). Его вершина – узел Pr, предикация (predication). Данная функциональная категория (Pr) определяется как "в высшей степени абстрактная категория, лишь косвенно реализуемая в какой-либо фонетической форме в поверхностных фонетических структурах английского языка" [Там же: 647]. Введение такой категории позволяет автору не только выдвинуть более строгую теорию правил передвижения, но и анализировать языки типа сингалезского, в котором, согласно автору, возможно $X = \{N, \text{Adj}, P^{10}\}$, как и в тех восьми языках, которые стали предметом нашего анализа.

⁹ Очевидно, что это частица, а не глагол-связка, так как от нее не образуются актуализованные формы.

¹⁰ P – предложная группа (prepositional phrase).

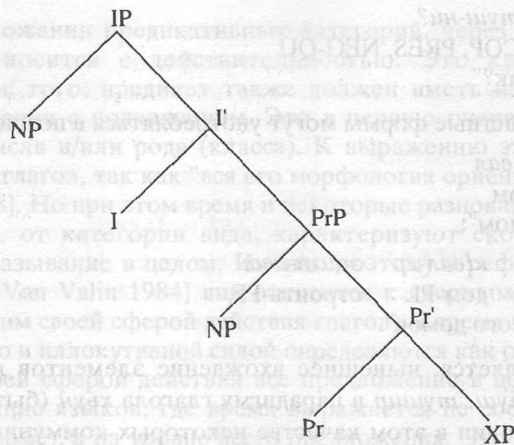

Схема 3

Итак, в начале настоящего раздела был поставлен следующий вопрос: существует ли такой типологический параметр, значение которого для некоторого языка позволяло бы предсказать факт наличия или отсутствия разграничения финитных и нефинитных форм глагола в некотором языке. В качестве данного параметра мы предлагаем структуру именного предиката: если в некотором языке имя может быть предикатом самостоятельно, не прибегая к "услугам" глагола-связки [как это происходит, рассматривается выше – см. примеры (59)–(95)], то в языке существует по крайней мере один класс форм, относительно которых дистрибутивный критерий финитности не принимает ни положительного, ни отрицательного значения.

Этот параметр представляется необходимым (а не только достаточным) для предсказания того, имеет ли в языке место разграничение финитных и нефинитных форм глагола. Если имя в позиции сказуемого всегда требует глагола-связки, то в языке имеет место разграничение финитных и нефинитных форм глагола. Такого рода отрицательный материал, помимо индоевропейских языков, продемонстрировали некоторые африканские языки: биром (группа языков бенуэ-конго, нагорные языки Северной Нигерии, см. [Vouquiaux 1970]), море (язык группы гур нигеро-конголезской семьи, см. [Cantu 1973]), а также язык голин (один из языков коренного населения Папуа Новой Гвинеи, см. [Bunn 1974]).

Однако нам также удалось обнаружить контрпример: в лезгинском языке имя не может быть предикатом само, без связки (примеры получены автором в процессе работы с информантами):

(96) *къел хъсан затI я*
 соль хороший вещь COP. PRES
 "Соль – хорошая вещь";

(97) *ам ахмакъ тир*
 он дурак COP. PAST
 "Он был дураком".

Вопросительная частица также не может присоединяться непосредственно к имени, она присоединяется только к связке:

(98) *ам ахмакъ я-ни?*
 он дурак COP. PRES-QU
 "Он – дурак?";

- (99) *ам ахмак туш-ни?*
 он дурак COP. PRES. NEG-QU
 "Разве он не дурак?"

Тем не менее, причастные формы могут употребляться в позиции предиката:

- (100) *эцигнавай квал*
 строить-PF дом
 "построенный дом";
- (101) *за гзаф квал-ер эцигн-авай*
 я. ERG много дом-PL строить-PF
 "Я построил много домов".

Как нам представляется, нынешнее вхождение элементов *я, тир* и их отрицательных вариантов *туш, тушир* в парадигму глагола *хьун* (быть) является результатом грамматикализации в этом качестве некоторых коммуникативных маркеров. Наряду с этим можно зафиксировать следующий процесс: параллельно конструкциям с предикативным причастием начинает употребляться такая конструкция:

- (102) *за гзаф квал-ер эцигн-авай-ди тир*
 я. ERG много дом-PL строить-PF-SUBST. SG COP. PAST
 "Я построил много домов".

В этой конструкции причастие в предикативной позиции получает показатель субстантивации и начинает зависеть от глагола-связки. Примечательно, что показатель субстантивации имеет форму единственного числа (показатель субстантивации множественного числа *-бур*). Это говорит о том, что субстантивируется и начинает зависеть от связки все предложение в целом. Таким образом, можно утверждать, что в лезгинском языке идет процесс грамматикализации противопоставления финитных и нефинитных форм глагола.

Однако данный параметр (структура именного предиката) не позволяет нам предсказать, какие именно формы будут сочетать финитное и нефинитное употребление (только причастия, причастия и деепричастия, масдары и др.). Конечно, это должно иметь свои соответствия в языковой структуре, но чтобы выяснить, какие именно, предстоит предпринять отдельное исследование.

4. ФИНИТНОСТЬ И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДИКАТИВНЫХ КАТЕГОРИЙ

В предыдущем разделе было сделано утверждение о связи между структурой именного предиката в некотором языке и наличием в этом языке разграничения финитных и нефинитных форм глагола: если в некотором языке имя в позиции сказуемого не требует глагола-связки, то в этом языке существуют формы, которые нельзя однозначно классифицировать как финитные или нефинитные. Можно предположить, что связь этих двух параметров является результатом действия некоторого третьего фактора. В настоящем разделе будет предпринята попытка объяснения установленной корреляции.

Итак, если в языке присутствие глагола-связки при именном сказуемом не является необходимым, в этом языке финитные и нефинитные формы противопоставлены не так четко: в таком языке существуют формы, которые допускают как нефинитное (в составе аналитических форм глагола или в качестве вершины зависимого предложения), так и финитное (в качестве сказуемого независимого предложения) употребление. Объяснение этой корреляции можно попытаться дать в виде ответа на следующий вопрос: что позволяет языку обходиться без глагола-связки в обоих случаях? Чтобы ответить на данный вопрос, вспомним, что представление о финитном глаголе как конституирующем элементе простого предложения связано с необходимостью

выражения в предложении предикативных категорий, через которые содержание предложения соотносится с действительностью. Это категории времени и модальности. Кроме того, предикат также должен иметь набор грамматических категорий согласования с подлежащим. Это в первую очередь категория лица, а также категория числа и/или рода (класса). К выражению этих категорий лучше всего приспособлен глагол, так как "вся его морфология ориентирована на эту роль" [Черемисина 1979 : 8]. Но при этом время и некоторые разновидности модальности, в отличие, например, от категории вида, характеризуют скорее не действие как таковое, а все высказывание в целом. Именно поэтому в референциально ролевой грамматике [Foley, Van Valin 1984] вид относится к ядерным операторам (то есть операторам, имеющим своей сферой действия глагол), а время и модальность, наряду с эвиденциальностью и иллокутивной силой определяются как операторы периферии, которые имеют своей сферой действия все предложение в целом. Подтверждение этому – существование языков, где время выражается не собственно в глаголе (в глагольной словоформе), а на уровне всего предложения. Это в первую очередь так называемые языки с бедной морфологией – например, во вьетнамском языке время выражается исключительно с помощью наречий ("вчера", "давно", "скоро", "сегодня" и других) и обстоятельств времени. Сравним следующие примеры на материале вьетнамского языка (примеры из [Быстров и др. 1975]):

(103a) *năm nay ánh ấy đã [tốt nghiệp đại học]*
 год этот CLASS он RES [закончить институт]
 "В этом году он закончил институт";

(103b) *năm sau ánh ấy đã [tốt nghiệp đại học]*
 год будущий CLASS он RES [закончить институт]
 "В следующем году он закончит институт".

Эти два предложения относятся к разным временным планам (первое – к плану прошедшего, второе – к плану будущего), при этом они отличаются только обстоятельствами времени. Таким образом, существуют средства выражения предикативных категорий "в обход" глагольной морфологии. Это и лексические средства, как в приведенных выше примерах, и контекст [см. примеры (69)–(71)]. Существует, однако, и другой способ – синтаксический: в работе [Broschart 1997], посвященной языку тонга, делается утверждение о необходимости различения морфологического и синтаксического уровня анализа. Индоевропейские языки противопоставляют глаголы существительным на морфологическом уровне: существительные имеют падежную словоизменительную парадигму, глаголы – временную и личную. В языке тонга, относящемся к изолирующим языкам, существительные и глаголы не различаются в том смысле, в каком их различают индоевропейские языки, т.е. в морфологическом: выражение грамматических категорий осуществляется с помощью синтаксических средств – артиклей и падежных показателей ("именных" категорий), с одной стороны, и показателей вида, времени и модальности ("глагольных" категорий), с другой. Так, в примере (104) существительное появляется в контексте артикля, а в примере (105) глагольная лексема употреблена в сочетании с показателем прошедшего времени:

(104) *ko e ta'ahine*
 PC ART девочка
 "Это была девочка";

(105) *na'e kei lele*
 PAST еще бегать
 "Он (все) еще бежал".

Слова "именной" и "глагольный" взяты нами в кавычки из-за их условности применительно к языку тонга: в этом языке именные лексемы (такие, как *сестра*, *дом*, *свинья*) свободно появляются в контексте видо-временных и модальных маркеров¹¹, а глагольные лексемы (*чувствовать*, *бегать*, *давать*) – в контексте артиклей и падежных показателей.

(106) *na'e kei tamasi'i*
 PAST еще маленький мальчик
 Он был еще маленьким мальчиком".

(107) *ko e 'alu 'a sione ki kolo*
 PC ART идти GEN Сионе ALL город
 "Сионе идет в город" (на глазах у говорящего)

Ср.
 (108) *na'e 'alu 'a sione ki kolo*
 PAST идти ABS Сионе ALL город
 "Сионе шел в город".

Можно было бы утверждать, что в языке тонга "именной" синтаксис противопоставлен "глагольному", но, как считает Брошарт [Broschart 1997], термины "именной" и "глагольный" теряют смысл применительно к языку, где нет ни морфологических имен, ни морфологических глаголов. Соглашаясь с ним, мы бы предложили, тем не менее, различать "актантный" и "предикативный" синтаксис, так как противопоставление предикатов и их актантов должно быть типологически более универсальным.

Таким образом, типологически широко представлены альтернативы выражению предикативных категорий средствами глагольной морфологии: предикативные категории могут выражаться с помощью лексических и синтаксических средств. Именно в этом нам видится тот самый фактор, который объединяет отсутствие разграничения финитных и нефинитных форм глагола, с одной стороны, и отсутствие глагола-связки при именном сказуемом, с другой: во всех языках нашей выборки широко используются альтернативные способы выражения предикативных категорий, лишая глагольную морфологию свойственной ей "монополии". Рассмотрим сначала использование лексических средств выражения предикативных категорий при сказуемом-существительном.

а) как мы указывали в разделе 3, существительное в позиции сказуемого в силу своего положения на шкале временной стабильности уже передает некоторую идею времени, а точнее, вневременности – существительные обозначают объекты, максимально стабильные во времени. Поэтому существительное без связи в позиции сказуемого используется для сообщения о тех свойствах объекта, для которых временная локализация нерелевантна, тогда как использование связки сигнализирует о релевантности признака, обозначаемого существительным, в некоторый момент времени [см., например, (61) и (62)];

б) как видно из примеров (69) (бенгальский язык) и (71) (иврит), временная отнесенность высказывания может быть ясна из контекста;

в) использование наречий (и вообще обстоятельств времени) для выражения времени встречается не только в изолирующих языках (см. пример (103) из вьетнамского языка). Бенгальский язык, не относящийся к изолирующим, также использует данный способ [см. (70)].

С другой стороны, в языках нашей выборки широко представлена и другая альтернатива, а именно, выражение некоторой категории не на морфологическом уровне, а на синтаксическом, подобно тому, как это происходит в языке тонга¹²:

¹¹ Соответственно, в языке тонга не различаются финитные и нефинитные формы глагола – см. [Broschart 1997].

¹² В работе [Сумбатова 1994] категории, выражающиеся на синтаксическом уровне, называются синтактико-грамматическими категориями.

а) в бурятском языке показатели личного согласования присоединяются к сказуемому независимо от его частеречной принадлежности¹³, [см. (83)–(88)];

б) аналогичным образом, в цахурском языке именной предикат оформляется теми же показателями (фокуса и эпистемического статуса), что и сказуемое-глагол [см. (89)–(92)];

в) в бенгальском языке ни именной, ни глагольный предикат не согласуются с подлежащим по числу. Это говорит о том, что в данном языке категория числа на синтаксическом уровне предиката не выражается [см. (80–82)];

г) случай, когда некоторая категория выражается средствами глагольной морфологии в глаголе-сказуемом и специальными частицами при именном предикате, на наш взгляд, также является примером выражения категорий на уровне синтаксической составляющей – сказуемого [см. (93)–(95)].

Заметим, что выражение грамматических категорий на уровне синтаксических составляющих не сводится к предикативному синтаксису, а возможно также и на уровне именной группы. Например, в бурятском языке число в именной группе может выражаться либо на вершине, либо на зависимом (пример из [Бертагаев, Цыдендамбаев 1965]):

(109a) *goǰ* *нааданхай-нууд*
красивые игрушки-PL

(109б) *goǰ-нууд* *нааданхай*
красивые-PL игрушки
"красивые игрушки".

В языке дийари в именной группе зависимое следует за вершиной, при этом падеж всей ИГ выражается на последнем элементе, то есть на зависимом (пример из [Austin 1981]):

(110) *ɬana* *ngata-na* *wara-yi* *niɬa* *tiya-ni*
3PL сидеть-PART AUX-PRES место сухой-LOC
"Они жили в сухом месте".

Итак, суммируя предыдущее изложение, мы можем сказать, что способ выражения предикативных категорий представляется нам тем самым фактором, который управляет наличием/отсутствием в языке разграничения финитных и нефинитных форм глагола (как форм, способных и неспособных выражать предикативные категории соответственно), с одной стороны, и возможностью/невозможностью появления в позиции сказуемого существительного, не сопровождаемого глаголом-связкой, с другой. В самом деле, если в языке глагольная морфология – это единственный способ выражения предикативных категорий, то в этом языке ожидается разграничение финитных и нефинитных форм глагола, а также невозможность именного сказуемого без глагола-связки. Если же язык широко использует альтернативные средства выражения предикативных категорий (лексические и синтаксические), вполне естественным представляется тот факт, что в этом языке именное сказуемое не требует обязательного присутствия глагола-связки, а также отсутствует разграничение финитных и нефинитных глагольных форм. Таким образом, предикативность, т.е. связь предложения с действительностью, может выражаться в предложении независимо от финитного глагола. Такой точке зрения вполне соответствует определение предложения, данное в [Foley, Olson 1985: 57]: простое предложение (clause) – это грамматическая структура, имеющая только одну периферию. Тем самым простое предложение определяется в зависимости от выраженности в нем

¹³ "Если русские грамматические морфемы тесно связаны со словом как представителем части речи..., то алтайские грамматические аффиксы гораздо синтаксичнее, – они в большей степени соотносены с членами предложения... Поэтому они достаточно свободно присоединяются к словам разных частей речи, если они выступают в соответствующей синтаксической роли"... [Черемисина 1979: 42].

операторов периферии (иллокутивной силы, эвиденциальности, времени и модальности), но не утверждается, что они должны быть обязательно выражены через Verbum Finitum. Определение в [Foley, Olson 1985], не противореча традиционным определениям предложения, не ставит знак равенства между выражением предикативных категорий и финитной формой глагола.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разграничение финитных и нефинитных форм глагола, основанное на дистрибутивном критерии (возможность/невозможность для данной формы возглавлять независимое предложение), так прочно утвердившееся в традиции описания индоевропейских языков, не может претендовать на универсальность с точки зрения типологии. Существуют языки, которые лежат вне сферы применимости данного критерия. В настоящей работе приведен материал восьми таких языков: в них существуют формы глагола, которые могут употребляться одновременно и как финитные (в позиции сказуемого), и как нефинитные (в составе аналитических форм глагола и/или в позиции вершины зависимого предложения – обстоятельственного, относительного и т.д.). Представляется, что множество языков образует шкалу, на одном конце которой находятся языки с четким разграничением финитных и нефинитных форм, а на другом – языки, в которых это разграничение отсутствует вообще.

В настоящей работе также предлагается типологический параметр, значение которого позволяет предсказывать наличие или отсутствие разграничения финитных и нефинитных форм глагола в некотором языке. Таким параметром оказывается структура именного предиката: если язык позволяет существовать в позиции сказуемого обходиться без глагола-связки, можно утверждать, что в этом языке существует форма (или класс форм) глагола, которую нельзя однозначно классифицировать как финитную или нефинитную. В качестве фактора, объясняющего связь данных параметров, выступает способ выражения предикативных категорий: если в языке единственным способом их выражения является глагольная морфология, то именно финитный глагол будет конституирующим элементом независимого предложения. Если же язык позволяет выражение предикативных категорий альтернативными средствами (лексическими и синтаксическими), то необходимость глагола-связки при именном сказуемом отпадает, равно как и необходимость противопоставлять формы, выражающие предикативные категории (финитные) и невыражающие (нефинитные).

В заключение нам хотелось бы сделать ряд замечаний относительно направления дальнейшего исследования. Не говоря уже о том, что первоочередной задачей будет расширение типологической выборки языков, необходимо будет ответить на следующие вопросы. Во-первых, что позволяет формам, употребляющимся как финитно, так и нефинитно, совмещать эти две функции – их морфология или семантика? Чем такие формы отличаются от форм, употребляющихся только финитно (если таковые в языке имеются)? Во-вторых, выбор в позиции сказуемого глагольной формы, принадлежащей к одному из двух классов (класс форм, имеющих только финитное употребление и класс форм, совмещающих финитное и нефинитное употребление), скорее всего является способом выражения некоторой грамматической категории (или оператора в терминологии [Foley, Van Valin 1984]), подобно тому, как противопоставление в позиции сказуемого форм императива/неимператива реализует одно из значений категории наклонения в русском языке. Кстати, напомним, что в литовском языке, как было сказано выше [см. (53)–(56)], причастие в позиции сказуемого служит средством выражения так называемого косвенного наклонения, которое указывает на "неочевидность или неполную достоверность информации" [Гр. литов. яз. 1985: 231]. И наконец, следует задаться вопросом о роли связки в тех языках, где она не является простым показателем финитности. Обращает

на себя внимание широко представленное в различных языках употребление связки в качестве маркера фокуса и/или ремы (см. об этом [Субматов 1994; Казенин (в печати)]).

Ответы на эти вопросы, безусловно, призваны решить проблему разграничения финитных и нефинитных форм глагола в типологическом аспекте.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1 – первое лицо	INF – инфинитив
2 – второе лицо	IPF – несовершенный вид
3 – третье лицо	LOC – локатив
A – агент (семантическая роль)	M – мужской род (класс)
AC – актуализованная форма	MASD – масдар
ACC – аккузатив	MOD – модальность
ACL – актуализатор	N – средний род (класс)
ACT – активный (залог)	N.3 – существительные среднего рода, 3 класса
ADV – наречие	N.4 – существительные среднего рода, 4 класса
AOR – аорист	NEG – отрицание
AT – атрибутив	NI – новая информация
AUX – вспомогательный глагол	NPL – множественное число неодушевленных существительных
CL – показатель классного согласования	O – объект действия (семантическая роль)
CLASS – классификатор	OBL – косвенная основа
COMP – показатель сравнительной степени	OI – старая информация
COMPL – показатель подчинения (комплементайзер)	OPT – оптатив
CONJ – союз	PART – причастие
CONST – конструктус	PASS – пассивный (залог)
CONV – деепричастие	PAST – прошедшее время
COP – связка (копула)	PF – совершенный вид
DAT – латив	PL – множественное число
DEF – определенный артикль	POT – потенциалис
EMPH – эмфаза	POSS – притяжательность
EPIST – показатель эпистемического статуса	PRES – настоящее время
ERG – эргатив	PROG – прогрессив
F – женский род (класс)	QU – показатель вопроса
FOC – показатель фокуса	REFL – возвратность
FUT – будущее время	RES – результатив
GEN – генитив	RESTR – рестриктивная частица
HAB – хабитуалис	S – субъект действия (семантическая роль)
HORT – гортатив	SG – единственное число
IMP – императив	SUBJ – сослагательное наклонение
INDQU – косвенный вопрос	SUBST – субстантиватор

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амодогонов Д.Д. 1958 – Современный бурятский язык. Улан-Удэ, 1958.
- Бертигаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. 1965 – Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М., 1965.
- Бокарев А.А. 1949 – Синтаксис аварского языка. М., 1949.
- Быкова Е.М. 1960 – Подлежащее и сказуемое в бенгальском языке. М., 1960
- Быстров И.С., Нгуен Тай Кан, Станкевич Н.В. 1975 – Грамматика вьетнамского языка. Л., 1975.
- Виноградов В.В. 1975 – Основные вопросы синтаксиса предложения // В.В. Виноградов. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
- Гезениус В. 1874 – Еврейская грамматика. СПб., 1874.
- Гр. бурят. яз. 1962 – Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962.
- Гр. литов. яз. 1985 – Грамматика литовского языка. Вильнюс, 1985.
- Грамматика 1970 – Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

- Добрушина Н.Р.* (в печати) – Глагольное формообразование // Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Под ред. А.Е. Кибрика (в печати).
- Казенин К.И.* (в печати) – Коммуникативное выделение // Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Под ред. А.Е. Кибрика (в печати).
- Калинина Е.Ю.* (в печати) – Предложения с именным сказуемым // Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Под ред. А.Е. Кибрика (в печати).
- Майсак Т.А., Татевосов С.Г.* (в печати) – Глагольные формы в дискурсе // Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Под ред. А.Е. Кибрика (в печати).
- Майсак Т.А., Татевосов С.Г.* 1998 – Кодирование эпистемических значений средствами морфосинтаксиса // ВЯ. 1998. № 1.
- Мельчук И.А.* 1972 – Опыт теории синтаксических моделей "Смысл ↔ Текст". М., 1972.
- Рохалил Хабар.* 1996 – Евангелие от Марка (на аварском языке). Стокгольм, 1996.
- Саидов М.С.* 1954 – Развернутые члены предложения в аварском языке // Языки Дагестана. Вып. 2. Махачкала, 1954.
- Саидов М.С.* 1967 – Аварско-русский словарь. М., 1967.
- Сумбатова Н.Р.* 1984 – Грамматикализация глагольного синтаксиса. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
- Сурхаев М.* 1984 – Нух билагI (Счастливого пути) (на аварском языке). Махачкала, 1984.
- Талибов Б.Б., Гаджиев М.М.* 1966 – Грамматический очерк лезгинского языка // Б.Б. Талибов, М.М. Гаджиев. Лезгинско-русский словарь. М., 1966.
- Черемисина М.И.* 1979 – Некоторые вопросы теории сложного предложения. Новосибирск, 1979.
- Austin P.* 1981 – A grammar of Diyaari, South Australia. Cambridge, 1981.
- Bowers J.* 1993 – The syntax of predication // Linguistic Inquiry. 1993. № 3.
- Bouguiaux L.* 1970 – La langue Birom. Paris, 1970.
- Broschart J.* 1997 – Why Tongan does it differently? // Linguistic typology. 1997. № 1.
- Bunn G.* 1974. – Golin grammar. Ukarumpa (Papua NG), 1974.
- Вуква Е.М.* 1981 – The Bengali language. Moscow, 1981.
- Canu G.* 1973 – Description synchronique de la langue môle. Paris, 1973.
- Dobson J.* – Learn Biblical Hebrew (на правах рукописи).
- Foley W., Van Valin R.* 1984 – Functional syntax and universal grammar. Cambridge, 1984.
- Foley W., Olson M.* 1985 – Clausehood and verb serialization // Grammar inside and outside the clause: Some approaches to theory from the field. Cambridge, 1985.
- Givón T.* 1984 – Syntax: a functional typological introduction. V. 1. Amsterdam, 1984.
- Hagège Cl.* 1970 – La langue mbum de Nganha (Cameroun). Paris, 1970.
- Haspelmath M.* 1992 – A grammar of Lezgian. Berlin; New York, 1992.
- Hengeveld K.* 1992 – Non-verbal predication. Berlin; New York, 1992.
- Radford A.* 1988 – Transformational grammar. A first course. Cambridge, 1988.
- Ries J.* 1931 – Was ist ein Satz? Prag, 1931.
- Sawyer J.* 1980 – A modern introduction to Biblical Hebrew. London, 1980.
- Wetzer H.* 1996 – The typology of adjectival predication. Berlin; New-York, 1996.

© 1998 г. К.И. КАЗЕНИН

ОПРЕДЕЛЕНИЯ В ЦАХУРСКОМ ЯЗЫКЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ НА ГЛУБИНУ*

0. Настоящая статья, как видно из ее заглавия, преследует двойную цель. Во-первых, она описывает некоторые морфо-синтаксические свойства определений в цахурском языке¹, ранее практически не рассматривавшиеся в дагестановедении. Во-вторых, она подвергает проверке, в свете данных, полученных из цахурского языка, теорию ограничений на глубину действия синтаксических правил, зародившуюся тридцать лет назад в русле порождающей грамматики и с тех пор являющуюся важной составляющей большинства теоретических подходов к синтаксису (краткое изложение сути этой теории см. в разделе 1).

Две названные задачи а priori никак не взаимосвязаны. Однако связь между ними становится очевидной при изучении одного правила цахурского языка – правила грамматической маркировки ремы предложения. В целом, как будет показано в разделе 2, это правило подчиняется ограничениям на глубину: слишком "глубоко-вставленная" зависимая (например, элемент относительного предложения) не может быть грамматически маркирована как рема главного предложения. Тем не менее при образовании конструкций с грамматически маркированной рематизацией о п - р е д е л е н и я цахурский язык нарушает имеющуюся теорию ограничений на глубину. Чтобы показать это, необходимо достаточно детально рассмотреть некоторые вопросы синтаксиса определений в цахурском, прежде всего вопрос о факультативном падежном оформлении определений. Поэтому и представляется целесообразным рассматривать два вынесенных в заголовок предмета в одной статье.

1. ОГРАНИЧЕНИЯ НА ГЛУБИНУ ДЕЙСТВИЯ ПРАВИЛ В СОВРЕМЕННОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Одним из наиболее популярных предметов исследования в грамматической теории последних тридцати лет являются ограничения на глубину действия правил (island constraints – букв. "островные ограничения"), впервые введенные в научный оборот в диссертации Дж. Росса [Ross 1967/1986]. Эмпирические наблюдения, которые сделал Росс и которые впоследствии не раз подвергались уточнению и различным интерпретациям, сводятся к следующему. Существуют синтаксические правила, которые, действуя в рамках предложения, могут иметь своей мишенью любую его непосредственную составляющую, а также многие типы зависимых составляю-

* Материал настоящей статьи был собран в ходе лингвистических экспедиций в с. Мишлеш Рутульского района Дагестана в 1995 и 1996 гг., под руководством проф. А.Е. Кибрика. Дальнейшая работа над обсуждаемой в статье проблематикой велась при поддержке РФНФ, грант 95-06-17234. Многие положения статьи неоднократно обсуждались автором с А.Е. Кибриком и Я.Г. Тестельцом, которым автор приносит свою искреннюю благодарность.

¹ Цахурский язык относится к лезгинской группе нахско-дагестанской семьи. Систематическое рассмотрение цахурской грамматики читатель найдет в [Ибрагимов 1990] и [Кибрик (ред.), в печати].

щих²; однако есть в структуре предложения некоторые непосредственные составляющие, на зависимые внутри которых такие правила воздействовать не могут.

Правила, способные воздействовать на любую непосредственную составляющую предложения независимо от ее синтаксической роли, можно назвать "свободными". В русском языке к ним относится, например, релятивизация (с помощью относительного местоимения), а также образование частных вопросов, состоящее в факультативном выносе в начало предложения вопросительного слова:

- (1) а. *Иван, **который** вчера послал письмо другу*
б. *письмо, **которое** вчера Иван послал другу*
в. *друг, **которому** вчера Иван послал письмо*

- (2) а. ***Кто** вчера послал письмо другу?*
б. ***Что** вчера Иван послал другу?*
в. ***Кому** Иван вчера послал письмо?*

В других языках к таким правилам относятся, в частности, топиализация (напр., в китайском, см. [Huang 1982]) и контрастивное выделение с помощью так называемой "расщепленной конструкции" (clefting) в английском, см. [Prince 1978].

Эти правила могут иметь своей мишенью не только непосредственные, но и некоторые зависимые составляющие предложения – напр., элементы некоторых подчиненных предикаций, ср.:

- (3) ***Кому ты хочешь**, [чтобы Иван послал письмо]?*
(4) *письмо, **которое** я хочу, [чтобы ты послал Ивану]*

Очевидно, однако, что данные правила не могут воздействовать на зависимые, входящие в некоторые другие непосредственные составляющие. Так, невозможна релятивизация составляющей, входящей в одно из сочиненных предложений, а также составляющей, которая, в свою очередь, входит в относительное предложение (6):

- (5) а. [*Иван уехал из деревни*] и [*поселился в городе*].
б. **город, в котором Иван уехал из деревни и поселился*
(6) а. *Я вижу [мальчика, [идущего в лес]].*
б. **лес, в который я вижу мальчика, идущего*

Неграмматичные предложения в (5)–(6) показывают, что эти же ограничения действуют и при вынесении влево вопросительного слова:

- (7) **Где Иван уехал из деревни и поселился?*
(8) **Куда ты видишь мальчика, идущего?*

Оказывается, что проиллюстрированные ограничения не носят случайного характера, а являются частными случаями грамматических запретов большой степени общности. Именно эти запреты и были исследованы Россом, который назвал их О г р а н и ч е н и е м с о ч и н е н н о й с т р у к т у р ы (Coordinate Structure Constraint) и О г р а н и ч е н и е м с л о ж н о й И Г (Complex NP Constraint). Первое ограничение предсказывало невозможность воздействия "свободных"³ правил на элемент, входящий в одну из сочиненных составляющих. Второе ограничение предсказывало невозможность воздействия "свободных" правил на элемент относительного предложения⁴.

² Под зависимыми составляющими здесь и далее имеются в виду все составляющие предложения, кроме непосредственных.

³ Отметим, что Росс не пользовался термином "свободные правила". Вопрос о том, что объединяет все правила, подчиняющиеся данному набору ограничений, получал у Росса более сложное решение, существенно пересмотренное на дальнейших этапах развития порождающей грамматики (см. об этом [Казенин, Тестелец 1997]). Этот вопрос остается за рамками настоящей статьи; все рассматриваемые в ней правила удовлетворяют определению "свободных" правил.

⁴ К ограничениям, выявленным в диссертации Росса, относится также О г р а н и ч е н и е с е н т е н ц и а л ь н о г о п о д л е ж а щ е г о, состоящее в том, что правила того же рода не могут иметь своей мишенью элемент в составе зависимого предложения, занимающий в главном подлежащую позицию. Например, неграмматичен частный вопрос (ii) в английском языке:

Впоследствии этот набор универсальных ограничений был дополнен так называемым Ограничением обстоятельство (Adjunct island constraint), обнаруженным значительно позже появления диссертации Росса, в работе Хуанга [Huang 1982], который заметил, что "свободные" синтаксические правила не могут воздействовать на зависимые в составе обстоятельств – как сентенциальных, так и предложенных или именных⁵, ср.:

- (9) а. *Петр пришел, [чтобы ему заплатили пять тысяч долларов].*
б. **Сколько Петр пришел, чтобы ему заплатили?* (ср. *Сколько Петр хочет, чтобы ему заплатили?*)
- (10) а. *Он открыл дверь [своим ключом].*
б. ??*Чьим он открыл дверь ключом?*
- (11) а. *Он заговорил [на абхазском языке].*
б. **Каким он заговорил на языке?*⁶

Три обнаруженных ограничения оставляют "свободным" правилам только одну возможность для воздействия на зависимые составляющие: они могут воздействовать на зависимые в составе актантов. То, что такая возможность действительно имеется, мы уже видели на примере (3)–(4).

Таким образом, "свободные" синтаксические правила способны воздействовать на любую непосредственную составляющую, но не могут воздействовать на элементы внутри некоторых непосредственных составляющих. Поэтому перечисленные выше ограничения можно назвать ограничениями на глубину действия правил (в статье [Казенин, Тестелец 1997] предлагается термин "островные ограничения", по аналогии с общепринятым в англоязычной традиции термином *island constraints*; однако метафорическое значение этого английского названия вряд ли передается его русским эквивалентом).

Ограничения на глубину действия синтаксических правил исследовались на материале большого количества языков (см., в числе работ по данной проблематике, [Chomsky 1973; Goodluck, Rochemont (eds.) 1992; Kluender 1991; Lasnik, Saito 1992]). Эти исследования до сих пор неизменно подтверждали универсальность Ограничения сочиненной структуры, Ограничения сложной ИГ и Ограничения обстоятельств⁷. Тем

- (i) [*That John came*] frightened Bill.

"Билла испугало, что пришел Джон".

- (ii) **Who did [that came] frightened Bill.*

букв. "Что кто пришел, испугало Билла?"

Однако универсальность этого Ограничения была поставлена под сомнение в ходе типологических исследований. В частности, это Ограничение не действует в дагестанских языках (см. [Казенин 1997: 110–111], где показано, что это согласуется с отсутствием в данных языках особой структурной позиции подлежащей ИГ). Далее в настоящей статье я исхожу из того, что Ограничение сентенциального подлежащего не входит в число универсальных ограничений на действие "свободных" правил.

⁵ Следует оговорить, что частные вопросы могут быть грамматичными, если вместо одного вопросительного слова в начальную позицию переносится вся обстоятельственная группа, ср.:

- (i) [*Чьим ключом*] он открыл дверь?

Такая возможность имеется и в том случае, когда вопросительное слово находится в составе относительного предложения; так, вместо неграмматичного (8) маргинально возможно (ii):

- (ii) [*Куда идущего мальчика*] ты видишь?

Возможность таких предложений, разумеется, не опровергает ограничений Росса, поскольку здесь переносу в начальную позицию подвергается не вопросительное слово, входящее в составляющую определенного типа, а сама эта составляющая целиком (в англоязычной синтаксической литературе такая опция получила название "pied-piping").

⁶ Грамматичное предложение (i) *На каком он заговорил языке?* не представляет собой случая видоизменения в начало предложения вопросительного зависимого обстоятельственной составляющей: здесь выдвигается и вершина этой составляющей – предлог *на*.

⁷ В ряде работ, защищающих функциональный подход к данному явлению, указывались прагматические условия, при которых данные ограничения могут нарушаться [Erteschik-Shir, Lappin 1973; Haig 1996]. Само существование этих ограничений, однако, при таком подходе не ставится под сомнение.

самым базовым для ограничений на глубину оказывалось противопоставление "актант – неактант". Действительно, как обстоятельства, так и относительные предложения – это составляющие, не занимающие в предложении актантную позицию. Точно так же сочиняемая составляющая самостоятельно не занимает актантной позиции даже в том случае, когда сочинительная конструкция в целом является актантом. Поэтому основные известные на сегодняшний день в синтаксической теории ограничения на глубину могут быть обобщены следующим образом: "свободные" синтаксические правила могут воздействовать на непосредственную составляющую, а также на зависимую составляющую, если она не входит в какую-нибудь неактантную составляющую. Именно это обобщение является основой теории ограничений на глубину действия правил в современной порождающей грамматике (начиная с [Chomsky 1986]); трактовки ограничений на глубину, стремящиеся найти их функциональные, а не структурные истоки, также принимают это обобщение как универсально верное (см., напр., [Van Valin 1993: 121–124]).

В настоящей статье предлагается контрпример к этому обобщению. В разделе 2 будет показано, что в цахурском языке (как, судя по некоторым данным, и в ряде других языков Дагестана) одно "свободное" синтаксическое правило, в целом подчиняющееся ограничениям на глубину, тем не менее может воздействовать на зависимые именной группы, находящейся в обстоятельственной позиции, тем самым противореча Ограничению обстоятельств – а значит, противореча также и только что изложенному более широкому обобщению ограничений на глубину. Этот факт интересен тем, что подобное явление не обнаруживалось ни в одном языке, исследованном ранее в аспекте ограничений на глубину.

2. НАРУШЕНИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В ЦАХУРСКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. Фокусная конструкция. В данном подразделе содержатся минимальные сведения об одной особой синтаксической конструкции цахурского языка и об основных ограничениях на ее образование.

2.1.1. Общие сведения. В цахурском языке, как и в большинстве других языков Дагестана, имеется особая конструкция с грамматической маркировкой ремы предложения, обычно называемая фокусной конструкцией (подробнее об этой конструкции см. [Казенин 1997; Kazenin 1996; Testelec 1997]). Суть ее состоит в том, что один из грамматических показателей, стандартно располагающихся в составе глагольной формы, меняет свою линейную позицию и следует за вершиной рематической составляющей. В цахурском языке имеется более десяти таких "плавающих" грамматических показателей, способных маркировать рему своей линейной позицией. Они перечислены в статье [Казенин (в печати)]. В данной же статье фокусная конструкция будет иллюстрироваться только предложениями с "плавающим" вспомогательным глаголом $wo=d$. В (12a) $wo=d$ занимает стандартную позицию вслед за глагольной основой, а в (12б–в) $wo=d$ следует за рематичной составляющей⁸ (здесь и далее рематичная составляющая выделена в переводе полужирным шрифтом):

⁸ В интерлинейаре цахурских примеров используются следующие сокращения: А – атрибутив 4 класса или множ. числа, АА – атрибутив 1–3 классов, АФФ – аффектив, АЛЛ – аллатив, АОБЛ – косвенный атрибутив, СОН – частица когерентности, СОМІТ – комитатив, КОНТ – контэссив, ДАТ – датив, ЕЛ – элатив, ЕРГ – эргатив, НРЛ – множ. число личных существительных, ІН – инэссив, ІРФ – основа имперфекта, NEG – отрицательная форма, NОМ – номинатив, NОМPL – номинатив множ. числа, NPL – множ. число неличных существительных, ОВЛ – косвенная основа, ОВЛPL – косвенная основа множ. числа, РF – основа перфекта, PL – множ. число, Q – вопросительная частица, РОТ – основа потенциалиса, SUP – суперэссив; цифрами обозначены согласовательные классы, маркеры классного согласования отделены знаком =.

- (12) а. *all-ē* *Xaw* *alʃaʔ-a* *wo=d*.
 Али-ERG дом.4 4.строить-IPF **быть=4**
 "Али строит дом"
- б. *all-ē-wo=d* *Xaw* *alʃaʔ-a*.
 Али-ERG-**быть=4** дом.4 4.строить-IPF
 "Али строит дом".
- в. *all-ē* *Xaw-wo=d* *alʃaʔ-a*
 Али-ERG дом.4-**быть=4** 4.строить-IPF
 "Али строит дом"

Ниже рематическое выделение, осуществляемое с помощью данной конструкции, будет называться фокусированием. Подробно о семантике данного типа рематического выделения см. [Казенин (в печати)].

2.1.2. Фокусирование зависимых составляющих и ограничения на глубину. В (12б–в) представлены фокусные конструкции, в которых фокусированию подвергается непосредственная составляющая предложения. Наряду с этим имеется и возможность фокусирования зависимых составляющих, входящих в сентенциальные актанты (13), в сентенциальные сирконстанты (14) и в относительные предложения (15):

- (13) а. *all-ī-s* *čoʒ* *qa=r=i*
 Али-OBL-DAT [брат.1 1=приходить.IPF]
īkan-o=r
 1.хотеть.IPF-**быть=1**
 "Али хочет, чтобы пришел брат"

- б. *all-ī-s* *čoʒ-o=r* *qa=r=i*
 Али-OBL-DAT [брат.1-**быть=1** 1=приходить.PF]
īkan
 1.хотеть.IPF
 "Али хочет, чтобы пришел **брат**".

- (14) а. *rasul* *paʔimat* *a=r=inGal*
 Расул.1 [Патимат.2 1=приходить.PF=2=TEMP]
a=r=kʔin-o=r.
 1=уходить.PF-**быть=1**
 "Когда пришла Патимат, Расул ушел".

- б. *rasul* *paʔimat-o=r* *a=r=inGal*
 Расул.1 [Патимат.2-**быть=1/2** 1=приходить.PF=2=TEMP]
a=r=kʔin.
 1=уходить.PF
 "Когда пришла **Патимат**, Расул ушел".

- (15) а. *za-kʔle* *mišleš-k-qa* *ulq̄-a-na*
 я.OBL-AFF [[Мишлеш-CONT-ALL 1.идти-IPF-AA]
gade *Gaʒ-e* *wo=r*.
 мальчик.1] 1.видеть-IPF **быть=1**
 "Я вижу мальчика, идущего в Мишлеш".

- б. *za-kʔle* *mišleš-k-qa-wo=r* *ulq̄a-na*
 я.OBL-AFF [[Мишлеш-CONT-ALL-**быть=1** 1.идти-IPF-AA]
gade *Gaʒ-e*
 мальчик.1] 1.видеть=IPF
 "Я вижу мальчика, идущего в **Мишлеш**".

aljaʔ-u.

4.строить-PF

"Отец Магомеда построил этот дом".

(17) a.	<i>rasul</i>	<i>jiz-di</i>	<i>dost-u-ni-wo=r</i>
	Расул.1	[[мой-AOBL	друг-OBL-AOBL]- быть=1

balkan-u-ka

qa=r=i

лошадь-OBL-COMIT]

1=приходить.PF

"Расул приехал на лошади моего друга".

б.	<i>jiz-di</i>	<i>dost-u-ni-wo=r</i>	<i>rasul</i>
	[мой-AOBL	друг-OBL-AOBL]- быть=1	Расул.1

balkan-u-ka

qa=r=i

[лошадь-OBL-COMIT]

1=приходить.PF

"Расул приехал на лошади моего друга".

(18) a.	<i>baluR-ā-r</i>	<i>Xur-ni=d=o=d</i>
	рыба-PL-NOMPL	[малый-AOBL=CON.NPL= быть=NPL

dama-b-iš-ē

ix-es.

река-PL-OBLPL-IN]

NPL.статья-POT

"Рыба может быть и в мелких реках".

б.	<i>Xur-ni=d=o=d</i>	<i>baluR-ā-r</i>
	малый-AOBL=CON.NPL= быть=NPL	рыба-PL-NOMPL

dama-b-iš-ē

ix-es.

река-PL-OBLPL-IN]

NPL.статья-POT

"Рыба может быть и в мелких реках".

Данный факт не представлялся бы неожиданным, если бы фокусное выдвигание элементов неактантных зависимых предложений также было синтаксически неограниченным. В этом случае можно было бы констатировать, что образование конструкций с фокусным выдвиганием в цахурском вовсе не соблюдает ограничений на глубину⁹. Однако в действительности, как видим, имеет место иное: образование конструкции с фокусным выдвиганием в точности соблюдает имеющийся набор универсальных ограничений на глубину, когда мишенью фокусного выдвигания является элемент зависимого предложения, и вовсе не соблюдает их, если мишенью фокусного выдвигания является элемент ИГ. Последнее ставит под сомнение сам факт того, что универсальные ограничения на глубину действия синтаксических правил определяются противопоставлением "актант – неактант".

2.2. Гипотеза о "неконфигурационности" именных выражений. Грамматичность предложений, подобных (17)–(18), настолько существенно противоречит ожиданиям, формируемым современной синтаксической теорией, что нельзя не попытаться объяснить их грамматичность каким-то особым способом, "спасающим" универсальность ограничений на глубину.

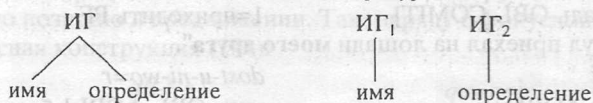
Более того, вариант объяснения, который достигал бы именно такого результата, уже был обоснован на другом языковом материале и, следовательно, имел бы типологические параллели, если бы был предложен для цахурского языка. Мы имеем в виду так называемую гипотезу о неконфигурационности, первоначально предложенную К. Хэйлом [Hale 1983] для австралийского языка варлпири. Суть этой гипотезы заключается в том, что выражение, включающее в себя имя и его определения, может не образовывать единой синтаксической составляющей. Хейл показал, что в варлпири дело обстоит именно так, и объяснил этим, в частности,

⁹ Отметим, впрочем, что такое предложение дел также плохо соответствовало бы имеющимся типологическим ожиданиям: конструкции с грамматической маркировкой ремы, исследованные в этом аспекте на сегодняшний день, подчиняются ограничениями на глубину (так обстоит дело, в частности, в сингалском языке – [Sumangala 1992], в языке навахо – [Barss и др. 1991]).

необычайную свободу линейного разрыва имени и его определений в данном языке. Языки, в которых возможно "рассыпание" именного выражения на несколько синтаксических составляющих, Хэйл назвал неконфигурационными. На схеме (i) представлена структура именного выражения в конфигурационном языке, а на схеме (ii) – в неконфигурационном языке:

(i) конфигурационный язык (ii) неконфигурационный язык

Если считать, что и цахурский язык является неконфигурационным, то объяснение грамматичности предложений типа (17)–(18) не будет представлять никакой проблемы. Действительно, в неконфигурационном языке имя и его определение не образуют единой составляющей, а соподчинены в структуре составляющих предложения. Следовательно, определение имени является непосредственной составляющей предложения [см. (ii)]. В таком случае фокусное выдвигание определений в (17)–(18) должно быть возможно точно так же, как фокусное выдвигание любых других непосредственных составляющих. Тогда конструкции с фокусным выдвиганием, представленные в (17)–(18), не будут нарушать Ограничения обстоятельств, поскольку мишенью фокусного выдвигания в них не будет элемент в составе обстоятельственной ИГ. При любом другом анализе нарушение этого Ограничения, разумеется, будет налицо. Вопрос состоит лишь в том, действительно ли цахурский язык является неконфигурационным.

2.3. Неконфигурационность ИГ и падежное оформление определений в цахурском языке. В данном разделе предпринимается попытка оценить, насколько гипотеза неконфигурационности оправдана внутренними особенностями цахурской грамматики.

2.3.1. Общие сведения о структуре ИГ в цахурском языке. Имя в цахурском языке может сопровождаться а т р и б у т и в н ы м и и н е а т р и б у т и в н ы м и о п р е д е л е н и я м и. К неатрибутивным определениям относятся только количественные числительные и существительные-приложения, которые в данной статье рассматриваться не будут. Все прочие определения должны оформляться атрибутивным показателем. П р я м о й атрибутив, согласующийся по классу с вершинным именем, функционирует только как определение к номинативной ИГ; во всех прочих позициях употребляется к о с в е н н ы й атрибутив (с неизменяемым показателем *-ni*). Это значит, что косвенный атрибутив входит в качестве определения а) в состав косвенных ИГ, зависящих от глагола, а также б) в состав ИГ, которые в свою очередь являются зависимыми именной или послеложной группы.

Проиллюстрируем последовательно употребление прямого атрибутива и случаи а) и б) употребления косвенного атрибутива на примере одного вида атрибутивных зависимых – прилагательного:

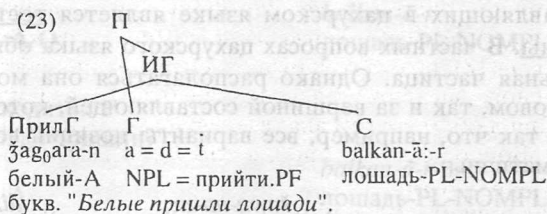
(19)	<i>č'ek'-na</i> старший-АА "старший брат"	<i>čož</i> брат.1.NOM	
(20)	<i>č'ek'-ni</i> старший-АОВЛ "старшему брату"	<i>čož-u-s</i> брат-ОВЛ-DAT	
(21)	<i>č'ek'-ni</i> [[старший-АОВЛ] "дом старшего брата"	<i>čož-in</i> брат-А]	<i>Xaw</i> дом.4.NOM

2.3.2. Разрыв именной группы и падежный атрибутив. Образуют ли атрибутивные определения единую составляющую с определяемым именем, иначе говоря, реали-

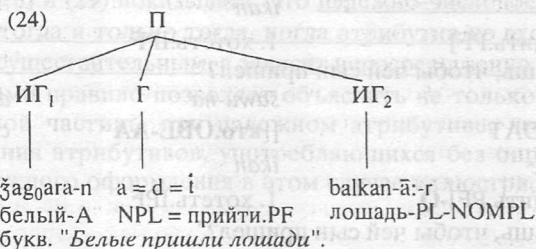
зуют ли именные выражения цахурского языка конфигурационную структуру? Некоторые факты как будто говорят в пользу неконфигурационности. В цахурском языке достаточно свободно допускается явление, которое выглядит как линейный разрыв именных групп. Разрыв ИГ может интерпретироваться двояко – можно либо считать, что в структуре составляющих предложения имеется одна ИГ, но ее компоненты допускают неконтактное расположение (т.е. образуется непроективная структура), либо рассматривать каждый из неконтактно расположенных элементов в качестве самостоятельной ИГ. Покажем эти две возможности на примере предложения (22), где имя и его определение располагаются неконтактно:

(22) *žag₀ara-n*   *a=d=i*   *balkan-ā-r*
 белый-А   NPL=прийти.PF   лошадь-PL-NOMPL
 букв. "Белые пришли лошади".

В рамках первой интерпретации структура составляющих у этого предложения будет как в (23), где имеется всего одна ИГ, но ее компоненты расположены неконтактно, вследствие чего возникает непроективность (ПрилГ – группа прилагательного, С – существительное):

Напротив, при второй интерпретации непроективность не возникает, но представленная в (24) структура нарушает другое требование, обычно предъявляемое к структурам составляющих, – отсутствует однозначное соответствие между составляющими и валентностями глагола, т.к. две ИГ, одна состоящая из существительного, а другая – из прилагательного¹⁰, заполняют в (24) одну и ту же глагольную валентность:

Принятие структуры (24) как раз и будет означать признание цахурского языка неконфигурационным. Нам предстоит выбрать между двумя структурными репрезентациями, представленными соответственно в (23) и (24).

Заметим, что атрибутив, определяющий существительное в номинативе, факультативно может копировать падежное и числовое значение определяемого имени, так что, напр., у (22) имеется грамматичный вариант (25):

(25) *žag₀ara-m-mi*   *a=d=i*   *balkan-ā-r*
 белый-А-NOMPL   NPL=прийти.PF   лошадь-PL-NOMPL
 букв. "Белые пришли лошади".

¹⁰ Важной предпосылкой данной интерпретации является способность атрибутивных прилагательных, как и прочих атрибутивов, субстантивироваться и возглавлять самостоятельную ИГ в цахурском языке.

Аналогично атрибутив, определяющий существительное в косвенном падеже, хотя в большинстве случаев и принимает неизменяемую форму косвенного атрибутива на *-ni*, вместо этого может копировать показатель числа и падежа существительного, как в (26):

- (26) *zi* *jiRi-n-či-l-e=r* *qIajq'an*
 я твой.OBL-A-OBLPL-SUP-EL=COH.NPL 1.бояться.IPF
X_oa-b-iš-l-e
 собака-PL-OBLPL-SUP-EL
 "Я боюсь даже твоих собак".

Атрибутив, определяющий существительное и при этом копирующий его падежно-числовое значение, мы будем называть падежным атрибутивом.

Выясним отдельно для выражений с падежным атрибутивом и для выражений с беспадежной формой атрибутива, реализуется ли в них конфигурационная или неконфигурационная структура, т.е. образуют ли имя и атрибутив единую ИГ. Для этого необходимо применить тесты на структуру составляющих.

Как показано в статье [Казенин, Тестелец (в печати)], наиболее надежным тестом на структуру составляющих в цахурском языке является тест на позицию вопросительной частицы. В частных вопросах цахурского языка обязательно употребляется вопросительная частица. Однако располагаться она может как за самим вопросительным словом, так и за вершиной составляющей, которая содержит вопросительное слово, так что, например, все варианты позиции вопросительной частицы в (27а-в) грамматичны:

- (27) а. *wa-s* *šawu-na-ne* *diX*
 ты.OBL-DAT [[кто.OBL-AA-Q сын.1]
qa=r=i *ikan*
 1=приходить.PF] 1.хотеть.IPF
 "Ты хочешь, чтобы чей сын пришел?"
 б. *wa-s* *šawu-na* *diX=ne*
 ты.OBL-DAT [[кто.OBL-AA сын.1]-Q
qa=r=i *ikan*
 1=приходить.PF] 1.хотеть.IPF
 "Ты хочешь, чтобы чей сын пришел?"
 в. *wa-s* *šawu-na* *diX*
 ты.OBL-DAT [[кто.OBL-AA сын.1]
qa=r=i-ne *ikan*
 1=приходить.PF]-Q 1.хотеть.IPF
 "Ты хочешь, чтобы чей сын пришел?"

Принципиально важно, что вопросительная частица не может смещаться от вопросительного слова к слову, не являющемуся вершиной составляющей, в которую входит данное вопросительное слово. Так, неграмматично предложение (27г), в котором вопросительная частица следует за ИГ главного предложения, в то время как вопросительное слово находится в составе сентенциального актанта, соподчиненного этой ИГ:

- (27) г. **wa-s-ne* *šawu-na* *diX*
 ты.OBL-DAT-Q [[кто.OBL-AA сын.1]
qa=r=i *ikan*
 1=приходить.PF] 1.хотеть.IPF
 "Ты хочешь, чтобы чей сын пришел?"

Применив к конструкциям с вопросительным словом, оформленным падежным

атрибутивом, тест на позицию вопросительной частицы, легко выяснить, что падежный атрибутив не образует с определяемым именем единой составляющей:

- (28) а. *šawu-m-mi-ne* *balkan-ā-r*
кто. OBL-A-NOMPL-Q лошадь-PL-NOMPL
 $a=d=i$
NPL=приходить.PF
"Чьи лошади пришли?"
- б. *šawu-m-mi *balkan-ā-r-ne*
кто. OBL-A-NOMPL лошадь-PL-NOMPL-Q
 $a=d=i$
NPL=приходить.PF

Наоборот, при беспадежном атрибутиве тест на позицию вопросительной частицы указывает на нахождение атрибутива и существительного в рамках одной ИГ – вопросительная частица может следовать как за самим вопросительным атрибутивом без падежного оформления, так и за именем, которое атрибутив определяет:

- (29) а. *šawu-n-ne* *balkan-ā-r*
кто. OBL-A-Q лошадь-PL-NOMPL
 $a=d=i$
NPL=приходить.PF
"Чьи лошади пришли?"
- б. *šawu-n *balkan-ā-r-ne*
кто. OBL-A лошадь-PL-NOMPL-Q
 $a=d=i$
NPL=приходить.PF
"Чьи лошади пришли?"

В примере (29) перенос вопросительной частицы с атрибутива на определяемое имя возможен, а это значит, что последнее функционирует как вершина по отношению к атрибутиву.

Контраст между (28) и (29) показывает, что падежно-числовое оформление атрибутива имеет место тогда и только тогда, когда атрибутив не входит в состав одной ИГ с определяемым существительным, а зависит непосредственно от глагола.

Установленное нами правило позволяет объяснить не только особенности поведения вопросительной частицы при падежном атрибутиве, но и обязательность падежного оформления атрибутивов, употребляющихся без определяемого имени. Обязательность падежного оформления в этом случае иллюстрируется следующими примерами:

- (30) *žag_oara-m-mi* $a=d=i$
белый-A-NOMPL NPL=прийти.PF
"Белые (нелич.) пришли".
- (31) *zi jiri-n-či-l-e=r* *qlajq'an*
я твой. OBL-A-OBLPL-SUP-EL=COH.NPL 1.бояться.IPF
"Я боюсь даже твоих (напр., собак)"

В примерах (30)–(31), в отсутствии определяемого имени, атрибутив непосредственно зависит от глагола, и его падежное оформление обязательно. Таким образом, падежное оформление обязательно для атрибутива, непосредственно подчиненного глаголу, вне зависимости от того, сосуществует ли он с выраженным определяемым именем. Падежное оформление атрибутива в предложениях вида (25)–(26), с одной стороны, и (30)–(31), с другой стороны, тем самым получает единообразное объяснение.

Поскольку в цахурском возможны атрибутивы как с падежным оформлением, так и без такового, следует заключить, что в этом языке возможны как конфигурационная, так и неконфигурационная структуры именных выражений. Первая реализуется при падежном атрибутиве, а вторая – при беспадежном.

Однако в (17)–(18) мы видели, что мишенью фокусного выдвигания может быть беспадежный атрибутив. Считая, что в этих предложениях атрибутив не образует единой составляющей с определяемым именем, мы могли бы не усматривать в этих предложениях нарушения Ограничения обстоятельств. Однако такое решение не согласовывалось бы с примененным только что тестом на структуру составляющих, который позволил увидеть корреляцию между падежным оформлением атрибутива и его зависимостью непосредственно от глагола. Таким образом, особенности грамматики цахурского языка заставляют нас считать, что в (17)–(18) имеет место фокусное выдвигание атрибутива, синтаксически зависящего от определяемого имени. А это, в свою очередь, означает, что в данных предложениях нарушается Ограничение обстоятельств, поскольку ИГ, в состав которых входят фокусируемые атрибутивы, занимают неаргументные позиции.

3.0 СОДЕРЖАНИИ ОГРАНИЧЕНИЙ НА ГЛУБИНУ ДЕЙСТВИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ПРАВИЛ

Данные цахурского языка показывают, что Ограничение обстоятельств не является универсальным. Существует по крайней мере одно "свободное" синтаксическое правило, которое, действуя в рамках предложения, может иметь своей мишенью зависимые в составе его неактантных составляющих.

Вряд ли есть основания думать, что ситуация, наблюдаемая в цахурском, уникальна. Однако, по нашим данным, ранее ни в одном языке не удавалось найти конструкцию, в которой нарушение Ограничения обстоятельств было бы не только внешней видимостью, но следствием того анализа, который наилучшим образом согласуется с другими фактами исследуемого языка.

Следствие такого результата состоит в том, что универсальные ограничения на глубину действия синтаксических правил не могут быть обобщены на базе элементарного противопоставления "актант – неактант". Действительно, имеется язык, в котором "свободные" синтаксические правила могут иметь своей мишенью зависимые в составе неактантных составляющих определенных категорий. С учетом данных цахурского языка, минимальный, т.е. универсальный, набор ограничений на такие правила включает только запрет на их воздействие на зависимые в составе неактантных (относительных или обстоятельственных) п р е д л о ж е н и й.

Это, в свою очередь, означает неадекватность охарактеризованных в разделе 1 вариантов объяснения ограничений на глубину. Все эти объяснения пытались найти причину того, что "свободные" синтаксические правила не могут иметь своей мишенью зависимое любой неактантной составляющей. Теперь необходимо искать объяснение изменившемуся набору универсальных ограничений на глубину. Полученные данные цахурского языка заставляют серьезно усомниться в том, что объяснение может иметь структурные основания. Мы установили, что изменившийся набор универсальных ограничений на глубину невозможно даже о б о б щ и т ь в элементарных структурных терминах (структурное обобщение неизбежно будет содержать отсылку не только к позициям, но и к категориям составляющих). Тем более призрачной кажется возможность его структурного о б ъ я с н е н и я. Более перспективным представляется объяснение функциональное, один из вариантов которого обсуждается в [Казенин 1997]. Вопрос о конкретном способе функционального объяснения, однако, выходит за рамки настоящей статьи.

Применив к конструкции с вопросительным словом, оформленным падежно

Рассмотрение некоторых особенностей синтаксиса цахурского языка привело к двум результатам. Во-первых, были выявлены синтаксические особенности падежного оформления определений – явления относительно мало распространенного в дагестанских языках и поэтому до сих пор практически не изучавшегося. Оказалось, что падежное оформление определений возможно тогда и только тогда, когда определение не образует единой ИГ с определяемым именем. Поскольку падежное оформление определений в цахурском факультативно, оказывается, что в этом языке определение может как входить, так и не входить с определяемым в одну составляющую.

Однако основной вывод, который был получен в результате рассмотрения нашего материала, состоит в том, что универсальные ограничения на глубину действия синтаксических правил оказываются менее жесткими, чем ранее предполагалось, и набор действительно универсальных ограничений не может быть обобщен и объяснен таким способом, который был возможен для набора ограничений, считавшихся универсальными ранее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ибрагимов Г.Х. 1990 – Цахурский язык. М., 1990.
- Казенин К.И. 1997 – Синтаксические ограничения и пути их объяснения (на материале дагестанских языков). Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. М., 1997.
- Казенин К.И. (в печати) – Фокусная конструкция // Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Под ред. А.Е. Кибрика (в печати).
- Казенин К.И., Тестелец Я.Г. 1997 – Исследование синтаксических ограничений в генеративной грамматике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Секериной. М., 1997.
- Казенин К.И., Тестелец Я.Г. (в печати) – Структура составляющих и порядок слов // Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Под ред. А.Е. Кибрика (в печати).
- Кибрик А.Е. (ред.) (в печати) – Элементы цахурского языка в типологическом освещении (в печати).
- Barss A., Hale K., Perkins E.T., Speas M. 1991 – Logical form and barriers in Navajo // Logical structure and linguistic structure / Ed. by C.-T.J. Huang, R. May. Dordrecht, 1991.
- Chomsky N. 1973 – Conditions on transformations // A Festschrift for Morris Halle / Ed. by R.A. Jacobs, P.S. Rosenbaum, 1973.
- Chomsky N. 1986 – Barriers. Cambridge (Mass.), 1986.
- Erteschik-Shir N., Lappin S. 1973 – Dominance and the functional explanation of island phenomena // Theoretical linguistics 6, 1973.
- Goodluck H., Rochemont M. (eds.) 1992 – Island constraints. Dordrecht, 1992.
- Haig J. 1996 – Subjacency in Japanese grammar // Linguistic inquiry. 1996.
- Hale K. 1983 – Warlpiri and the grammar of non-configurational languages // Natural language and linguistic theory 1. 1983.
- Huang C.-T.J. 1982 – Logical relations in Chinese and the theory of grammar. MIT dissertation, 1982.
- Kazenin K. 1996 – Focus constructions // Godoberi (LINCOS Studies in Caucasian Linguistics 02) / Ed. by A.E. Kibrik. Muenchen; Newcastle, 1996.
- Kluender R.E. 1991 – Cognitive constraints on variables in syntax. Ph D. dissertation, University of California in San Diego, 1991.
- Lasnik H., Saito M. 1992 – Move alpha. Cambridge (Mass.), 1992.
- Prince E.F. 1978 – A comparison of wh-clefts and it-clefts in discourse // Language 54. 1978.
- Ross J.R. 1967 – Constraints on variables in syntax. MIT dissertation, 1967.
- Sumangala L. 1992 – Long distance dependencies in Sinhala: The syntax of focus and Wh- questions. Ph.D. Dissertation, Cornell University, 1992.
- Testelec Y. 1997 – Word order variations in some SOV languages of Europe // Typology of constituent order / Ed. by A. Siewerska. Berlin, 1997.
- Van Valin R. 1993 – A synopsis of role and reference grammar // Advances in role and reference grammar / Ed. by Van Valin. Amsterdam; Philadelphia, 1993.

© 1998 г. Д. БУЯНЕР

О СРЕДНЕВЕКОВОМ КАВКАЗСКОМ ТОПОНИМЕ *ВАРСАН* И ЕГО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ

Специфика любого научного поиска такова, что сколь бы ни была убедительна теория, она, как правило, не может объяснить всей суммы фактов, особенно, если они получены из разнородных и взаимно противоречивых источников, как чаще всего и бывает. Именно количество и значимость "оставшихся за бортом" сведений определяет степень убедительности той или иной теории.

Таково, в частности, положение дел в исследованиях, касающихся языка хазар, восстанавливаемого на основе довольно многочисленных языковых реликтов. На сегодняшний день в науке утвердился тезис об их тюркоязычности [Golb, Pritsak 1982; Golden 1980; Шапошников 1992 и др.], и следует признать, что применительно к последним векам существования Хазарского каганата (особенно, в том, что касается официального койнэ) эта версия представляется бесспорной. В то же время, значительная часть данных, в частности топонимических, почерпнутых, главным образом, из армянских и арабоязычных источников, не может быть истолкована исключительно в рамках упомянутой концепции и требует привлечения иного материала для сравнения.

К подобного рода топонимам, не поддававшимся до сих пор достоверной интерпретации, относится и ряд названий, упомянутых в связи с обращением хазарского царя и его советника в иудаизм. Описание этого, ставшего роковым для хазар события существует в пяти версиях, три из которых относятся к так называемой "еврейско-хазарской переписке", четвертая принадлежит арабскому ученому и путешественнику Мас'уди (независимое свидетельство, содержащее альтернативную датировку обращения, а именно, "времена халифа ар-Рашида"¹, т.е. 786–809 гг.) и, наконец, пятая версия находится во второй книге трактата "Китаб аль-Хазари" знаменитого еврейско-испанского поэта и писателя Иегуды Га-Леви. Именно он упоминает некую находящуюся у моря гору Варсан ("Jabāl Warsān"), где хранились священные еврейские книги и произошло упомянутое выше событие (Kitab al-Khazari, II, 1). В аналогичном контексте названы пещеры на горе Сеир (евр. *Sə'ir*) в письме испанского сановника Хасдай ибн-Шафрута хазарскому царю Иосифу, а также в долине Тизул (евр. T-j-z-u-l) в письме неизвестного хазарского еврея [Коковцов 1932: 67–68, 113–116].

Сопоставив вышеперечисленные топонимы, М.И. Артамонов в своей монографии "История хазар" приходит к выводу, что "...все географические названия, связанные с пресловутой пещерой, разные, что говорит о разном происхождении относящихся к ней трех свидетельств..." [Артамонов 1962: 273]. Далее он, вслед за А.Я. Гаркави и П.К. Коковцовым, отождествляет горы Сеир с дагестанским царством Серир [Гаркави 1874: 145 и сл.; Коковцов 1932: 67–68], горы Варсан – совершенно в духе

¹ Из двух других сохранившихся датировок обращения, принадлежащих царю Иосифу и Иегуде Га-Леви. первая (620 г.) – совершенно фантастична [Гаркави 1879: 164], вторая же (740 г.) фактически не противоречит датировке Мас'уди, поскольку внедрение новой религии неизбежно должно было быть постепенным, что находит свое подтверждение и в письме Иосифа, в той его части, где речь идет о царь-реформаторе Обадии [Коковцов, 1932: 80, 97; Артамонов 1962: 279 и сл.].

И. Маркварта – со столицею кавказских гуннов Варачаном [Marquart 1903: 68], а долину Тизул – предположительно, с районом Дербента (местное название – Чора, Чул и т.д.) [Артамонов 1962: 273]. К этому можно добавить, что И. Маркварт связывает постулированный им дублет Варсан-Варачан еще и с названием "большой реки В.р.шан" краткой редакции ответного письма царя Иосифа [Marquart 1903: 19 и сл.], а А.Я. Гаркави и В.Ф. Минорский относят сюда же упоминаемый арабскими и армянскими авторами город Варцан (араб. *Warṭān*, *Wṛṭan*, *Warthan*, арм. *Vardanakert*) в южном (!) Азербайджане² [Гаркави 1879: 165; Minorsky 1958: 94], хотя еще Д.А. Хвольсон резонно заметил, что азербайджанский Варцан расположен слишком далеко к югу, чтобы быть сопоставимым с каким бы то ни было пунктом на территории Хазарии [Хвольсон 1869: 68].

Таково, в общих чертах, и сегодняшнее состояние исследований; за последние девяносто лет не было сделано ни одной новой попытки интерпретации и территориального соотношения приведенных топонимов. Между тем, помочь в решении этой проблемы может одно обстоятельство, до сих пор почему-то ускользавшее от внимания исследователей, а именно, практически полное тождество этимологии названий Сеир и Варсан.

Ссылаясь в своем письме хазарскому царю на полученное им сообщение о принятии хазарами иудаизма на горе Сеир, Хасдаи ибн-Шафрут задается вопросом: как такое могло произойти, когда общеизвестно, что гора Сеир находится совсем в другом месте? [Коковцов 1932: 67]. Совершенно очевидно, что в данном случае под "горою Сеир" подразумевается известная из Библии (Быт. XXXVI, 8–9; Вт. II, 6 и др.) горная местность к югу от Мертвого моря, изначально принадлежавшая хурритам, а впоследствии населенная эдомитянами. М.И. Артамонов, как я уже упоминал, усматривает здесь контаминацию названий Сеир-Серир [Артамонов 1962: 273], но есть и более простое объяснение: информаторы Хасдаи ибн-Шафрута просто использовали знакомый всем библейский топоним для обозначения совсем иной области, название которой, сохранившееся у Иегуды Га-Леви в форме *Warsān*, переводится с иранского (парфянского? – см. ниже) так же, как *Səʿīr* – с древнееврейского: *səʿīr* "волосатый, покрытый шерстью"; применительно к горе, вероятно, "лесистый"; ср. иран. **varsā-* "волос, шерсть", авест. *varəsa-*, согд. *wrs*, сюда же др.-инд. *vālqa-* "побег, ветвь". Таким образом, *Warsān* есть не что иное, как топоним иранского происхождения, образованный от корня **vars-* с помощью продуктивного суффикса *-ān(a)* и обозначающий, очевидно, некую гору или горную область, покрытую лесом, тогда как *Səʿīr* представляет собою древнееврейскую кальку того же слова.

На мой взгляд, предложенная этимология позволяет не только установить характер языка-источника, но и локализовать саму гору, а также пролить свет на некоторые темные страницы хазарской истории. Для этого нам следует обратить внимание на ту часть ответного письма царя Иосифа, где рассказывается о походе в арабский Азербайджан, предпринятый якобы с целью добычи средств на строительство храма новой веры [Коковцов 1932: 75–77, 92–94]. Речь идет о крупной военной кампании 730–731 гг., закончившейся, правда, далеко не столь триумфально, как о том пишет царь Иосиф, что, впрочем, вполне понятно. Несмотря на расхождения в описании событий между иудейским царем, с одной стороны, и мусульманскими историками – с другой [Tabary 1879–1901, II, 1530; Ибн аль-Асир 1940: 26, Я'Куби 1927: 26–27], в обоих случаях явно говорится об одном и том же хазарском рейде в Ардебиль. Во-первых, за всю историю арабо-хазарских войн VIII в. хазарам лишь однажды удалось проникнуть столь глубоко в арабский тыл; во-вторых,

² Первые два названия – *Warthan* и *Wṛṭan* – могут быть скорее соотнесены с "равниною Вардан" (*Vardanēn daštīn*) армянских авторов, расположенной в стране маскутов. Обращает на себя внимание практически полное тождество топонимов, относящихся, с одной стороны, к стране маскутов в Дагестане и Северном Азербайджане, а, с другой, к Каспиане, одно время принадлежавшей тем же маскутам [Hewsen 1992: 121, прим. 102, 103].

дата этого события более или менее соответствует датировке обращения хазар согласно "Китаб аль-Хазари" (I, 47), т.е. около 740 г. [Коковцов 1932: 131–132; Артамонов 1962: 266], тогда как упоминавшаяся выше датировка Мас'уди соответствует скорее религиозной реформе царя Обадии и закреплению иудаизма в качестве государственной религии хазар [Артамонов 1962: 280].

Наиболее объективное описание похода принадлежит армянскому историку VIII в. вардапету Гевонду. Согласно его сообщению, хазары прошли через земли дагестанских гуннов (хонов) и маскутов и, перейдя Аракс, вторглись в Пайтакаран и разрушили Ардебиль [Гевонд 1862: 71–72].

Пайтакаран – армянское название Каспианы, лежащей на приморском пути в Ардебиль и ставшей, таким образом, ареною основных сражений между хазарами и арабами в 730–731 гг. [Newsen 1992: 253–257]. Этимология этого названия – "лесистое место" или "лесистые горы" (арм. *p'aytak* "лесок, роца" с локативным суффиксом *-aran*, либо *p'ayt* "лес" + перс. *garān* "горы", что, на мой взгляд, сомнительно по сравнению с первым чтением, см. [Newsen 1992: 254]) вполне соответствует лексическому значению, восстанавливаемому, как мы видели выше, для двух других топонимов, также упоминаемых в контексте иудаизации хазар. Обозначение Каспианы как "лесистая область" очевидно объясняется характером ландшафта Тальшских гор, занимающих большую часть ее территории и покрытых густыми субтропическими лесами, резко выделяющими Тальш на фоне небогатой растительности западного берега Каспия [Newsen 1992: 254; Чихачев 1982: 179]. К этим горам вполне приложимо и определение "приморских", даваемое Иегудой Га-Леви горам Варсан [Kitab al-Khazari, II, 1]. Поскольку в хазарскую эпоху, т.е. в VII–IX вв. уровень Каспийского моря был на четыре метра ниже нынешнего (остатки хазарских поселений обнаружены в пятнадцати километрах от берега на мелководьи), отроги Большого Кавказского хребта, считавшиеся до сих пор наиболее вероятной локализацией "Варсана" и "Сеира", должны были быть едва видны с моря в ясную погоду [Гумилев 1996: 162]. Этого нельзя сказать о Тальшских горах, поскольку увеличение глубины моря при удалении от берега происходит значительно быстрее к югу от Апшеронского полуострова [Чихачев 1982: 176]. Подобное обстоятельство могло бы стать решающим для определения местонахождения горы Варсан, если бы не легендарный характер сведений, сообщаемых Иегудой Га-Леви. В пользу ее локализации в районе исторической Каспианы-Пайтакарана говорит и тот факт, что именно здесь находился тот самый город Варцан (араб. *Warthān*, арм. *Vardanakert*), название которого, как мы видели выше, уже было сопоставимо и с именем гуннского (вернее, хонского) города Варачан, и с самим топонимом Варсан. Под его стенами, по сведениям Балазури и Ибн аль-Асира, разыгрались едва ли не основные события хазарского рейда 730–731 гг. [Балазури 1927: 16; Ибн аль-Асир 1940: 27–28]. В сопоставлении с местным, вероятно, близким к парфянскому, произношением *Warsān* форма *Warthan* могла бы трактоваться как ранний среднеперсидский вариант топонима в арабской передаче (юго-зап. иран. *-θ-* = сев.-зап. иран. *-s-* [Оранский 1979: 100]), если бы не этимология *Warsān* < *varsa-ānc ввиду ср.-перс. *vars* "волос", новоперс. *gurs* "локон". Интересно, что в нескольких, происходящих из той же местности топонимах – *Balh-ab*, *Balārot*, *Rot-i-Bala* и др. – узнаваемо закономерное новоперсидское развитие формы *varθan*:

varθan → *vahlān* → *vālān* → *balān*,

причем *-ān* может быть как топонимическим суффиксом, так и окончанием множественного числа. Известный среднеперсидский сдвиг *-rθ-* → *-hl-* до неузнаваемости меняет вид слова, но наличие закономерных хронологических звуковых соответствий делает приведенное сопоставление вполне правомерным³. Топонимия персидской Каспианы имеет ряд системных параллелей (в том числе, и для вышеприведенных

³ Для сравнения можно привести характерный пример из этнонимии: *parθau-* → *pahlau-*.

форм) в топо- и этнонимии Дагестана хазарского периода, что безусловно имеет отношение к нашей теме хотя бы потому, что делает возможным ответ на вопрос – почему было выбрано именно такое направление "религиозного" похода хазар, упоминаемого в ответном письме царя Иосифа⁴. Рассмотрение этой проблематики вышло бы за рамки настоящей работы, но я рассчитываю вернуться к ней в следующей статье, которая станет, таким образом, продолжением первой. Предваряя ее и резюмируя вышеизложенные соображения, осмелюсь предположить, что роль Южного Азербайджана в религиозных представлениях как хазар, так и персов-зороастрийцев, а также упомянутый параллелизм хазарской и азербайджанской (иранской) топонимии, носящий, видимо, миграционный характер, заставляют переоценить роль ираноязычного компонента в конгломерате племен, заложившем основу будущего Хазарского каганата и сыгравшем роль в формировании собственно хазар.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артамонов М.И. 1962 – История хазар. Л., 1962.
Аль-Балазури 1927 – Книга завоевания стран / Пер. П.К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1927.
Гаркави А.Я. 1874 – Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. СПб., 1874.
Гаркави А.Я. 1879 – Сообщения о хазарах А. Хазарские письма (Еврейская библиотека VII). СПб., 1879.
Гевонд 1862 – История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII в. / Пер. с армянского К. Патканьян. СПб., 1862.
Гумилев Л.Н. 1996 – Открытие Хазарии (сборник). М., 1996.
Дербенд-наме 1993 – Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.
Ибн аль-Асира 1940 – Из Тарих аль-Камиль (Полного свода истории) Ибн аль-Асира. Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1940.
Кокоев П.К. 1932 – Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.
Оранский И.М. 1979 – Древнеиранские языки (введение) // Основы иранского языкознания I. М., 1979.
Хвольсон Д.А. 1869 – Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русских Абу-Али-Ахмеда бен Омара ибн Даста, неизвестного доселе арабского писателя X века по рукописям Британского музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д.А. Хвольсон. СПб., 1869.
Чихачев П.А. 1982 – Арало-Каспийская депрессия // Страница о Востоке. М., 1982.
Шапошников А.К. 1992 – Опыт реконструкции реликтового языка (по материалам, связанным с Хазарским каганатом). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.
Я'Куби 1927 – История / Пер. П.К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. Вып. IV. Баку, 1927.
Golb N., Pritsak O. 1982 – Khazarian Hebrew documents of the tenth century. London, 1982.
Golden P.B. 1980 – Khazar studies: A historic-philological inquiry into the origins of the Khazares. Budapest, 1980.
Hewsen R.H. 1992 – The geography of Ananias of Širak (Աճարհաժօյժ). The long and the short recensions; Introductions, translation and commentary by R.H. Hewsen; Dr. L. Reichert. Wiesbaden, 1992.
Jehuda Halevi 1931 – Kitab al Khazari. London, 1931.
Marquart J. 1903 – Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.
Minorsky V. 1958 – A new book on the Khazars // Oriens XI. 1958.
Tabary 1879–1901 – Annales. Leiden, 1879–1901.

⁴ Я склонен считать и постараюсь обосновать это в следующей статье, что вторгшиеся в Азербайджан хазары преследовали, помимо очевидных военных целей, еще и религиозные. Даже если это не так, знаменателен сам факт придания походу религиозного значения в письме хазарского царя.

© 1998 г. В. ЧИРИКБА

К ВОПРОСУ ОБ АБХАЗСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В МЕГРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Мегрелы, представители западной ветви картвеляязычного мира, в течение многих веков существуют в условиях тесных и многосторонних культурно-экономических и политических связей с абхазами, народом, говорящем на языке абхазо-адыгской ветви северокавказской языковой семьи (второй ветвью которой является нахско-дагестанская группа языков). Территориальная близость этих двух народов подкреплялась общностью политических судеб Абхазии и Мегрелии, совместно входивших в состав целого ряда государственных образований: как полулегендарного Колхидского царства (в достоверности существования которого, впрочем, у историков имеются серьезные сомнения), так и в уже реально засвидетельствованное царство Лазика, позднее – в Абхазское царство (VIII–X вв. н.э.), а после X века – в состав объединенного Грузинского царства вплоть до его распада в XIII веке. В начале XIX века Мегрельское (в 1803) и Абхазское (в 1810) княжества вошли в состав Российской Империи, а в новейший период как Абхазия (с 1931 года – в качестве Автономной Республики), так и Мегрелия входили в состав Грузинской ССР.

Традицией были династические браки между представителями княжеских домов Абхазии и Мегрелии, т.е. между абхазскими владетельными князьями Чачба (Шервашидзе) и мегрельскими Дадианами. Южноабхазские аристократы нередко владели мегрельским языком, и наоборот, мегрельские князья нередко знали абхазский. Отражая ситуацию, характерную для начала XIX века, Е. Спенсер в своей книге "Travels in Circassia, Krum-Tartary" писал: "Известно, что мегрельские крестьяне не говорят на черкесском диалекте [подразумевается абхазский. – В. Ч.], которым пользуются лишь князья и дворяне, претендующие на общее происхождение с черкесами..." (с. 317–318).

Языковая интерференция была особенно интенсивной в зоне непосредственного абхазо-мегрельского пограничья, в Самурзаканской провинции Южной Абхазии (нынешний Гальский район) и в близлежащих мегрельских районах. Население большинства населенных пунктов здесь еще в конце XIX века было либо двуязычным (мегрело-абхазским), либо по крайней мере понимало абхазский язык, причем знание абхазского было более распространено среди мужчин и особенно местной аристократии. По сообщению А. Цагарели [Цагарели 1880: IX], "абхазский язык во всем Самурзакане до последнего времени был языком высшего сословия, – князей и дворян, они этим щеголяли..."

Динамика воздействия одного языка на другой в различные исторические эпохи была неодинаковой. В целом, можно сказать, что интенсивность абхазского языкового влияния на мегрельский, пик которого приходился, вероятно, на период существования Абхазского царства, постепенно ослабевала по направлению к нынешнему времени, хотя в мегрельско-абхазской контактной зоне абхазский по-прежнему сохранял свое влияние вплоть до первой четверти XX века. Наибольшее мегрельское влияние на абхазский приходится, по-видимому, на середину XIX – первую четверть XX века, что было обусловлено тем, что, в связи с опустением большинства абхазских земель в результате махаджирства (массовой депортации абхазов в Турцию царской Россией) происходил активный процесс переселения в Абхазию значительного

количества мегрелов, который продолжался, с разной степенью интенсивности, вплоть до недавнего времени. Это привело к существенной интенсификации мегрело-абхазских контактов, что отразилось, в частности, и на абхазском лексиконе, усвоившем довольно значительное количество мегрельских слов (в том числе и грузинизмов проникших в абхазский язык через мегрельское посредство).

Хотя по насыщенности картвельской лексикой из всех северокавказских языков абхазский уступает, пожалуй, лишь бацбийскому, только небольшая ее часть, около 30 лексем, находит свое продолжение в тапантском диалекте близкородственного абхазскому абазинского языка (предки носителей которого переселились в позднее средневековье из Абхазии на Северный Кавказ) и, таким образом, возводима к общеабхазской эпохе (см. [Chirkba 1996: 101–102]). Такой весьма небольшой объем картвельской лексики в общеабхазском свидетельствует о довольно слабой интенсивности прямых абхазо-картвельских контактов в общеабхазский период (т.е. примерно до XIV века), причем картвельское языковое влияние ограничивалось почти исключительно лексикой, не затрагивая морфологии или синтаксиса.

Лексическое влияние картвельских языков охватывало прежде всего прибрежные области Абхазии, в значительно меньшей степени затрагивая ее горные регионы, причем удельный вес картвелизмов увеличивается с запада на восток, достигая максимума в пограничных абхазо-мегрельских районах с нередким абхазо-мегрельским, и реже мегрело-абхазским двуязычием, и уменьшается примерно вдвое в бзыпском диалекте, составляя здесь немногим более ста лексических единиц.

Необходимо отметить, что, если не считать небольшой части картвелизмов, непосредственно возводимых к грузинскому источнику (ввиду либо отсутствия их соответствий в мегрельском, как в случае с праабх. **adg'ə'l* 'земля' при груз. *adgil-i* (то же), либо фонетического расхождения мегрельской формы с грузинской и абхазской, ср. общеабх. **abž'ar* 'вооружение, доспехи' при груз. **abž'ar-i* vs. мегр. *anž'ari*)¹, большая часть картвельской лексики, проникшей в абхазский устным путем, в том числе и основная масса грузинизмов, имеет своим источником именно мегрельский язык (следы контактов абхазского со сванским, вопреки бытовавшим ранее представлениям относительно смешанного абхазо-адыгско-картвельского характера сванского, напротив, не столь явно ощутимы (хотя см. [Топурия 1967: 69–70; Hewitt 1992a: 245–246]). Иная ситуация сложилась в советское время, после вхождения Абхазии в Грузию в 1931 г., когда в литературный абхазский язык было введено довольно большое количество грузинской лексики.

2. Вопрос о мегрельском языковом влиянии на абхазский изучен уже довольно неплохо благодаря работам [Чарая 1912; Генко 1928; Шмидт 1950; Бгажба 1964; Циколия 1969; Лукассена 1980; Джонуа 1986; Шагиров 1989 и др.]. В то же время вопрос о влиянии абхазского языка на мегрельский не получил до сих пор должного освещения. Это не означает, разумеется, что данная проблематика вовсе не затрагивалась исследователями. Целый ряд абхазских лексических заимствований в мегрельском отметил в своем великолепном словаре мегрельского языка И. Кипшидзе [Кипшидзе 1914]. Весьма ценной с исторической точки зрения представляется описанная А. Цагарели [Цагарели 1880: VIII–IX] картина языковой ситуации, характерной для абхазо-мегрельского пограничья второй половины XIX века. Ряд интересных наблюдений с точки зрения исследуемой проблематики принадлежит Н.Я. Марру

¹ В статье приняты следующие сокращения названий языков: абж. – абжуйский диалект абхазского; абх. – абхазский; аджар. – аджарский диалект грузинского; адыг. – адыгейский; ашхар. – ашхарский диалект абазинского; бзыб. – бзыбский диалект абхазского; груз. – грузинский; гур. – гурийский диалект грузинского; зугд.-самурз. – зугдидско-самурзаканский диалект мегрельского; имерет. – имеретинский диалект грузинского; каб. – кабардинский; лаз. – лазский; мегр. – мегрельский; общеабх. – общеабхазский; общеадыг. – общеадыгейский; осет. – осетинский; праабхазо-адыг. – праабхазо-адыгейский; самурз. – самурзаканский говор мегрельского; сван. – сванский; сенак. – сенакский диалект мегрельского; тап. – тапантский диалект абазинского; убых. – убыхский; шапс. – шапсугский диалект адыгейского; юго-осет. – юго-осетинский.

[Марр 1938]. Впоследствии некоторые отдельные аспекты данной тематики рассматривались в работах [Чикобава 1942; Рогава 1942; Гудава 1947; Ломтатидзе 1956; Циколия 1977; Климов 1971; 1986; Дзидзария 1987; Hewitt 1992a; 1992b] и некоторых других авторов.

В данной статье, которая представляет собой первую часть исследования (вторую часть его составляет этимологический анализ мегрельских абхазизмов), я рассматриваю фонетические особенности абхазских заимствований в мегрельском, а также даю лексико-семантические и этимологические комментарии касательно некоторых дискуссионных случаев. Весьма коротко затрагиваются также вопросы возможного влияния абхазского в области мегрельской морфологии (включая и материалы близкородственного мегрельскому лазского языка), поскольку эта интересная тема заслуживает специального рассмотрения.

Анализируемый ниже мегрельский материал абхазского происхождения представляет собой как апеллятивную, так и, в меньшем объеме, ономастическую лексику. Существенная его часть была уже отмечена в специальной литературе, другая же часть дополнительно выявлена мною. Основными источниками по мегрельскому языку послужил уже упомянутый словарь И. Кипшидзе, а также работы А. Цагарели, П. Чарая и некоторых других авторов, а также собранный мною полевой лексический материал. Мегрельские лексемы по возможности проверялись у носителей обоих мегрельских диалектов (т.е. сенакского и зугдидско-самурзаканского). Слова, имеющие общемергельское распространение, помечаются ниже пометой **мегр.**, в иных случаях указывается конкретный диалект или говор.

Большинство анализируемого в данной работе материала было обсуждено с Г.А. Климовым в Москве, когда я работал в секторе кавказских языков Института Языкознания АН СССР, а также несколькими годами позже, во время Кавказского Коллоквиума в Марбурге. Все его замечания были мной полностью учтены. Я посвящаю эту статью Георгию Андреевичу как дань моего уважения к памяти этого великого ученого, рядом с которым мне посчастливилось работать и общение с которым дало так много для моего становления в качестве лингвиста-кавказоведа.

3. Абхазские заимствования образуют определенный пласт в мегрельском словаре и составляют несколько тематических групп. Самая большая группа представлена сельскохозяйственными терминами, лексикой животноводства и производства молочных продуктов ('скотный двор', 'хлев', 'охотничья либо пастушья хижина', 'толпа, стадо', 'убежище пастуха на горном пастбище', 'узда, уздечка', 'козья шкура служащая подстилкой пастуху', 'маленький стол для сыра', 'деревянный сосуд для кислого молока' и т.д.). Второй по своему объему группой является терминология, относящаяся к домашнему хозяйству ('открытый балкон', 'основная балка', 'маленький топорик', 'плетеная хижина' и т.д.), затем следуют названия растений ('персик', 'вид винограда', 'вид груши с маленькими плодами', 'облепиха' и т.д.), слова религиозной среды ('тень, приведение', 'ритуальный плоский хлебец', названия некоторых божеств и др.), названия частей тела ('борода', 'рука', 'почки'), природных объектов ('река, ущелье', 'весна', 'поле'), характеристика качеств человека ('глухой', 'глупый', 'сумасшедший'), мореходства ('лодка', 'парус') и т.д.

4. **Фонетический анализ абхазских заимствований в мегрельском.** Фонемные инвентари абхазского и мегрельского языков представляют разительный контраст как с точки зрения вокализма, так и консонантизма. Можно назвать лишь несколько черт, общих для фонологических систем обоих языков, наиболее основными из которых являются трехрядная консонантная оппозиция "звонкий-глухой-глоттализированный" и сравнительная простота системы резонантов. Однако все эти черты характерны для большинства коренных кавказских языков. Наиболее основным отличием в консонантизме служит то обстоятельство, что большинство абхазских шумных согласных обладают тембровой корреляцией палатализации и лабиализации, отсутствующей в мегрельском и в других картвельских языках. С другой стороны, абхазский вокализм содержит только два члена, различающихся по

степени открытости ($a \sim \bar{a}$), тогда как в мегрельском имеется пять гласных (которые авторы рассматривают шва в качестве шестого мегрельского гласного [Имнадзе 1971:6]).

Несмотря на столь существенные различия в фонемных инвентарях, между контактирующими мегрельскими и абхазскими диалектами наблюдается некоторая взаимная фонетическая "аккомодация", выражающаяся в адаптации артикуляционных черт, первоначально присущих лишь одному из контактирующих языков. Так, соседствующий с мегрельским абжуйский диалект абхазского языка упростил некоторые из первоначальных контрастов, например, в нем произошло слияние средних и передних простых сибиллянтов ($\zeta \acute{s} \rightarrow z, s, \acute{z} \acute{c} \acute{c}' \rightarrow \acute{z} c c'$), он элиминировал фарингализованный вулярный спирант ($\underline{x} \rightarrow x$), тогда как все эти фонемные контрасты все еще сохраняются в бзыбском диалекте. В пограничных с мегрельским абхазоязычных зонах специфический мегрельский акцент ощущается как во фразовой интонации, так и в общей мелодике речи, в смягченном произношении латерального резонанта l , а также в значительном числе лексических заимствований и в абхазо-мегрельском двуязычии.

С другой стороны, отмечается очевидное абхазское влияние на произношение мегрельских звуков, усиливающееся в зонах непосредственного контакта. Это особенно характерно для самурзаканского говора мегрельского (что неудивительно ввиду смешанного, абхазо-мегрельского, происхождения большей части его носителей), несколько меньше в зугдидском говоре, и еще меньше в сенакском диалекте, более отдаленных от Абхазии и испытывающих влияние западногрузинских диалектов. Эти особенности мегрельской речи были отмечены еще Чарая [Чарая 1912: 2], который писал, что "в Самурзакани же говорят на мингрельском наречии в фонетическом отношении весьма приближающемся к абхазскому". Как замечал Чарая [Чарая 1912: 59], "сванский язык и самурзаканский говор мингрельского языка представляют переходную ступень от грузинской звуковой системы к абхазской. И в сванском, и в мингрельском есть звук $\bar{a}$, играющий большую роль в абхазской фонетике, ... Звук l в мингрельском языке произносится очень мягко, мягче чем в грузинском; в Самурзакани же он произносится очень твердо, совершенно так, как в абхазском" (см. также [Цагарели 1880: 9, 18; Кипшидзе 1914: 012–013]). Нет никакого сомнения, что мегрельский заимствовал шва из абхазского и, как я уже отметил выше, некоторые авторы рассматривают его в качестве шестой гласной фонемы мегрельского языка.

4.1. Фонетические изменения в заимствованных словах.

(1) Вокалические соответствия.

Наблюдаются как регулярные, так и спорадические соответствия между гласными в заимствованных из абхазского мегрельских словах и в их абхазском первоисточнике. В зависимости от соседнего согласного, один и тот же абхазский гласный может отражаться в мегрельском различным образом.

(1.1.) В отличие от обычного соответствия абх. $a >$ мегр. a ср. такие случаи, как:

абх. : мегр.

$a > u$

:абх. $Aq' \bar{a} >$ мегр. $Aq' u$ 'Сухум' (под влиянием лабиализованного $q' \bar{a}$); $a-\acute{s}'xa-r\bar{a}-\acute{z}' >$ $\acute{s}xuri\acute{c}i$ 'дикий виноград';

$a > e$

:абх. $a-l\bar{a}ra >$ мегр. $lere$ 'рычаг', $h-taca >$ $xateci$ '(наша) невестка', $a-pha >$ xe 'дочь' (в женских фамилиях), $a-lak' \bar{a}-\bar{a}mha >$ $lek' u(m)xa$ 'крушина ломкая' (бот.), $a-\acute{c}'am\bar{a}k' \bar{a} >$ $\acute{c}emkwa$ 'вид молочного блюда', $a-x\bar{c}' \bar{a}t >$ $x\bar{c}' \bar{e}ti$ 'сливки', $a-ha-\acute{c}' \bar{c}' \bar{a} >$ $x\bar{c}' \bar{e}\bar{c}'i$ 'сорт груши'. Наряду с другими возможными причинами, передача абхазского a через e в мегрельском может быть объяснена несколько передней артикуляцией абхазского гласного;

- a* > *u* : абх. *a-lak'*°*əmha* > мегр. *luk' u(p)xa* 'крушина ломкая', *a-laħa* > *luŋi* 'инжир';
- a* > *o* : этот процесс характерен в основном для финальной позиции: абх. *a-wəra* > мегр. *uro* 'деревянный молот', *a-ħač'*°*a* > *ħač'o* 'творог', *a-k'(a)k'ara* > *k'ak'aro* 'чаща', *a-naħ'ta* > *naxuta* // *naxuto* 'узда'; ср. также абх. *ak'ə* < **ak'a* 'один' > лаз. *ak'o* 'однажды'.

(1.2.) Абхазской гласный *ə* может либо сохраняться в мегрельском, либо изменяется в другие гласные:

абх.:	мегр.	
<i>ə</i>	> <i>i</i>	: абх. <i>a-nəš'</i> > мегр. <i>niši</i> 'лодка', <i>k'əla</i> > <i>k'ila</i> преверб 'через, сквозь', <i>a-nəga</i> > <i>niga</i> 'деревянный молочник', <i>a-c'əc'əndra</i> > <i>c'ic'indera</i> 'земляника', <i>a-k'ač'</i> ° <i>əč'</i> > <i>k'ač'ic'i</i> 'вид мелкого винограда', <i>a-təŋ'</i> > <i>tiŋi</i> 'баран'; эта субституция особенно часто наблюдается в сенакском диалекте;
<i>ə</i>	> <i>u</i>	: абх. <i>aarən</i> > мегр. <i>arini</i> 'весна', <i>a-ləg</i> > <i>luga</i> 'глупец', <i>parənpəħa</i> > <i>parupəħa</i> 'имя божества', <i>a-pəčħa</i> > <i>ričħa</i> 'крошка';
<i>ə</i>	> <i>e</i>	: абх. <i>a-ləra</i> > мегр. <i>lere</i> 'рычаг';
<i>ə</i>	> <i>a</i>	: абх. <i>parənpəħa</i> > мегр. <i>parupəħa</i> 'имя божества';
<i>ə</i>	> <i>o</i>	: абх. <i>a-č'nər</i> > мегр. <i>činori</i> 'наемный пастух';
<i>ə</i>	> $\emptyset$	: абх. <i>a-č'amək'°a</i> > мегр. <i>čemkwa</i> 'вид молочного блюда'.

(1.3) Иногда финальные гласные, присутствующие в мегрельских заимствованиях из абхазского, но отсутствующие в современных абхазских формах, могут, по-видимому, указывать на более старое абхазское состояние, ср. абх. *a-tər* > мегр. *tipu'tarə* 'летняя стоянка пастуха' (общабх. *tərə), абх. *a-x°až°* > мегр. *ħozo* 'рододендрон' (общабх. **q°až°ə*), абх. *a-ləg* > мегр. *luga* 'глупец' (> груз. *lungi*; к общабх. **ləgə?*).

(1.4.) Сохранение начального *a-*.

Мегрельский заимствовал абхазские слова либо с артиклем, оформляющим так называемую "словарную форму" имен, либо, чаще, без него, хотя количество слов, заимствованных с артиклем довольно велико (около 20 лексем). Иногда встречаются параллельные формы как с артиклем, так и без него, ср. абх. *a-ħk'aara* 'ограда для скота' > мегр. *ħek'aralləħk'ara* 'временное пастушье стойбище'. Мегрельский также сохраняет абхазской корневой начальный *a-*, как например в *ak'a* 'один (раз)' (также лаз. *ak'o* 'однажды') < абх. *ak'ə* (< **ak'a*) 'один', *aŋwiri* 'уздечка' < абх. *aŋ'ra*, *ašwamk'jad* (самурз.) < абх. *aħ°ə-mk'at* 'маленький столик для сыра' (*aš°* 'сыр').

(2) Изменения в дифтонгах.

(2.1.) Мегрельский избегает зияние в абхазских словах с дифтонгом *aa* путем либо его монофтонгизации (напр.: абх. *aarən* > мегр. *arini* 'весна', *a-ħk'aara* > *əħk'ara* 'ограда для скота'; *a-ħaas'a* > *ħas'a* 'закваска'), либо вставки эпентетического *w* (как в мужских формах фамилий *-aa* > *-aall-awa*).

В нескольких случаях современному абхазскому *aa* соответствует мегрельское *ɣ*, что явно отражает более старую форму *aa*, происходящего из эмфатизованного фарингала *h, сохраняющегося в абазинском, ср. абх. *Maan* (< *Maħan) > мегр. *Marɣanija* 'княжеское фамильное имя' (с эпентезой *-r-* и добавлением обычного мегрельского фамильного суффикса *-ija*), абх. *aanda* > мегр. *ɣanda* 'ограда'.

(2.2.) Другие дифтонги претерпели следующие изменения:

абх.	:мегр.		
<i>ow</i>	> <i>ou, ѱ, u</i>	:абх. <i>abowra</i>	> мегр. <i>aboura, abūra, ambura</i> 'хлеб';
<i>aj[ej]</i>	> <i>e</i>	:абх. <i>ajla(r)ž'</i>	> мегр. <i>ela(r)ži</i> 'мамалыга, сваренная со свежим сыром';
<i>aj</i>	> $\emptyset$	абх. <i>ajk'°aγa</i>	> мегр. <i>k'waγa</i> 'маленький топорик' (однако см. ниже, в 5.2.);
<i>ja</i>	> $\emptyset$	:абх. <i>ack'a bzaja</i>	> мегр. <i>skebzi</i> 'ритуальный сыр' (однако см. ниже, в 5.2.);
<i>wə</i>	> <i>u</i>	:абх. <i>a-wəra</i>	> мегр. <i>uro</i> 'деревянный молот'.

(3) Консонантные соответствия.

Как простые, так и палатализованные абхазские задние сибиланты передаются в мегрельском посредством (фонетически смягченных) простых задних сибилантов. Абхазские палатализованные веллярные смычные меняются на простые смычные с переносом палатализованного тембра согласных на соседние гласные. Так, последовательность /C'a/ (где C обозначает любой согласный) дает в мегрельском комбинацию /Cel/, ср. абх. *a-žak'a* > мегр. *bžak'e* 'борода', абх. *a-ck'a bzaja* '(ритуально) чистый (и) хороший' > мегр. *skebzi* 'ритуальный сыр', абх. *a-mak'a* > мегр. *make* 'точильный камень', абх. *a-q'at'ama* > мегр. *γetama* 'шкворень ярма', а последовательность /C'ə/ передается как /Ci/, ср. абх. *a-k'ač'əč'* > мегр. *k'ač'ič'i* 'сорт винограда', абх. *a-pš'ərha* > мегр. *apširha* 'деревянная посуда для хранения кислого молока'.

Лабиялизованные согласные, которые отсутствуют в мегрельском, обычно передаются через последовательность /Cw/ либо /Cu/:

(a) Абх. /C'°a/ дает мегр. /Cwa/: абх. *a-dag°a* > мегр. *dagwa* 'глухой', *a-maž°a* > *mazwa* 'тесто', *a-g°arta* > *agwarta* 'стадо', *a-max°ar* > *maxwari* 'рука', *a-k'°adac* > *k'°wadaci* 'облепиха' (бот.);

(b) Абх. /C'°ə/ дает в мегр. /Cu./: абх. *a-lak'°əmha* > мегр. *lek'umha* 'крушина ломкая';

(c) слова с конечными лабиализованными согласными передаются посредством финальной последовательности "простой согласный плюс огубленный гласный": абх. *a-x°až°* > мегр. *xozo* 'ритуальный хлебец', *a-bac°* > *bacu* 'мушмула' (*Mespilus germanica*), *a-k'°ək'°* - > *k'uk'u* 'вьюнок' (бот.).

(3.1) Другие субституции согласных:

абх.	мегр.		
<i>j</i>	> <i>i</i>	:абх. <i>ajə-ra</i>	> мегр. <i>aia</i> 'растительность';
<i>j°</i>	> <i>w</i>	:абх. <i>Naq°ej</i>	> мегр. <i>Naweia</i> 'муж. личное имя';
<i>ʒ</i>	> <i>ʒ/z</i>	:абх. <i>azmax</i> 'болото'	> мегр. <i>az/zmax</i> 'лука, пруд';
<i>t</i>	> <i>c</i>	:абх. <i>h-taca</i>	> мегр. <i>xateci//xaceci</i> '(наша) невестка' (с по ассимиляции);
<i>k'°</i>	> <i>gu</i>	:абх. <i>k'°əž'maxan</i>	> мегр. <i>Gužmaxan</i> 'муж. имя';
<i>q''</i>	> <i>γ, x</i>	:абх. <i>a-q'at'ama</i>	> мегр. <i>γetama</i> 'шкворень ярма', абх. <i>a-bacq'a</i> > мегр. <i>pacxa</i> 'плетенка, плетеная хижина';
<i>q'°</i>	> <i>ʔu</i>	:абх. <i>Aq'°a</i>	> мегр. <i>Aʔu</i> 'Сухум', абх. <i>Bataq'°a</i> > мегр. <i>Bataʔua</i> 'муж. имя';
<i>t'</i>	> <i>t</i>	:абх. <i>a-q'at'ama</i>	> мегр. <i>γetama</i> 'шкворень ярма';
<i>ž'</i>	> <i>č</i>	:абх. <i>a-š'xa-rə-ž'</i>	> мегр. <i>šxurici</i> 'дикий виноград'.

(3.2.) Абхазский глухой эмфатизованный фарингал *h*, редкий в мегрельском, обычно

заменяется на увулярный *x*; ср. абх. *a-hata* > мегр. *xarta* ‘бурдюк’, *h-taca* > *xateci//xaceci* ‘(наша) невестка’, *a-pha* ‘дочь’ > *xe* ‘женский фамильный суффикс’, *a-lak*^o *əmha* > *lek’u(m)xa//luk’u(p)xa* ‘крушина ломкая’ (> лаз. *luk’umxa//nuk’umxa*, груз. *luk’urxa*). В нескольких случаях абх. *h* соответствует кластеру в картвельском, ср. абх. *a-č’amha* > мегр. *čamhwal/čamkwa* (также *čampa*) ‘клен’, абх. *a-laħa* > мегр. *luyi* (старая форма *loyi* [Кипшидзе 1914: 274] ‘инжир’. Во втором примере мы имеем, по-видимому, старое заимствование в мегрело-лазский и грузинский (ср. лаз. *luyi*, груз. *leγwi* < **laγw-* ‘инжир’; см. огласовку с *a* в производном мегр. *ma-layuri*, груз. *mo-layur-i* ‘иволга’), в котором сохраняется исходный лабиализованный характер фарингального, утраченный в абхазском (общезападнокавказское **laH^oə* ‘инжир’, ср. также убых. *Lax’ə*, шапсуг. *ax^oə* ‘инжир’ [Chirikba 1996: 303]. Однако в первом примере, имея в виду общеадыгское *pħa ‘древесина’, родственное абх. *-mħa* (сохранившемся в сложениях [Шагиров 1982: 79], причина наличия в мегрельском кластера остается неясной).

(3.3.) Изменения согласных в кластерах:

абх. <i>jt</i>	> мегр. <i>nt</i>	: абх. <i>Ajtar</i> > мегр. <i>Antari</i> ‘имя божества’;
абх. <i>nd</i>	> мегр. <i>nd/md</i>	: абх. <i>a-c’əc’əndra</i> > мегр. <i>c’ic’inderall/c’ic’indera</i> ‘земляника’.

(3.4.) Эпентетические звуки.

Наличие эпентетических звуков, в основном резонантов и глайдов, весьма характерно для мегрельского и лазского языков. Ср. следующие примеры с наращиваниями в заимствованиях из абхазского: абх. *abowra* > мегр. *ambura* ‘хлеб’, *a-xaga* > *xanga* ‘сумасшедший’, *a-hata* > *xarta* ‘бурдюк’ (> груз. *xalta*), *a-xc’ara* > *x(ə)nc’(a)ra* ‘метить скот’ (> сван. *xənc’əra*), *a-t’ama* > мегр. *at’ama* > лаз. *ant’ama*, *at’amba* (из мегрельского идут также сван. *at’ama*, груз. *at’ami*, а из последнего – юго-осет. *at’ami*) ‘персик’, *a-nč^oa* ‘бог’ > *nerči* ‘имя божества’. Помимо спонтанной эпентезы, мегрельский также использует эпентетическое *w* для избежания зияния, ср. абх. *-aa* > мегр. *-aaw-awa* суффикс мужских форм фамилий.

(3.5.) Консонантные комплексы.

Абхазские консонантные комплексы обычно упрощаются в мегрельском либо путем элизии одного из компонентов, либо путем вставки гласного (*ə*, *i*, *e*, *a*). Упрощению подвергаются в основном начальные кластеры, ср. абх. *a-hgəzər* > мегр. *bəgəzəri* ‘кизил’, *a-xk’aara* > *xek’arall/axk’ara* ‘ограждение для скота’, *a-pha* ‘дочь’ > *-xe* ‘суффикс женских фамильных имен’, *a-xrazaga* > *xərazaga // xirazaga* ‘деревянная молочная цедилка’, *a-x-c’a-ra* > *xnc’rall/xənc’ara* ‘метка скота’, *a-ha-č’č’a* дикая груша > *xəč’əč’i* (сенак.) ‘поздний сорт груши с мелкими плодами’ (> груз. *xəč’əč’ur-i* ‘дикая и сочная груша’, аджар. *xəč’əč’ur-a*, гур. *xič’iač’ur-i*, лаз. *xəč’əč’uri*, (*mχul*) *xəč’əč’uli* ‘сорт груши’), *a-xč’at’* > *xəč’ət’i* ‘сливки’, *h-taca* ‘наша невест(к)а’ > *xateci* ‘невестка’, *a-c’əc’əndra* > *c’ic’inderall/c’ic’indara* ‘земляника’, *a-č’nər* > *činori* ‘наемный пастух’, *a-k’k’ara* > *k’ak’ara* ‘чаща’.

Неначальные кластеры не так часто подвергались модификации, ср. абх. *aγ^ora* > мегр. *aγwiri* ‘узда’, *a-lak’əmha* > *lek’uxa//luk’uxa* (наряду с *luk’urxa//lek’umxa*, гур. *luk’umxa//lo*, *lek’uxo*, имерет. *luk’urxo*, лаз. *luk’umxa*) ‘крушина ломкая’, *a-nč^oa* ‘бог’ > *nerči* ‘имя божества’, *a-nax^ota* > *naxutal/naxuto* ‘узда’.

(3.6.) Мегатеза.

Этот процесс весьма обычен в мегрельском и наблюдается как в исконных, так и в заимствованных словах. Ср. в абхазских заимствованиях:

абх. *a-g^oarta* > мегр. *agwartal/argwata* ‘стадо, толпа’;

абх. *a-bgəzər* > мегр. *bəgəzəri//bzgiri* ‘кизил’.

Таким же образом много лет назад мегрелы и/или лазы трансформировали греческий

термин ἄβασχοι в *abxaz*, который, через посредство грузинского языка, стал современным названием абхазов в русском и других языках.

5. Лексико-этимологические комментарии.

5.1. В нескольких случаях в абхазском наблюдаются обратные заимствования слов, ранее усвоенных мегрельским из абхазского. Одним из таких слов является название плетеной хижины. В мегрельском и в западногрузинских диалектах оно звучит как *расха*. Это слово встречается также и в лазском, но с несколько иной семантикой (*расха* 'плетеная корзина'), откуда оно проникло в некоторые изолекты хемшинского диалекта армянского языка в восточной Турции (устное сообщ.). Известно оно также в абхазском в форме *а-расха* 'плетеная хижина'. Хотя Кипшидзе [Кипшидзе 1914: 335] предложил для мегрельского, а Бгажба [Бгажба 1964: 203] для абхазского заимствование из грузинского, само грузинское слово известно только в регионах, соседствующих с Мегрелией. Г.А. Климов [Климов 1986: 182] перечисляет мегр. *расха* в числе заимствований из абхазского. Можно попытаться связать абх. *а-расха* с встречаемым в абжуйском диалекте *а-расх* 'сухие ветви'. Но такая этимология наталкивается как на семантические, так и на фонетические трудности (наличие конечного палатализованного *х*). Более вероятно, что мегрельская форма обязана своим источником абх. *а-бѣсаq'а* 'плетенка' (ср. также *абѣсаq'-'j'нѣ* 'плетеный дом'), ср. особенно его более старую форму в географически близком к мегрельскому цабальском говоре абхазского (сохраняющемся в Турции): *а-бѣсаq'а*, а также *басq'а* 'плетенка' в тапантском и ашхарском диалектах абазинского. Этимологически оно довольно прозрачно: *а-бѣса* (< *баѣса) 'ветви, используемые для плетения' и *-q'а* 'плоский'. Значение 'плетеная хижина' явно производно от 'плетенка'. Ср. с этой точки зрения семантику упомянутых лазских и хемшинских лексем, а также имеретинское *расха* 'маленькая корзинка в мельнице, куда сыплется кукуруза' [Глonti 1984: 538]. Принимая идею о заимствовании мегрельского *расха* из абхазской формы *а-бѣсаq'а*, в мегрельском следует допустить оглушение начального губного и субституцию отсутствующего в нем палатализованного глоттализированного увулярного смычного гоморганным фрикативом. Позднее абжуйский диалект абхазского заимствовал это слово из мегрельского уже в его мегрелизованной форме и в суженном значении 'плетеная хижина', и с юга оно совсем недавно достигло бзыпского диалекта. Характерно, что слово *а-расха* неизвестно, насколько можно судить, абхазским диалектам в Турции, что доказывает, что оно проникло в абхазский довольно поздно, уже после эмиграции большей части абхазского народа в Турцию в середине прошлого века.

Другим сходным примером обратного заимствования является, по-видимому, мегр. (зугд.-самурз.) *ѳетамѳа* 'шкворень ярма', бзыб. *а-q'ат'ама* и абж. *а-ѳат'ама* (то же). Исходная форма, по-видимому, представлена в бзыбском диалекте, тогда как абжуйская форма с начальным *ѳ*-указывает на заимствование из мегрельского. Абхазское слово, как предложил Бгажба [Бгажба 1964: 225], может быть связано с адыг. *q'ѳатѳѳа*, каб. *q'ѳѳатѳѳа* 'шкворень ярма' (< общеадыг. **q'ѳѳ-ѳѳама*).

5.2. Интересно, что помимо *расха*, имеется еще несколько мегрельских заимствований, которые фонетически лучше соответствуют северным, т.е. абазинским, чем южноабхазским диалектам. Ср. мегр. *к'ѳаѳа* 'маленький топорик', которое ближе по форме к тап. *к'ѳаѳа* 'то же', чем к абж. *ажк'ѳаѳа*, либо бзыб. *ажк'ѳѳ*. Ср. с этой точки зрения также мегр. *бас'а* 'клец' с ашхар. *баѳа* vs. абж. *а-р'ас'а*, бзып. *а-р'ас'ѳ* (то же) (по анлаутному согласному мегрельская форма стоит ближе к ашхарской), мегр. *аргам* 'открытый, явный' с тап. *аргам* vs. абх. *аргамѳа* (старый аланизм в абхазском; тапантская форма с согласным исходом является более старой, ср. осет. *ѳргом* 'лицо, фасад; открытый, явный'), мегр. *скебзи* 'ритуальный сыр' с *бзи* во второй части, ср. тап. *бзѳѳ* vs. абх. *бзѳѳа* 'хороший'. Эти и некоторые другие языковые факты могут указывать на то, что, вопреки общепринятому (в основном, в исторической

литературе) мнению, согласно которому предки абазин-тапанта мигрировали на Северный Кавказ с территории Западной Абхазии (где позднее зафиксирован садзский диалект абхазского, напрямую не связанный с тапантским), представляется более вероятным, что они жили прежде именно в юго-восточной части Абхазии, на территории либо древней Миссиминии (ущелье реки Кодор, историческая провинция горной Абхазии Дал-Цабал), либо Апсилии (которая включала территорию современного Гальского района Абхазии), т.е. в любом случае в непосредственном соприкосновении с мегрелоязычным ареалом. Можно предположить что именно отсюда, из Южной Абхазии, предки тапантовцев перешли приблизительно в XIII–XIV вв. через Клухорский перевал на северокавказскую равнину, богатую землей и пастбищами, где их потомки живут и по сей день. Интересно в этой связи отметить, что тапантский диалект имеет такие мегрельские заимствования, которые отсутствуют как в бзыбском (т.е. в северном) так и в садзском (западном) диалектах абхазского, ср. там. *ka* 'да', абж. *ko* < мегр. *ko* 'да'.

5.3. В качестве абхазских заимствований в мегрельском я рассматриваю также слова, которые в самом абхазском ранее были заимствованы из других языков, ср. такие слова, как мегр. *abragi* 'разбойник, абрек', *bžak'e* 'борода', *dagwa* 'глухой', *uro* 'деревянный молот' (в абхазском все из адыгского), *našuta/našuto* 'узда' (в конечном счете из тюркского, но в абхазском, по-видимому, через адыгский), *č'ınori* 'наемный пастух' (конечном счете из иранского), *agram* 'открытый, явный' (в абхазском из староосетинского).

5.4. Некоторые слова, рассматриваемые другими авторами в качестве заимствований в абхазский из мегрельского, могут трактоваться, исходя из их фонетического облика, либо из их более убедительной абхазской этимологии, напротив, как абхазизмы в мегрельском. Например, мегрельское и грузинское *ašwiri* (из грузинского усвоено в бацбийский в виде *ašwir*), сван. *hašwr-il* 'узда, уздечка' вряд ли могут быть источниками абх. *áγ°ra* (то же) (см. [Старостин 1985: 80]), так как в этом случае ожидаемая абхазская форма была бы **áγ°ór*, а не *áγ°ra* (ср. также ашх., тап. *γ°ra*). С другой стороны, сама картвельская форма с начальным гласным не может считаться нормальной для исконных картвельских слов (см. [Климов 1994: 54]). Поэтому можно полагать, что здесь мы имеем дело скорее с абхазским словом усвоенным в картвельские языки. Абхазская лексема имеет такие дагестанские соответствия, как лак. *xuri*, дарг. *urxur*, табас. *furu*, и, возможно, также авар., бежт., гунзиб. *royo*, при допущении здесь метатезы (дагестанские формы см. [Кибрик, Кодзасов 1990: 158]). Симптоматично, что картвельские основы не были включены Г.А. Климовым в его пракартвельский словарь.

Я рассматриваю мегр. *ašwamk'jad* (самурз.) 'маленький столик для сыра' как заимствование из абх. *a-š°ə-mk'at* (то же) (где *aš°ə*- означает 'сыр'), вопреки высказанному в [Джанашиа 1915: 81] мнению об анализе этого мегрельского слова как *sum k'et'i* 'три палки', что не вполне убедительно ни семантически, ни фонетически (учитывая начальный *a-* в мегрельской форме). Кроме того, мегр. *k'et'i* нормально дает в абхазском *a-k'at* 'палка', т.е. с финальным глоттализированным, а не аспирированным смычным. Кварчия [Кварчия 1981: 114] связывает вторую часть абхазского слова с аналогичным элементом, присутствующим в абхазском архаичном термине *j°až-mk'at* 'винный кувшин', сохранившемся в нарских фольклорных текстах: *j°a-žə* означает 'молодое вино', тогда как *mk'at* интерпретируется как 'вместилец, место чего-либо'.

Абхазская атрибуция некоторых других слов остается спорной, ср. мегр. *nəši/nuši* 'лодка' [ср. также лаз. *nuši/niši*, груз. (диал.) *nuša/nuš-i*], неотделимые от абх. *a-nəš'* (то же). Вопреки мнению Чарая [Чарая 1912: 13], считавшего абхазское слово заимствованным и мегрельского, О. Дзидзария (устное сообщ.) полагает, что наличие *ə* в одной из мегрельских форм может, напротив, указывать на абхазский источник для мегрельского (и в конечном счете для диалектных грузинских и лазских слов, для

которых допустимо полагать мегрельское посредство). Характерно в этой связи, что мегрельский и грузинский заимствовали и другой абхазский мореходный термин, *á-pra* 'парус'. Абхазское слово может в конечном счете предположительно восходить к какому-либо индоевропейскому источнику, продолжающему и.-е. *nāu-s 'судно' (ср. греч. *ναῦς*, лат. *nāvis*, санскр. *naūs* 'корабль'), хотя сохранение номинативного суффикса при заимствовании не вполне обычно.

6. Ономастика. Кроме апеллятивной лексики, мегрельский заимствовал из абхазского некоторое количество теофорных и личных имен, а также топонимов. Первая группа состоит из таких имен, как *Antari Žini/Žini Antari* 'имя божества', букв. 'Верхний/Верховный Антари', из абх. *Ajtar* 'божество плодородия и скотоводства', *Napral/Napurnaxa* 'имя божества', из абх. *Napral/Napər-nəḥa* 'то же' (*a-nəḥa* 'икона', 'святилище'), *žiwow* из абх. *ze-jwow* 'имя божества, упоминаемое в ритуале вызывания дождя' (*ze* означает 'вода').

Среди усвоенных абхазских личных имен можно назвать такие мужские имена, как *Bata?ua*, из абх. *Bataq^oa* (в конечном счете из кабардинского, на что указывает кабардинское окончание *-q^oa*, означающее 'сын'), *Gudu*, из абх. *G^oə-dəw*, букв. 'Большое Сердце', *Gižma-xan*, из абх. *K^oəž^oma-xan* (*a-k^oəž^oma* 'волк', с элементом *-xan* тюркского происхождения), *Naveia*, из абх. *Naj^oej* (< этноним 'ногаец'), женское имя *Gwaša*, из абх. *G^oaš'a*, восходящее к имени персонажа нартского эпоса (в адыгейском *g^oaš'a* означает также 'принцесса, госпожа') и т.д.

Одним из старых топонимов, уже кажется вышедших из употребления, является мегр. *Aq'u-žixa*, *A?u-žixa* 'Сухум', груз. *Aq'u-s cixe*, или просто *aq'u* (мегр. *žixa*, груз. *cixe* 'крепость'; ср. старое турецкое название Сухума *Sohum-kale* 'Сухум-крепость'). Абхазское название Сухума зафиксировано на голландских картах начала XVII века как *Аси*, а в русских документах XVIII века как 'крепость Аку', все из абх. *Aq^oa* 'Сухум'.

Некоторые абхазские лексемы стали элементами мегрельской топонимии, ср. мегр. *agwara* 'скотный двор' [< абх. *a-g^oara* (то же)], *ašta* 'поле, луг' (< абх. *ašta* 'двор, поляна перед домом'), *az/zmax* 'лука, пруд' (< абх. *azmax* 'болото'), *k'ak'aralo* 'густой лес с крупными деревьями' (< абх. *a-k'k'ara*) и т.д. [Цхадая 1975: 34].

6.1. Интересно, что абхазские форманты, образующие фамильные имена, были, по-видимому, весьма популярны в Мегрелии и даже в Западной Грузии. Имеются в виду суффиксы *-aal/-awa* и *-pḥel/-ḥe*.

6.1.1. Суффикс *-awa* является стандартным мегрельским окончанием, оформляющим мужские формы фамильных имен, ср. *Vok'uč'-awa*, *Leč-awa*, *Gud-awa*, *Mik-awa* и др. Абхазское происхождение этого суффикса предполагал еще Н.Я. Марр [Марр 1938: 4], но он связывал его с абх. *a-pa* 'сын' (дериватом которого является абхазский мужской фамильный суффикс *-ba*, ср. *Agr-ba*, *Tar-ba*, *Zəx^o-ba* и т.д.), что неудивительно по фонетическим причинам. В мегрельском имеется параллельная форма суффикса *-awa*: *-aa*, ср. *Leč-aal/Leč-awa*, *Mik-aal/Mik-awa*, *P'ap'-aa/|P'ap'-awa*, *Kard-aal/Kard-awa* и т.д. Форма *-aa* может, по-видимому, считаться исходной, так как она прямо соответствует абхазскому суффиксу множественности класса человека *-aa*, который используется для оформления множественного числа фамилий (напр., *Agr-aa*, *Tar-aa*, *Vət^o-aa*), а также с обычными именами, ср. *apswa* 'абхаз', мн.ч. *apsw-aa*, *a-waj^oə* 'человек', мн.ч. *a-w-aa* и т.д. Что до *-w-* в мегрельском алломорфе *-awa*, то он скорее всего является эпентетическим элементом, используемым для избежания зияния, ср. мегр. *ta-wa* 'я, мол', вместо *ta-a*, *psuwa* 'крыло' параллельно с *psua* (ср. в архавском лазском *msual/mswa* 'крыло') и т.д. Хотя предпринимаются попытки интерпретировать рассматриваемый мегрельский фамильный суффикс на собственно картвельской почве [Калдани 1980: 74], абхазская его этимология представляется более вероятной. Исходной фонетической формой абхазского суффикса является *ḥa. Время трансформации звонкого эмфатизованного фарингала в дифтонг *aa* неизвестно, но скорее всего это произошло не так давно, возможно где-то в XVIII веке

(еще в середине прошлого века П. Услар отмечал присущий *aa* гортанный призвук). Это обстоятельство может говорить о том, что мегрелы заимствовали этот суффикс сравнительно недавно, в противном случае мы имели бы в мегрельском фрикатив, как в мегрельско-абхазском фамильном имени *Maryanija*, отражающем старую абхазскую форму *Maḥan > совр. абх. *Maan*; ср. также мегр. *γanda* ‘изгородь’ < абх. *aḥa-nda (то же) > совр. абх. *aanda*. Однако не исключено и то, что мегрелы, находясь в постоянном контакте с абхазами, преобразили старую форму *-*γa* (< абх. *-*ḥa*) в *-aall-awa*, следуя ее эволюции в абхазском.

6.1.2. Другим суффиксом фамильных имен, на этот раз оформляющим женские фамилии, является мегр. *-xe*, ср. *Zinc'are-xe* ‘урожденная Зинцаре’, *Mocik'a-xe* ‘урожденная Моцика’, *Dadi-xe* ‘урожденная Дадиа’ и т.д. Источником этого форманта является абх. *a-pḥa* ‘дочь’, употребляющееся в качестве суффикса женских форм фамильных имен, ср. *Agr-pḥa* ‘женщина по фамилии Агрба’, *Tar-pḥa* ‘женщина по фамилии Тарба’ *Maan-pḥa* ‘женщина по фамилии Маан’ и т.д. Интересно, что более близкая к абхазскому оригиналу форма этого суффикса, *-pḥe*, сохранилась в западногрузинских диалектах, в гурийском и имеретинском. В нижнеимеретинском, согласно Марру (1938: 42), используется как *-pḥe*, так и *-xe*. Ср. также *-pḥe* в гурийском: *ḡibuf'i-pḥe* ‘урожденная Джибути’, *Beri-pḥe* ‘урожденная Беридзе’, *K'alanda-pḥe* ‘урожденная Каландадзе’, *Rami-pḥe* ‘урожденная Рамишвили’ и т.д. Согласно Глonti [Глonti 1984: 556], в гурийском имеется также лексема *pḥe* ‘девочка, молодая женщина’. Мегрелидзе [Мегрелидзе 1938: 136] цитирует гурийскую песенку, текст которой полностью состоит из женских форм фамилий с суффиксом *-pḥe*:

Ali-pḥe, Mali-pḥe,

Bzik'i-pḥe, Bzik'i-ḡ'ila-pḥe,

Malazoni Mocik'a-pḥe.

Поскольку этот суффикс стал архаичным, он приобрел несколько насмешливую коннотацию [Мегрелидзе 1938].

Согласно Мегрелидзе, как в гурийском, так и в имеретинском имеется сильный мегрельский субстрат, на что указывают, помимо других фактов, наличие большого числа мегрельских по происхождению фамильных имен. Интересно, что иногда в западногрузинских фамилиях формант *-pḥe* накладывается на имена с мегрельским генетивным суффиксом *-ḡi*, также оформляющим фамильные имена, ср. *ḡa-ḡi-pḥe* ‘урожденная Джа-ши’, *Tuḡu-ḡi-pḥe* ‘урожденная Тугу-ши’ (параллельно с *Tuḡu-pḥe* [Мегрелидзе 1938: 140]).

Кроме мегрельского и западногрузинских диалектов, абхазский женский фамильный суффикс встречается спорадически также в лазском (в атинском диалекте), ср. лаз. *Gurieli-pḥe* ‘урожденная Гуриели’, *ḡaq'eli-pḥe* ‘урожденная Джакели’ и т.д., и в одном случае он зафиксирован в сванском фольклоре [Мегрелидзе 1938: 137].

Кстати, иногда в абхазском, и регулярно в речи турецких абхазов, суффикс *-pḥa* используется в своей фонетически упрощенной форме *-ḥa*, ср. *Agr-ḥa* ‘женщина по фамилии Агрба’, *Tar-ḥa* ‘женщина по фамилии Тарба’, *Maan-ḥa* ‘женщина по фамилии Маан’ и т.д., что прямо соответствует мегрельской форме *-ḡe*.

Хотя уже Марр [Марр 1938: 42] ясно указывал на абхазский источник для мегрельского *-xe* и гурийско-имеретинского *-pḥe*, имеются попытки иной этимологии этого суффикса. Например, Мегрелидзе [Мегрелидзе 1938: 137–138] анализирует западногрузинское *-pḥe* как *-p-* и *-xe*, усматривая в *-p-*, в духе четырехэлементного анализа, яфетический элемент *ber* ‘ребенок’, а в *-xe* – яфетический элемент *xin* ↔ *xep* ‘ребенок’, которое на стадии матриархата означало ‘женщина, дочь’, откуда и женское фамильное окончание. А. Чикобава [Чикобава 1942: 26], в свою очередь, связывал *-pḥe//xe* с древнегрузинским *mqew-al-* ‘рабыня’. Чургулиа [Чургулиа 1983: 134] считал, что *-ḡe* и его вариант *-pḥe* являются по происхождению колхскими, т.е.

мегрело-лазскими. Возражая Чургулиа, Х. Бгажба [Бгажба 1987: 91] справедливо указывал, что ясная этимология этого суффикса существует лишь в абхазском (*a-pħa* 'дочь', 'молодая женщина' > суффикс *-pħa//ħa*, образующий женские формы фамилий). Кроме того, характерно, что элемент *-(p)ħe* неизвестен в Восточной Грузии. Генетически абх. *a-pħa* связано с адыг. *pħ^oə* и убых. *pħ'ə* 'дочь' (< праабхазо-адыг. **p-H^oa*).

7. Абхазское влияние на мегрельский не ограничивалось лишь словарем, оставив явные следы также в морфологии и синтаксисе. Я не буду здесь вдаваться в детали этой интересной темы, поскольку она заслуживает специального рассмотрения, и упомяну лишь наиболее интересные результаты исследований в этой области.

Мегрельско-лазский и абхазский обнаруживают явные параллели в категориях потенциалиса и взаимности [Климов 1971: 258]. Система превербов в мегрельском типологически очень близка абхазской и отличается в этом отношении от родственных языков, в которых система превербов не столь сильно развита. Что до синтаксиса, то, согласно М. Циколия, такие специфические черты мегрельского предложения, как порядок членов предложения, специфическая синтаксическая конструкция двух контактирующих глаголов с суффиксом *-ni* 'когда', употребление некоторых наречий и послелогов, наличие конструкции, идентичной абхазскому словосочетанию, включающему в себя инфинитный глагол с обстоятельственной частицей и т.д., в ряде случаев стоят ближе к абхазскому, чем к грузинскому или сванскому, что, по мнению Циколия [Циколия 1977: 96] является результатом долговременных контактов абхазского с мегрельским.

Многие авторы указывали не только на структурные сходства мегрельских и абхазских глаголов с превербами, но порой даже на их материальную идентичность. Так, А. Чикобава полагал, что мегрельские превербы *c'a-* 'вниз(у)', *k'a-* 'на', *no-* 'там', *to-* 'внутри', *la-* 'внутри', не имея параллелей в грузинском и сванском, были заимствованы из абхазского [Чикобава 1942: 151–152]. Еще ранее Марр, в своей рецензии на мегрельскую грамматику И. Кипшидзе, указывал на абхазское происхождение мегрельского преверба *k'ila//k'əla* 'сквозь (отверстие)' [Чикобава 1942: 155]. Абхазский преверб является производным от имени *a-k'əla-č'°a//a-k'əl-ħa-ra* 'отверстие, дыра'. Марр полагал также заимствованный характер мегрельского преверба *-ta-//to-* 'внутри', ср. аналогичный абхазский преверб *-ta-*, тогда как А. Шанидзе предполагал то же самое в отношении мегрельского преверба *a-l-//e-la-//ila* [Чикобава 1942: 155]. Т. Гудава [Гудава 1947] считал, что мегрельский направительный суффикс *-x* был заимствован из абхазского (см. ниже).

Хотя мнение об абхазском происхождении некоторых из названных картвельских аффиксов следует рассматривать с осторожностью, так как не исключено их исконно картвельское происхождение, нет никакого сомнения в заимствованном характере, по крайней мере, мегрельского преверба *k'ila//k'əla* 'сквозь (отверстие)' и также, возможно, направительного суффикса *-x*. Ср. примеры *k'ila//k'əla*, приведенные Чарая:

Мегрельский	Абхазский	
<i>k'əla-raħua</i>	<i>a-k'əl-ca-ra</i>	'прогнать (сквозь отверстие)'
<i>k'əla-sħap'ua</i>	<i>a-k'əl-pa-ra</i>	'выпрыгнуть'
<i>k'əla-pirinia</i>	<i>a-k'əl-pər-ra</i>	'вылететь'
<i>k'əla-rywapa</i>	<i>a-k'əl-da-ra</i>	'пройти/провести через'
<i>k'əl-ed</i>	<i>d-k'əl-sə-j't'</i>	'он появился (букв. 'вышел из отверстия')

Элемент *k'ila//k'əla* используется не только при глаголах, но также и в отглагольных именах, ср. мегр. *k'ila rwili ža* 'дупло дерева' (букв. 'насквозь продырявленное дерево'), *k'ila-xit'onili* 'вырытый, выкопанный' и т.д.

Другим вероятным случаем заимствования абхазского аффикса, предложенным Т. Гудава, является вторая часть мегрельского направительного суффикса *-šə-x(i)ə*

‘по направлению к’, ср. *ʔude-ša-x(əli)* ‘к дому’, *ʔura dya-ša-x* ‘до дня смерти’, *ʔugidi-ša-x* ‘до/к Зугиди’, ср. абх. *a-bna-x* ‘(по направлению) к лесу’, *a-ʔn-ax* ‘по направлению к дому’ и т.д. [Гудава 1947]. Первая часть сложного мегрельского суффикса является исконной и находит параллель в лазском ср. лаз. *k'oč-i-ša* ‘по направлению к человеку’, *očo(r)i-ša* ‘по направлению к дому’. Второй элемент, по мнению Гудава, заимствован из абхазского послелога *-a + x(ə)* ‘по направлению к’. Следует отметить, что и в лазском есть направительный суффикс *-xo* ‘к, в направлении к’. См. также лазский суффикс *-ša-xa* означающий ‘как, подобно’, возможный когнат мегрельского *-ša-x* ‘по направлению к’, ср. лаз. *baba škimi-ša-xa* ‘подобный моему отцу’, *hama-ša-xa* ‘подобно этому’ [Март 1910: 228], где значение ‘подобно, как’ может быть развитием из значения ‘по направлению к’. Гудава [Гудава 1947: 194] полагал, что абхазский направительный суффикс *-x* присутствует также в таких мегрело-лазских формах как *ʔido-x-še* ‘сверху’, *ek'o-x* ‘наверх’, *dik'o-x* ‘вниз’, мегр. *dolo-xe* ‘внутри’, *uk'ač-xe/a* ‘сзади’ и т.д.

8. Структурные модели некоторых мегрельских идиом буквально совпадают с соответствующими композитами в абхазском (а иногда и в родственном ему языках), ср. мегр. *guri-č'wili* ‘грустный’, букв. ‘с сожженным сердцем’, абх. *a-g°ə-bəl-ra* ‘грусть, тревога’, букв. ‘жжение сердца’, мегр. *nina-dač'xiri*, абх. *a-mca-bz* ‘пламя’, в обоих языках букв. ‘язык огня’ (ср. каб. *māfa-bzaj*, убых. *məʒa-bza* ‘то же’), мегр. *arti neeri* ‘своеобразный, особенный, такой-то’ (*arti* ‘один’), абх. *ak'-a + la-š°a* (то же) (*ak'ə* ‘один’, *a + la* инструментальный суффикс, *-š°a* ‘подобно’; ср. груз. *am naeri* ‘такой, подобный’, где *am* ‘этот’; грузинское соответствие указано мне Г.А. Климовым) и т.д.

9. Некоторые из разительных примеров мегрело-абхазских структурных параллелей имеют свое продолжение также в лазском, ареал распространения которого в настоящее время не соприкасается с абхазским, будучи отделенным от него аджарской, западногрузинской, и мегрельской речью, что может пролить определенный свет на лингвистическую географию древних времен, когда абхазский и лазский были непосредственными соседями. В качестве иллюстрации этого я приведу здесь только два примера, число которых можно без труда увеличить. Г.А. Климов [Климов 1986: 183], со ссылкой на Гамкрелидзе и Мачавариани, рассматривает лаз. *k'ai mac'oni* ‘мне понравилось’, букв. ‘я это хорошо видел’ в качестве кальки с абх. *bzaja jə-z-ba-ji'* ‘мне это понравилось’, букв. ‘я это хорошим увидел’. Такая же идеосемантема представлена в адыгском и убыхском, т.е. общеабхазо-адыгской. Таким образом, в данном случае мы имеем специфическую лазско-абхазоадыгскую параллель, не разделяемую ни мегрельским, ни другими картвельскими языками. Другим интересным примером является конструкция с послелогом в значении ‘потом, после’. В мегрельском и лазском она образуется с помощью морфемы *-k'ule*, которой предшествует генитивный суффикс *-š*, ср. лаз. *ondye(r)-i-š-k'ule* ‘после обеда’, *oxor-ša mo-p-ti-š-k'ule* ‘после того как/когда я пришел домой’. Грузинский в этом случае использует наречия *roca*, *rodesac*: *roca saxls miwuaxlowdit* ‘когда мы пришли домой’, *roca is dabrundeba* ‘когда он вернется’. Элемент *k'ule* встречается также в наречии: лаз. *e-k'ule*, мегр. *u-k'uli* ‘потом, затем, после’ и является производным от *k'ule* ‘след’, родственном груз. *k'wal-i* (то же). В грузинском *k'wal-i* не используется в такой функции, но в абхазском мы находим аналогичное употребление слова *a-š' + ta* ‘след’: *d-an-c[a]-a + š' + ta + x'* ‘когда/после того как он ушел’, *d-anə-z-ba a + š' + ta + x*; ‘когда я увидел его/ее’ и т.д.; ср. также наречие *a-š' + ta + x'* ‘после, затем’ (< **š' + ta-a + x'ə*, букв. ‘к следу’), параллельное *u-k'uli/e-k'ule* в мегрельском и лазском. В тапантском диалекте абазинского тот же элемент *š' + ta*, в фонетически упрощенной форме *ta*, используется для образования деепричастий прошедшего времени, ср. *d-ca-ta* < *d-ca-š' + ta* ‘он уйдя’, т.е. ‘после того как он ушел’, *s-č°a-ta* < *s-č°a-š' + ta* ‘я сев’ и т.д., тогда как в ашхарском диалекте эта же морфема известна в форме *-š'a*, ср. *d-ca-š'a* ‘он(а)

ўд'я', *s-t'a-s'a* 'я сев'. Абазинские данные еще более напоминают лазские конструкции с *-š-k'ule*.

10. Представленный в данной статье материал показывает, что влияние абхазского языка оставило свои явные следы как в мегрельском словаре, так и в морфологии и синтаксисе, что свидетельствует о весьма длительном периоде контактирования и взаимодействия абхазского языка с мегрельским. Наличие же некоторых из заимствований или структурных калек с абхазского также в лазском языке [Климов 1971] на нынешний день занимающем весьма далекий от абхазского географический ареал, может пролить определенный свет на древнюю геолингвистическую ситуацию Западного Закавказья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бгажба Х.С.* 1964 – Бзыбский диалект абхазского языка (исследование и тексты). Тбилиси, 1964.
- Бгажба Х.С.* 1987 – Труды. Книга первая. Сухуми, 1987.
- Генко А.Н.* 1928 – Абхазский вокализм // Известия АН СССР. Отделение Гуманитарных наук, VII-я серия. Ленинград, 1928.
- Глонти А.А.* 1984 – Словарь грузинских народных говоров. Тбилиси, 1984 (на груз. языке).
- Гуава Т.Е.* 1947 – Абхазский послелог *x* в занском языке // Сообщения АН Груз. ССР. Т. VIII. № 3.
- Джанация Н.С.* 1915 – Религиозные верования абхазов // Христианский Восток. Т. IV. Вып. 1. Петроград, 1915.
- Джонуа Б.Г.* 1986 – Лексические заимствования в абхазском языке. Автореферат дис. канд. филол. наук. М., 1986.
- Дзидзария О.П.* 1987 – К этимологии некоторых мегрельских пастушеских лексем // Актуальные вопросы лексикологии и грамматики языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987.
- Имнадзе Н.Е.* 1971 – Звуковой состав мегрельского диалекта занского языка. Автореферат дис. канд. филол. наук. Тбилиси, 1971.
- Калдани М.М.* 1980 – К вопросу о суффиксе *-ell/-av* в картвельских фамильных окончаниях // Иберийско-кавказское языкознание. Т. XXII. 1980.
- Кварчия В.Е.* 1981 – Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке. Сухуми, 1981.
- Кибрик А.Е., Кодзасов С.В.* 1990 – Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М., 1990.
- Китцидзе И.* 1914 – Грамматика иверского (мингрельского) языка с хрестоматией и словарем // Материалы по яфетическому языкознанию. VII. СПб., 1914.
- Климов Г.А.* 1971 – Этимология 1968. М., 1971 – Рец.: Dumésil. Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. IV. Récits Lazes.
- Климов Г.А.* 1986 – Введение в кавказское языкознание. М., 1986.
- Климов Г.А.* 1994 – Древнейшие индоевропейцы картвельских языков. М., 1994.
- Ломтадзе К.В.* 1956 – О некоторых вопросах этнической принадлежности и расселения абхазов // Мнатоби. № 12. 1956.
- Макашвили А.К.* 1949 – Ботанический словарь. Названия растений. Тбилиси, 1949 (на груз. языке).
- Март Н.Я.* 1910 – Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем // Материалы по яфетическому языкознанию. II. СПб., 1910.
- Март Н.Я.* 1938 – О языке и истории абхазов. М.; Л., 1938.
- Мегрелидзе И.В.* 1938 – Лазский и мегрельский слои в гурийском. М.; Л., 1938.
- Розава Г.В.* 1942 – Абхазско-убыхско-адыгейский суффикс *privativum ga* в мегрельском // Сообщения АН Груз. ССР. Т. 3. № 6. 1942.
- Старостин С.А.* 1985 – Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. М., 1985.
- Топуриа В.Т.* 1967 – Сванский язык. I: Глагол. 2-е изд. Тбилиси (на груз. языке).
- Цагарели А.* 1880 – Мингрельские этюды. Первый выпуск. Мингрельские тексты с переводом и объяснениями. СПб., 1880.
- Циколия М.М.* 1969 – Абжуйский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1969.
- Циколия М.М.* 1977 – Абхазско-картвельские синтаксические параллели // Труды Абх. Института языка, литературы и истории. Т. VI. Тбилиси, 1977.
- Цхадая П.А.* 1975 – Топонимика горной Мегрелии. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1975.
- Чарая П.* 1912 – Об отношении абхазского языка к яфетическим. СПб., 1912.
- Чикобава А.С.* 1942 – Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками // Известия Института языка, истории и материальной культуры им. акад. Н.Я. Марра. Т. XX. Тбилиси, 1942.

Чургулия О. 1983 – Варианты частицы 'хе' в картвельских языках // Известия АН Груз. ССР. 4. Тбилиси, 1983.

Шагиров А.К. 1982 – Материальные и структурные общности лексики абхазско-адыгских языков. М., 1982.

Шагиров А.К. 1989 – Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. М., 1989.

Chirikba V. 1996 – Common West Caucasian. The reconstruction of its phonological system and parts of its lexicon and morphology. Leiden, 1996.

Hewitt B.G. 1992a – Languages in contact in N.W. Georgia: fact or fiction? // G. Hewitt (Ed.). Caucasian perspectives. München, 1992.

Hewitt B.G. 1992b – Another case of influence of Abkhaz on Mingrelian syntax? // Catherine Paris (Ed.). Caucasologie et mythologie comparée. Actes du Colloque International du CNRS. IV-e Colloque de Caucasologie (Sèvres, 27–29 juin 1988). Paris, 1992.

Lacassen W. 1989 – Loans in Abkhaz // Studies in Slavic and general linguistics. V. 1. Utrecht, 1980.

Schmidt G. 1950 – Abchasische Lehnwortstudien // Studia Orientalia / Ed. Societas Orientalis Fennica. XIV. 4. Helsinki, 1950.

Spencer E. 1839 – Travels in Circassia. Krim-Tartary. V. I, London, 1839.

© 1998 г. В.Г. ГАК, Н.З. ДОНАДZE

НАЗВАНИЯ ЗЯТЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АТЛАСА ЕВРОПЫ

Лингвистический атлас Европы (ЛАЕ) – атлас нового типа по сравнению с атласами, охватывающими лишь территории генетически связанных диалектов. Атласы генетически родственных языков и диалектов показывают на карте фонетические, грамматические и лексические черты, свидетельствующие о былой общности. Атлас какого-либо отдельного языка должен отражать его диалектную дифференциацию. Лингвистический атлас Средиземного моря и Общекарпатский лингвистический атлас относятся к атласам того же типа, что и ЛАЕ, но уступают ему по числу представленных языков и картографируемых языковых черт. Так как ЛАЕ представляет не только генетически родственные, но и неродственные или отдаленно родственные языки, его основной целью не может быть изучение их фонетических, грамматических и лексических черт, что является функцией классических лингвистических атласов. Каждый лексический вопрос ЛАЕ имеет ономаσιологический и мотивационный аспекты. Соотношение этих аспектов зависит как от самого вопроса и ответов, на него полученных, так и от решения автора карты. Некоторые этимологически различные формы имеют одну и ту же семантическую мотивацию несмотря на то, что они обнаружены в отдаленных и географически не связанных точках континента. Центр тяжести при этом переносится на изучение внутренней формы номинации.

В Первом вопроснике ЛАЕ раздел В.4.1.2 был посвящен наиболее важным именам родства (вопросы 453–476), а во Втором вопроснике, в главе "Понятийные поля", практически полному списку имен родства посвящено 200 вопросов. Очевидно, что в ЛАЕ имена родства будут проанализированы насколько возможно подробно. О принципах работы над атласом см. [Алинеи 1993: 120–135].

Мы рассмотрим здесь лишь небольшую часть уже собранного по Первому вопроснику материала "родства по свойству", вопрос 469 "зять". Многие особенности номинации "зять" становятся более очевидными при сопоставлении их с номинациями соотносительного понятия "невестки". Анализ обозначений "невестки" в ЛАЕ см. [Гак 1996: 105–116].

Родственные отношения в самом общем виде отразились в индоевропейском термине **snuso* "невестка", "сноха". Его этимология не вполне ясна, но имеются основания полагать, что он связан с и.-е. *sneц* "вязать", откуда и русское *снoвать* "набирать основу ткани" [Трубачев 1959: 131; Фасмер 1987: 700]. О. Трубачев отмечает также в связи с этим совпадение в нем. *Schnur* значений "сноха" и "бечевка". Т. Гамкрелидзе и В. Иванов, уточняя, что термин **snuso* мог относиться не только к жене сына, но и к жене брата, сближают его с древней основой **(s)neuh[h]*, лат. *nībō* "брат в жены", греч. *νύμφη* "невеста" [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 761–763]. Корень **snuso* дал во многих и.-е. языках производные со значением "жена сына": др.-инд. *snusā*, арм. *ни*, греч. *νύβς*, лат. *nurus*, дн. *snur*, слав. *snūcha*.

Имеются серьезные основания полагать, что и.-е. обозначения снохи проникло в кавказские языки (подробные сведения о судьбе *snuso*- в кавказских языках сообщены

нам Г.А. Климовым). Ср. адыг., каб. *nəşə*, чеч., инг., бабб. *nus*, авар. *nus, nusa(j)*, анд., бабв. *nuša*, арч. *nustur*. Тот же корень обнаруживается и в картвельских языках: мегр. *noso-*, *nisa-*, лаз. *nusa-*, *nisa-*. По мнению некоторых кавказоведов, к этому же источнику могут восходить и формы типа цахур. *sos*, табас., агул., рут. *sus*, лезг. *svas*, образованные путем утраты *n*. Любопытно, что в некоторых кавказских языках данная форма может порождать слово со значением "зять" или обозначать вообще жену родственника. С аналогичным семантическим развитием мы встречаемся, как это будет показано ниже, и в ареале индоевропейских языков (лексема "зять" используется для значения парадигматического противочлена – "снохи" либо абстрагируется, обозначая родственника по браку независимо от пола).

Хронологически выражения связи между женой (снохой) и семьей ее мужа гораздо старше, чем выражения связи между мужем (зятем) и родственниками его жены [Виск 1971:93, 123].

Особенность индоевропейской системы 'свойства' [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 761, 762], заключается в том, что реконструируется только общеиндоевропейская система терминов, обозначающих отношения жены к родственникам мужа "при полном отсутствии терминов, обозначающих отношения 'мужа' к 'родственникам жены'". То есть возникает асимметричная односторонняя система, фиксирующая лишь родственников мужа с точки зрения жены". Отсутствуют также особые индоевропейские термины для обозначения 'мужа сестры' и 'мужа дочери', 'зятя'. Все же от и.-е. **ǵén...t-* < **ǵén-* 'порождать', 'знать' (по отношению к понятию 'зять' в значении "знакомый" [Kiparsky 1942:113–121; Фасмер 1987:112]) имеются греч. *γαμβρός*, романи (цбг.) *jamutro*, русск., укр. *zjat'*, бел. *zjac'*, словен. *zet*, чеш. *zet*, слов. *zat'*, серб. и хорв. *zet*, мак. *zet*, латыш. *znuōts*, лит. *žentas*, а также франц. *gendre*, исп. *verno*, алб. *dhëndër*. С точки зрения внутренней формы просматривается параллель в мордовских языках, где зять – *sodamo* происходит от глагола *sodams* "знать".

Поскольку нас интересует история развития внутренней формы, те формы, этимология которых неясна, поневоле выпадают из нашего исследования (в основном большинство кавказских, тюркских, финноугорских). Отметим, что в большинстве финно-угорских и тюркских языков термин "невестка" обладает явной мотивированностью. Большее разнообразие и ясность номинаций невестки по сравнению с наименованиями зятя, объясняется, видимо, патрилокальностью брака у народов Европы (невеста приходит жить в дом мужа).

Всякая номинация (наименование) характеризуется тремя сторонами: объемом значения, внешней формой наименования и внутренней формой наименования.

А. **Объем значения** номинации определяется тем местом, которая она занимает в ряду номинативных единиц одного и того же класса. Значение представляет собой совокупность семантических компонентов – сем, соответствующих различительным чертам обозначаемого объема. ЗЯТЬ занимает определенное место среди других терминов родства; обозначая мужа дочери, он содержит четыре компонента (семь):

- [а] "родство по браку" – "муж" – в отличие от термина сын
- [б] "прямая линия" – "муж дочери" в отличие от муж племянницы,
- [в] "первое последующее поколение" – "муж дочери" в отличие от муж сестры,
- [г] "мужской пол" – в отличие от сноха.

Б. По внешней форме номинация может представлять собой простое слово, производное слово, сложное слово, словосочетание. В анализируемом материале представлены все четыре структурных типа. Первые два относятся к синтетическим номинациям, вторые – к аналитическим. Синтетические номинации менее громоздки, но они нередко лишены прямой мотивированности, значение в них может быть затуманенным, они легче подвергаются переосмыслениям и смешениям с соседними терминами. Аналитические номинации более громоздки, но они обладают

очевидной мотивированностью, в семантическом отношении манипулировать с ними легче, хотя в структурном труднее (в силу их многокомпонентности). В синтетических номинациях весь комплекс различительных сем представлен совокупно одной корневой морфемой: *зять* [а · б · в · г]. В аналитических семы распределяются между компонентами номинации: *муж* [а · г] *дочери* [б · в]. Во многих языках наблюдается переход от немотивированных синтетических терминов родства к мотивированным аналитическим (например, в русском языке и др.). Этот переход связан с известными преобразованиями в структуре семьи, все менее значительной ролью в обществе большой семьи и широких родственных отношений, вследствие чего многие термины, обозначающие виды родства по браку, становятся менее употребительными. С другой стороны, обнаруживается и тенденция к универбации – замене словосочетания словом, что приводит к восстановлению семантической сложности наименования. Эти номинации имеют также большое преимущество, будучи однозначными, в то время как старые простые слова использовались для обозначения разных родственников по браку, ср. стр.-исл. *māgr* "зять/шурин/свекор" [Kruisjen 1986: 330; Debus: 1958].

В рассмотренном материале немало случаев заимствования из одного языка в другой. Выявляются оба основных способа заимствования: материальное заимствование (например, комиперм. и комизыр. [z'at'], саам. [z'at] < рус. зять, саам. [m'ɑhkɑ] < сканд. *māgr*, лив. *znīot* < латыш. *znīots*, марийск. [k'jæy] и удмурт. [kijaw] < татар. *kijäü*) и семантическое – калька (например, по семантической модели французского *beau-fils* были созданы обозначения зятя в бретонском, нидерландском (франц. *beau-* в виде кальки, в качестве общей парадигматической морфемы для обозначения связи по браку в нидерландском, а из нидерландского – в восточно-фризском: *schonzon*, *shoonbroeder* и т.д.), в итальянских диалектах; по английскому образцу *son-in-law* – обозначения зятя в кельтских языках Великобритании).

В то же время, такие формы, как англ. диал. формы в Шотландии *guid son* являются калькой с французского и происходят от вежливых обращений, ср. "*beau sire*". Подобные словосочетания с *good* в английских диалектах характерны для целой парадигмы родства по браку (*good-father*, *good-mother* и т.д., а также *good-father-in law*). Французское *beau-fils* впервые засвидетельствовано в 1468 г. В этот период прилагательное *beau* имело значение "дорогой" как выражение вежливости. Были образованы такие сложные слова, как *beau-frère*, *belle-mère*, *beau-fils* для обозначения родства через брак. Эквивалентом *beau-fils* является *beau-garçon* в двух пунктах во Франции и трех пунктах в валлонской Бельгии, в компоненте *-garçon* снимается сема родства и остается сема пола. Сложное слово *šwigersyn* в лужицком в первой своей части является заимствованием из нем. *Schwieger*, а вторая отражает праслав. *synъ.

Внутренняя форма номинации определяется признаком, который был взят за основу при наименовании объема. Можно выделить два основных типа таких признаков: относительные и описательные (собственные). Оба они представлены в обозначениях зятя. Относительные признаки отражают связи данного объекта с другими объектами соответствующей группы или ситуации. Они указывают на связь объекта с другими объектами, на его назначение, на его движение к иному объекту и т.п. Собственные признаки отличают данный объект от других объектов данного класса: это может быть форма, цвет, размеры, у одушевленных объектов – возраст и пол и т.д.

К относительным признакам, которые в разных языках были взяты за основу при обозначении зятя можно отнести: 1) общее значение связи (с новой семьей); 2) отношение к дочери; 3) приход молодого мужа в дом невесты. К собственным признакам можно отнести его возраст (молодость) (каталанск. *jove*). Собственный признак может иметь оценочный характер, см. примеры ниже.

Внутрисистемные отношения терминов. Термин "зять" входит в систему терминов родства, он может подвергаться воздействию внутрисистемных

отношений, в силу которых происходят семантические сдвиги: этот термин начинает употребляться в другом значении или же соседний термин вытесняет его в соответствующем значении. Наиболее часто на подобные сдвиги значения оказывают отношения смежности и соположенности.

В первом случае наименование переходит на объект, соседний с данным; это могут быть, например, этапы одного процесса. Например, алб. *dhëndër* имеет значения "жених" – "зять" (первое предшествует второму).

При отношениях соположенности происходит замена одного термина другим в рамках более общего понятия. Например, зять квалифицируется как сын, но неродной. Однако существует и другая разновидность неродного сына – пасынок. Оба понятия объединяются гиперонимом "неродной сын", в рамках которого видовые наименования "зять" и "пасынок" могут употребляться одно вместо другого. Ср. франц. *beau-fils* "зять/пасынок". Сюда же можно отнести польск. *synowiec* "зять/племянник" и сев. итал. *netso, nipote* "зять/племянник".

И, наконец, внутри системы родства некоторые семантические компоненты могут получить специальное формальное выражение, что создает специфику номинации как на семантическом, так и на формальном уровне. В связи с этим различаются две системы наименований отношений родства: индивидуализирующая и классификационная. В первом случае все дифференциальные компоненты репрезентированы совокупно одной семантемой (например, *зять* [а · б · в · г]), во втором один из компонентов выделяется в особую морфему, которая предстает как классема (например, англ. *son* [б · в · г] -*in-law* [а]): -*in-law* классифицирует целый ряд родственников как родственников по браку.

Наименования зятя в языках Европы обнаруживают известное разнообразие в отношении внутренней и внешней формы номинации.

Относительный признак – "Муж дочери" – самая частая перифраза, используемая для обозначения зятя. Она может принимать различные структурные формы. Во-первых, в соответствии с общими грамматическими тенденциями соответствующего языка, определение может предшествовать определяемому ("дочери муж") или следовать за ним ("муж дочери"). Во-вторых, номинация может представлять собой сложное слово или словосочетание. При препозиции определения обычно формируется сложное слово. Определение может принимать форму компонента сложного слова, родительного падежа или прилагательного.

а) "Дочери муж": лив. *tidārmīez* (*tidār* "дочь" + *mīez* "муж"), англ. *my daughter's man* (в подобных номинациях *man* "муж", а не "мужчина" вообще; шотл. *an duine aig do nighean* 'твоей дочери муж', нидерл. *mijn dochter haar man* 'моей дочери муж').

Сходная семантическая структура номинации отмечается и в латышском *meitas virs*, где *meitas* – дательный падеж со значением принадлежности от *meita* "дочь" (ср. рус. "он – моей дочери муж").

Своеобразная форма *our Hetty's husband* "нашей Хетти муж" (в параллель к *our Jack's wife* "нашего Джека жена") представлена в одном из английских пунктов.

б) "Муж дочери". Такой порядок компонентов обнаруживается во многих аналитических обозначениях: норв. *mann tillåt dotter(a) mi* итал. диал. *l'uomo di mia figlia* "муж моей дочери", гэльск. в Шотландии *an duine ag do mignean* "муж твоей дочери".

Подобные описательные конструкции стали позже новыми лексическими единицами, как нем. диал. *Tochtermann*.

в) Относительный признак "пришедший". Для европейских народов всех этнолингвистических групп была характерна патрилокальная семья, т.е. такая, при которой молодая жена приходит жить в дом мужа. У разных народов – от древних римлян до современных кавказских народов – приход (привоз, приезд) невесты в дом жениха составляет важнейший элемент свадебного ритуала [Винничук 1988: 148, 168; Меретуков 1987: 228 и сл., 279 и сл.]. Поэтому обозначение снохи во многих языках восходит к понятию "приходить" (в частности, в тюркских языках и в финно-угорских

заимствованиях из тюркских языков). Эта внутренняя форма практически не встречается в материалах ЛАЕ для обозначения зятя, за исключением верхнелуж. *přichodny syn*. В том же населенном пункте эта мотивация представлена в аналитическом обозначении снохи: *přichodna džowka*. Ср. также рус. обл. *примак* "зять, принятый в семью жены" и татар. *kijäi permes* "зять-приемыш" (<рус. *приемыш*).

г) Внутренняя форма "партнер(муж) наследницы" обнаруживается в немецких диалектах: герм. *aiPumaz > *Eidam, Eidam, Eirem, Eidensohn* [Kruijjsen 1986: 331].

Выделительный (собственный) признак.

Этот признак выделяет зятя среди других членов семьи не по его отношению к жене и ее семье, но по его собственным признакам, среди которых наиболее часто актуализируется признак "молодой".

Молодость – не дифференциальный признак зятя: в семье есть сыновья, которые могут быть моложе его. Но этот потенциальный признак может лечь в основу наименования зятя. Во многих языках слово "молодой" приобретает значение "зять". В плане выражения новая номинация может образовываться с помощью конверсии или словосложения:

– прямая конверсия прилагательного: исп. диал., каталанск. *jove*, исп. *joven* (эти слова восходят к и.-е. *juwen* "молодой"); чеш. *mladej*; словен. *mladi*;

– словосложение: нем. диал. *schwiegerjunge*.

Румынская диалектная форма *ginere* образована от рум. *ginere* (<лат. *generem*) + рум. *june* (<лат. *juvenis*) путем контаминации.

Семантические сдвиги (переносы с других наименований родства). Эти сдвиги могут быть двоякого рода: между этапами матримонильного процесса и внутри группы родственников.

а) Вступление в брак во многих обществах представляет собой процесс, состоявший из ряда этапов, важнейшими из которых были сватовство, обручение, свадьба. В языке нередко изменение значения слова объясняется переносом его на иной этап того же процесса. Например, к одному корню в русском языке восходят слова сватовство (поиск супруга) и свадьба (заключительный этап процесса).

Подобный сдвиг имеет место для понятия "сноха". Во многих языках европейского ареала обнаруживается подобное скольжение смысла: слово "сноха" восходит к слову, значившему "невеста", то есть к более раннему этапу процесса: франц. *bru* <лат. *brutis* <герм. *brūdi, ср. готск. *bruths "новобрачная", "невеста"); также ретором. *brut*; греч. ἡύμθη "новобрачная, невеста"); карельск. *morzirn* (первоначальное значение "невеста", "молодая женщина до рождения первого ребенка); итал. диал. *spoza* <лат. *sponsa* "невеста" от *spondere* "брать обязательство"); романи (цыг.) *bon* <санскр. *varoru* "невеста", "новобрачная"). В единичных случаях он относится к названиям зятя, так, в албанском: *dhëndër* "жених" → "зять".

б) границы понятий родства характеризуются известной размытостью. Понятие "зять" входит в группу "родственников по браку", возможны переносы значений внутри этой группы, при которых нейтрализуются определенные различительные признаки, свойственные понятию "зять". Здесь отмечается два основных случая.

– Нейтрализация семы [б] – "прямая линия", "муж дочери". Зять через брак с дочерью становится как бы новым – но не родным сыном: поскольку сема [б] нейтрализуется, он уподобляется другому неродному сыну, приобретенному в браке, – "пасынку", хотя в отдельных итальянских диалектах он называется тем же словом, что и "сын" – *figlio*.

Во французском языке *beau-fils* выражает оба этих значения: 1. "зять", 2. "сын от первого брака". В значении "зять" *beau-fils* употребляется часто, нельзя даже сказать, что это регионализм. Во фризском *oentrouwe soan* "сын, полученный через вступление в брак" означает зятя, при том, что в нидерл. *aangetrouwde kinderen* – "пасынок и падчерица", т.е. неродные дети.

В некоторых романских языках значение "зять" заменило значение "пасынок": франкопрованс. *filiatre*, с фонетической точки зрения являющийся регулярным продолжением лат. *filiaster*, претерпел семантическую эволюцию: лат. "сын от первого брака" → франкопрованс. "муж дочери". Формы, продолжающие это латинское слово, образуют небольшой ареал вокруг Лиона. Также оксит. *filastr*, итал. диал. *figliastro* из лат. *filiaster* "пасынок". Поскольку суффикс – *atre* стал восприниматься как пейоративный, он был заменен суффиксом –*at*: оксит. *filiat*.

– Нейтрализация семы [в] – "последующее поколение". При этом зять уподобляется другим родственникам по браку: ср. ирл. и соответственно гэльск. *cleamhain*, *cleamhuin* от кельтского *kljomnis "родство по браку". Кроме того, обращает на себя единственный случай в гэльском *mac céile* "сын свойственника".

Пример сужения значения может дать судьба лат. *cognatus*. После разрушения римской системы родства термин *cognatus*, –*a*, имевший значение "родственник по крови", стал применяться для обозначения родственников по браку одного поколения. Исп. *cuñado* стало обозначать мужа сестры, брата мужа или жены. В русском языке словоупотребление "зять" приобрело более широкое значение.

К л а с с и ф и к а ц и о н н ы е с и с т е м ы. Выше отмечалось, что в индивидуализирующих обозначениях (ср. рус. зять, шурин, деверь, сноха, и т.п.) системные связи терминов и объектов не отражаются. В классификационных системах обозначения некоторые различительные компоненты значений получают собственное обозначение, повторяясь в ряде терминов родства, так что форма номинации отражает в известной степени системные отношения между членами лексического (и понятийного) поля.

В европейских системах терминов родства можно выделить два типа классификационных обозначений.

а) Системы с семами, специально выражающими родство по браку [а] + [б · в · г]. Существует три таких модели: "немецкая", "английская" и "французская".

– В "немецкой" модели родство по браку выражается морфемой *Schwieger*. *Schwiegersohn* "зять", *Schwiegervater* "тесть, свекр" *Schwiegertochter* "сноха" и т.п. Эта морфема восходит к тому же корню, что и лат. *socer*, слав. *svekry. И.-е. праформа могла означать "глава семьи", "глава своих людей" [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 760]. По отношению к нему и определяются все родственники, так что *Schwiegersohn* исторически интерпретируется как "сын свекра". Однако в современном языке *Schwieger* приобрело абстрактное значение "родственник по браку", образуя даже *Schwiegereltern* "родители мужа, жены". Аналогичные обозначения представлены в других германских языках. Одна из самых продуктивных в германских языках моделей с заимствованными словами и кальками во фризском и севернонемецком, как для зятя, так и для невестки, это словосочетания со *schwieger*- (как определяющим). В качестве определяемого мы имеем в вопросе 469 – "-*sohn*", "-*mann*" и "-*junge*". В нем. Швейцарии *Swiegersohn* – младший, а *Tochtermann* – старший зять.

Сложное обозначение может уступать место одноэлементному обозначению: нем. *Schwager*, дат. *svoger* (калька с немецкого). В нем. диал. *schwager* "зять" элемент обозначает лишь одного родственника из микросистемы и из классификационной системы перешел в индивидуализирующую.

– "Английская" модель. Классификационный элемент немецкой модели (*Schwieger*) в современном языке сам по себе не мотивирован, он получает мотивацию только в комплексе образуемых им терминов. В отличие от немецкой, английская и французская системы используют классификаторы, обладающие известной мотивированностью в современном языке: англ. *son-in-law*; *-in-law* (букв. "в законе"), гэльский. *mab yng nghyfraith* ("сын в законе", калька с англ.); франц. *beau-fils*, бретон. *mab kaer* – букв. "сын милый". Э. Бенвенист считает, что каждый из этих двух

классификаторов исторически мотивирован: английский является "юридическим", французский восходит к выражению вежливости [Benveniste 1969: 245–246].

– "Французская" система, как отмечалось выше, использует морфему *beau-* (*belle-*), которая может, подобно ее немецкому и английскому аналогу, присоединяться к разнообразным терминам родства по браку, например: *belle-petite-fille* "внучатная племянница", *belle-famille* "семья супруга" и т.п.

Характерной для большинства германских языков является тенденция выражать родственную связь по браку одним общим парадигматическим элементом, англ. *-in-law*, нидерл. *schoon-*, нем. *Schwieger-*, дат., норв. *sviger-*, швед. *svär-*, хотя изначально существовало большее лексическое разнообразие, и хронологически выражение родства между женой (невесткой) и семьей ее мужа гораздо старше, чем выражения, обозначающие родство между мужем (зятем) и родственниками его жены, как отмечалось выше.

б) Системы с семами, выражающими пол [а · б · в] + [г]. В индивидуализирующей системе родства значение "пол" неразрывно связано со значением "тип родства", оба значения выражаются единой лексемой: сын "ребенок мужского пола", дочь "ребенок женского пола". Но нередки случаи, когда основа указывает на тип родства, а пол передается особой морфемой, как например, в паре внук/внучка: основа внук(ч)-предстает здесь как обозначение родственника второго нисходящего поколения по прямой линии, тогда как пол выражен чередованием морфем Ø/-ка. В некоторых языках такой прием используется и для обозначения снохи: наименование снохи образуется от термина "зять", с прибавлением показателя женского рода. Последний может иметь двоякую форму: суффикса женского рода или грамматической морфемы женского рода. Оба приема используются в романских языках:

– Суффиксация представлена суффиксом *-esse*: фр. диал. *gendre* "зять"/*gendresse* "сноха" (ср. *prince/princesse*); франкопрованс. *gendressa*.

– Грамматические формы имеют большее распространение (это соответствует способности романских языков различать род одушевленных существительных с помощью грамматических форм и их вариантов): оксит. *gendre* "зять" (ср. *gendro* "сноха"), катал. *gen(d)rel/gendra*; порт. *genro/genra*; исп. *yerno/yerna*, итал. *nuoro/nuora*.)

Особенного распространения этот прием достиг в испанском языке, где многим супплетивным парам индоевропейских языков соответствуют термины родства, различающиеся грамматическими показателями. Ср. дед/бабка *abuelo/abuela*; брат/сестра *hermano/hermana*, дядя/тетка *tío/tía*. Пара *yerno/nuera* "зять/сноха" выпадала из этой общей системы, и по аналогии сформировалась пара *yerno/yerna*. Но в этом случае основа *yern-* (от лат. *gener* "зять") больше уже не значит "зять, муж дочери", она значит "родственник первого нисходящего поколения по браку", а идет ли речь о зяте или снохе, – уточняет грамматическое окончание рода. Таким образом, значение основы обобщается и отделяется от значения пола. В некоторых испанских диалектах наблюдается обратный процесс: от *nuera* "сноха" образуется *nuero* "зять". В таком случае основы *nuer-* и *yern-* выступают как полные синонимы.

В аналитических обозначениях в качестве классифицирующей семы может выступать совокупность [а · г] "муж"; ср. *муж дочери*, *муж сестры*.

Проведенный анализ показывает, что несмотря на разнообразие языковых семей, наименование зятя в языках Европы восходит к определенным типам внутренней формы, которые обусловлены объективными признаками самого объекта. Названия зятя часто связаны с идеей "знакомый", тогда как "невеста, невестка" – "незнакомая", "пришедшая" [в некоторых языках (кавк., исп.) зять/невестка могут нейтрализоваться в значении основы].

- Алинеи М.* 1993 – Лингвистический атлас Европы: первые двадцать два года. С. 120–135 // ВЯ. 1993. № 3.
- Винничук Л.* 1988 – Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М., 1988.
- Гак В.Г.* 1996 – Невесгка (по материалам Atlas Linguarum Europae) // Общеславянский лингвистический атлас. М., 1996.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* 1984 – Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II. Тбилиси, 1984.
- Меретуков М.А.* 1987 – Семья и брак у адыгских народов. Майкоп, 1987.
- Трубачев О.Н.* 1959 – История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
- Фасмер М.* 1987 – Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1987.
- Benveniste E.* 1969 – Le vocabulaire des institutions indoeuropéennes. Paris, 1969.
- Buck C.D.* 1979 – A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. Chicago, 1979.
- Debus F.* 1958 – Die deutschen Bezeichnungen für die Heiratsverwandtschaft // Deutsche Wortforschung in europäischen Bezügen / Hrsg. von L.E. Schmitt, Giessen, 1958.
- Kiparsky V.* 1942 – Schwieghersohn als "Bekannter" // Neuphilologische Mitteilungen. XLIII. 1942.
- Kruijsen J., Århammar N.* 1986 – ALE-Q1: "Son-in-Law" and 470 "Daughter-in-Law" // Aspects of language. Studies in honour of Mario Alinei, V.I. Geolinguistics. Amsterdam, 1986.

© 1998 г. М.М. МАКОВСКИЙ

МЕТАМОРФОЗЫ СЛОВА

(Табуирующие маркеры в индоевропейских языках)

Summum jus, summa injuria

Цицерон

Материальной душой древнего слова-символа, которое первоначально представляло собой сакральную формулу, являлись гласные и сочетания гласных (вокалические узлы). Форма слова являлась табуирующей для ее значения, а значение – табуирующим для формы. Интересно, что все сочетания гласных – эти самые ранние клеточки человеческого языка и оболочки человеческой мысли – изначально имели только одно значение, от которого впоследствии образовались все остальные значения, представленные в языке. Это значение – "огонь-вода" (сами эти значения являются метафорами от первичного значения в индоевропейских языках – "гнуть-ломать", т.е. огонь мыслился как "плетение" языков пламени, а вода – как плетение волн). Именно сочетания гласных (*ai-, *ja-, *au-, *ua-, *ei-, *je-, *eu-, *ue(i)-, *ou-, *uo-, *oi-) впоследствии "обрастали" согласными и сочетаниями согласных справа и слева: эти согласные первоначально служили "оберегами" (в частности, табуирующими элементами) для "сакральных" вокалических сочетаний. Именно в лоне указанных вокалических сочетаний значения "гнуть-ломать" > "огонь-вода" дали большинство значений, представленных в языке, т.е. все более поздние значения [например, "высокий", "небо", "бог", "краска" (цвет огня), "трава, волосы" (буквально "тянущиеся вверх как огонь"), "сила" (имеется в виду огонь как божественная сила) "свет", "звук" (горящего огня), "разум", "бытие", "столб" и др.], являющиеся табуирующими метафорами или метафорами метафор. Таким образом, более поздние праформы индоевропейских слов строились по модели "гласный или неслоговой гласный" (а также сочетание гласных) + согласный [согласный мог стоять только слева или только справа от гласных или слева и справа одновременно (преформанты и детерминативы)]. Праформы эти – следующие: *ab-, *bha-, *uab-; *ad-, *dha-, *dau-, *uad-; *ag-, *gha-, *uag-; *d-/ar-, *lai-, *lau-, *ra-, *rai-, *rau-, *uar-, *ual-; *as-, *sai-, *sau-, *uas-. Подобные же праформы возможны и с другими гласными (e, i, o, u). Чисто внешне такие сочетания нередко создают впечатление р а з л и ч н ы х с л о в, не имеющих между собой ничего общего, тогда как в действительности перед нами могут быть (и чаще всего бывают) о д н и и т е ж е п е р в о к о р н и, но в табуированном (измененном) виде, т.е. амальгамы формального и семантического табу. Рассмотрим фактический материал. В индоевропейских языках со значением "бог" используются следующие корни: 1). русск. бог, но и.е. *bhok- "гореть" (< "гнуть" – об извивающихся языках пламени); ср. и.е. *ag-, *og- "гнуть" > "гореть", и.е. *geu- "biegen, krümmen, wölben" (von Feuer), *geu-lo "Feuer, glühende Kohle"; 2). и.е. *(p)aus(on)- "бог", но и.е. *eus- "brennen", лат. vis "(божественная) сила"; 3). лат. deus "бог", но и.е. *eus- "огонь, гореть", ср. и.е. *dau- "гореть"; 4). и.е. *kabeiro "бог, божество", но ирл. oibel "Feuer, Funke", *kab- "bend, curve" (vom Feuer), *abher- "(божественная) сила, мощь"; 5). хет. kermin- "бог,

божество", но *ker- "гореть". Подобным же образом русск. *рог* соотносится с и.-е. *ag-log- "огонь, гореть", лат. *rogus* "огонь", русск. *рожать*; табуирующую метатезу этого корня находим в греч. *ῥέρας* "рог", но *ker- "brennen", осет. *kuryn* "рожать", *coeryn* "жить".

Узлы (сочетания букв – гласных или согласных) в начале, середине или в конце слова имели магическую символику. Само слово, как и человек, считалось божественным узлом. Вполне понятно, что "завязывание" и "развязывание" узлов внутри слова широко использовалось в целях табуирования, т.е. "обмана" нечистой силы. В пределах слова любые рядом стоящие буквенные элементы образуют узел; однако следует различать такие узлы, которые образованы сочетанием двух согласных или двух гласных (гомоморфные узлы) от таких, которые образованы сочетанием гласного с согласным в той или иной последовательности (гетероморфные узлы). Развязывание гомоморфных узлов неизменно ведет к гибели слова; с другой стороны, завязывание и развязывание гетероморфных узлов к гибели слова не ведет и никак не отражается на его целостности. Отсюда открывается возможность замены гетероморфных узлов гомоморфными в целях "обмана" злых сил и, наоборот, замены гомоморфных узлов гетероморфными. Поскольку в языческом обществе узел мог иметь как положительное значение (символ порядка, гармонии Космоса, символ целостности, здоровья)¹, так и отрицательное значение (символ гибели, смерти, Хаоса, вселенского беспорядка), то уже само наличие в слове того или иного вида узлов (а узлы неизменно присутствуют в слове) служило для "обмана" злых сил. Архитектоника древнего слова, подчинявшаяся тому или иному "божественному" алгоритму, могла "запрещать" наличие гетероморфных или гомоморфных узлов в начале, в середине или в конце слова: нарушение "божественного" алгоритма и использование тех или иных видов узлов там, где их наличие запрещалось, также служило "обману" злых сил и их "отведению" от слова. Гетероморфный узел воспринимался как "развязывание" гомоморфного узла, а гомоморфный узел – как "развязывание" гетероморфного узла.

С другой стороны, вариативность преформантов и детерминативов отражает стремление определенного "боготворчества" в пределах слова. Можно сказать, что первотворчество есть знаковое пространство, что в свою очередь указывает на совершенно особую космогоническую функцию знака: обозначая пространство, знак творит его. Естественное расположение вещей не воспринимается как знак. Нечто (форма, содержание) становится значимым, когда оно располагается в ином, "непривычном" порядке, становится "другим". При этом то, что стало значимым, способно порождать значения. Значение, таким образом, – это реакция на непривычность схемы явлений. Совершенная определенность есть точка. Но точка, представляя совершенную определенность, является наиболее формальным (неконкретным) элементом. Расширение точки конкретизирует ее, одновременно и парадоксально увеличивая ее "неопределенность", которая при своей онтологической неустойчивости нуждается в новом означивании, в новом внесении в неопределенность определенности. Схема может быть представлена как 0–1–2, где 0 – Хаос, 1 – первоточка, 2 – явление первого структурированного элемента (солнца). Таким образом можно сказать, что в пределах древнего слова-формулы одна буква "рождает" или "гасит" другую, определенные значения (или комплекс значений) проявляются в определенной формальной оболочке, а определенная формальная оболочка "пропускает" одни значения и не пропускает другие. Первоэлементы божественного творения – Слово, Вода и Огонь [ср. и.-е. *uer- "слово", и.-е. *uer- "огонь"; тох. А *war вода"; ср. также др.-англ. *spræcan* "говорить", др.-англ. *feorh* "душа, жизнь, Вселенная", тох. А *preke* "(божественное время)", хет. *parganu*- "cleanse" (эпитет Вселенной – "чистая, умытая": ср. лат. *mundus*)]

¹ Следует также учитывать, что любой "узел" в слове был символом начала и конца, т.е. космогонической целостности.

как раз и были теми "другими", которые оказались источником постоянного и бесконечного рождения в Космосе и в Слове как точном отражении Космоса. Приведем примеры: ср. русск. *иной*, но литовск. *unas* "настоящий, подлинный" (ср. и.-е. *onos "творить, делать"); к тому же корню относятся и.-е. *anas "душа" (<"огонь"), и.-е. *anos "предок"; ср. далее: латышск. *kaitēt* "гореть", др.-сев. *heitr* "горячий", но литовск. *kitas* "другой" (ср. русск. диал. *комить* "рожать"); и.-е. **dhem-* "гореть", но лит. *damaĩs* "другой" (ср. тох. А *tām* "родить"); и.-е. **an(d)-* "огонь", но гот. *anþar* "другой", ср. др.-сев. *ond* "душа", др.-инд. *adda-* "половой орган", общегерм. **andjaz-* "начало" и "конец" (единство космогонического процесса).

Основной принцип построения слова как табуируемой величины по преимуществу – это проявление одинакового в различном и различного в одинаковом. Истинная символика, как отмечал Гёте, обнаруживается там, где особенное представляет общее, но не в виде тени или химеры, а как вполне живое и зримое откровение. В алфавите представлены гласные, символизирующие Вселенскую Душу, т.е. мужское начало, вечное, божественное, в отличие от сопряженных с ними согласных, символизирующих Тело, в котором воплощается Душа, т.е. женское, преходящее начало. Соединение "души" и "тела" слова, выражающие идею универсальной дуализированности Мира, конкретизируется в неограниченном ряду семантических диад (верх-низ, внутреннее-внешнее, земное-небесное, правое-левое и др.) и неограниченном ряду формальных преобразований "тела" слова. В этой связи интересно рассмотреть следующий фактический материал Греч. *κόσμος* "Вселенная", ср. хет. *kiša* "быть, существовать", но лат. *cessare* "исчезать"; вторую часть этого слова следует сопоставить с тох. А *māsk-* "быть, существовать", но вместе с тем – с тох. А. *musk-* "исчезнуть". Космос трактуется не только как "бытие-небытие", но и как огненная вертикаль (ср. лат. *sub-stantia* <**sthā-*"стоять" <**dheg-*"гореть").

Сопряженность гласных и согласных знаменует собой божественное превращение, переход от Хаоса к многообразию вещей во Вселенной, вселенский Порядок и Гармонию, нарушение которых снова ввергает в Хаос. Гласные и согласные – это божественное расщепление первозданной вселенской единицы, обе части которой – символ Целостности. Божественное Творение разворачивается в пространственно-временном и двигательном-эволюционном пространствах на основе различных кодов, алгоритмов, вращающихся вокруг чисел, с которыми непосредственно связаны буквенные знаки, особенно чисел 1, 3, 5, 7.

Гласные являются носителями высших божественных энергий и наиболее глубоких божественных смыслов. Они не выступают поодиночке, но только вместе с согласными, образуя различные комбинации, которые соответствуют **различным уровням, регистрам мифо-ментального пространства** ("чакры" слова). При этом гласные неизменно табуируются согласными, стоящими справа или слева от них в слове, причем эти согласные могут быть "одинарными", но могут встречаться в соединении с другими согласными (консонантные узлы). Исключительно важным с точки зрения табуирования слова является р а з р ы в его непрерывности (чередование гласных и согласных, относящихся к различным космогоническим уровням). Алфавит – это явленный Логос, божественная инфраструктура, служившая как для исцеления, так и для нанесения вреда или умерщвления врагов на основе белой или черной магии. Каждое слово понималось в древности как арена борьбы мрака (Хаоса) и Света, как божественное пространство, как формула иссякающих (с левой стороны от Центра) и возобновляющихся (с правой стороны от Центра) энергий, магических сил². Определенной табуированной ф о р м а л ь н о й модели обычно соответствует определенное м е т а ф о р и ч е с к о е (табуирующее) развертывание первозна-

² С правой стороны от Центра находится положительное поле магической формулы, "сильное" пространство, а с левой стороны – отрицательное поле, "слабое" пространство.

чений, соотносимое с определенным табуирующим развертыванием первоформ, т.е. метафорическое (табуирующее) значение определенного уровня развертывания может соотноситься только с определенным образом табуированной формой. Возможен запрет на разные значения при разных формах, на одинаковые значения при разных формах, на разные значения при одинаковых формах. В связи с этим вполне понятно, что количественно и качественно различные формы в зависимости от разрешающей способности словесного тотема могут сочетаться с одним и тем же значением, а различные значения могут проявляться в одной и той же форме. Один и тот же образ может по-разному метафоризироваться в различных или в одних и тех же формах, а различные образы могут дать одну и ту же метафору независимо от формы, в которой она проявляется.

Позиционно близкие гласные и согласные элементы слова образуют внутрисловную синтагму, поскольку они соотносятся как определяющее и определяемое, причем такая синтагма является вторичной по отношению к соединению в слове двух гласных, образующих первичный внутрисловный узел (консонантные узлы также вторичны по отношению к вокалическим). Вместе с тем любое слово (первоначально сакральная формула) имеет свою собственную метаязыковую и формантную парадигму³; независимо от формального строения слова в языке действуют определенный набор алгоритмов построения внутрисловных парадигм, в связи с чем открывается возможность установления парадигматической эквивалентности внешне несходных слов и отсутствия такой эквивалентности внешне сходных формальных образований. Именно внутренняя парадигматика слова определяет его валентность. Это в свою очередь может дать возможность вскрыть степени свободы табуирования слова как с точки зрения формы (внешняя валентность), так и значения (внутренняя валентность).

Языческие оргии и мистерии обычно имитировали акт божественного творения и "явления" Слова как первичной божественной сущности. В свою очередь и Слово, которое первоначально выступало как сакральная формула, как "божественный код", ниспосланный посвященным, отражало не только все элементы языческого ритуала, но и все категории языческой ментальности. Именно Слово, как барометр, точно отражало нравы, обычаи, верования и способы мышления первобытных людей. Вместе с тем Слова являлись талисманами, оберегами, молитвами или, наоборот, проклятиями, смысл которых был глубоко упрятан от земных глаз в хитросплетениях букв – определенное количество, качество и взаимное расположение букв в слове образовывало своеобразный "ящик" с двойным или с тройным дном – и в иносказаниях, кеннингах, аллюзиях, скрытых символах. Таким образом, лишь определенная часть сакрального смысла "являлась" в Слове; с другой стороны, даже то, что "являлось" в Слове, призвано было увести от истинного "божественного" смысла и оставалось своеобразной "вещью в себе".

Индоевропейское слово в своем первоначальном виде представляет собой криптограмму, заключающую в себе зашифрованный на основе определенных алгоритмов комплекс скрытых смыслов (внутренний пласт криптограммы), который вторично шифруется в рамках тесно связанного с ним графического криптокомплекса (гео-

³ Имеется в виду определенный порядок развертывания ограниченных формальных показателей, которые служат как метаязыковые показатели и/или семантические экспоненты, маркирующие неизменность значения или его внешнее изменение в рамках определенного мифопоэтического образа и символа. Следует иметь в виду, что любое древнее слово-формула построено по определенному алгоритму. Мифопоэтический алгоритм может выражаться в том, что в зависимости от формального строения слова один и тот же формальный комплекс может (или не может) "пропускать" те или иные (иногда совершенно различные) семантические ряды, связанные тем или иным мифопоэтическим символом; с другой стороны, в зависимости от определенного семантического ряда, "пропускаемого" или "не пропускаемого" данным формальным комплексом, формальный облик слова может претерпеть определенные изменения, соответствующие алгоритму ("правилу игры"), которому он подчиняется, или остаться неизменным.

метрическая символика буквенных знаков, их количество, качество и взаимное расположение по отношению друг к другу). Будучи непосредственным отражением и порождением религиозных воззрений язычников, Слово заключает в себе несколько "банков данных", представленных в виде концентрических кругов, т.е. находящихся как бы один в другом, и надежно "упрятанных" за глухим забором графической анаграммы. "Семантическая спираль" слова включает в себя широкий спектр единиц, начиная от потенциальных, никак не выраженных в слове, но являющихся неотъемлемой частью целостности Слова, и кончая шкалой так называемых семантических субтитров, т.е. запрограммированных в слове механизмов замены одних значений другими, причем несколько значений могут быть субститутами одного, а одно значение – субститутом нескольких значений. Как формальные, так и семантические комплексы слова одновременно являются и своеобразными моделирующими системами, обладающими свойствами саморегулирования и самонастройки во всех случаях внутрислововой энтропии (в мифо-ментальном понимании этого термина).

Можно говорить не только о геометрии буквы [например, латинская буква А представляет собой точку, символизирующую Божество, с исходящими от нее лучами вправо (мужской символ) и влево (женский символ), которые соединены горизонтальной чертой: Вселенная как символ противоречивого единства; буква В – это изображение шеста (фаллоса) и двух половинок расколотого Мирового Яйца: символ божественного творения и т.д.], но и о геометрии слова (количество и качество формальных элементов и их взаимное расположение в словесакральном коде). В слове имеется несколько слоев значений: внешние и внутренние, явные и потенциальные (высшие смыслы) [Aivanhov 1988; Wrobel 1995; ME 1990]. Любой символ-слово имел двуединое разноплоскостное воплощение: с одной стороны, в виде непосредственно воспринимаемого зрением рисованного образа (ср., поклонение язычниками идолам-столбам), в виде божественно явленной Вещи, а с другой стороны, в виде божественного Первотворения-Звука, причем обе эти плоскости табуировали друг друга и, таким образом, находились в непосредственной взаимной связи. Форма слова считалась язычниками одним из видов Явления первозданной сущности, возникшего после того, как Божество разорвало Хаос и явило Звук и Свет [ср., первоначения – "разрывать" > "гнуть" > "соединять" > "приводить в порядок, устанавливать Гармонию"]; важно соотношение понятий целостности и разрыва: ср. литовск. *kietas* "весь, целый", но тох. А *kot-* "разъединять, разрывать"; русск. *весь* (и.-е. **ues-/*uer-*), но и.-е. **uer-* "разрывать"; интересно сопоставить лат. *vir* "человек, мужчина" (символ вертикально стоящего жеста, олицетворявшего божество), но осет. *woes,us* "женщина" (часть, оторванная от мужчины, первоначально бывшего андрогином); др.-инд. *śarva* "весь, целый", но и.-е. **ker-* "разрывать"; лат. *tōtus* "весь", но лат. *tundere* "schlagen"; англ. *all* "весь", но и.-е. **alejō-* "grind, pound, crush"]. Ср. также: русск. *бить*, но русск. *быть*; и.-е. **kes-* "бить, разрывать", но хет. *kiša* "быть, существовать"; латыш. *ciņa* "борьба", но и.-е. **ken-* "начало" и "конец", а также и.-е. **kon-* "творить". Таким образом, уже на самых ранних этапах существования слова-символа его форма была неразрывно связана с его содержанием, а содержание с формой, т.е. можно наблюдать обязательный (непроизвольный) характер означаемого и означающего. Произнесение сакральной формулы во время культового действия явилось, вероятно, одной из первых предпосылок вербализации мифа. Гласный и согласный в слове-символе были аналогичны элементам инь и ян в китайской философии – соединение этих элементов в различных вариантах явилось основой создания Мироздания во всех его проявлениях. Важно отметить следующее.

1. В слове – сакральной формуле – издревле существовал целый ряд глубоко скрытых местаязыковых элементов. Это прежде всего **тотемические** экспоненты, или маркеры. Тотемический круг – это сочетание определенной тотемической

доминанты (гласной или согласной), т.е. главного тотема, с определенным количеством букв того или иного качества (аллототемы), требуемых определенным алгоритмом табу [такой алгоритм может, в частности, основываться на соответствии букв, их суммы или разности, определенному сакральному числу (двоичности, троичности, четвертичности и т.д.), а также на представленности определенного количества качественно определенных букв, образующих ту или иную позиционную фигуру, наделенную определенной сакральной символикой]. В рамках тотемического круга эти буквы могут встречаться в любых комбинациях, но все перемещения букв, их замена и изменения значений происходят только в рамках определенного табуирующего алгоритма, присущего данному тотемическому кругу. Таким образом, языковой тотем (тотемический круг) – это определенное сочетание определенных букв, группирующихся вокруг одной или нескольких букв, считаемых тотемами (т.е. сакральных и одновременно табуирующих элементов), на основе определенных разрешающих или ограничивающих правил, которые образуют жизненный стержень сочетания данных языковых элементов. В свою очередь любой табуирующий алгоритм непосредственно связан с определенным уровнем (регистром) мифо-ментального пространства (верхний, средний и нижний миры), причем алгоритм одного уровня определенным образом трансформируется (находит соответствие) на другом уровне, в частности, меняется иерархия главного и дополнительных (комплементарных) тотемических элементов (аллототемов).

Тотемизм является основной движущей силой словообразования. Тотем [буква, сочетание букв, слог (в пределах слова) могут требовать наличия или отсутствия ряда определенных букв или слогов в слове]: ср. и.-е. **el-* "гнать", но также **k-el-*, **m-el-*, **p-el-*, **s-el-* "гнать"; с другой стороны, ср.: и.-е. **el-* "гнать", но **p-el-* "лить"; "прятать"; "жечь"; "продавать"; "приносить в жертву"; "краска" < "гнать". Поскольку лингвистический код – двухмерен (кодон-антикодон), один и тот же элемент слова, как и ген в живой природе, может одновременно "рождать" как синонимы, так и омонимы. В свою очередь отдельные элементы слов, входящих в тот или иной тотемный круг, могут сами превратиться в тотемическое ядро, вызывая к жизни отпадение ряда элементов слова или вхождение в него новых элементов, соответствующих новому табуирующему алгоритму.

В индоевропейских языках в качестве тотемических элементов обычно выступают акронимические или акросиллабические части слов – названий животных-тотемов (оберегов): ср. тох. *A. lu* "животное-тотем" [ср. др.-англ. *hus-el* "жертвоприношение", чеш. *kouz-lo* "колдовство", а также: тох. *A lo* "dehors, au loin", тох. *A elā* "dehors", тох. *AB al-* "tenir loin, écarter"; и.-е. **al-* "гореть; огонь", тох. *A war* "вода"; и.-е. **al-* "гореть": ср. русск. диал. *алынья* "корова", хет. *alas* "the guardian bull" (корова как луч солнца, божественный огонь), а также хет. *alwanzah* "bewitch"]; ср. далее: и.-е. **lep-* "заяц-тотем" (лат. *lepus* "заяц"), но и.-е. **lep-* "огонь" и "камень"; и.-е. **ag-* "козел-тотем", но др.-англ. *lieg* "огонь" < **ag-* "огонь", латышск. *sakt* "начинать" (символ целостности-начала и конца), гот. *þeihswo* "гром", нем. *Ding* "вещь" (божественное явление), др.-англ. *easse* "червь, змея", но и.-е. **as-* "огонь, вздымающийся к небу", осет. *asin* "лестница (в небо)", типологически ср. др.-англ. *lieg* "огонь", но русск. *лезть* (о вздымающихся языках пламени) и русск. *лес-т-н-и-ца*; др.-инд. *taruḥ* "червь, змея", но англ. *stair* "лестница"; чеш. *śan* "змея" (вздымающийся вверх, стоящий вертикально), но арм. *san-tuxt* "лестница".

II. Далее в слове можно различить **виктимальные** элементы, т.е. элементы, как бы заранее предназначенные для "принесения в жертву" во имя жизни самого слова или определенных слогов (ср. в этой связи явления тмезиса, аферезы, гаплогонии, акронимии, элизии; ср. следующие примеры: др.-англ. *diegan* "умирать", но хет. *ug* "смерть"; тох. *A preke* "время", но и.-е. **rek-* "время"; и.-е. **uet-* "год", но тох. *A laute* "период времени"; англ. *look* "смотреть", но др.-русск. *oko* "глаз"; литовск. *ožys* "козел",

но русск. *коза*; авест. *vohun* "кровь", но персидск. *xun* "кровь"; лат. *vagina*, но франц. *gaine* "ножны", и.-е. *pecer-* "огонь", но и.-е. **цer-* "гореть"; лат. *capillus*, но *pilus* "волос"; лат. *littera*, но арм. *tar* "буква"). Понятие "катастроф" в языке полностью согласуется с мифологическим образом крушения Мира, являющимся условием его обновления, а также с мифологическим мотивом противоборства морских волн, гор, борьбы великанов и др., символизирующих рождение.

III. Непременным элементом слова являются **табуирующие** элементы. Они могут налагать запрет на то или иное строение слова (или, наоборот, требовать определенного строения слова) как в качественном, так и в количественном отношении (ср., например, отсутствие ряда букв в некоторых языках или неодинаковые возможности присоединения отрицательных частиц к различным корням в английском языке) [Zimmer 1964]⁴. В индоевропейских языках, помимо начальных табуирующих отрицаний *ne-*, *se-*, *ve-*, в качестве табуирующих выступают элементы *l-* (ср. хеттское отрицание *le*), *d-* (ср. и.-е. **dhe-* "hinschwinden", **dheu-* "hinschwinden"), *g-* (**ghe-* "leer sein, fehlen"). Поскольку табуирование пересекается с тотемизмом как ограничивающее начало, в качестве табуирующих элементов могут выступать и различные акронимические и акросиллабические элементы слов-тотемов, обозначающих различных животных, явления природы, огонь, воду, гору, небо и др. Тотемический показатель является одновременно и табуирующим, поскольку накладывает ограничения на количество и качество букв в слове и их позицию в слове. Тотемическое ограничение может быть двух видов: 1) сохранение прежнего состояния (формы и значения): в этом случае обычно наблюдается добавление табуирующих экспонентов, которые не меняют значения слова; 2) изменение формального и семантического статуса слова: следует иметь в виду, что всякое изменение одновременно является и ограничением. Вхождение слов в язык, как и их выход, – это тоже проявление табу (замена того, что табуировано). Табуирующий элемент – это элемент-блокатор (*oberer*). Именно табуирующие элементы ответственны за то, какая часть "божественной сущности" может (или должна) проявляться или не проявляться в слове.

Лучшим доказательством наличия метаязыковых элементов в индоевропейском слове могут служить следующие факты: 1) данная форма может разлагаться на целый блок несходных форм, соотносимых с исходной; однако во всех этих формах представлена лишь часть (и в каждой форме иная) тех значений, которые представлены в первоначальной форме-символе⁵. Ср.: англ. *strong* "сильный" лат. *rogus* "огонь, костер" греч. *λογος* "слово, число", но арм. *ogi* "дух, душа"; русск. *рог*; перс. *reng* "краска" (от огня); литовск. *ranka* "рука" (языки огня) и др.; 2) в пределах одной формы может выражаться целый блок внешне различные, но реально взаимосвязанных значений, которые в своей совокупности образуют м и ф о л о г е м у. Основная форма слова как бы "прячется" в его преформантах и детерминативах, а исходное значение слова (сакральный смысл) "скрывается" во всей гамме значений, образующих мифологему.

Многие внешне совершенно обычные слова представляют собой криптограммы (в частности, анаграммы) как по своей форме, так и по значению: они допускают различные толкования, что вполне служит их табуированию. Весьма характерным способом табуирования была замена того или иного слова местоимением или наречием ("тот; там; тот, который" и др.). В этой связи показательны следующие примеры: и.-е. **kvetwor-* "четыре" (символ божественного совершенства, сверхъестественной силы, мужества, целостности, универсальности Мироздания) соотносится с русским словом *который* ("тот, который"); нем. *siech*, англ. *sick* "больной" соотносится с нем. диал. *-siech* "туда, прочь"; тох. *A warto* "лес, дерево" (символ оси Мироздания) соотносится с английским суффиксом *-wards*, с немецким *-wärts* "по на-

⁴Различные способы табуирования – преформанты и детерминативы, метатезу и анаграмму, сложение односложных слов – можно считать соответственно табу первой, второй, третьей и др. степеней.

⁵Нередко значение в различных формах вообще не меняется.

правлению к, туда"; англ. *ill* "больной" соотносится с лат. *illa* "туда, там"; и.-е. **pecor-* "огонь", но нем. *für*, англ. *for* "для" (божества); нем *Wasser* "вода", но *was* "что"; др.-англ. *waeter* "вода", но англ. *what* "что"; др.-евр. *mah* "вода", но *mah* "кто, что", *mi* "вода", но *mi* "кто, что"; лат. *aqua* "вода", но лат. *quis, quae, quo* "кто, что"; китайск. *choui* "вода", но *choui* "кто, что" [Fabre d'Olivet. 1962].

Ср. далее: ср. исл. *ysja* "огонь", исл. *yss* "шум" (от огня), но гот. *is* "он" (< "этот; тот"); др.-англ. *ðyssa* "(божественная) сила", исл. *dis* "богиня-хранительница", но др.-англ. *dis* "этот"; исл. *da* "bewundern", но др.-сев. *ða* "этот"; "тот"; "там"; тох. А *lu* "животное, приносимое в жертву", но тох А *lo*, В *lau* "fort, ab"; тох. А *su* "her, herbei", но тох. А *su* "pleuvoir" (табуированный призыв дождя); лат. *avis* "птица", но и.-е. **au-* "herab, fort"; индо-арийск. **ara-* "that"; "far off", но лат. *aries* "баран" (предмет жертвоприношения").

IV. Важнейшей частью слова являются так называемые **сакральные** элементы, т.е. те части слова, которые способны вмещать его "душу", одухотворяться значением и выступать в качестве символа. Древнее слово по своему строению напоминает языческое сакральное действо, как чисто внешне, так и внутренне. В рисованном слове всегда есть буквенный знак, обозначающий шест, которому поклонялись язычники: этот знак неоднократно повторяется в геометрическом строении буквенных знаков в пересечении с другими геометрическими фигурами. Другие элементы слова – это участники сакрального действия, находящиеся в неординарных иерархических и символических отношениях друг к другу и к центральному элементу слова, справа и слева от которого они располагались. Сакральный элемент – это корень слова (чаще всего табуированный), т.е. сопряжение гласных и согласных, которое, в отличие от элементов-блокаторов, выступают как своеобразный языковой катализатор, способствуя увеличению жизненных потенциалов слова и времени его существования (сакральный элемент слова нередко совпадает с его тотемом). В этой связи следует иметь в виду, что далеко не любой комплекс букв (resp. звуков) способен одухотвориться тем или иным значением (те буквенные комплексы, которые могут сочетаться со значением, характеризуются большой избирательностью), а с другой стороны, далеко не любые значения могут сочетаться с любыми буквенными (resp. звуковыми) комплексами⁶. В подобной избирательности и изменчивости сакрального элемента слова (ср. динамическую теорию корня Э.А. Макаева) мы усматриваем его табуирующий характер. Сакральный элемент слова – боготворческое начало: именно здесь сосредоточен энергетический заряд слова, определяющий его жизненные потенциалы. Будучи своеобразным олицетворением Божества, стоящего посредине Мироздания, сакральные элементы слова символизируют вертикаль, Мировое древо, Мировую гору, лестницу в небо. Именно сакральные элементы слова регулируют соотношение онтогенеза и филогенеза в языке, соотношение центростремительных и центробежных тенденций, кодонов и антикодонов внутри слова. Однако сакральный элемент сочетает в себе противоборствующие тенденции: с одной стороны, момент созидания, творчества, а с другой – момент разрушения, языковых катастроф и катаклизмов.

Сакральный элемент в каждом слове-символе представляет собой своеобразный семiotический ключ, указывающий на ту или иную сферу, к которой относится данная формула (космос, небо, земля, солнце, жизнь-смерть, движение, начало-конец, бездна и др.). Каждый понятийный ключ в слове-формуле задает определенный алгоритм, действующий в данном слове, как бы настраивает его на определенную тональность: ключ определяет возможности наличия и/или отсутствия в слове-формуле качественно количественно определенных элементов, их порядок и расстояние друг от друга в слове, а также синонимичность входящих в слово элементов (такая синонимичность, как и всякое повторение, может выполнять табуи-

⁶Ср. искусственные "слова" у Л.Кэррола и Л.В. Щербы.

рующие функции) и правила их чередования и повторения в слове (ритуальный ритм). Наряду с семиотическим ключом (сакральный элемент слова), как мы уже говорили, в слове-формуле существуют и метаязыковые элементы, отражающие основные категории магической ментальности – тотемические, табуирующие, викиральные, – действие которых полностью подчиняется алгоритму, задаваемому семиотическим ключом и непосредственно отражается на характере д и с к у р с а, заключенного в слове-формуле (кеннинг, метафора, синекдоха, литота, оксюморон и др.).

В зависимости от уровня мифо-ментального пространства (алгоритма) и от их позиции в слове те или иные гласные и согласные в слове (в том числе одни и те же) могут иметь неодинаковую метаязыковую и символическую значимость, могут или не могут выступать в качестве метаязыковых и/или символических эквивалентов одной или нескольких букв или, наоборот, выступать в виде сочетаний букв, заменяющих только одну (узлы). На различных уровнях мифо-ментального пространства одни и те же сочетания букв могут иметь различный символический смысл, который на тех или иных позициях в слове может переходить в ноль, на других позициях может превратиться в чисто метаязыковое средство, а на третьих позициях может получить (или утратить) полную символическую значимость. **Этимология слова, выявляя метафору, лежащую в основе его значения, служит одновременно и для выявления табу.**

Слово, как и язык, – это Макрокосм, включающий целую цепочку Микрокосмов. Неудивительно поэтому, что в нем можно различить "верхнюю" (божественную), "земную" (тленную, преходящую) и "нижнюю" (потустороннюю) части. В связи с этим, как мы уже говорили, отнюдь не безразлично положение (позиция) того или иного элемента в слове и функциональный "вес" этих элементов. Каждое Слово – это божественное сцепление, олицетворение вселенского Порядка и Гармонии. С другой стороны, смена букв в слове – это определенное движение в божественном пространстве, символизирующее как святость, истинность, духовную чистоту, так и гибель, предстоящее несчастье, зло. В этом плане показательно, что в различных языках чтение текста может происходить слева направо (европейские языки), справа налево (семитские языки) и сверху вниз (китайский).

С точки зрения архаического сознания, существующее всегда структурировано, т.е. оно существует благодаря и в силу своей структурированности. Структура о б р а - з у е т с я, а не я в л я е т с я перводанностью, т.е. предполагает как свое основание нечто, что структурой не является (хаос, любой неструктурированный первоэлемент); структура образуется в результате определенного процесса (теогонического, космогонического и др.), который может быть неуправляемым или, во всяком случае, не всегда предусматриваемым в своих конечных результатах. Структура содержит в себе элемент нестабильности (например, хаос), она имеет тенденцию к распаду, и поэтому должна поддерживаться и каждый раз, когда это необходимо, возобновляться (пересотворяться). Каждое слово, как мы уже говорили, понималось в древности как арена борьбы мрака (Хаоса) и света, как формула возобновления иссякающих магических сил.

Можно утверждать, что все общие и частные звуковые изменения в индоевропейском (как в синхронии, так и в диахронии, как внутри отдельного языка, так и в ряде близко- и неблизкородственных языков), т.е. так называемые звуковые законы и отклонения от них, обусловлены явлением табу, "Парадигматический" характер таких звуковых изменений лишь подтверждает их табуирующую сущность. Отклонения же от "фонетических правил" – дальнейший шаг в табуировании.

Еще одним способом табуирования является использование так называемых подвижных формативов, которые в большинстве случаев не меняют значения слова, но нередко могут реализовывать различные стороны мифопоэтического образа-символа: ср. и.-е. **es-*, тох. А *näs* "бытие, существование, возникшее в результате божественного разрыва Хаоса" – и.-е. **kes-* "разрывать" – и.-е. **dhes-* "поклоняться божеству" – и.-е. **ghes-* "рыба" (в нем. диал. *Giesen* "рыба" – фаллический символ, равносильный сакральному) – ирл. *les* "сакральная игра, сакральное действо" (ср. русск.

лес – место сакрального действия: дерево – символ Вселенной) – лат. *res* "явление, вещь явленная"; ср. далее: и.-е. **mak-* "скот" (небожитель, божество: болг. *мака* "скот", ср. латышск. *makuona* "облако, небо", а также греч. *μακάριος* "блаженный") – и.-е. **pak-* "рыба" (др.-англ. *facg* "камбала" – символ фаллического создания Вселенной) – др.-англ. *lac* "жертвоприношение"; "сакральное действие" – и.-е. **sak-* "начало" и "конец" (единство начала и конца как божественная целостность Вселенной): ср. латыш. *sakt* "to begin" – тох. А *tak* "быть". Ср. также явление мены гласных или согласных в любом месте корня слова, что не вызывает, однако, изменения в его значении: нем. диал. *Rieschen–Ruggen* "пила", *Schodel–Schuggel* "дурак", *Rifen–Riser* "червь" (ср. др.-англ. *waeser* "червь"); *Bard–Barg* "кастрированный боров", "туфли". Ср. также следующие "рифмованные образования" в древнеиндийском: *gras-*: *bhas-*: *ghas-*: *vas-* "verzehren"; *nud-*: *ksud-*: *tud-* "stossen"; *dā-*: *sā-* "binden"; *chid-*: *bhid-* "spalten"; *gādati-vādati* "spricht"; *stu-*: *nu-* "preisen"; *hu-*: *ru-* "rufen, schreien"; *das-*: *hras-* "kürzer werden"; *aś-* "essen": *daś-* "beissen"; *pinu-*: *dhinu-* "fett machen"; *mṛś-*: *spṛś-* "berühren"; *phālati-dālati* "berstet"; *har-*: *bhar-* "tragen"; *par-*: *tar-* "übersetzen"; *kram-*: *gam-*: *dram* "gehen, laufen"; *am-*: *śam-* "sich mühen"; *rā-*: *dā-* "geben"; *māntra-*: *tāntra-* "Zauberspruch"; *vaṇ-*: *paṇ-* "verkaufen"; *ḍākinī-*: *śākinī-* "Hexen", а также в новоперсидском: *ban:* *man:* *xan* "Dach, Terrasse des Hauses", "Haus"; *bimar:* *timar* "krank"; *bih:* *kih:* *mih* "gut"; "besser"; в латинском: *cumulus:* *tumulus;* *celox:* *velox;* *pollex:* (*h*)*allex* и др. Можно полагать, что синонимы в языке в действительности представляют собой различные табуирующие алгоритмы в связи с запретом на одинаковые формы слов для одного и того же понятия в том или ином языке. С другой стороны, о м о н и м ы – это, видимо, проявление запрета на разные формы, выражающие различные семантические варианты одного и того же символа. В связи с тем, что одно и то же значение может выражаться корнем с различными табуирующими преформантами, в ряде случаев возникает иллюзия синонимов; выражение же одной и той же формой различных семантических вариантов, тесно связанных между собой, создает иллюзию омонимов, что необходимо учитывать при исследовании. Так называемые детерминативы также являются табуирующими элементами: они обычно не меняют значения слова и используются по преимуществу в целях табуирования. Наличие в слове многих значений является одним из способов табуирования каждого из них. Важным способом табуирования в древности была и множественность разложения формы одного и того же слова. Другими способами табуирования слова были полная замена слова на другое, метатеза (анаграмма), удвоение (редуплицирование), замена одного или нескольких фонетических элементов слова на другие (аллотеза), метафоризация, гаплоглогия, эпентеза. Наряду с редуплицированием отдельных элементов слов (повторение обычно символизирует связь, гармонию, вселенский порядок, противопоставляемый Хаосу, отсутствию связи) в качестве редуплицирующего средства используется и сложение однозначных корней [Алпатов, Крючкова 1980; Баскаков 1975; Бихтеева 1976; Гура 1997; Гуревич 1997; Зеленин 1929; 1995; Лобок 1997; Трубачев 1958; Carozzi 1983; Clark 1979; Ellis 1943; Flemming 1974; Guerios 1956; Havers 1946; Leopold 1929; Meillet 1906; Paulhan 1953; Sims-Williams 1990; Zollitsch 1970; Vincenz 1956].

Следует отметить, что слово – сакральная формула – отражает основную антиномию человеческого бытия – антиномию реальности и иллюзии. Как известно, человеческий мозг, зрение, обоняние, тактильные механизмы построены таким образом, что иллюзия нередко принимается за реальность, а реальность либо вовсе не воспринимается, либо является иллюзией. Достаточно указать на тот факт, что наше земное время в космогоническом плане является иллюзией, на то, что наши органы чувств нередко не в состоянии воспринимать ультразвук или радиоволны, не в состоянии воспринимать определенные цвета, превратно оценивают категорию движения и пространства: это вполне убедительно доказала теория относительности А. Эйнштейна. С другой стороны, наше восприятие "явленного" не всегда соот-

ответствует его сущности и мы не всегда воспринимаем "явленные" феномены во всей их полноте и во всех их измерениях. Именно эта антиномия в полной мере отражена и в слове-символе, именно эта антиномия нарочито используется жрецами для "затуманивания" "высших" божественных смыслов и "высших" божественных форм, для их сокрытия от земных глаз. Именно табуирующие значения (и вообще метафоры) призваны выдавать иллюзию за действительность, подобно тому, как "расширение" вокалического ядра слова посредством преформантов и детерминативов неизменно скрывает его "истинные", "божественные" формы. Таким образом, наряду с необходимыми "строительными кирпичиками" древнего слова, образывавшими его структуру, существовали и факультативные, функционально "холостые" элементы (как в плане формы, так и в плане содержания), что особенно важно учитывать при этимологизировании. С другой стороны, многие "высшие" смыслы и "высшие" формы остаются невыраженными в древнем слове, т.е. никак не представлены в нем. Вообще же каждое слово-символ в древности рассматривали как "явление" божества: такое "явление" никогда не могло вскрыть сущности "являемого", сущности "божественного", а было лишь слабым (часто искаженным) отражением божественного Света, своеобразным "отчуждением" человека от божества.

Вместе с тем в древнем мифопоэтическом сознании существовала и другая антиномия, которая не могла не отразиться на форме и значении слова-символа. Речь идет об антиномии разрушения и созидания: разрушение мыслилось как предпосылка созидания (ср. миф о создании Вселенной и вселенской гармонии посредством разрыва Хаоса божественным фаллосом), а созидание представлялось как предпосылка для разрушения. Созидание предполагает восхождение, прорыв ввысь, достижение высших космических уровней и энергий, трансцендентность. Нисхождение же – то неизменное падение, достижение низших уровней (преисподней) и низших энергий, своеобразная энтропия. Таким образом, можно говорить о восходящих и нисходящих элементах в пределах слова, которые тесно связаны между собой как всеобщее, божественное и частное, земное, в результате чего возникает определенная иерархия форм и смыслов, группирующаяся вокруг имманентного (вокалического) участка слова. Можно констатировать наличие нескольких измерений внутри слова и определенное внутрисловное движение различных энергий, связанное с "перекачиванием" одних форм и смыслов во внутрисловном пространстве и с отчуждением других. При этом выявляются иерархически, качественно и количественно различные формы движения внутри слова и различные уровни внутрисловного пространства. Именно различные формы движения внутри слова накладывают на его форму и содержание различные степени несвободы (как внутренней, так и внешней). Все указанные процессы вполне отражают мифопоэтические представления о магии движения, о божественном движении как источнике создания Вселенной, о верхе и низе, о вселенских катаклизмах и борьбе великанов, о столкновении морских волн, порождающих новую жизнь, о движении как узле, который может связывать здоровье, жизнь, накладывать чары, и наоборот о движении, связывающем злые силы, о различных уровнях Вселенной (верхний, средний и нижний миры).

1. ТАБУИРУЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В НАЧАЛЕ СЛОВА

(ПРЕФОРМАНТЫ)

- 1). Гот. *ga-leiþan* "двигаться", но русск. *идти*.
- 2). Лат. *acrima* "слеза", но также *lacrima, dacrima*.
- 3). И.-е. **ag-* "сакральное действие; жертвоприношение", но др.-англ. *lāc* "сакральное действие; жертвоприношение".
- 4). И.-е. **luig-* "swearing", но **ueg-* "utter, swear".
- 5). Хет. *lammār* "час, время", но ирл. *amh* "время".
- 6). И.-е. **ag-* "двигаться", но др.-инд. *langh* "überschreiten, überspringen".
- 7). И.-е. *log* "вода", но лат. *aqua* "вода"; ср.др.-англ. *lieg* "огонь", но **ag-*, **eg-* "огонь".

- 8). Лат. *loquere* "говорить", но и.-е. **ag-*, **eg-* "говорить".
- 9). Лат. *laevus* "левый", но и.-е. **au-* "туда, прочь, на периферию", ср. хет. *awan* "в стороне, на периферии" > "левый, плохой".
- 10). И.-е. **ab-* "делать, совершать", но лат. *laborare*, русск. *работать*.
- 11). И.-е. *lados "pleasure" (Mann, 657): валлийск. *llawdd* "delight", нидерл. *leut* "pleasure", но алб. *andë* "pleasure".
- 12). Англ. *land* "земля", но арм. *and* "поле".
- 13). Лат. *apis* "bee", но бретонск. *labous* "injurious insect".
- 14). Др.-англ. *ād* "огонь, костер", но нем. *lodern* "пылать", ср. русск. диал. *луд* "ослепительный свет".
- 15). И.-е. **ag-*, **eg-* "цвет, краска" (ср. и.-е. **agher-* "светлый", **aghl-* "темный"), но (с табуирующим *l-*) ирл. *lig* "цвет, краска" (ср. также другие табуированные формы: и.-е. **reig-* "краска", др.-инд. *raga-* "краска", др.-англ. *dēag* "краска").
- 16). Арм. *ogi* "дух, душа", но осет. *rog* "легкие" (орган дыхания).
- 17). Лат. *odi* "ненавидеть", но др.-англ. *lād* "ненависть", англ. *loathe* "ненавидеть".
- 18). И.-е. **eg-* "нехватка, отсутствие", но англ. *lack* "нехватка, отсутствие".
- 19). И.-е. *leigo "evil, disease", но и.-е. *ages "evil, sorrow".
- 20). Ирл. *iodhan* "pure", но др.-англ. *ladian* "reininig, entschuldigen".
- 21). И.-е. **au-* "прочь, вон", но тох. А *lo*, В *lau* "прочь, вон"; и.-е. **au-* "gern haben, wofür Lust haben", но и.-е. **lau-* "genießen"; и.-е. **au-* "sprechen", но и.-е. **lau-* "издавать звуки".
- 22). Сербско.-хорв. *lutka* "кукла", но лат. *vavata* "кукла" (редупликация **aut-*, **ut-*).
- 23). Лат. *aevum* "вечный, не прекращающийся", но литовск. *laveju (laveti)* "develop, unfold".
- 24). И.-е. **uet-* "Zeit", но тох. А *laute* "Zeit".
- 25). Тох. А *sruk* "смерть", но хет. *uk, ug* "смерть".
- 26). Русское слово *баба* "женщина" соотносится с и.-е. **ab-* "творить, рожать" (ср. тох. А *ur* "делать, творить") с метатезой в целях табу. Тот же корень без метатезы, но с табуирующим начальным *d* находим в латышск. *daba* "природа" (букв. "то, что сотворено Божеством").
- 27). Ср. лат. *lingua-dingua* "язык", а также лат. *ignum* "огонь", *lignum* "дерево" (язык уподоблялся огню, высекаемому из дерева).
- 28). Ср. изменение значения слова на противоположное под влиянием начального табуирующего элемента: и.-е. **bheudh-* "бодрствовать, не спать", но греч. εὔδω "спать"⁷; и.-е. **lub-* "любить", но др.-сев. *ubbi* "ненависть".
- 29). Ср. литовск. *lėšos* "Geldmittel, Existenzmittel" < и.-е. **es-* "иметь" (ср. и.-е. **as-* "гореть": типологически ср. др.-сев. *oedel* "имущество", но швед. *eld* "огонь").
- 30). Ср. и.-е. **derk-* "видеть" > "блестеть" и ирл. *erc* "небо" (букв. "блестящее": этот корень сам является табуирующей метатезой от и.-е. **rek-* "гореть, блестеть"); ср. ирл. *dearg* "красный".
- 31). Ср. англ. *adder* "змея, гадюка", но (с преформантами): чеш. *had* "змея", др.-англ. *maðe* "червь, змея", англ. диал. *pad* "лягушка", др.-сев. *paðr* "змея". Ср. также нем. *Leder* "кожа" (табу змеи): ср. латышск. *ada* "кожа" (змея – священное животное, способное сбрасывать кожу); англ. *adder* "змея, гадюка" и англ. *leather* "кожа".
- 32). И.-е. **pret-* "понимать" (ср. гот. *frapjan* "понимать", литовск. *pruõts* "разум"), но гот. *rafjo* "разум" (согласно мифопоэтическим представлениям, детородные органы располагались в голове, в связи с чем следует сопоставить др.-инд. *ret-* "мужское семя, сперма").

⁷ Типологически ср. франц. *lève* "сон", но лат. *rabies* "бешенство".

33). И.-е. **reg-* "краска, красить" (ср. перс. *reng* "краска"), но латышск. *ikls* "stockfinster", лат. *aquilus* "dunkel", литовск. *āklas* "слепой".

34). И.-е. **rei-* "buntgestreift" (ср. литовск. *rainas* "grau, buntgestreift", прусск. *raoban* "gestreift"), но и.-е. **ei-* "rötlich, bunt".

35). И.-е. **reu-* "begreifen, verständig sein", но и.-е. **au-* "sinnlich wahrnehmen, auffassen" (поскольку птица считалась вместилищем духа, к этому последнему корню можно отнести лат. *avis* "птица").

36). И.-е. *(*o*)*nod-* "schmähen; tadeln" (ср. авест. *nadento* "schmähende, lasternde", греч. *διόσσασθαι* "tadeln"), но др.-сев. *gandr* "Zauberei", ирл. *gand* "verhext, bezaubert".

37). И.-е. **perk-* "aufreiben" [разрыв Хаоса божеством явился отправным пунктом божественного создания всего сущего: ср. др.-англ. *feorh* "Welt; Geist; Leben", тох. А *preke* "(божественное) время"], но и.-е. **erek-*, **erk-* "aufreiben" (ср. и.-е. **āreg-* "glänzend"; ирл. *erc* "Himmel").

38). Латышск. *mazgas* "узел", но и.-е. *ozgho "Knospe, Zweig", ср. русск. *розга*.

39). И.-е. **mer-* "flechten, binden", но и.-е. **цer-* "flechten".

40). И.-е. *mozghos "junges Rind", но англ. *ox*, нем. *Ochs* "бык".

41). И.-е. *molko "Ledersack, Ledertasche", но и.-е. *orghi "Hode".

42). И.-е. *moguhila "женщина" (ср. др.-инд. *mahila* "женщина", лат. *mulier* "женщина"), но арм. *eg* "женщина"; ср. русск. *могила*; типологически ср. нем. *Weib* "женщина", но хет. *warru* "могила".

43). И.-е. **mel-* "verfehlen, trügen" (ср. авест. *mairya-* "betrügerisch", арм. *mel* "Sünde", кимрск. *mall* "verderbt"), но и.-е. **el-* "verderbet" (греч. *ᾀλλῦμι* "verderben", арм. *elern* "Unglück").

44). И.-е. *egnis "огонь"⁸ соотносится с литовск. *jėga* "сила" и с нем. *eigen* "собственный" (владение в древности отождествлялось с божественной силой), однако в тох. А находим форму с преформантом: тох. А *muk* "сила", ср. кельтск. **mog-* "огонь", гот. *magān* "мочь", арм. *tek* "один" (ср. др.-инд. *ek* "один").

45). И.-е. *auis "птица", но и.-е. *тецос "чайка" (ср. англ. *teaw* "чайка").

46). И.-е. **kon-* "работа, творчество", но и.-е. *ono "работа" (ср. др.-сев. *qnn* "work, business", литовск. *anūoti* "do, perform").

47). Лат. *taurus* "бык", но нем. диал *Auer* "бык".

48). И.-е. **ei-* "ходить, двигаться", но и.-е. **mei-* "ходить, двигаться".

49). И.-е. **ken-* "leer", но тох. А *anu* "leer".

50). И.-е. **ker-* "Farbe", но и.-е. **el-* "Farbe"; ср. *kerebero "Farbe", но и.-е. **ereb-* "Farbe".

51). И.-е. **keu-* "achten", но и.-е. **au-* "achten, sinnlich wahrnehmen".

52). И.-е. **auceg-* "vermehrten, zunehmen", но литовск. *daugs* "большой; много" (ср. латышск. *daudz*).

53). Др.-инд. *amaṃa* "болезнь", но тох. А *kem* "плохой".

54). И.-е. **kem-* "sich abmühen", но норв. *amla* "sich abmühen".

55). Литовск. *algà* "Lohn, Sold" (ср. др.-инд. *argha-* "Wert", *arhati* "ist wert"; латышск. *elgt* "aufdringlich bitten"), но тох. А *talke* "жертвоприношение".

56). И.-е. *lauros "basin, hollow", но и.-е. *aulos "hollow" (Mann, s.v.).

57). И.-е. **auц-* "like, favor" (Mann, s.v.), но и.-е. **bhou-* "joy, satisfaction", ср. и.-е. *gauiō "sich freuen".

58). И.-е. **au-*, **ou-* "weave" > "construct", но нем. *bauen* "строить".

59). И.-е. *bhoros (швед. *barr* "pine-needle", русск. *бор*, др.-сев. *borr*, др.-англ. *bearu*),

⁸ Ср. также **bhok-* "гореть, огонь"; **dheg-* "гореть, огонь", др.-англ. *lieg* "огонь", осет. *sugun* "гореть", нем. *sengen* "жечь".

но хет. *aras* "forest" (ср. *oruos "edge, side"); типологически ср. латышск. *mežs* "лес", но русск. *межа*).

60). И.-е. **lug-* "curse", но **eugh-* "curse, swear, vow" (Mann, s.v.). Ср. № 4.

61). И.-е. *bhosos "голый", но и.-е. **as-* "огонь, блеск огня" (понятие "голый" понималось как "блестящий, яркий, белый"): ср. русск. *босый*.

62). И.-е. **dabh-* "harm, damage", но исл. *abbast* "feindlich gegen jemand gesinnt sein".

63). И.-е. **dai-*, **dei-* "part, share", но и.-е. **ai-* "part, share".

64). И.-е. *dhreugo "harm, deceive", но и.-е. *orghos "evil, wicked" (Mann, s.v.).

65). И.-е. **au-* "sense" (литовск. *ūmas* "Sinn, Vestand", русск. *ум*), но и.-е. *ghaumejo "feel, sense, heed, notice" (гот. *gaumjan* "heed, notice", латышск. *gaumeju* "observe").

66). И.-е. **mad-* "наб, tiefen", но и.-е. **adu-* "Wasserlauf" (авест. *adu* "Kanal, Bach").

67). И.-е. **loid-* "direction, way, manner" (ср. гот. *ga-leiþan*), но и.-е. **oit-* "way, passage".

68). Латинское слово *liber* "свободный, вольный, независимый" соотносится с формой без преформанта: нем. диал. *aber* "frei von Schnee, leer", тох. *A eprer* "espace aérien", брет. *ebr* "небо". В языческом сознании свобода понималась как божественная стихия, как односторонняя, непреложная мистическая сила (ср. др.-англ. *abal* "strength"), как вселенская Бездна. Бездна – творческое начало (ср. лат. *liberi* "дети", но хет. *ep* "зачинать ребенка" + осет. *арун* "рожать"). Ср. значения лат. *liber* "пустой": "своевольный, разнузданный". Возможно, однако, что лат. *liber* представляет собой и.-е. **lei-* "wollen" + гот. *hairan* "творить, рожать" (о божестве) или и.-е. **lei-* "лить, делать обильные возлияния" + др.-инд. *berag* "религиозный ритуал" (ср. лат. *libamen* "возлияние, жертва"). Возможно, также, что элемент *li-* в латинском *liber* является тотемом (ср. тох. *A lu* "животное-тотем") + англ. *bare* "голый, пустой" (нагота, напоминавшая древнему человеку блеск Солнца, считалась святой).

69). И.-е. **tereg-* "темный" (ср. русск. *мрак*), но арм. *erek* "вечер", греч. *έρρεβος* "темнота", гот. *riqis* "темнота" (ср. и.-е. **erk-* "strahlen").

70). Лат. *manus* "рука" (букв. "божественный шест"), но гот. *ans* "Stange".

71). И.-е. **las-* "pleasant" (Mann, s.v.), но и.-е. *isios "pleasure".

72). И.-е. *kures "Geholz, Baum", но латышск. *veris* "лес". Возможно сложение и.-е. **ker-* "лес" + и.-е. **res-/les-*, русск. *лес* (русское слово *лес* могло возникнуть в результате тмезиса корня *ku-res).

73). И.-е. **kel-* "betrügen", но и.-е. **el-* "betrügen".

74). И.-е. **kel-* "treiben", но и.-е. **el-* "treiben".

75). И.-е. **kel-* "verbergen", но и.-е. **kel-* "biegen, verbergen".

76). Индоевропейские корни **ai-*, **ei-* имеющие значение "огонь", могут принимать значение "лежать" (нижний огонь, огонь Преисподней, в связи с чем возникло значение "ущерб, ложь"): ср. др.-сев. *heitr* "горячий", латышск. *kaitēt* "гореть, жечь", но и.-е. *kei-to "лежать" и арм. *sut* "ложь"; др.-англ. *lieg* "огонь", но нем. *liegen* "лежать" и нем. *lügen* "лгать"; индо-арийск. *ubha "огонь", но лат. *cubare* "лежать", нем. *Übel* "зло"; ср. ирл. *dearg* "красный": цвет огня", и.-е. **derk-* "блестеть, видеть", но алб. *dergjet* "лежать" и др.-инд. *droag-* "зло".

77). И.-е. **gъei-* "жизнь", но и.-е. *aiц-* "жизнь"; все эти корни восходят к и.-е. **ai-*, **ei-*, **au-* "гореть".

78). И.-е. **kand-* "glühen", но и.-е. **a(n)d-* "Feuer; brennen".

79). И.-е. *kau-l "hohl", но и.-е. **eu-* "leer".

80). Русск. *темный*, но исл. *ams* "темный".

81). И.-е. **kam-* "restrain", но исл. *amask* "Anstoss nehmen, Unwillen fühlen".

82). И.-е. **kei-* "Farbe", но и.-е. **ei-* "Farbe".

83). Хет. *assus* "хороший, добротный, крепкий", но хет. *dassus* "сильный, крепкий".

- 84). Русск. дикий, но др.-сев. *eikinn* "дикий".
 85). И.-е. *kago "Ziege", но и.-е. **ag-*, **aig-* "Ziege".
 86). И.-е. **mer-* "умереть", но и.-е. **er-* "auftrennen; auseinander gehen": ср. церк.-слав. *opumi* "auflösen, zerstören", чеш. *ob-oriti* "zerstören", русск. *раз-орить* (отделение души от тела); ср. также и.-е. **eres-* "fliessen" (переселение душ умерших в потусторонний мир по воде: ср. лат. *mare* "море") [Miller 1977; Schrijnen 1908; Schwartz 1947; Siebs 1904; Colinet 1979; Edgerton 1958; Hollander 1905; ср. Hansmann – Kriss-Rettenbeck 1977; Wagner 1990; Kriss-Rettenbeck 1978].

II. ТАБУИРОВАНИЕ ПОСРЕДСТВОМ МЕТАФОРИЗАЦИИ

ВНЕШНЕЕ И ВНУТРЕННЕЕ

Две стихии – Земля и Вода, Суша и Море – лежат в основе качественного представления человека о земном пространстве. В переживании суши и моря, земли и воды человек входит в контакт с фундаментальными аспектами своего существования. Суша – это стабильность, плотность, фиксированность, вода – это подвижность, мягкость, динамика, время. Суша обычно связывалась с мужским началом, а вода, море, река – с женским. Эти две стихии – наиболее очевидные проявления вещественной природы мира: они одновременно и вне человека – все плотное и жидкое, – и внутри его: тело и кровь. Универсальность переживания Земли и Воды порождает традиционную концепцию Тверди Небесной – источника дождя, т.е. верхних вод, что находит симметричное отражение в виде Земли, суши, Земной Тверди, не мыслимой без Земных вод (рек, морей), а также нижних вод. Понятие тверди, мужского начала олицетворяло все внешнее, а понятие жидкости, текучести, женского начала – все внутреннее. При этом внешнее немислимо без внутреннего, а внутреннее является естественной средой для внешнего. В этой связи следует принять во внимание широко практиковавшееся в древности саморанение – неотъемлемую часть ритуала. В кровопускании таится двойная инверсия, выворачивание вывернутого: возврат крови ее океанического состояния, а организму – внутреннего бытия, бытия вовнутрь, точнее, внутри океана. В откровении-кровопускании есть чувство радости, облегчения и экстаза, чувство покоя и тишины, созвучной шуму морской раковины, чувство обретения единого архаического тела, синхронизации ритмов Космоса, океанических волн, кровотока. Соотношение внешнего и внутреннего соответствует соотношению Явленного и Неявленного. Обратимся к фактическому материалу языка. Ср. греч. *θάλασσα* "море" – греч. *θηλέα* "женщина", но лат. *tellus* "земля, земная твердь"; внутреннее, женское начало считалось источником рождения, творения (столкновение морских волн как символ рождения): ср. нидерл. *telen* "родить", внутреннее – источник вселенского Порядка, Гармонии: ср. валлийск. *teli* "art", и.-е. **tel-* "shape, form, figure" (Mann: 1376), др.-инд. *dala* "Zweig"; и.-е. *dhalom "mark; end; matter; decision", арм. *del* "Arznei"; ср. и.-е. **dhel-* "Wölbung", "Höhlung" < "Biegung" (ср. др.-в.-нем. *dola* "яма, сточный канал"); и.-е. **teul-* "swing, surge, verve, impetus"; **dhal-* "blühen, grünen". Ср. далее лат. *aqua* "вода", но арм. *eg* "женщина", др.-инд. *ankah* "Biegung, Krümmung"; и.-е. **agh-* "trächtiges Tier", литовск. *jega* "Kraft", ср.-иранск. *ag* "lutte" (единоборство волн как источник рождения)⁹; лат. *uterus* "матка", но англ. *water* "вода", а также хет. *uttar* "word, reason"; кельтск. *andera* "junges Weib", ср. др.-в.-нем. *wadal* "roog, empty", др.-англ. *wæðl* "poverty" (букв. "вогнутость"), но фризск. *otter* "stack of cut peat" (букв. "выгнутоость"), литовск. *vetra* "буря" (единоборство волн как источник рождения); интересно сопоставить и.-е. **kъetъor-* "четыре" (с преформантом, употребленным из соображений табу): ср. для первой части этого слова англ. *wet* "сырой, мокрый", а для второй – тох. *A war* "вода" (с другой стороны, ср. арм. *vor* "зад, задний" < "спрятанный"; др.-англ. *wip* "женщина",

⁹ Ср. и.-е. **eg-* "бедность, пустота" (море как пустыня).

но тох. *A wip* "être humide, mouiller"¹⁰. Понятие воды и женщины связано с понятием смерти (души умерших перевозились по воде на лодках): ср. греч. *θηλέα* "женщина", но брет. *ster* "река" и нем. *ster-ben* "умирать"; литовск. *mer-gele* "девочка" – лат. *mare* "море" – и.-е. **mer-* "умирать"; осет. *woes, us* "женщина", но авест. *aoša-* "смерть".

С другой стороны, ср. русск. диал. *ружа* "земля, земная твердь", но русск. *с-наружи, на-ружнѣй*, а также др.-англ. *ripc* "мужчина, человек"; др.-англ. *éar* "земля, земная твердь", но и.-е. **ar-* "мужчина, мужской", а также и.-е. **ar-* "наружный, внешний" (ср. латышск. *arejs* "внешний"); русск. *вне, во-вне, внешний*, но англ. *swain* "парень" (хет. *uеп* "соире")¹¹; русск. *парень*, но тох. *A pärne* "вовне".

Все внутреннее, неявленное, считалось принадлежностью "Мирового Разума", Божества: ср. и.-е. **enos* "внутри", но литовск. *unas* "настоящий, истый"; русск. *в-нутри, нутро*, но др.-сев. *snotr* "klug"; алб. *brendà* "внутри", но англ. *breath* "дух, дыхание" (ср. также англ. *bird* "птица": вместилище души). С другой стороны, все внешнее, явленное, считалось эманацией Божества: ср. алб. *jashtem* "внешний", но русск. *яства*; и.-е. **bhag-* "внешний", но др.-инд. *bhagaḥ* "vulva"; русск. *вне, внешний*, но хет. *uеп* "coire" (ср. [Цивьян 1973]).

ВОЛК

Тот факт, что волк может видеть ночью, явился причиной символической интерпретации образа волка как солнечного света, как воина героя, как прародителя людей (особенно в мифологии скандинавских народов и греков). В этой связи важно сопоставить, с одной стороны, и.-е. **vřk-* "волк" и др.-инд. *svargaḥ* "небо, свет"¹², а с другой стороны, ирл. *brech* "волк", но англ. диал. *greck* "the last and smallest of the progeny"¹³.

Волк – оборотень: колдуны часто превращаются в волка или едут на шабаш на волке: ср. лат. *lupus* "волк", но тох. *A lu* "зверь" + и.-е. **pu-* "человек, мужчина (лат. *puer, pubes*); и.-е. **vřk-* "волк", но гот. *wair* "человек, мужчина" + др.-англ. *rinc* "человек, мужчина" (ср. понятие "вервольфа"). Ср. также и.-е. *wehslon* "изменять(ся)"¹⁴.

Волк часто выступал как оберег (ср. и.-е. **vřk-* "волк", но ирл. *folchaim* "hide, cover").

Волк – символ Преисподней, символ зла и смерти: ср. прусск. *wargan* "Übel", *wargs* "böse", литовск. *vargas* "горе, беда, мучение". Особое значение имеет пасть волка, которая символизирует ночь, бездну, ад (ср. волка-пожирателя звезд в скандинавской мифологии, волка-пожирателя перепелок в Ригведе.). Ср. в связи с этим латышск. *valgat* "есть, пожирать", др.-англ. *swelgan* "глотать".

¹⁰ Ср. также: др.-инд. *sarit* "река", но и.-е. **sor-* "женщина". Ср. еще лат. *uterus* "матка", но русск. *н-утро*.

¹¹ Русские слова *вне, внешний* можно вместе с тем сопоставить с др.-инд. *vāṇam* "лес, местность"; подобным же литовск. *lauke* "снаружи" соотносится с литовск. *lauks* "поле", а др.-инд. *addha-* "снаружи" – с арм. *and* "поле".

¹² Чингизхана называли "Синий Волк" за его царственное происхождение и смелость; турки, монголы и китайцы считали волка своим прародителем и создателем династии; в китайской мифологии считалось, что Синий Волк охраняет Небесный Дворец. Ср. еще хет. *wallahhi* "praise".

¹³ У некоторых народов бесплодные женщины обращаются к Волку за помощью. Волк символизировал также звезду (ср. хет. *wallas* "звезда" < **vřk-*).

¹⁴ Волк иногда превращался в дерево или в растение (ср. хет. *welku* "растение"). Волк символизировал также переход дня в ночь, а ночи в день, диаду "жизнь-смерть": ср. и.-е. **vřk-* "волк", но литовск. *vakars* "вечер"; если в рассматриваемом корне начальное *ve-* считать табуирующим отрицанием, то следует привлечь для сравнения и.-е. **aregh-* "светлый, яркий, сияющий". Ср. также: лат. *lupus* "волк", но русск. *любовь*; и.-е. **vřk-* "волк", но осет. *warz* "любовь". Любовь в древности понималась как связь, вселенский порядок, связь трех миров (ср. латышск. *valgs* "веревка").

Интересно сопоставить хет. *warkussan* "omen"; *warkanza* "fat" (колдуны перед тем, как начать ворожбу, намазывались жиром, который придавал им особую магическую силу). Ср. также русск. *враг*.

Волк символизирует все стороннее, чужое: ср. лат. *orcus* "потусторонний мир", др.-англ. *welisc* "foreign", *wealþ*, а *foreigner*" (ср. англ. диал. *welsh* "to abscond" – похищение волком скота, которое обычно воспринималось как жертва)¹⁵. Слово "волк" во многих языках табуировано: ср. русск. *зверь*, *серый*, *кузьма*, *бирюк*, *лыкус*, украинск. *скаменник*, *малий* и др.

По народным поверьям подземные клады выходят на землю в виде волка: литовск. *algà* "заработная плата" (> "богатство").

Образ волка обычно воспринимался как образ врага: именно волк стоит на пути мусульман, отправляющихся в Мекку, волк – злой дух, в частности дух, поселяющийся в последнем снопе несобранного урожая: ср. валлийск. *blaidd* "волк", но др.-англ. *bled* "Getreide, Spelt". Волчий дух поселяется и в птице, особенно в хищной птице: ср. др.-англ. *glida* "Weih". Возможно, следует принять во внимание тох. *A wras* "haleine, respiration" < **urask-* (< **uark-*) [Иванов 1975].

ВОСТОК – ЗАПАД – СЕВЕР – ЮГ

Восток в сакральной географии традиционно считался "землей Духа", землей рая, землей полноты и изобилия, "родиной" Сакрального, обителью богов. Запад имеет прямо противоположное значение, с точки зрения символики – это "царство изгнания", "колодец отчуждения", по выражению арабских мистиков, это мир мертвых, "зеленая страна" (как говорили древние египтяне). Запад – это "анти-Восток", страна упадка, заката, деградации, перехода из проявленного в непроявленное, из жизни в смерть, от полноты к нищете. В связи со сказанным англ. *west*, нем. *West* "запад"¹⁶ можно соотнести с хет. *waston* "injure, sin"; ср. также табуирующую метатезу рассматриваемого корня в индоевропейском **suet-* "foreign, apart, outside, by oneself" (Mann: 1351). англ. *waste* "тратить, расходовать", нем. *Wüste* "пустыня". С другой стороны, англ. *east*, нем. *Ost* "восток" соотносятся из соображений табу с **osth-* "кость". Кость в древности считалась символом жизненной силы, бессмертия и возрождения мертвых, вместителем души и огня. С другой стороны, понятие "восток", могло употребляться в значении "передний, находящийся спереди" (т.е. местопребывание богов, которым обычно поклонялись, обратившись на восток): ср. др.-инд. *pūrvā-* "восток", но др.-инд. *pūrvā-* "впереди, передний". С алб. *lindje* "восток" следует сопоставить пракр. *ladaha-* "hübsch, schön, lieblich", др.-сев. *lindi* "Band, Gürtel", *lyndi* "Gesinnung, Gemüt"; кельтск. *(p)*landi* "hell, glänzend"; др.-англ. *ge-loðu* "Rückwirbel" (ось мира); швед. *lund* "лес" (символ Вселенной, мировой оси, олицетворяемых вздымающимся вверх огнем). Ср. также ирл. *airther* "восток" (букв. "передний", ср. ирл. *air-* "впереди" в отличие от ирл. *iarthar* "запад", ирл. *iar-* "сзади"). Ирл. *airther* "восток" соотносится с др.-инд. *ṛta-* "richtig, wahr", *ṛtuḥ* "Ordnung, Regel"; *ret-* "sperma"; тох. *A ritk-* "naître"; литовск. *rietas* "Dickbein, Oberschenkel"; греч. *ῥέθος* "мужской член". Русское слово *восток* соотносится с тох. *A tak* "быть, существовать" < и.-е. **dheg-* "гореть, огонь", **tek-*, **tok-* "рожать", а русск. *за-над-* с и.-е. **pad-* "падать". Таким образом, восток – это символический "онтологический плюс", а запад – "онтологический минус"; согласно китайской традиции, восток – это ян, мужской, световой, солнечный принцип, а запад – это инь – женский темный, лунный принцип. В отличие от горизонтальной оси ориентации "восток-запад", существовала и вертикальная ось ориентации "север-юг". В наиболее ранний период существования

¹⁵ Ср. также хет. *walhi* "a sacrificial drink". Ср. также ирл. *fael* "волк", но тох. *A wäl* "умирать".

¹⁶ Ср. также и.-е. **oust-* "рот; дверь: проход на пути к потустороннему миру".

человечества явно обнаруживался примат Севера над Югом. Север символизировал Истоти, изначальный нордический рай, откуда берет начало вся человеческая цивилизация. Основной идеей, традиционно связываемой с Севером, являлся идея Центра, неподвижного Полюса, точки, где сходятся все противоположности, символического места, не подлежащего космической энтропии. Север – страна Света, избранная изначальным Логосом для того, чтобы проявить себя, Юг символизирует нечто прямо противоположное – материальность, тьму, смешение, лишенность, погруженность в поток времени и становления. Юг – это царство материи. Он разлагает северную чистоту Традиции, но сохраняет в материализованном виде ее следы. Пара "Север-Юг" не сводится, однако, к абстрактному противопоставлению Добра и Зла. Это скорее противопоставление Духовной Идеи и ее огрубленного, материального воплощения: Север "одухотворяет" Юг, нордические посланцы дают южанам Традицию, закладывают фундамент сакральных цивилизаций. Если Юг отказывается от признания примата Севера, начинается сакральное противостояние, "война континентов", причем именно Юг отвечает за этот конфликт своим преступлением священных норм. Следует отметить, что в сакральной географии вертикальная ось (Север-Юг) является более ранней и более важной, чем горизонтальная ось (Восток-Запад). Отметим в этой связи соотношение англ. *south*, нем. *Süd* "юг" с арм. *sut* "ложь", а русского *юг* – с хет. *ug* "смерть". Ср. также тох. *A yuk-* "взять верх, победить", гот. *jiukan* "бороться", авест. *yaozaiti* "in Aufregung geraten, sich aufregen, in Unruhe, Verwirring geraten" (борьба Севера и Юга). Греч. *πότης* "юг" соотносится с и.-е. **not-* "backside", нем. *Not* "нужда", фризск. *noed* "ответственность, риск", а также (без начального табуирующего отрицания *n-*) и.-е. **od-* "ненавидеть". Ср. русск. *север*, но (без табуирующего отрицания *se-*) и.-е. **cer-* "верх, вершина" (< **cer-* "огонь, костер"); тох. *A wir* "молодой, новый"; др.-англ. *swir* "столб, шест" (символ верха, божества, всего сакрального); латышск. *veris* "лес" (символ вселенной, а также ориентации в пространстве: типологически ср. тох. *A wārto* "лес", но англ. *-wards*, нем. *-wärt* "по направлению к"). Немецкое слово *N-ord*, английское *n-orth* "север" соотносится с и.-е. **ordh-* "прямой, правильный" [Goldammer 1962]. Символ севера как колыбели человечества отражается и в названиях зимы: ср. гот. *wintrus* "зима" (иногда в значении "год"), но лат. *venter* "живот, чрево" (в антропоморфной модели Вселенной место Огня и Души); лат. *hiems* "зима", но русск. диал. *кема* "живот, брюхо"; ср. также болг. *зима* "селезенка" (типологически ср. рум. *iarnă* "зима", но также "селезенка свиньи").

ЛЕВЫЙ – ПРАВЫЙ

Древнеиндийское слово *savya* "левый" является табуированным образованием, соотносимым с и.-е. **seue-nos* "sub-god, sun" (ср. хет. *siunis, siwannis* "god, sun-god"). С другой стороны, перед нами может быть табуирующая метафора, соотносимая с и.-е. корнем **suç-* "rain" (Mann, s.v.): ср. тох. *A swase* "rain". Тот же корень употребляется в значении "ablui, lustrari": ср. др.-инд. *savana* "ablution purificatoire", *abhi-su* "aspergere". Дело в том, что левая рука обычно выполняла все работы, связанные с загрязнением, осквернением, а ее прикосновение к правой руке оскверняло последнюю. Именно поэтому левая рука нуждалась в очищающем омовении (*purificanda abluende*). Подобно этому латинское слово *laevus* "левый", видимо, соотносится с и.-е. **lei-*, **lau-* "лить, мыть" (ср. лат. *lavare* "мыть"), ср. **leu-* "abschneiden, trennen, loslösen". Древнеиндийское слово *vama* "левый" также является табуированным образованием, соотносимым с др.-инд. *ūmah* "helfend, schützend", *umā* "Glanz", древнеирландское *clé*, современное ирландское *clith*, "левый" соотносится с греч. *ἕρδος* "profit", др.-ирл. *cred* "skill, craft", брет. *kers* "enjoyment, possession", прусск. *kerdan* "(божественное) время", **k'ered*

"horned animal, cow, bull, hart" (небожитель, божество)¹⁷. С другой стороны, рассматриваемые слова со значением "левый" могут соотноситься с англ. *clean* "чистый", а также с тох. *A krant* "bon". Далее следует сопоставить арм. *linim* "être, devenir", тох. *A klin-* "devoir". Важно также учесть и.-е. *kerdhos "herd, crowd", англ. диал. *clean* "the placenta of a cow" (рождение считалось божественным чудом: типологически ср. греч. ἄριστος "левый", но осет. *aryn* "рожать" +и.-е. *†isto* "половые органы"; возможно, однако, иначе истолковать это греческое слово: ср. хет. *arr-* "мыть, смывать скверну" + корень, представленный др.-сев. *eisa* "Feuer", лат. *aestus* "Hitze", букв. "очищенный огнем". Древнеирландское слово *tuath* "левый" соотносится с и.-е. **tuat-* "beat, dash, crash" > "wash".

С другой стороны, греч. δέξιος "правый", др.-инд. *daksha* "сильный, способный", литовск. *dėszine* "правая рука", русск. *десница* табуируются отрицательными значениями: ср. др.-инд. *dhakkayati* "richtet zugrunde, vernichtet", *dakini* "ein weiblicher Kobold", литовск. *dykas* "müßig, untätig, leer", ср. также др.-инд. *takma* "a certain disease".

Др.-англ. *swiðre* "правый" соотносится с др.-англ. *wite* "Strafe, Pein, Elend, Leid". Сюда же относится и хет. *idalus* "bad". Русское слово *правый* соотносится с латинским *pravus* "кривой, неправильный, превратный; злой, низкий".

Шведское слово *höger* "правый" соотносится с и.-е. **konk-* "колебаться, сомневаться, испытывать страх", лат. *cunctar* "остановиться", литовск. *kankà* "torture", русск. *до-кучать*; *с-кука*. Наконец, немецкое слово *recht*, англ. *right* "правый" соотносится с др.-инд. *rakṣas-* "injury"; "demon". [Needham 1973].

ЛИЦО

В антропоморфной модели Вселенной лицо символизировало маску Божества, явление Вселенной, Света и Солнца из тьмы и Хаоса¹⁸. Лицо олицетворяло Небо (ср. др.-русск. *чело* "лоб", но лат. *caelum* "небо", ср. также: лат. *scala* "лестница в небо, мировая ось"; др.-инд. *kalyah* "мудрость", *kalah* "вечность, божественное время", ирл. *scal* "дух"), отражения сути божественной Стихии и божественного Бытия (но в завуалированном, неполном и искаженном виде)¹⁹, лицо – это символ мировой души и божественного Таинства, как бы дверь в невидимое, ключ от которого утерян: ср. др.-инд. *anika* "лицо", букв. "глаз души". С другой стороны, лицо – это своеобразный макет Мироздания, включающий семь Бездн Вселенной, солнце и луну (ср. тох. *A arām* "лицо", но хет. *arma* "луна"; арм. *erek* "солнце"), море, по которому переплавляются корабли с душами умерших (хет. *arunas* "море"), проходя на своем пути несколько дверей (ср. и.-е. **ar-* "периферия, внешнее пространство"; **ar-* "дверь"). Лицо – творческое начало и наделено фаллическими способностями Божества (ср. тох. *A arām* "лицо", но осет. *aryn* "родить", хет. *arman* "беременная")²⁰. Как и само божество –

¹⁷ С этим корнем важно сопоставить: и.-е. *kludio "clean, wash", "purify"; и.-е. **klud-* "cover" (оберет); др.-в.-нем. *harti* "shoulderblade", др.-фриз. *herde* "shoulder", др.-сев. *herða* "shoulders" (плечо – священное место приносимого в жертву животного, кусок плеча жертвенного животного съедается жрецом во время сакрального действия). Ср. далее др.-англ. *hroð* "Trost, Freude, Wohltat"; др.-англ. *hlyd* "laut, tönend; Stimme"; гот. *hlurs* "hell", русск. диал. *хлуд* "шест" (олицетворение божества); др.-англ. *scrud* "одежда" (одежда как оберет); ирл. *krod* "matrix", др.-англ. *hloð* "Schar" (фаллическое в древности приравнивалось к священному); и.-е. *kleudo "harpen, chance, befall" (свершение как результат молитвы и сакрального действия); др.-инд. *krodhaḥ* "anger"; русск. *колодец*, *кладезь* (бездна как источник всего живого). С другой стороны, ср. исл. *hirta* "chastise"; авест. *xraode(mi)* "fear, tremble".

¹⁸ Ср. тох. *A arām* "лицо", но др.-инд. *aramati* "Gottheit des rechten Sinnes", тох. В (с s-mobile) *šurm* "первопричина"; тох. В *sārwana* "лицо", но тох. В *sārwece "forme d'existence".

¹⁹ Ср. гот. *ludja* "лицо", но русск. диал. *луд* "обман", гот. *wlits* "лицо", но литовск. *vilt* "обманывать"; литовск. *vaigs* "лицо", также "щека", но др.-англ. *waegan* "обманывать".

²⁰ Ср. также: польск. *twarz* "лицо", но русск. *творить*; лат. *facies* "лицо", но лат. *facere* "делать, творить".

лицо священно (ср. хет. *aruwa* "bow before, worship": молитва как в языческих верованиях, так и в современных монотеистических религиях неизменно включает акт дотрагивания до лица в том или ином виде: ср. ирл. *agad* "лицо", но осет. *agajun* "трогать"). Лицо – источник первоэлементов Вселенной в миниатюре: огня (из носа и ушей), воды (слезы из глаз) и слова (изо рта, откуда могут также выходить слюна и огонь). Лицо совмещает в себе как мужское (нос), так и женское начала (рот). Как и божественное Небо, лицо может иметь ландшафт, быть источником дождя, молнии (огня): ср. др.-англ. *ling* "лик, образ", но др.-англ. *lieg* "огонь", *log* "вода"²¹. Ср. далее: лат. *facies* "лицо", но тох. *A tak* "быть, существовать", лат. *tacere* "утихнуть, замолчать"; литовск. *veidas* "лицо", но нем. *schwinden* "исчезнуть" (единство бытия и небытия: ср. гр. εἶδος "appearance")²².

Лицо – символ божественной чистоты (ср. тох. *A arām* "лицо", но хет. *arr-* "мыть, чистить").

Метафорой лица является меч – носитель мистических сил, связанных с огнем, молнией, солнцем, луной – оберег (ср. др.-инд. *ciθra-* "лицо", но лат. *cestrum* "меч", ср. также лат. *caetra* "skin-shield"). В этой связи показательно, что понятие лица соотносится с понятием краски (лат. *facies* "лицо", но др.-англ. *déag* "краска").

Разнообразие лиц людей образует различные микромиры, в общих чертах сходные, но в частности – различные, с различными "божественными рельефами"²³, формами, очертаниями, которые могут служить как для определения основных характеристик того или иного микромира (очертания носа, подбородка и др.), так и для предсказания будущего; ср. лат. *futurum* "будущее", но алб. *fytyrë* "лицо", ср. также др.русс. *чело*, но др.-сев. *heill*, брет. *coel* "предзнаменование"; польск. *twarz* "лицо", но ново-ирл. *tuar* "предзнаменование"; лат. *facies* "лицо", но др.-англ. *tacen* "предзнаменование"; греч. σημα "знак – арм. *dem* "лицо"; др.-инд. *ciθra-* "лицо", но тох. *A sotrie* "знак".

Лицо – это маска Божества, скрывающая его сущность. Ср. арм. *kerp* "лик, образ > маска", но прусск. *gerbin* "число" (символ творения божества); кельтск. **krab* "религия", русск. *крепкий*. Ср. также англ. диал. *tug* "лицо, рожа", но тох. *A muk* "(божественная) сила". Ср. еще литовск. *maiva* "маска", но анатолийск. **meu-* "четыре" (символ целостности и вселенского порядка – Божество). Показательны слова со значением "лицо", буквально означающие "находящийся напротив (Божества): ср. гот. *andwairþi* "лицо"; арм. *dem* "лицо" (ср. тох. *A tām* "родить"). Лицо – великое таинство божества: ср. др.-инд. *anik* "лицо", ирл. *enoch* "лицо", но лат. *enigma* "таинство"; ирл. *eangach* "obstacle"; лат. *facies* "лицо", но др.-англ. *déagol* "таинство"; арм. *kerp* "облик, лицо", но греч. κρυπτος "скрытый, тайный". Ср. с другой стороны, литовск. *veidas* "лицо", но нем. *schwinden*; тох. *A arām* "лицо", но и.-е. **er-/el-* "mangeln".

Лицо Божества видеть невозможно: тот кто его увидит – моментально умрет: ср. литовск. *veidas* "face", но др.-инд. *vadha-* "death"; **aug-* "to see" – хет. *ug* "death"; **uel-* "to see" – тох. *A wäl* "to die".

²¹ Ср, например, русск. *чело* "лоб", но гот. *hallus*, латышск. *kals* "холм, гора"; тох. *A malan* "нос", но алб. *mal* "гора"; **ak-* "глаз", но лат. *aqua* "вода" (ср. исл. *eikja* "Ruderboot"); англ. *mouth* "рот", но англ. *moat* "ров"; др.-инд. *karna* "ухо", но др.-инд. *karnaka* "seitliche Hervorragens"; русск. *пот*, но тох. *A lot* "дыра"; англ. *cheek* "щека", но др.-англ. *cecín* "выдающаяся вперед дощечка"; франц. *menton* "подбородок", но лат. *mons* "гора"; русск. *решница*, но др.-инд. *gacana* "веревка, пояс", русск. диал. *ряса* "болотистая местность"; русск. *зуб*, но литов. *žaibas* "молния".

²² Ср. еще: русск. *чело* "лицо", но и.-е. **kelo* "остановиться" и и.-е. *kyel-* "быть, существовать".

²³ Лицо иногда метафоризируется как "окно Бога": ср. русск. *лик* "лицо", но литовск. *langa* "окно"; литовск. *luogs* (ср. нем. *lügen* "лгать").

Лошадь относилась древними к подземному, потустороннему миру: она считалась символом подземного огня и подземной (нижней) воды, а также злых магических сил, порождением ночи и смерти. В этой связи интересно происхождение индоевропейского корня *ekwo-s "лошадь". Корень этот непосредственно соотносится с и.-е. **agl/eg-* "огонь" и лат. *aqua* "вода" (табуирующие метафоры). Другими метафорами лошади были "смерть" (хет. *ek* "смерть") и "ночь" (лат. *nox* "ночь", где начальное *n* является табуирующим отрицанием). Корень *ekwo-s встречается в индоевропейских языках с различными табуирующими преформантами как в первоначальном значении "лошадь", так и в метафорических табуирующих значениях: ср. др.-в.-нем. *page* "лошадь", нем. диал. *Pagge* "лошадь", а с другой стороны, литовск. *kaukas* "черт, злой дух", и.-е. **kenk-* "гореть", хет. *huek* "колдовать, ворожить, общаться с нечистой силой"; интересно тох. *A ānc* "внизу, по направлению к низу, к Преисподней", которое непосредственно связано с и.-е. *ekwo-s "лошадь". Далее следует принять во внимание: др.-англ. *facen* "обман, ущерб", др.-англ. *faege* "приговоренный к смерти; мертвый", др.-англ. *faha* "враг", нем. *Rache* "месть", др.-в.-нем. *lahhan* "вредить, наносить ущерб", лат. *piger* "плохой", и.-е. **cek-* "плохой" (ср. др.-англ. *wicg* "лошадь"), и.-е. **bhok-* "brennen", **dhegh-* "brennen". Важно учесть, что в индоевропейских языках значение "гореть, светить" непосредственно связано со значеними "краска, окрас" и, с другой стороны, "волосы, грива". В этой связи следует принять во внимание и.-е. *ei-k "краска, окрас" (магический символ), но также с преформантом – и.-е. *peik "краска" и *pek "волосы" (сюда же с преформантом и тох. *A çaku* "волосы"). Типологически ср.: лат. *juba* "грива", но лат. *jubar* "блеск, сияние, свет", а также литовск. *juodas* "черный", латышск. *juods* "böser Geist, Waldteufel". Ср. также хет. *akkusa* "яма, бездна". Возможна связь индоевропейского корня со значением "лошадь" с корнем, имеющим значение "собака": и.-е. *ekwo-s "лошадь" > *(*e*)*kwo-* "собака" (ср. русск. *конь*). Интересно сравнить нем. диал. *Pagge* "лошадь". др.-в.-нем. *page* "лошадь", но др.-сев. *baka* "самка собаки". Можно полагать, что нем. *Hund* "собака" соотносится с русск. *конь*; Ср. также ирл. *coilean* "собака", но ср.-в.-нем. *schele* "лошадь"; хет. *paras* "лошадь", но исп. *perro* "собака"²⁴.

В древности считалось, что лошадь может летать и имеет крылья, подобно устремленным в небо языкам пламени: ср. др.-англ. *wicg* "лошадь", но англ. *wing* "крыло"; литовск. *skirsti* "летать", но англ. *horse* "лошадь"; хет. *paras* "лошадь", но русск. *перо*.

МОЛЧАНИЕ

Молчание в древности считалось состоянием Первоестества: до божественного Творения в Мироздании было Молчание. Молчание наступит и после гибели Мира. В связи с этим молчание во время культа символизировало общение и слияние с Мировой Душой, с Божеством. Поскольку Мировая Душа и Божество олицетворялись Огнем, многие слова, обозначающие молчание, соотносятся со значением "огонь". С другой стороны, молчание позволяло проникнуть в божественное Первоестество, в связи с чем слова со значением "молчание" могут соотноситься со словами, имеющими значение "быть" < "гореть". Ср. следующие соответствия: и.-е. **dheg-* "гореть; огонь" – гот. *þahan* "молчать" – тох. *A tak* "быть, существовать", а также англ. *thing* "вещь" (явление Божества), русск. *тихий* и *дикий* (об огне) – др.-англ. *diegan* "умереть" (единство Бытия и Небытия); ср. далее: и.-е. **sueg-* "гореть" – др.-англ.

²⁴ Ср. осет. *k'ona* "очаг, огонь": как и лошадь, собака, согласно поверьям древних, – символ нижнего мира и нижнего огня. Ср. нем. *schön* "красивый", буквально "блестящий, горящий".

swigian "молчать" – и.-е. **uek-* "быть, существовать" (русск. *вещь*) – хет. *ug* "смерть" (единство Бытия и Небытия); и.-е. **el-/*er-* "гореть; огонь" – лат. *silere* "молчать" (ср. без подвижного форматива: и.-е. **el-* "остановиться")²⁵ – и.-е. **er-/*uer-* "быть, существовать" (ср. дат. *vara* "быть") – тох. *A wäl* "умирать"; индо-арийск. *monna-* "silent" (ср. англ. диал. *man* "a conical pillar of stone erected on a top of a mountain" – ср. вздымающееся вверх, к небу пламя сакрального огня) – и.-е. **men-* "быть, оставаться" – лат. *mānēs* "души умерших", ср. также и.-е. **men-* "двигаться" (об огне): литовск. *minti*. Значение "молчание" может соотноситься со значениями "единица" и "вертикальный шест": ведь именно единица и похожий на нее шест считались в древности олицетворением Божества, Неба, а молчание символизировало общение с Божеством (шестом), проникновение Божества внутрь человека; ср. в связи с этим: лат. *silere* "молчать", но хет. *sirais* "один", нем. *Säule* "столб, колонна", хет. *šallis* "большой, великий" (Божество), русск. *сила*, нем. *Seele* "душа", лат. *silva* "лес" (дерево, как и столб, считалось осью вселенной и лестницей в небо). Ср. далее: лат. *tacere*, гот. *ḥahan* "молчать", но англ. *stake* "шест, столб" (ср. гот. *ḥeihsvo* "гром", гот. *ḥeihs* "вечность время"); индо-арийск. *monna-* "silent", но лат. *μόνος* "один, одинокий"; русск. *молчать* (**mlek-* > **mek-*): арм. *mek* "один"; др.-англ. *swigian* "молчать", но др.-англ. *wah* "trabs"; и.-е. *kelo "остановиться, прекратить", но русск. *кол* (ср. и.-е. *kai-lo "один, одинокий", но и.-е. **kei-* "остановиться, прекратить"), ср. греч. *χαλᾶω* "slacken, let down".

Интересно, что слова со значением "молчать" могут соотноситься со словами, имеющими значение "воспринимать (слухом), "чувствовать" [т.е. "проникаться божеством", "чувствовать присутствие Божества": ср. латышск. *klusēt* "молчать", но русск. *слышать* (ср. без инфикса *-l-*: гот. *hausjan* "слушать, слышать", но хет. *kiša* "быть, существовать", а также нем. *hören* "слышать", но ср. в нем. *hören* "прекратить, остановиться", совр. нем. *aufhören* "прекратить, а также совр. нем. *gehören* "принадлежать": в древности владение чем-либо символизировало божественную силу)]. Ср. далее: сербско-хорв. *čujeti* "молчать", но русск. *чують* (и.е. **keu-* "чувствовать, замечать"); гот. *ḥahan*, лат. *tacere* "молчать", но нем. *denken* "думать" (ср. также и.-е. *(*s*)*teg* "Stange, Pfahl"); др.-англ. *swigian* "молчать". но и.-е. **suek-* "запах, чувство запаха"; ср. еще: **teus-* "молчать", но *deu-* "verehren".

Русское слово *молчать* < *(*m*)*lek-* предствлено без преформанта в англ. *lag* "остановиться; замедлить", польск. *legnać* "to breed", греч. *λήκω* "coire", др.-англ. *lieg* "огонь", ср. и.-е. *molkos "fuel; fire"²⁶; литовск. *tylėti* "молчать" соотносится с нидерл. *telen* "родить" и с индо-арийск. *tal* "гореть": все эти слова восходят к и.-е. *(*s*)*thā-* "вставать, тянуться вверх, к солнцу, к небу, к божеству" (как рождающийся огонь). Интересно, что большинство слов со значением "молчание" являются табуированными образованиями с различными преформантами: ср. и.-е. **el-* "остановиться, но и.-е. **mel-* "остановиться" (русск. *молчать*), и.-е. **sel-* "остановиться" (лат. *silere*), литовск. *tylėti* "молчать", и.-е. *kelo "остановиться".

Понятие молчания в свете всего сказанного могло соотноситься с понятиями неба и солнца: ср. лат. *tacere* "молчать", но литовск. *dangùs* "небо" (ср. др.-англ. *déag* "краска"); др.-англ. *swigian* "молчать", но др.-англ. *swegle* "солнце, небо": ср. лат. *vacca* "ко-

²⁵ Ср. тох. *A ŷul* "гора", лат. *solus* "один" (единица как символ Вселенной и Божества).

²⁶ Вполне возможно, что русское слово *молчать* соотносится с и.-е. **mlek-* "молоко" (молоко как предмет религиозного почитания); типологически ср. и.-е. **ksiro-* "молоко", но лат. *silere* "молчать, молча поклоняться"; др.-англ. *swigian* "молчать", но и.-е. (с другим детерминативом) **sueidh-* "молоко". С другой стороны, "молчащая" рыба считалась священной именно потому, что она "молчит" (поклоняется божеству): ср. лат. *silere* "молчать", но лат. *silurus* "сом". В связи с этим можно допустить соотношение: и.-е. *(*m*)*lek-* "молчать" – и.-е. *(*m*)*lek-* "молоко" – тох. *A lak* "рыба".

рова" (небожитель. олицетворение божества), др.-в.-нем. *wahan* "гореть, сиять", и.-е. **uek-* "обычай" (сакральный); лат. *silere* "молчать", но лат. *sol* "солнце" [Mensching 1926; Трубочев 1963; Богданов 1993].

РАЙ

Понятие рая всячески табуировалось. В частности, рай назывался именем женщины (символ всего земного, тленного, злого): ср. ирл. *sid* "рай", но (без начального *s-*) др.-англ. *ides* "женщина", ср. с метатезой, употребленной в целях табу: др.-сев. *dis* "женщина" (ср. перс. *duzah* "ад"). Ср. далее: арм. *draxt* "рай", но др.-сев. *drosin* "женщина". Интересно также сопоставить др.-инд. *ṣabala-* "загробный мир, относящийся к загробному миру" и польск. *kobieta* "жнщина", где вторая часть слова соответствует др.англ. *ides* "женщина"; др.-инд. *saraméyá-* "загробный мир, относящийся к загробному миру" и и.-е. **sor-* "женщина" (относительно второй части древнеиндийского слова ср. латышск. *meite* "девушка"). Вместе с тем понятие рай табуировалось и метафорами с положительным значением: ср. русск. *рай*, но авест. *rais* "glitter": и.-е. *raios* "splendor"; "blossom, thrive"; и.-е. **lai-* "reichlich, üppig, fröhlich" (ср. форму без табуирующих начальных *rl-*: **ai-* "brennen, leuchten").²⁷ Ср. также арм. *draxt* "рай", но тох. В *trekte* "grand" и с противоположным значением – тох. А *tärçom* "tromperie, imposture".

Ср. еще: валлийск. *annw(f)n* "потусторонний мир", где *an-* – усилительная частица + корень, представленный исл. *dubba* "женщина". С другой стороны, и понятие ада табуируется через понятие "женщина": ср. англ. *hell* "ад", но тох. А *kuli* "женщина"; греч. "Ἅιδας" "царство мертвых", но и.-е. **gen-* <*(s)ken(d) "женщина", ср. и.-е. **kad-* "зло". Интересно также сопоставить и.-е. **au-*, *auēs "там, туда, прочь, на периферии" > "загробный мир", но осет. *woes, us* "женщина" (ср. умбрск. *uesen* "загробный мир"). Понятие потустороннего мира может также табуироваться понятием "нижнего времени, времени Преисподней": ср. лат. *in-fernus* "относящийся к потустороннему миру" < *in-kerdna (прусск. *kerdan* "время") и др.-сев. *skorð* "женщина". Интересен кеннинг, содержащийся в древнеанглийском слове *neorxnawang* "загробный мир", "рай". В этом слове содержится скрытый дискурс, состоящий из сочетания нескольких корней: и.-е. **ner-* "мужчина, человек" (ср. также без табуирующего отрицания *ne-*: и.-е. **ar-* "мужчина") + корень, представленный арм. *eg* "женщина" (возможно, андрогин), + корень, представленный др.-чеш. *śan* "змея". Таким образом, если учесть, что др.-англ. *wang* означало "поляна" (это значение часто служило основой для значения "потусторонний мир"), все сочетание приблизительно означало "потусторонний мир, (где) змей (соблазнил) мужчину и женщину". С другой стороны, указанное сочетание может соответствовать (при отбрасывании табуирующего отрицания *ne-*) таким корням, как хет. *ark* "coige" или ирл. *erc* "небо" ("небесное царство") + арм. *eg* "женщина как воплощение – табуирующее – загробного мира"). Первая часть рассматриваемого слова может также соответствовать др.-англ. *earc* "окрашенный, пестрый" (краска как мистический символ может иметь значение смерти: типологически ср. др.-англ. *déag* "краска", но др.-англ. *dieggan* "умереть"), а вторая – хет. *ak, ek* "смерть".

РУСАЛКА

Русское слово *русалка* представляет собой табуирующую метафору водяной колдуньи. Буквально слово *русалка* означает "голая" < "светлая, блестящая": ср. норв. диал. *gusja* "облезать, облупляться", др.-сев. *hold-rosa* "безшерстная сторона шкуры",

²⁷ Ср. также осет. *rog* "легкие (орган дыхания)", алб. *roj* "жить".

перс. *rus* "плешистый, лысый", осет. *rus* "щека" (лишенная растительности гладкая часть лица). Подобным же образом и греч. Σειρήν "сирена", франц. *sirène* "русалка" соотносятся с англ. *sheer*, нем. *schier* "гладкий, голый" < **ker-* "гореть, блестеть". Нагота в древности считалась связанной с огнем и могла олицетворять загадочные явления, волшебство (развитие значений: "блестящий" > "белый" > "голый"). Ср. др.-инд. *rusant* "светлый, белый, блестящий". Элемент *-al* в русском слове *русалка* соотносится с и.-е. **al-* "гореть, блестеть" > и.-е. **al-l*ol-* "колдовать" ("огонь" > "колдовство").

Понятие горящего священного огня связано со звуками, с шумом, издаваемым костром: ср. церк.-слав. *рузати* "ржать (о лошади), издавать звуки". Типологически ср.: русск. *голый* – др.-сев. *gala* "петь" (песни русалок) – др.-сев. *galinn* "verzaubert, behext" – и.-е. **gal-* "мочь" (> "колдовать") < и.-е. **ghel-* "гореть". С другой стороны, языки пламени изгибаются, переплетаются друг с другом, в связи с чем следует принять во внимание англ. диал. *ross* "узел": узел – символ колдовства²⁸ (типологически ср. франц. *sirène* "русалка", но греч. σεῖρα "веревка", литовск. *verti* "to seize hold of"). Кроме того, огонь, рвущийся к небесам, напоминал язычнику великанов, волшебников, злая силу: ср. русск. *русалка* с нем. *Riese* "великан". Вместе с тем плетение характеризовало не только огонь, но и воду (плетение вод): ср. литовск. *ruseti* "течь", русск. *русло*. С другой стороны, понятие течения (плетения) вод связано с понятием издавания звуков (речь течет) и с понятием наготы (вода в водоеме "голая, блестящая")²⁹. Слово *русалка* следует также сопоставить с тох. *A rse* "ненависть" + и.-е. **al-* "волшебство", швед. *rysa* "наводит ужас"; норв. диал. *rusl* "приступ болезни"; норв. диал. *ryseleg* "ужасный, страшный", а также с др.-англ. *rusel* "жир" (ведьмы перед началом ворожбы обычно натирались жиром, который считался источником сверхъестественной силы).

Метафорически русалка описывалась также как "змея": ср. нем. диал. *Riser, Rusel* "червь, змея"; типологически ср. франц. *sirène* "русалка", но др.-инд. *sura-* "змея".

СЕРДЦЕ

В человеческом теле как антропоморфной модели Вселенной выделяются три точки, где фокусируется его жизнедеятельность: мозг, сердце, половые органы, причем центральное положение занимает сердце, разделяя символические особенности двух других точек. Ср. англ. *heart*, нем. *Herz* "сердце", но др.-англ. *herþan* "половые органы мужчины, мошонка"³⁰ и и.-е. **ker-* "голова" (лат. *cerebrum* "мозг").

Сердце нередко уподобляется вселенской Чаше –местилищу сил роста и трансмутации (ср., с одной стороны, и.-е. **kel-* "чаша", нем. диал. *Karre* "сосуд", а с другой, и.-е. **ker-* "расти, творить": лат. *creare*).

Сердце может символизировать корабль, плавающий в море страстей на пути к Горе Спасения, к Великому Миру, к Богу [ср. христианский символизм церкви как корабля (ср. др.-сев. *hrōð* "корабль")]. Сердце – это узел, связывающий Бога и человека (ср. и.-е. **ker-* "binden", арм. *sari-k* "Band, Schnur"), это – средоточие всех узлов жизни (ср. осет. *soerun* "жить").

Сердце – это символ Солнца, бескрайнего Неба (ср. др.-сев. *hrōðr* "Sonne, Himmel"), тогда как мозг – это луна (ср. и.-е. **men-* "разум, мозг", но англ. *moon* "луна").

Сердце олицетворяет божественный Танец (ср. греч. κόρδαξ) "танец" – символ вселенской Гармонии и порядка, созидания³¹, вечной энергии (ср. круг пламени,

²⁸ Ср. значение "связывать чарами".

²⁹ Ср. латышск. *udens* "вода", но литовск. *yda* "Hauptmangel"; лат. *aqua* "вода", но и.-е. **eg-* "Mangel".

³⁰ Ср. ирл. *crod* "чрево".

³¹ Ср. ирл. *ceird* "искусство", а также русск. *черета*.

окружающий танцующего Шиву)³², символ цепи, соединения, но также символ вечного превращения: кимрск. *cerddaf* "wandle".

Сердце – местопребывание и хранитель первоначального божественного Движения и космической жизни. Иногда Сердце уподобляется храму: ср. др.-нем. *haruc* "храм", др.-англ. *hearh* "храм".

Сердце, как уже говорилось, – символ божественного творения: ср. др.-инд. *kṛti* "make work; magic"; авест. *keretis* "completion";

В качестве творящего начала Сердца уподобляется Бездне (ср. др.-инд. *kartā* "бездна") и пустоте (ср. литовск. *škerdėju* "waste, squander").

Сердце – символ вечности (ср. хет. *karulis* "ancient"; прусск. *kerdan* "время, вечность"); в антропоморфной модели Вселенной сердце – символ середины, символ мирового древа (ср. ирл. *ceirt* "яблоневое дерево", др.-англ. *ceart* "лес").

Интересно отметить в этой связи, что символически олень связан с образом Древа Жизни благодаря сходству оленьих рогов с ветвями. Олень также олицетворяет вселенские циклы возрождения и развития: ср. англ. *heart*, нем. *Herz* "сердце", но англ. *hart* "олень".

Сердце – центр всех человеческих страстей (ср. лат. *credere* "верить", русск. *сердиться*³³; нем. *scherzen* "шутить"). Святость сердца отражается в его уподоблении земноводным (ср. алб. *hardjë* "lizard").

Наконец, сердце – символ бессознательного: ср. лат. *cor* "сердце", но и.-и. **kur-* "deaf"; "blind" (Mann, s.v.), латышск. *skurbs* "drunk"³⁴.

СИНИЙ ЦВЕТ И МИФОПОЭТИКА КРАСКИ

Синий цвет связывался древними с бесконечностью, с потусторонним, наземным миром, в котором обитают боги или души умерших, этот цвет служил как бы перегородкой между смертными людьми и божествами с их творениями – природой, стихией. Синий цвет символизирует, кроме того, бездну, пустоту, но также недостижимую высоту, небо, холод, зло, смерть, исчезновение: движения и звуки "теряются" в синем, как бы "тонут" в нем. В этой связи интересно сопоставить чеш. *modrý* "синий" и формы рассматриваемого слова: без преформанта *m-*: ср. индо-арийск. **odhir* "out of sight", *oddhara* "cave, hiding place". Типологически ср. нем. *blau sein* "потерять сознание". В этой связи интересно отметить французскую идиому *ne voir que du bleu* "ничего не видеть". В качестве типологической параллели можно указать и на русское выражение *ни зги не видать* "ничего не видеть", где слово *зга* (в русском языке оно как самостоятельное слово не встречается и до сих пор не получило удовлетворительного этимологического объяснения), как и в приведенной французской идиоме, первоначально означало "синий" (символ пустоты): ср. перс. *zag* "синий", осет. *c'āx* "синий". Рассматриваемое слово *зга* следует, с другой стороны, сопоставить с др.-сев. *skegg* "борода", "волосы", швед. *skägg* "борода", ср.-англ. *shag* "борода, англ. *shaggy* "волосатый, лохматый". Следует отметить, что слова со значением "волос" соотносятся со словами, имеющими значение "краска" (метафорический образ – вертикально торчащий волос и вздымающийся вверх огонь – источник магических цветов: ср. др.-англ. *bel* "огонь, костер", но литовск. *spalva* "краска"; и.-е. **kres-* "высекать огонь", но русск. *краска*; авест. *gaona-* "волос", но также "краска"; лат. *juba* "волосы, грива", но лат. *jubar* "блеск, сияние, свет"; др.-сев. *grōna* "борода", но англ. *green* "зеленый"). Краска соотносилась с огнем и как этот последний была символом

³² Ср. и.-е. **ker-* "гореть; огонь"; англ. *hearth*; нем. *Herd* "очаг, печь".

³³ Ср. также литовск. *skriaudà* "wrong; offence, harm".

³⁴ Ср. также название плеча в индоевропейском – священного места жертвенного животного: др.-в.-нем. *harti*, др.-фриз. *herde* "shoulder". Плечевые части животных часто служили для гадания.

божества (ср. др.-инд. *kabarah* "bunt", но др.-инд. **kabeiro* "божество"), Вселенной (ср. дат. *färg* "краска", но гот. *fairhvus* "Вселенная"), божественной стихии (ср. литовск. *spalva* "краска", но тох. А *pal* "природа"), божественной силы (ср. латышск. *sarkanās* "красный", но хет. *sarkus* "могучий"), Числа [ср. др.-англ. *hwit* "белый", но и.-е. **kvetvor-* "четыре": вторая часть и.-е. архетипа соотносится с и.-е. **cer-* "черный, обугленный, цвета угля" < и.-е. **cer-* "гореть"; мистическая символика краски возникла на основе хроматических оттенков горящего огня, причем первоначально индоевропейцы считали основными только три краски – белую (символ неба как пустотворного мира, по которому путешествуют души умерших), черную (символ преисподней) и красную (символ божества, жизни, силы, очищения); в архетипе **kvetvor-* сочетаются два крайних полюса – верх и низ Мироздания; ср. также: и.-е. **sem-* "один", но др.-инд. *sama* "черный"], жизни (ср. и.-е. **keu* "гореть, блестеть", но и.-е. *gwei* "жить"). Огонь – мужское начало, в связи с чем становится понятным фаллическая символика краски. Ср.: др.-англ. *hiew* "краска", но др.-англ. *hiewan* "вступать в брак"; брет. *gwen* "белый", но хет. *uen* "coire"; гот. *swarts*. дат. *sort* "черный", но др.-англ. *serðan* "coire"; перс. *zag* осет. *c'āx* "синий", но др.-англ. *higan*, нем. диал. *heijen* "coire", ср.-в.-нем. *varwe* "краска", но чешск. *varlè* "testicle". Однако мужское начало, символизируемое единицей и огнем, реально выступало в "расщепленном" виде (ср. типологически с одной стороны, и.-е. **sem-* "один", но также "половина", а с другой – и.-е. **egnis* "огонь", но арм. *eg* "женщина", **ei-k* "краска").

Краска может также соотноситься с понятием Мирового Яйца (ср. ирл. *dub* "черный" и др.-инд. *dimbah* "яйцо") и выступать в роли оберега (ср. ирл. *dearg* "красный", но и.-е. **sterg-* "оберегать, защищать"). Краска символизировала омоложение, обновление (ср. др.-в.-нем. *varwe* "краска", но тох. А *wir* "новый, молодой"). Кроме того, краска соотносилась с понятием человека (ср. лат. *ater* "черный", но хет. *atāl* "человек", др.-в.-нем. *varwe* "краска, но лат. *vir* "человек", гот. *wair* "человек", перс. *reng* "краска", но др.-англ. *ginc* "человек"), а также с понятием "лес" (ось мира): ср. гот. *swarts* "черный", но тох. А *wārto* "лес"; лат. *fuscus* "темный", но англ. *bush* "куст"; валлийск. *coch* "красный", но др.-сев. *skogr* "лес", а также ветки – символа благодати (ср. англ. *green* "зеленый", но швед. *gren* "ветвь").

Различные краски вздымающегося вверх огня представлялись древним как концентрические круги, где каждая краска (круг) занимала свое иерархическое место в модели вселенной и имела в связи с этим определенное символическое значение. Подобно этому и тело человека как воплощение Вселенной разделялось на определенные круги (чакры), подобные кругам, различаемым в горящем пламени: ср.: греч. *κυκλος* "круг", но и.-е. **kel-* "краска"; лат. *circulus* "круг", но и.-е. **ker-* "краска"; нем. *rund* "круглый", но и.-е. **rud-* "красный".

СОРОК

Космогоническая целостность отражалась в единстве противоположностей, что наиболее ярко представлено в образе Мирового яйца. На уровне Человека как антропоморфной сущности и целостности Вселенной единство противоположностей представлено в андрогине. Как отмечает Н.А. Бердяев, "пол есть точка пересечения двух миров в человеке, но и точка пересечения человека с космосом, микрокосма с макрокосмом. Человек скреплен с космосом прежде всего через пол... Категории пола – мужское и женское, – категории ксмические, не только антропологические... Не только в человеке, но и в космосе есть половое разделение мужского и женского и половое их соединение. Душа мира – земля – женственная по отношению к Логосу – светоносному Мужу – и жаждет соединения с Логосом, принятия его внутрь себя...

Ибо поистине не мужчина и не женщина есть образ и подобие Божье, а лишь андрогин, дева-юноша, целостный бисексуальный человек" [Бердеяев 1989: 62–63]. В этой связи интересно сопоставить русское слово *сорок* (символ вселенской целостности) с соединением двух индоевропейских корней, представленных соответственно и.-е. **sor-* "женщина" + др.-англ. *ripc* "человек, мужчина", нем. *Recke* "великан" (= божество), др.-сев. *rekkr* "герой"; ср. др.-инд. *sura-* "бог, божество" (символ космогонического единства), др.-инд. *sarjana* "Schöpfung, Erschaffung"; тох. *A surm* "первопричина"³⁵. С другой стороны, ср.: др.-инд. *róha*³⁶ "Aufsteigen" (божественное восхождение), лат. *rogus* "огонь" (вздыхающийся к Небу); др.-инд. *ruh* "Keim, Sproß". Типологически ср. алб. *dyzet* "сорок", но др.-сев. *dis* "женщина" + др.-англ. *eoten, ent* "мужчина-великан". Весьма показательны, еврейский символ единства и целостности – "щит Давида": это два треугольника, наложенные друг на друга, причем один треугольник повернут острым углом вверх (женская символика), а другой – вниз (мужская символика).

С другой стороны, русское слово *сорок*, видимо можно сопоставить с тох. *B sar* "рука" + литовск. *rankà*, русск. *рука*. Подобным же образом алб. *dyzet* "сорок" можно сопоставить с бретонск. *biz* "палец", и.-е. **dous-* "рука": в древности целостность человека как космической сущности определялось количеством его пальцев на руках и на ногах, причем счет велся в двух направлениях, отражающих движение божественной энергии – сверху вниз (с неба до преисподней) и снизу вверх (от преисподней до неба)³⁷, что в сумме давало сорок. Возможно, однако, что русское слово *сорок* можно сопоставить с алб. *krah* "рука".

Согласно языческим представлениям, как жизнь, так и смерть представляли собой завязывание или развязывание божественных узлов: ср. и.-е. **mer-* "умирать", но также "плести"; **lei(t)-* "biegen, flechten", но также "sterben"; осет. *coeryn* "жить", но **ker-* "плести"; нем. *leben* "жить", но **leb-*, **lep-* "плести"; **gъei-* "жить" – **geu-* "плести"; хет. *tarup* "twist, twine", но нем. *sterben* "умирать".

Узлы жизни и смерти могут отражать определенные космогонические циклы, вселенские катастрофы, символизирующие различные божественные превращения, – жизнь, переходящую в смерть, или смерть, переходящую в жизнь. При вигезимальном счете (за основу счета берется число 20 – по числу пальцев на руках и ногах человека) жизнь или смерть человека могла соответствовать определенному количеству божественных узлов, кратным двадцати: ср. в этой связи др.-англ. *diegan* "умирать", но нем. диал. *Stieg* "двадцать"; тох. *B sruk* "умирать", но русск. *сорок*; тох. *A wâl* "умирать", но дат. *val, vol* "восемьдесят". Вместе с тем ср. соответственно: др.-инд. *tuc-*, *tok-* "потомство", греч. *τίκτειν* "рожать", *τέκνον* "ребенок"; хет. *sarkus* "strong"; лат. *valere* "être fort". Любопытно отметить, что, как указывает Д.И. Эдельман, в некоторых языках (например, в языках американских индейцев) для обозначения "двадцати" употребляются выражения типа "человек умер", "человек кончился", "весь человек" [Эдельман 1975; 1993]. Таким образом каждый "виток" в круговороте вселенской спирали, олицетворяющий диалектическое чередование жизни и смерти, символизирует целостность Мироздания.

Интересна связь между словами со значением "рука/палец" и словами со значением "смерть" (завершенность, целостность): ср. и.-е. **mer-* "рука" (и.-е. *merjō "человек"), но и.-е. **mer-* "умирать : смерть", ср. англ. *arm* нем. *Arm* "рука", но хет. *arma* "луна" (символ смерти); и.-е. **dhuk-* "рука", но др.-англ. *diegan* "умирать", нем. диал. *Stieg* "двадцать"; русск. *рука* (литовск. *rankà*), но тох. *A sruk* "умирать" (ср. русск. *сорок*);

³⁵ Ср. также арм. *swb* "святой".

³⁶ Ср. др.-инд. *sar* "высокий" + *róha* "восхождение" (восхождение ввысь). Вполне возможно, однако, что русское слово *сорок* следует сопоставить с лат. *sacer* "святой, священный".

³⁷ Ср. и.-е. **ker-* (др.-инд. *sar*) "вверх" + и.-е. **ik-* "низ" (букв. "верх-низ") как символ целостности.

тох. А *āle* "paume de la main", но тох. В *wāl* "умирать"; и.-е. *ker* "рука" (др.-инд. *kara*), но осет. *coeryn* "жить"; др.-инд. *as* "жизнь", но авест. *aosa* "смерть" (ср. и.-е. **ar-* "рука").

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов В.М., Крючкова Т.Б. 1980 – О мужском и женском вариантах японского языка // ВЯ. 1980. № 3.
- Баскаков Н.А. 1975 – Пережитки табу и тотемизма в языках народов Алтая // Советская тюркология. Баку, 1975, № 2.
- Бердяев Н.А. 1989. – Эрос и личность. М., 1989.
- Бихтева 1976 – Принципы образования женских слов (табу) в калмыцком языке // Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. М., 1976.
- Богданов К.А. 1998 – Очерки по антропологии молчания. СПб., 1998.
- Гура А.В. 1997 – Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Гуревич П.С. 1997 – Философская антропология. М., 1997.
- Иванов Вяч.Вс. 1975 – Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // ИАН СЛЯ. 1975. № 5.
- Зеленин Д.К. 1929 – 1930 – Табу слов у народов Восточной Европы. М., 1929–1930.
- Зеленин Д.К. 1995 – Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.
- Лобок А.М. 1997 – Антропология мифа. М., 1997.
- Трубачев О.Н. 1958 – Из истории табуистических названий // Вопросы славянского языкознания. 3. М., 1958.
- Трубачев О.Н. 1964 – Молчать и таять // Проблемы индоевропейского языкознания. Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. М., 1964.
- Цивьян Т.В. 1973 – О некоторых способах отражения в языке оппозиции "внутренний/внешний" // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.
- Эдельман Д.И. 1975 – К генезису вигезимальной системы числительных // ВЯ. 1975. № 5.
- Эдельман Д.И. 1993 – Генетическое и ареальное в системах числительных (на материале арийских языков) // ИАН СЛЯ. 1993. № 5.
- Aiyanhov O.M. 1998 – The symbolic language of geometrical figures, Frejus, 1988.
- Carozzi C. 1983 – La géographie de l'au-delà et sa signification pendant le haut moyen âge // Settimana di studio del Centro Italiano sull'Alto Medioevo. 1983. 29.
- Clark E.V. 1979 – The ontogenesis of meaning. Wiesbaden, 1979.
- Colinet Ph. 1892 – Essai sur la formation de quelques groupes de racines indo-européennes. I. Les préformantes proto-aryennes. Gent; Leipzig; Löwen, 1892.
- Edgerton F. 1958 – Indo-European *s*-movable // Language. XXXIV. 41958.
- Ellis H.R. 1943 – The road to hell: A study of the conceptions of the dead in Old Norse literature. Cambridge, 1943.
- Fabre d'Olivet R. 1962 – The Hebraic Language. New York, 1962.
- Flemming D. 1974 – Tabu und Ersatzwort. Beobachtungen an slavischen Benennungen des Sterbens // Semantische Hefte. I. Hamburg, 1974.
- Goldammer K. 1962 – Der Mythos von Ost und West. Eine kultur- und religionsgeschichtliche Betrachtung. Berlin, 1962.
- Guerios R.F.M. 1956 – Tabus lingüísticos. Rio de Janeiro, 1956.
- Hansmann L., Kriss-Rettenbeck L. 1977 – Amulett und Talisman. München, 1977.
- Havers W. 1946 – Neuere Literatur zum Sprachtabu. Wien, 1946.
- Hollander D.M. 1905 – Prefixal *s* in Germanic. Baltimore, 1905.
- Kriss-Rettenbeck L. 1978 – Bilder und Zeichen religiösen Volksglauben. München, 1978.
- Leopold W. 1929 – Inner form // Language. 1929, 5.
- Meillet A. 1906 – Quelques hypothèses sur les interdictions de vocabulaire dans les langues indo-européennes. Chartres, 1906.
- ME 1990 – Mythologie de l'écriture. Paris, 1990.
- Mensching G. 1926 – Das heilige Schweigen. Berlin, 1926.
- Miller D.G. 1977 – Some theoretical and typological implications of the Indo-European root-structure constraint // JIES. № 5. 1977.
- Needham R. 1973 – Right and left. Essays on dual symbolic classification. Chicago, 1973.
- Paulhan J. 1953 – La preuve par l'étymologie. Paris, 1953.
- Sims-Williams 1990 – Some Celtic otherworld terms // Celtic language, Celtic culture: A Festschrift for E.P. Hamp. Van Nuys (California), 1990.

Schrijnen J. 1908 – Präformanten // KZ. 42. 1908.

Schwartz B. 1947 – The root and its modification in Primitive Indo-European. Baltimore, 1947.

Siebs Th. 1904 – Anlautstudien // KZ. Bd. 37. 1904.

Zollitsch A. 1970 – Eine Einführung in die Biologie der Wörter. Uffing, 1970.

Vincenz A. 1956 – O tabu językowym // Kultura. Paris, 1956. № 7–8.

Wagner D. 1970 – Die Schlange im Kult, Mythos und Vorstellung. München, 1970.

Wrobel A. 1995 – Schreiben als Handlung. Tübingen, 1995.

Zimmer K.E. 1964 – Affixal negation in English. An investigation of restricted productivity // Word. 20. № 2 (Suppl.). 1964.

© 1998 г. Г.Ф. БЛАГОВА

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТИПОВ РАННЕТЮРКСКИХ АНТРОПОНИМОВ

Посвящая эту статью светлой памяти Георгия Андреевича Климова, мы имели в виду то обстоятельство, что этому крупному ученому-компаративисту нечужд был интерес к ономастике, в частности к антропонимии; во всяком случае внимание к родовым фамилиям, как и к топонимам, нашло отражение в подготовленном им к печати расширенном издании его Этимологического словаря картвельских языков на английском языке – "Etymological dictionary of the Kartvelian languages" (Berlin, в печати).

Смолоду присущие Г.А. Климову преданность науке (картвелистике, общему языкознанию), глубокий профессионализм¹ побудили Никиту Ильича Толстого рекомендовать ученого на должность ответственного секретаря редакции в самый сложный, переломный период истории журнала. Георгий Андреевич проработал в этой должности более четверти века, с 1971 г. по день своей внезапной кончины.

Г.А. Климов всемерно способствовал поддержанию тех научных традиций ВЯ, которые были заложены основателями журнала, потому что эти традиции глубинно соответствовали его научным устремлениям, научной честности, порядочности, человечности.

*

В отечественной компаративистике последних десятилетий требование системной реконструкции предъявляется не только к исконной лексике, но и к "экстрасистеме" – заимствованиям и ономастике [СИИЯРС 1988: 9, 197]. Взгляд на тюркскую антропонимию, важное составляющее тюркской ономастики, как на экстрасистему, занимающую свое, особое место в реконструкции пратюркского лексикона, отражен в четвертом томе продолжающегося коллективного труда "Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика" [СИГТЯ 1997: 6], созданного тюркологами Института языкознания РАН во главе с чл.-корр. РАН Э.Р. Тенишевым² [см. СИГТЯ 1984; СИГТЯ 1986; СИГТЯ 1988]; при этом большое значение придается этнолингвистическому, социолингвистическому, культурологическому аспектам исследования. Реконструкция пратюркской антропонимической системы (АС) выполнена нами в рамках лексического тома "Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков" и представлена там самостоятельной главой "Антропонимия" в той части "Лексико-семантического тезауруса", которая посвящена миру человека [СИГТЯ 1997: 619-723].

В настоящее время нами реконструировано 92 онимизованных лексемы. Удалось установить, какие из этих лексем в древности использовались в качестве реальных

¹ Достаточно сказать, что уже в 60-е годы Г.А. Климов был известен как автор "Этимологического словаря картвельских языков" (к моменту издания Словаря ему было всего 36 лет); к 1971 г. это был давний и постоянный автор ВЯ.

² Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 96-04-16028.

личных имен, а какие – в качестве реальных компонентов личных имен и, наконец, какие – в качестве тех и других; любую из таких реализаций онимизованной лексемы мы называем антропонимической единицей (АЕ). С учетом конструктивного функционирования АЕ нами реконструировано более 150 пратюркских личных имен. И это, естественно, никоим образом не закрытый список: с расширением компаративистических (или хотя бы синхронических сравнительных) исследований в области тюркской антропонимии, этот список безусловно будет пополняться.

Классификация реконструируемых личных имен основывается на критериях как семантических, так и структурных. Опорой при этом был принцип сдвоенного – семантико-категориального – учета, во-первых, общности слов (от которых образованы личные имена) по тематическому признаку, а во-вторых, принадлежности их к одной части речи. Построенная таким образом классификация представляет собою такую совокупность понятийно-грамматических групп, которая позволяет реконструировать семантическую структуру пратюркской АС. Реконструируемый пратюркский антропонимикон предстает, таким образом, не как некое мозаическое собрание разрозненных личных имен, но как строго структурированная система со столь же отлаженным семантическим "костяком" – семантической структурой, в которой нет места "случайным" именованиям, ср. [Rásonyi 1953: 328; Rásonyi 1964: 231].

При опоре на произведенную системную реконструкцию стало возможным приблизиться к проблеме описания типов раннетюркских антропонимов. При этом нами учитывался опыт сравнительно-исторического изучения ранних славянских этнонимов и их типов, осуществленный О.Н. Трубачевым [Трубачев 1974]. В своем описании типов раннетюркских антропонимов мы вслед за О.Н. Трубачевым использовали как семантические, так и формальные принципы классификации, дополнив их комбинаторно-сочетательными – в соответствии со спецификой тюркской антропонимии. Кроме того, в своем описании мы исходили из исторически установленного Л.Н. Гумилевым факта, что раннетюркские антропонимы представляли собой "не канонизированные имена, а описательные, меняющиеся в связи с возрастом и общественным положением человека. Это скорее прозвища" [Гумилев 1967: 82–83].

При рассмотрении поставленной проблемы мы исходим из комплексного системного подхода к изучению тюркской антропонимии и опираемся на результаты проведенного исследования. Нами вычленены нижеследующие ряды семантических, формальных, а также комбинаторно-сочетательных признаков, характеризующих раннетюркские антропонимы, их классификационные группы и подгруппы.

И. Семантические признаки. Таких признаков мы насчитываем три.

1) Тесная связь личных имен с апеллятивной лексикой и прозрачность их этимологии в отношении к семантической структуре раннетюркской антропонимической системы. Раннетюркские антропонимы по своему происхождению тесно и широко связаны с апеллятивной лексикой и поэтому сравнительно легко поддаются разветвленной и дробной семантической классификации. Так, например, антропонимические единицы отражают в себе наименования понятий круга "Мир природы", в том числе: а) неба, небесных тел, метеорологических и атмосферных явлений (*täyri* 'небо', 'Бог', *kün* 'солнце', *a:j* 'луна', *julduz* 'звезда', *ajaz ~ ajas* 'ясное (о небе)', 'сильный холод при ясной погоде', *qayar ~ qar* 'снег', *tuman* 'туман', *boran* 'буря'); б) названия металлов, минералов (*temir ~ temür* 'железо', *altyn ~ altun* 'золото', *kümüš* 'серебро', *taš* 'камень'); в) названия из разряда зоологической лексики (дикие животные: *arslan* 'лев', *bars* 'тигр', *qaban* 'кабан', *böri* 'волк'; домашние животные: *buýra* 'верблюды-самец', *buqa ~ buya (~boya)* 'бык-производитель', *taj* 'жеребенок', *qulun* 'жеребенок', *tekä* 'козла', *it ~ yt* 'собака'; птицы: *quš* 'птица', *toýryl ~ toýrul* 'сокол', *la:čyn* 'сокол', *turuntaj* 'ястреб', *qarluýaç* 'ласточка'; рыба: *ba:lyu ~ ba:lyq* 'рыба'). Как видно уже из этого выборочного перечня, принятый нами комплексный подход позволяет очертить в основном семантическую структуру раннетюркской антропонимической системы: в перспективе это открывает путь к тому, чтобы, опираясь на "исходные" значения они-

мизованных лексем – односоставных имен и компонентов сложносоставных имен, построить модель картины мира, каким его видел древний тюрк (см. [СИГТЯ 1997: 702 – 723]).

Необходимо, однако, подчеркнуть особо, что несмотря на теснейшую связь онимизованных лексем с апеллятивной лексикой и соответственно – на прозрачность этимологии таких лексем, семантическая структура тюркской антропонимической системы существенно отличается от семантической структуры апеллятивной лексики. Эти отличия обеспечиваются, во-первых, специфичностью отбора онимизируемых лексем (см. ниже о связи раннетюркских личных имен с верованиями, этническими традициями древних тюрков). Хотя в древнетюркской АС в большей мере, чем, например, в древнегерманской АС, отражена бытовая и другая сугубо "земная" лексика (заметная ориентированность древнетюркской антропонимии на бытовую сторону жизни и обычаи в противовес тому, что древнегерманские имена считаются "специфическими сочетаниями поэтического типа" [Топорова 1996: 135])³, не приходится, разумеется, говорить ни о совпадении корпуса апеллятивной лексики и круга онимизованных лексем в количественном плане (при той избирательности в процессе онимизации, которая строго регламентирована экстралингвистическими факторами), ни о совпадении их семантических структур. Во-вторых, апеллятив и соответствующая онимизованная лексема (АЕ) при всей прозрачности этимологии этой последней в тюркских языках, как правило, не могут полностью совпадать и семантически. Дело в том, что лексическое значение онимизованной лексемы в тюркских языках предстает опосредованным через древние верования (мифологизацию, оживотворение обозначаемых объектов), через позднейшую метафоризацию; все это также не может не сказаться на особенностях семантической структуры пратюркского антропонимикона и в целом – на характере АС как экстрасистемы.

2) Специфичность семантической структуры раннетюркского антропонимикона – в отражении мифологем, верований и этнических традиций древних тюрков. Совокупности (группы или подгруппы) раннетюркских антропонимов сохраняют теснейшую связь с древними этническими традициями тюрков, прежде всего с традициями наречения именем младенца. "По древним народным представлениям, имя обладает магической силой, якобы влияющей на всю судьбу человека, и поэтому выбору имени придавалось особое значение" [Манас 1984: 519 примеч. 75]. Недаром среди алтайских "обманных" имен существует *adyjoq* (< *ady* 'о'q 'имени у него нет') [Баскаков 1947: 207]. О страданиях человека без имени красочно повествует якутское олонхо [Емельянов 1990: 123] Ср. русск. "без имени ребенок – чертёнок" (ДПВ: 598).

"Звериные" имена – *böri*, *qurt* 'волк'⁴, *buqa* 'бык', *bars* 'тигр' и др. – это мифологемы, они указывают на "принадлежность к данному роду, восходящему к мифическому прародителю – зверю" [Гумилев 1967: 82], см. также древние мифологические мотивы в якутских олонхо о чудесных детях, рожденных в образе птиц, о чудесном быке-сыне родоначальника [Емельянов 1990: 136]. В таких именах сохраняются черты чрезвычайной этно-культурной архаики. С утратой этой мифологической актуальности в современных условиях некоторые из таких имен претерпели метафоризацию, в результате чего превратились в имена-пожелания, у казахов, например, чтобы новорожденный был зорким, бдительным, мужественным,

³ Установленный нами факт известной "заземленности" части древнетюркских АЕ по сравнению с древнегерманским антропонимиконом может быть проиллюстрирован следующими примерами. Мир вещей, крайне скудно отраженный в древнегерманских именах собственных [Топорова 1996: 131], в именах древних тюрков представлен четырьмя семантическими группами: а) металлы ('железо', 'золото', 'серебро'), б) предметы бытового обихода ['одеяние', 'кайма, оборка (одежды)', 'пуговица', 'ложка', 'солома', 'зола'], в) орудия труда ['сеть (рыболовная)'], г) объекты, наименования которых используются для отрицательной оценки нарекаемого ('навоз', 'экскременты', 'рвота'). Названия частей тела живого существа, вовсе отсутствующие в древнегерманском антропонимиконе, в древнетюркской АС представлены лексемами со значениями 'голова', 'глаз', 'ладонь', 'нога', 'кожа', 'волосной покров'.

⁴ Подробно о мифологеме 'волк – волчица' [Тружарски 1995: 55–69].

давались имена *bürkit* (< 'беркут'), *lašın* (< 'сокол'), *arystan* (< 'лев') [Жанузаков 1970: 200].

Во многих именах, связанных с зоологической лексикой, отражаются такие традиционные хозяйственные уклады тюрков, как скотоводство; см. имена с компонентами *buƣra* (< 'верблюд-производитель'), *buqa* ~ *buƣa* (< 'бык-производитель'), *taj*, *qulun* ['жеребенок (разного возраста)'], охотничий промысел [*qaban* (< 'кабан'), *tilkü* (< 'лисица')].

В архаических именах, связанных с названиями неба (Бога – *täŋri*), небесных светил, отразился тот исторический факт, что древние тюрки-язычники поклонялись "Духу Неба", солнцу (*kün*), луне (*aj*), звездам (*julduz*) [Гумилев 1967: 78; Емельянов 1990].

В якутских олонхо происхождение одного из легендарных родоначальников увязывается с метеорологическими и атмосферными явлениями: по одной версии – с белым облаком и белым легким снегом, по другой – с темной тяжелой тучей, градом-дождем, буйным вольным ветром [Емельянов 1990: 58]. Можно предположить, что личные имена с соответствующими компонентами – *bulut* 'облако', *qar* ~ *qayar* 'снег', *jaƣmur* 'дождь', *horan* 'буря' – восходят именно к подобным генеалогическо-метеорологическим мотивам и отражают древний культ мифических родоначальников тюркских племен. В современных тюркских антропонимических системах имена языческого происхождения так же, как и звериные имена, подверглись переосмыслению. Так, по наблюдению В.А. Никонова, узб. *aj* 'луна' в современном узбекском антропонимиконе стало своего рода "служебным имяобразующим элементом", см., к примеру, *tatjan-aj* (СЛИ 1986: 313, 314). Личные имена с компонентом *bulut* 'облако' толкуются в настоящее время в том смысле, что новорожденный появился на свет при облачной погоде; с компонентом *qar* или *jaƣmur* – при снегопаде или во время дождя и т.д.; по терминологии Рашоньи Л., это так называемые "случайные" именованья [Rásonyi 1953: 328]. К такому же относится и личное имя *tuman* [в "Записках охотника" ("Малиновая вода")] И.С. Тургеневым зафиксировано русское прозвище *Туман*]. Однако еще в начале XX в. этнограф В.Ф. Троцанский высказывал догадку, что в дохристианских верованиях тюрков Сибири, и прежде всего якутов, метеорологические, особенно атмосферные явления могли связываться с миром человета, его благосостоянием [Троцанский 1911: 269]. И, действительно, такую связь находим в средневековом факте наречения младенцу имени *tuman*, о чем писал Абу-л-Гази хан хивинский в своей "Родословной туркмен" [Кононов 1958: 58], ср. также осмысление этого имени узбеками как 'богатый', 'зажиточный', 'благополучный' [Менажиев и др. 1968: 81]. Подробно о связи личного имени с древними традициями и верованиями, о сохранении таких связей, например, у башкир, тувинцев, якутов до настоящего времени см. [СЛИ 1986: 305–306, 359 и сл.].

С этническими традициями тюрков тесно связано их традиционно-патриархальное самосознание, которое проявляется в обостренном чувстве племенной сплоченности, в уважительной памяти к самым далеким своим предкам и соответственно – к их именам. Традиционно-патриархальным самосознанием тюрков обусловлены разветвленная система родства, соответственно система терминов родства и вместе с тем – проникновение в тюркскую антропонию целого ряда таких терминов, закрепление их там на многие века. См. АЕ, восходящие к названиям родственников; старших и младших: *ata* 'отец', *baba* 'отец', 'дед (со стороны матери)', *apa* 'отец', 'старший брат' / 'мать', 'старшая родственница (отца)', *mama* 'бабушка', 'старший родственник', *oƣul* 'сын', *quz* 'дочь', 'девочка', *kenč* ~ *kenže* 'младший из детей (в семье)', *jegän* 'племянник', 'внук' (по женской линии).

3) Бинарные и полинарные оппозиции как специфика семантической структуры раннетюркского антропонимикона.

Антропонимы, главным образом – сложносоставные, могут соединяться в некоторые совокупности, организованные по принципу бинарности, а в ряде случаев –

множественности (полиарности) семантических противопоставлений. Совокупности таких антропонимов, между которыми семантические противопоставления осуществляются чаще всего за счет цветообозначающих прилагательных, особенно развернуто представлены в среднекыпчакском антропонимиконе (XIII в.), описанном М.Т. Хаутсмой в конце прошлого века [Houtsma 1894: 29, 31–32]. Примеры: *aq taj* 'белый жеребенок' – *qara taj* 'черный жеребенок' – *qonqur taj* 'черносерый жеребенок'; *aqiṣ* (< *aq quṣ*) 'белая птица' – *qara quṣ* 'черная птица' – *ala quṣ* 'пестрая птица' – *boz quṣ* 'серая птица'; *aq sunqar* 'белый сокол' – *qara sunqar* 'черный сокол'.

Не менее многообразными, индивидуализированными и сложными являются семантические противопоставления в так называемых "двойных именах", см. [Houtsma 1894: 32–34]. Так, наряду с цветовой бинарной оппозицией вроде *aq boya* 'белый бык' – *qur buya* 'сероватый бык' М.Т. Хаутсма приводит и другие цепочки противопоставлений, где инициальными компонентами являются существительные, различающиеся а) по признаку металлов, драгоценных и, так сказать, "боевого": *altun boya* 'золото-бык' – *gümüş boya* 'серебро-бык' – *timür boya* 'железо-бык'; б) по признаку животных, хищных и домашних: *arṣlan boya* 'лев-бык' – *taj boya* 'жеребенок-бык'; в) по признаку пространственных характеристик: *tiŋgiz boya* 'море-бык' – *il boya* 'страна-бык' [Houtsma 1894: 32, 33, 34], но ср. *el quṣ* 'птица, похожая на орла' [ДТС 1969: 169]. Противопоставление могло проводиться по линии не только инициального компонента, но и непервого (второго по порядку следования) компонента при неизменности первого компонента. См. *taj timür* 'жеребенок-железо' – *taj boya* 'жеребенок-бык' – *taj bars* 'жеребенок-тигр'; *er taṣi* 'муж-камень' – *er quṣ* 'муж-птица' – *er toyrul* 'муж-сокол'.

Судя по подборкам М.Т. Хаутсмы, демонстрирующим разветвленность семантических противопоставлений, по обилию конкретных примеров, в древности таким противопоставлениям придавалось особое значение.

В отдельных современных тюркских языках зафиксированы только осколки таких противопоставлений. См., например, в татарском: *qara taj* [ИЭИ 1989: 77] 'черный жеребенок' – *aq buya* 'белый бык', *bars buya* 'тигр-бык', *buya arṣlan* (> *buyarṣlan*) 'бык-лев' [Саттаров 1981: 29, 43, 50]. Иногда различные члены цветового противопоставления зафиксированы по разным языкам: тур. осм. *kara kuṣ* 'черная птица' и башк. *aq qoṣ* 'белая птица'.

II. Формальные признаки типов раннетюркских антропонимов. Таких признаков мы насчитываем два.

1) Специфика распределения онимизованных лексем по частям речи. В пратюркской АС задействовано четыре части речи – существительные, прилагательные, числительные, глаголы. Особенно многочисленны антропонимические единицы, связанные своим происхождением с существительными, – в пратюркской антропонимической системе они составляют две трети (65 единиц) всего реконструированного нами фонда онимизованных лексем.

Среди прилагательных (а их в пратюркской антропонимической системе реконструировано 14) компактную группу составляют прилагательные цветообозначения (таковых реконструировано четыре: *aq* 'белый', *qara* 'черный', *sary* ~ *saryu* 'желтый', *kök* 'голубой'). Это можно объяснить полисемантической прилагательных этой группы: они привлекаются к обозначению физических примет нарекаемого (цвет волос, глаз), наряду с этим обозначают ориентировку по частям света (например: *qara han* 'северный хан' – по Габэн), передают также ряд отвлеченных понятий, таких, как, например, мудрость носителя имени, его мощь, долгожительство. См.: *aq* 'счастливый', 'благословенный', 'долгожитель'; *qara* 'могучий', 'великий', *saryu* 'старый', 'умудренный жизнью', *kök* название древнего этнополитического объединения *kök türök* (в татарском *kök* 'святой').

Из числительных в пратюркском антропонимиконе задействованы только количественные, их пять: *iki* '2', *alty* '6', *otuz* '30', *altmyş* '60', *jetmiş* '70'.

Из глаголов задействовано восемь; компактную группу составляют глаголы состояния: *tur-* 'стоять', 'пребывать', *toqta-* 'останавливаться', *tol-* 'становиться полной (о луне)'.

2) Специфичность раннетюркской антропонимии в отношении к морфологии. Каждая из задействованных частей речи в пределах антропонимической системы обнаруживает неодинаковое отношение к словообразовательным и словоизменительным средствам языка.

а) Среди существительных наблюдается большое количество корневых слов. Производные существительные, скорее всего, проникали в АС уже в готовом виде. Примеры древнетюркских АЕ с аффиксами словообразовательными (-*çy*: *tanrıçy* 'хранитель печати' [ДТС 1969: 530], *samançy* 'лицо, имеющее дело с обработкой соломы' [БН У : 505] и уменьшительно-ласкательными (-*čükl-čüq*: *jegänčükl* 'племянничек' [ДТС 1969: 253], *ögäčükl* при *öga* 1. мудрый, мудрец, 2. титул [ДТС 1969: 379, 589], *tekäş* 'козлик' [ДТС 1969: 550]). Существительные в пратюркской АС используются, как правило, в основном падеже. Отмечен единственный случай использования в раннетюркском антропониме аффикса принадлежности 1-го лица ед. числа -[*Im*]⁵; др.-уйг. *ögrünč tärim* 'радость-Небо-мое' [ДТС 1969: 381]. В раннетюркских сложносоставных именах изафетной модели "определение" выступает в основном падеже (безаффиксальном) и при этом компонент-"определяемое" изредка может иметь в своем составе аффикс принадлежности 3-го лица ед. числа (см. ниже модель 1а).

б) Среди прилагательных меньше корневых слов, и это прежде всего прилагательные цветообозначения. Производные с ныне непродуктивными аффиксами, скорее всего, попадали в АС в готовом виде [например, *uluq* 'большой', 'великий', *aryu* 'чистый', *artuq* 'излишний'; *uzun* 'длинный', 'долговязый' (о человеке); *iščän* 'деятельный']. Среди производных прилагательных есть и такие, которые могли быть воспроизведены окказионально, уже в составе антропонимической системы (например, *menlig* 'обладающий родинкой', *tuyluq* 'обладающий знаменем, бунчуком', 'знаменщик').

в) Среди числительных количественных представлены два корневых слова (*alty* 'шесть', *otuz* '30'), два производных – они попали в АС в готовом виде (*altmyş* '60', *jetmiş* '70'), как и порядковое числительное ср.-уйг. *ikiči* 'второй'.

г) Среди глагольных АЕ имеются реконструированные глагольно-именные формы, например на *-I*, *-In* [*tolu*, *tolun* 'полный (о луне)'], а также причастие на *-mİš* (в постпозитивном использовании его возможно интерпретировать как нулевую форму 3-го лица ед. числа прошедшего неочевидного времени). Репертуар таких форм значительно шире по современным тюркским языкам. Спецификой тюркской АС является наличие в ней глагольных АЕ – личных форм прошедшего категорического времени и, возможно, прошедшего неочевидного времени изъявительного наклонения (в том и другом случае – безаффиксальное 3-е лицо ед. числа), повелительного

⁵ В памятниках древнетюркской письменности женские личные имена встречаются исключительно редко, поэтому при исследовании раннетюркской антропонимии мы оперировали главным образом мужскими именами и в силу этих объективных обстоятельств мы были лишены возможности прояснить вопрос о хронологической глубине проникновения аффикса принадлежности 1-го лица ед. числа в женскую антропонимию. Во всяком случае, на рубеже XV–XVI вв. в "Записках" Бабура уже фиксировались многочисленные женские имена, имевшие в своем составе титульные компоненты, снабженные аффиксом принадлежности 1-го лица ед. числа: *aj bik-im* 'луна моя-княгиня', *aq bik-im* 'чистая (или: белотелая) моя-княгиня', *xanzada bik-im* 'рожденная от хана моя-княгиня', *xanzada xan-um* 'рожденная от хана мой-хан'), и даже сложносоставные имена, каждый из двух компонентов которых имеет по такому possessivному аффиксу (*sultan-ym bik-im* 'султан-мой княгиня-моя', *mah-im bik-im* 'луна-моя княгиня-моя') [БН У: 484, 495, 504, 507]. Здесь же [БН У: 497, 500, 511] аффикс принадлежности 1-го лица ед. числа встречается и в мужских именах: *mir-im tarqan* 'мой эмир тархан', *sah-im nasyr bek* 'мой-царь Насыр князь', *šajx-im bek* 'мой-старейшина князь'. Подробнее об этом см.: [Благова 1970].

наклонения [нулевая форма 2-го лица ед. числа (ср. русские клички охотничьих собак вроде *Догоняй*) и форма 3-го лица ед. числа на *-sU(n)*], подробно о тюркских личных именах-императивах см.: [Rásonyi 1962]. Примеры: *kün toγdy* (< 'солнце народилось', т.е. взошло), *beg turmyš* (толкуется как "князем станет"), *qutad* 'становись счастливым!', *botasun* [ДТС 115, перевод неясен]. Такие глагольные формы в составе антропонимов воспринимаются в качестве цельных, неразложимых единиц и получают грамматические приметы имени. Подчеркнем, что, например, в древнегерманской антропонимии личные формы глагола не используются совершенно [Топорова 1996: 74]. В современных тюркских языках репертуар глагольно-именных АЕ, в том числе причастий, а также временных форм пополняется.

III. Комбинаторно-сочетательные признаки. Ввиду того, что помимо односоставных личных имен для пратюркской АС в высокой степени характерны сложносоставные имена, в том числе так называемые "двойные имена" (см.: [Houtsma 1894: 32–34; Гордлевский 1913: 33]), учет комбинаторики компонентов внутри сложносоставных имен, как и их "синтаксис", приобретает актуальность. О древнегерманских двучленных именах собственных см. [Топорова 1996]. Как известно, от других лексических категорий личные имена отличаются своей исключительной способностью к "синтаксическому словообразованию", при котором происходит специфическая лексикализация синтаксических конструкций [Старостин 1974: 85]. Поскольку исследование моделей раннетюркских антропонимов должно составлять тему самостоятельной работы, рисуем такие модели лишь в самом общем виде.

Приводимые ниже модели представлены в нашей реконструкции, во-первых, реальными сложносоставными именами, а во-вторых – так сказать, "наполовину реальными" сложносоставными именами: один компонент в таких именах – реальный, а другой, с ним сочетающийся, варьируется разными лексемами в древних и современных тюркских языках, так что в составе имени реконструируется не сам этот компонент, но его место в соответствующей модели сложносоставного имени.

Наиболее распространенной является модель "имя + имя", в раннетюркской антропонимии она представлена целым рядом разновидностей.

1. Модель "существительное + существительное": оба ее компонента выступают в основном падеже (безаффиксальная форма). Соединение компонентов в раннетюркских личных именах по данной модели практически не имеет формального выражения, поскольку даже место компонента в имени может варьироваться (механизм такого варьирования, его причины и следствия в тюркской антропонимике пока не исследованы). По данной модели сочетаются обычно компоненты из разных семантических групп (подгрупп), причем одним из таких компонентов часто бывает сословный титул (или другой социальный термин). Наиболее обычно его место в постпозиции, хотя такой компонент может выступать и в препозиции. В соответствии с позицией сословного титула внутри личного имени варьируют свои места и компоненты разных семантических групп, например, из группы названий металлов или же зоологической лексики. Ср.: *altun qaγan/qan/xan* 'золото-каган/хан', но *beg temür* 'князь-железо', *baj temür* 'богач-железо'; *arslan tegin* 'лев-принц', *bars beg* 'тигр-князь', *buγra xan* 'верблюд(-производитель)-хан', *taj beg* 'жеребенок-князь', но *beg arslan* 'князь-лев', ср.-уйг. *idi qurt* 'хозяин-волк', ср.-уйг. *baj buγa* 'богач-бык-(производитель)', ср.-уйг. *oγul bars* 'сын-тигр', др.-уйг. *er böri* 'муж(-воин)-волк'⁶. Термины родства, сочетаясь с другими социальными терминами, также могут располагаться в

⁶ Здесь и ниже принята следующая подача языкового материала: без языковых помет приводятся реконструированные сложносоставные имена. Для прочих раннетюркских антропонимов используются сокращения: др.-уйг. – древнеуйгурский, др.-уйг. рун. – язык рунических памятников древнеуйгурского каганата, ен. – язык енисейских рунических памятников, Монг. – язык орхонских рунических памятников (Монголия), крх.-уйг. – караханидско-уйгурский, ср.-кылч. – среднекылчакский, ср.-уйг. – среднеуйгурский.

начале или конце сложносоставного имени: *baba xan* 'отец (~ дед)-хан', *apa tarqan* 'старший родственник-тархан', *oƣul tarqan* 'сын-тархан', *jegän čur* 'племянник-чур (*тимул*)', но ен. *baj apa* 'богач-старший родственник'. "Двойные имена", содержащие оба компонента из числа зоологической лексики, также способны варьировать местоположение своих компонентов: *bars buƣa* 'тигр-бык(-производитель)', ср.-кыпч. *bars tuyan* 'тигр-сокол', но *büri bars* 'волк-тигр'. По мнению М.Т. Хаутсмы, здесь отражен обычай сочетания двух разных имен, представлявших тотемы племен отца и матери нарекаемого [Houtsma 1894: 33]; на этот же обычай, по-видимому, указывают и двойные мусульманские имена у турок-османцев [Гордлевский 1913: 156, см. также ИО 1977: 183].

Реконструированная модель "существительное + существительное" синкретична; она дает известные основания, опираясь на семантику конкретных компонентов личных имен, построенных по данной модели, находить среди них и безаффиксальные определительные конструкции, и сочетания определяемого слова с приложением. Например, ср.-уйг. *qorunču oƣul* 'каменщик-сын' или 'сын-каменщика'?

Но изредка среди раннетюркских антропонимов встречаются и такие, которые можно возвести к определенным конструкциям с формально выраженной связью, см. 1а.

1а. Модель "существительное + существительное с аффиксом принадлежности 3-го лица ед. числа -(s)!"'. Характерно, что эта модель пока не поддается реконструкции. В числе раннетюркских антропонимов обнаружены следующие примеры: др.-уйг. *qut täŋri xatun-u* 'благодать-Небо-вельможная дама-его', рун. в Монг. *täŋri qul-u* [Самойлович 1935: 637] 'раб божий', ср.-уйг. *jaƣan burqan qul-u* 'слон-бурхан (пророк)-раб-его', ср.-уйг. *hoq šad-u*⁷ 'навоз-šad-его'.

Среди раннетюркских антропонимов нам не встретилось тех, которые восходили бы к определительной конструкции с полной изафетной связью: родительным падежом определения и аффиксом принадлежности 3-го лица ед. числа в определяемом. Отсутствие род. падежа в определительных конструкциях, используемых для раннетюркской антропонимии согласуется с нашими наблюдениями о том, что словоформы род. падежа в тексте поэмы "Кутадгу били" (XI в.) несколько менее употребительны, чем словоформы остальных падежей [Благова 1982: 102 примеч. 2].

2. Модель "прилагательное + существительное": по своей формальной организации (препозитивность прилагательного – постпозитивность существительного) эта модель опирается на определительное словосочетание. Особенно были распространены сочетания с прилагательными цветообозначения: *aq baş* 'белая голова', *aq buƣa* 'белый бык', *aq qul* 'белый (южный?) вассал (> раб)', *qara qan* 'северный хан' (цит. по [Gabain 1962: 114]), *qara čur* 'северный (или: могучий) чур', *qara temir* 'могучее железо', *saryu saman* 'желтая солома', ср.-кыпч. *kök taš* 'голубой камень'. Из числа словосочетаний с относительными прилагательными назовем ср.-уйг. *qutluq bek* 'благодатный князь', *qutluq temür* 'благодатное железо', *ešan temür* 'невредимое железо', ср.-уйг. *meŋlig seŋün* 'обладающий-родинкой полководец'.

2а. Модель "существительное + прилагательное": по своей формальной организации (препозиция существительного – постпозиция прилагательного) восходит к предикативному словосочетанию. По полученным данным, не всякое прилагательное может выступать в постпозиции. В постпозиции отмечены прилагательные цветообозначения *qara* 'черный' (метафоризация: 'могучий') в ряде антропонимов, а также прилагательные *uluƣ* 'большой', 'великий' и *qutluƣ* 'благодатный', каждый в одном антропониме.

⁷ *šad* – один из высших военно-административных титулов в Тюркском и Уйгурском каганатах [ДТС 1969: 519].

Естественно, наибольшее разнообразие существительных (в отношении семантики) представлено в их сочетаниях с постпозитивным *qara* – здесь используются и социальные термины, и зоологическая лексика, и название части тела живого существа, и названия абстрактного понятия, а также металла, и кроме того причастие и числительные (см. ниже модели 2б, 3а, 4в, а также 5). Примеры: *baj qara* 'богач-могучий', *qul qara* 'слуга (< иноземный вассал [Гумилев 1967: 55]) -с севера', *buɣra qara xan/xaqan* 'верблюдо-производитель-северный хан/хакан', *eş qara* 'сотоварищ-могучий', *baş qara* 'голова-черная', ср.-уйг. *ögrünç qara* 'радость-сильная', *altun qara* 'золото-могущественное'. Прилагательные *uluɣ* 'большой, великий', *qutluɣ* 'благодатный, приносящий счастье' сочетаются с существительными из антропоцентрической сферы: ен. *erän*⁸ *uluɣ* 'муж(-воин)-великий', др.-уйг. *alp qutluɣ* 'герой-благодатный'.

2б. Модель "прилагательное + прилагательное" по своей формальной организации связана с усиленным словосочетанием. Представлена в одном антропониме: крх.-уйг. *javlaq sary* 'крепко умудренный жизнью'.

3. Модель "числительное + существительное" представлена однотипными (по семантике их компонентов) антропонимами: ср.-кыпч. *alty bars* 'шесть-тигр', *alty buɣa* 'шесть-бык', которые Рашоньи Л. истолковывает как пожелание новорожденному, родившемуся в год тигра (или быка) прожить 6 × 12 лет, т.е. 72 года (имеется в виду двенадцатилетний животный цикл у тюркских народов), т.е. долгую жизнь [Rásonyi 1961: 47–48]; ср.-уйг. *altmuş qaja* 'шестьдесят-скала' (в 60 лет [крепок, как] скала?).

3а. Модель "числительное + прилагательное" представлена в антропониме ср.-уйг. *altmuş qara* 'шестьдесят – могучий' (по-видимому, имелось в виду, что отцу ребенка на момент рождения исполнилось 60 лет), см. в трехчленных именах (модели 5) *jetmiş qara ačqy*.

4. Модель "существительное + глагол", реконструированная нами в виде "существительное + основа глагола" (поскольку используемые при этом глагольные формы в древних и современных тюркских языках по большей части не совпадают), представлена в раннетюркских антропонимах предикативным сочетанием "существительное + глагол в форме прошедшего неочевидного времени на *-mıs* безаффиксального 3-го лица ед. числа". К этой временной форме глагола вполне применимы слова А.Н. Самойловича, сказанные по поводу другой формы прошедшего времени изъявительного же наклонения – туркм. *durdy*: "Форма прошедшего категорического в данном случае употребляется, очевидно, в значении будущего с оттенком уверенности, непреложности и даже в значении повелительного наклонения" [Самойлович 1911: 298].

Раннетюркские антропонимы, построенные по данной модели, имеют первым компонентом существительные из антропоцентрической сферы, вторым компонентом – словоформы *turmuş* (глагол *tur-* 'стоять', 'пребывать'), наиболее распространенную, и *toymuş* (глагол *toy-* 'родить', 'родиться'). Примеры: *beg turmuş* 'князем да пребудет', *xan turmuş* 'ханом да пребудет', ср.-уйг. *alp turmuş* 'героем да пребудет'. При нулевой грамматической оформленности именного компонента этих антропонимов с точки зрения "исходной" (для онимизации) синтаксической конструкции приведенные примеры можно рассматривать как составные именные предикативные сочетания; предикативное сочетание с прямым дополнением можно усматривать в среднеуйгурском антропониме *asuɣ bulmuş* 'пользу да найдет'.

Другие примеры – др.-уйг. *er toymuş* 'муж(-воин) родился (да родится)', крх. *aj toldy* 'луна вошла в фазу полноты' – благодаря семантике своих компонентов допускают истолкование их как восходящих к простому двусоставному предложению. Вместе с тем антропоним *aj toldy* (поэма XI в. "Кутадгу билиг") с точки зрения формальной представляет собой разновидность рассматриваемой модели: "существительное + гла-

⁸ Лексикализованное персидское мн. число *erän* [Щербак 1962: 120] в тюркских языках сохраняет значение и функции ед. числа *er* 'муж(-воин)', 'мужчина'.

гол в форме прошедшего категорического времени безаффиксального 3-го лица ед. числа".

Исторически изменялся и обогащался круг грамматических форм тех глаголов, которые используются в качестве постпозитивного компонента сложносоставных имен, расширялся набор как именных компонентов, с которыми сочетаются глагольные компоненты, так и семантический диапазон такой сочетаемости. См., например, в современном киргизском именнике мужские имена *tursun baj*, *tursun bek*, *tursun qul*, *tursun aly* и женские имена *tursun aj*, *tursun bübü*, *tursun güil*, *tursun qan* [Исмаилова и др. 1980: 132].

4а. Модель "существительное + повелительная форма глагола 3-го ед. числа на *-sU(n)*" представлена редкими раннетюркскими антропонимами. Пример: ср.-уйг. *kenč bersü* 'младшего ребенка пусть даст' (обращение к божественным силам), такое толкование допустимо при учете порядка следования компонентов (ср. препозитивное использование *tursun* в киргизском именнике). Отметим, что глагольная модель "*tursun* + арабское личное имя" зафиксирована в "Бабур-наме": *tursun muxammad sultan* БН У: 506 'пусть пребудет Мухаммед султан'.

4б. Модель "причастие на *-mlš* + существительное": препозитивное причастие выступает определением к постпозитивному существительному, см. др.-уйг. *qutadmyš bars* 'достигший блаженства истинного бытия-тигр', др.-уйг. рун. *ozmyš tegin* 'спасшийся-принц' – и. собств. и титул последнего кагана западных тюрков, правившего в 742–755 гг. [ДТС 1969: 375], ср.-уйг. *jyqmyš taz* 'разрушивший-паршивец', ср.-уйг. *turmyš temür* 'ставшее-железо' (пожелание, чтобы нарекаемый до конца жизни оставался крепким, как боевой металл – железо). Иногда причастие-определение является ядерным для причастного оборота, см. трехчленное личное имя, где причастие управляет основным падежом прямого дополнения *el*: ср.-уйг. *el almyš sañun* 'полководец-захвативший-племенной союз' и однотипное имя ср.-уйг. *kün bermiš säñün* 'полководец-давший солнце'.

4в. Модель "причастие на *-mlš* + прилагательное *qara*": ср.-уйг. *qutadmyš qara* 'достигший истинного бытия-могучий'.

5. Помимо двучленных сложносоставных имен в раннетюркской антропонимии имелись также и трехчленные имена. Чаще всего они производились за счет присоединения к "двойному" имени титула, названий должности, профессии, племенной принадлежности, возрастной характеристики нарекаемого; при этом титульная часть обычно находится в постпозиции, другие же характеристики могут попадать и в препозицию, не исключено варьирование. Все это не может не затруднять вычленение моделей трехчленных антропонимов и, собственно, при их индивидуальности такая формализация мало что дает. См. примеры: ен. *aq haš atyq* 'белая-голова-знаменитый', ен. *jaš aq haš* 'молодой-белая-голова', ен. *kök amaš tutuq* 'голубой-амаш-военный правитель области', крх.-уйг. *buğra qara xan/xaqan* 'верблюд (-производитель)-северный-хан/хакан', ср.-уйг. *erk arslan sañun* 'могущество-лев-полководец', крх.-уйг. *toğa alp er ~ alp er toğa* 'леопард-герой-муж (-воин)' ~ 'герой-муж (-воин)-леопард', ср.-уйг. *kenč toғmyš tarqan* 'родившийся-младшим (в семье)-тархан'. Интерес представляют раннетюркские трехчленные имена, в постпозиции или срединном положении которых используется прилагательное *qara*. Примеры: др.-уйг. *qulyč küc qara* 'меч-сила-могучий', ср.-уйг. *jetmiş qara ačqu* 'семьдесят-могучий-аčqu'⁹. Проникновение многозначного прилагательного *qara* 'черный, могучий, северный' и других отдельных прилагательных в постпозицию самых разных моделей раннетюркских личных имен (см. выше 2а, 2б, 3а, 4в) позволяет считать эту конструктивную деталь специфичной для антропонимии древних тюрков. А это

⁹ *ačqu* – имя действия от глагола *ač-* 'открывать', 'завоевывать', 'пролагать'.

позволяет подвергнуть сомнению трактовку имени *baj qara* как глагольного, где компонент *qara* якобы является формой повелительного наклонения безаффиксального 2-го лица ед. числа, а "исходное" значение имени – 'богач, богатый + смотри' > 'родись богатым' [Саттаров 1973: 42]. Из этого примера ясно видна необходимость изучения типов и моделей раннетюркских антропонимов, их практическая польза при интерпретировании современных антропонимов.

Помимо вышеназванных признаков при определении типа тюркских антропонимов существенным является учет еще двух, прежде не изучавшихся факторов. Во-первых, это валентность каждого личного имени (т.е. активно или пассивно употребляется данное имя, распространено ли оно среди носителей общенародного языка или только отдельного его диалекта). Во-вторых, это комбинаторно-позиционные возможности каждого компонента сложносоставного имени (т.е. выступает ли компонент только в инициальной позиции или же только в непервой позиции, или же может употребляться и в той, и в другой позициях). В тюркской антропонимике этим вопросам в целом внимание также не уделялось, лишь в одной работе, оставшейся не замеченной антропонимистами, говорилось о "выявлении структурных типов варьирования антропонимических словосочетаний" в якутском именнике XVIII в. [Скрябина 1980].

Итак, выше были намечены ряды семантических, формальных и комбинаторно-сочетательных признаков тюркских антропонимов. При большой сохранности раннетюркской АС (см. [Благова 1997]) приложение суммы названных признаков к конкретному антропонимическому материалу современных тюркских языков позволит установить различные соединения этих признаков, на основе которых можно будет обрисовать конкретные типы тюркских антропонимов, их отношение к типам раннетюркских личных имен.

В заключение нельзя не упомянуть о существенном пробеле в самой базовой части тюркской антропонимики, а именно – об отсутствии системности и всеохватности при сборе материала. Это сильно затрудняет как сравнительное, так и сравнительно-историческое изучение тюркских личных имен. Речь идет, прежде всего, об отсутствии более или менее полных именников у целого ряда тюркских народов. В таких именниках, о которых 87 лет назад мечтал А.Н. Самойлович [Самойлович 1911: 299], должны быть отражены и архаизмы, и неблагозвучные, может быть, даже "неэстетичные" (по современному восприятию) имена со всеми их структурными вариантами, с учетом позиции, занимаемой каждым компонентом в сложносоставных именах, для любого данного тюркского языка.

Такие именники лучше бы составлять сразу по единой методике, по единым правилам подачи материала с тем, чтобы в разных тюркских языках они были бы сопоставимы друг с другом и между собой. Все это обеспечило бы выход в тюркскую сравнительную антропонимику, а затем и переход к углубленному сравнительно-историческому изучению тюркской антропонимии.

Необходимым условием для детализации типов раннетюркских антропонимов, их соотношения с современными типами, которые предстоит вычленить, является углубление сравнительных и сравнительно-исторических исследований в области тюркской антропонимии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баскаков Н.А. 1947 – Ойротско-русский словарь / Сост. Баскаков Н.А., Тошаква Т.М. М., 1947.
Благова Г.Ф. 1970 – Женские имена в "Бабур-наме" // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970.
Благова Г.Ф. 1982 – Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. М., 1982.
Благова Г.Ф. 1997 – О причинах живучести тюркской антропонимической системы // Вопросы тюркской филологии. Вып. III. М., 1997.
БН У – Указатель собственных имен // Бабур-наме. Ташкент, 1958.
Гордлевский В.А. 1913 – К личной ономастике у османцев // Древности восточные. Т. IV (отд. II). М., 1913.
Гумилев Л.Н. 1967 – Древние тюрки. М., 1967.

- ДПВ – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1955.
- ДТС 1969 – Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Емельянов Н.В. 1990 – Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. М., 1990.
- Жанузаков Т. 1970 – Социально-бытовые мотивы в казахской антропонимии // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970.
- ИО 1977 – Историческая ономастика. М., 1977.
- Исмаилова С.А. и др. 1980 – Личные имена и их варианты в киргизском языке // Вопросы ономастики: Собственные имена в системе языка. [Вып. 14]. Свердловск, 1980.
- ИЭИ 1989 – Имя – Этнос – История. М., 1989.
- Кононов А.Н. 1958 – Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.; Л., 1958.
- Манас 1984 – Манас. Киргизский героический эпос. Кн. I. М., 1984.
- Менажиев Я. и др. 1968 – Исмингизнинг маъноси нима? Тошкент, 1968.
- Самойлович А.Н. 1911 – К вопросу о наречении имени у турецких племен // Живая старина. Год XX. Вып. II. 1911.
- Самойлович А.Н. 1935 – Новые тюркские руны в Монголии. II. // Изв. АН СССР. VII сер. Отд. обществ. наук. 1935. № 7.
- Саттаров Г.Ф. 1973 – Отглагольные антропонимы в татарском языке // Ономастика Поволжья. [Вып. 2]. Горький, 1973.
- Саттаров Г.Ф. 1981 – Татар исемнәре. Казан, 1981.
- СИГТЯ 1984 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984.
- СИГТЯ 1986 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. М., 1986.
- СИГТЯ 1988 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988.
- СИГТЯ 1997 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 1997.
- СИИЯРС 1988 – Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988.
- Скрябина Л.П. 1980 – Личные наименования в документах ясачного сбора XVIII в. на территории Якутии // Вопросы ономастики: Собственные имена в системе языка. [Вып. 14]. Свердловск, 1980.
- СЛИ 1986 – Системы личных имен у народов мира. М., 1986.
- Старостин Б.А. 1974 – О некоторых структурных особенностях собственных имен // Языковая практика и теория языка. Вып. I. М., 1974.
- Топорова Т.В. 1996 – Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996.
- Троцанский В.Ф. 1911 – Опыт систематической программы для собирания сведений о дохристианских верованиях якутов // Живая старина. Год XXX. Вып. II. 1911.
- Трубачев О.Н. 1974 – Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // ВЯ. 1974. № 6.
- Щербак А.М. 1962 – Грамматика староузбекского языка. М.; Л., 1962.
- Gabain A.V. 1962 – Vom Sinn symbolischer Farbenbezeichnung // AO Hung. Budapest. T. XV. Fasc. 1–3. 1962.
- Houtsma M.Th. 1894 – Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894.
- Rásonyi L. 1953 – Sur quelques catégories de noms de personnes en turc // AL Hung. T. III. Fasc. 3–4. 1953.
- Rásonyi L. 1961 – Les noms de nombre dans l'anthroponomie turque // AO Hung. T. XII. Fasc. 1–3. 1961.
- Rásonyi L. 1962 – Les noms de personnes impératifs chez les peuples turques // AO Hung. T. XV. Fasc. 1–3. 1962.
- Rásonyi L. 1964 – Der Frauenname bei den Türkvölkern // UAJb. Bd. XXXIV. Hf. 3–4. 1964.
- Tryjarski E. 1995 – In confinibus Turcarum. Szkice Turkologiczne. Warszawa, 1995.

Технический редактор О.Н. Писункина

Служба доставки: Москва, ул. Б. Садовая, д. 12/13, стр. 1, 1-й этаж, телефон 201-74-42

Адрес: Москва, ул. Б. Садовая, д. 12/13, стр. 1, 1-й этаж, телефон 201-74-42

Dedicated to the memory of G.A. Klimov: Ya. G. T e s t e l e c (Moscow). Georgij Andreevič Klimov: an excerpt from Introduction to kartvelistics; G.A. K l i m o v. A fragment of the unfinished monograph "A sketch of comparative grammar of the Kartvelian languages (from the section "Phonetics"); M.E. A l e k s e e v (Moscow). Problems of general and Caucasian linguistics in the works of G.A. Klimov; M. A l i n e i (Florence). G.A. Klimov's role in the Linguistic Atlas of Europe; T.V. G a m k r e l i d z e (Tbilisi). Proto-language reconstruction and prerequisites for comparative-genetic linguistics; Ya.G. T e s t e l e c, S. Y u. T o l d o v a (Moscow). Reflexive pronouns in the Daghestan languages and typology of the reflexives; G.H. I b r a g h i m o v (Makhachkala). The category of aspect in the Daghestan languages; M.Sh. H a l i l o v (Makhachkala). Chronological stratification of Georgian lexical elements in the Daghestan languages; E.Yu. K a l i n i n a (Moscow). Delimitation of finite and non-finite verbal forms from a typological point of view; K.I. K a z e n i n (Moscow). Nominal modifiers in Tsakhur and locality constraints in syntax; D. B u y a n e r (Israel). On the mediaeval Caucasian toponym *Varsan* and its preliminary localisation; V. Č i r i k b a (The Netherlands / Abkhazia). On the Abkhasian loans in the Megrel language; V.G. G a k, N.Z. D o n a d z e (Moscow). The names of the son-in-law according to materials of the Linguistic Atlas of Europe; M.M. M a k o v s k i j (Moscow). Metamorphoses of the word (taboo markers in Indo-European); G.F. B l a g o v a (Moscow). Types of early Turkic anthroponyms.

Также упомянуты работы по составлению связи по славянским материалам по славянским материалам, подачу материалов с тем, чтобы в разных тюркских языках они были бы составными друг с другом и между собой. Все это объяснено тем, всегда в тюркскую сравнительную антропониимику, а затем и переход к языко-историческому сравнительно-историческому изучению тюркской антропониимии.

Необходимым условием для детализации типов ранне-тюркских антропониимов, их соотношения с современными типами, которые предстоит мысленно, является углубление сравнительно-технический редактор О.Н. Никитина

Сдано в набор 29.04.98 Подписано к печати 26.06.98 Формат бумаги 70 × 100 1/16
 Офсетная печать Усл.печ.л. 15,6 Усл.кр.-отт. 23,1 тыс. Уч.-изд.л. 18,8 Бум.л. 6,0
 Тираж 1460 экз. Зак. 3672

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
 телефон 201-74-42

Отпечатано в типографии "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6